РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Сборник научных статей

Душанбе – 2019

УДК 327(470:574/575) (063)
ГРНТИ № Р 76

Стратегические ориентиры политики государств Центральной Евразии в условиях глобализации и регионализации: сборник научных статей. – Душанбе: РТСУ, 2019. –370с.

Ответственный редактор: Г.М.Майтдинова – директор ЦГИ РТСУ, доктор исторических наук, профессор РТСУ
Рецензенты: К.И.Искандаров – доктор исторических наук
О.М.Шарапов – кандидат политических наук

Редакционная коллегия:
Х. Д. Шамбезода – проректор по науке и инновациям, доктор филологических наук, профессор РТСУ
Г. М. Майтдинова – директор ЦГИ РТСУ, доктор исторических наук, профессор РТСУ
Н. И. Каримова – начальник отдела науки и инноваций, кандидат филологических наук, доцент РТСУ
Р.В.Баратова – редактор, кандидат филологических наук

В сборнике представлены оценки промежуточных итогов реализации Стратегий развития новых государств Центральной Евразии, их векторов и особенностей реализации в странах региона. В работах экспертов рассмотрены модели интеграции и потенциалы их развития в условиях регионализации Центральной Евразии, проблемы взаимодействия государств региона с внешними акторами, вопросы обеспечения региональной безопасности в рамках интеграционных организаций, уделяется также внимание информационным аспектам обеспечения стабильности и стратегиям противодействия технологиям гибридных войн. Анализируя особенности экономического и социокультурного взаимодействия новых государств в Центральной Евразии в условиях регионализации и глобализации, авторы не обходят вниманием внутриполитические проблемы постсоветской Азии и Афганистана. Важное место в исследованиях ученых заняли гуманитарные аспекты взаимодействия государств региона.

Сборник предназначен для специалистов внешнеполитических ведомств, исследователей проблем международных отношений, регионоведения, политологии, истории, культурологии и для всех, кто интересуется вопросами международных отношений и зарубежного регионоведения.

Рекомендовано к печати РИС РТСУ

ЦГИ РТСУ не несет ответственности за мнения и оценки экспертов, высказанные в данном издании.

©Центр геополитических исследований Российско-Таджикского (Славянского) университета – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Предисловие 5
Салихов Н.Н. Политико-правовые аспекты информационной политики и информационной безопасности в Республике Таджикистан: современные реалии и перспективы 8
Холикназар Х. Индустриализация Таджикистана – четвертый приоритет для страны 36
Саидмуродов Л.Х. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года: стратегические ориентиры, подходы и направления реализации 43
Ниёзи Ё.Б., Мирзоев Н.М. Интеграция стран Центральной Азии: проблемы и перспективы 51
Нуриддинов Р.Ш. Динамика внешней политики Республики Таджикистан в изменяющемся мире 61
Илолов М., Каримова С.М. О перспективах развития возобновляемой энергетики в Центральной Азии 73
Валаматзаде Т.Г. Комплексный подход в реализации энергетической стратегии Таджикистана 78
Умаров Х.У. Современные представления об устойчивом развитии 88
Файзуллоев М.К., Шарбатов Б.Дж. Особенности реализации региональной социально-экономической политики в условиях модернизации 112
Майтдинова Г.М. Влияние геополитических факторов на реализацию национальной стратегии развития Таджикистан – 2030 126
Суюнбаев М.Н., Узбеков Д.С. Центральная Евразия: от эпицентра к кювету глобализации 143
Сангинов Н.Н. Перспективы прогнозирования «гибридных войн» на постсоветском (центральноазиатском) пространстве 153
Комлева Н.А. Гибридная война: специфика, акторы, основные технологии (на примере Центральной Азии) 158
Дубовицкий В.В. Геополитические критерии в региональной интеграции стран Центральной Евразии 166
Дереникьян А.С. Трансформация вызовов и угроз безопасности в Центральной Азии: потенциал и возможности их нейтрализации 171
Латифов Д.Л. Перспективы сотрудничества государств Центральной Азии с Европейским Союзом в контексте обстановки в Афганистане. 175
Искандаров А.И., Сафранчук И.А. Радикалы с центральноазиатскими корнями в «глобальном джихаде» и в экстремистской деятельности в Центральной Азии 182
Саидов Х.С. Стратегические внешнеполитические ориентиры Правительства национального единства (ПНЕ) Афганистана: целы, подходы, векторы 195
Искандаров К.И. Военно-политическая ситуация в Афганистане и проблемы миссии Залмая Халилзода по выводу мирного процесса из тупика 207
Абулов Г.Ш. Геополитическое влияние радикального экстремизма в странах Ближнего Востока на государства Центральной Евразии 217
Мирвайсов М.С. Политика противодействия Таджикистана угрозе использования информационных технологий в процессе вовлечения молодежи в ряды радикальных организаций 220
Майтдинова Г.М. Сетевые угрозы и вызовы национальной безопасности государств Центральной Азии: характер, инструменты и стратегия противодействия 229

Ульмасов Р.У. Новая миграционная политика Российской Федерации и ее влияние на миграционный процесс в Таджикистане 237
Низами А. Культура Центральной Азии: духовные ценности как фактор воспитания толерантности 246
Ксенц А.С. Ускоренное развитие кадрового потенциала новых государств Центральной Азии как ключевое условие их успеха в условиях глобальной трансформации системы международных отношений 257
Тешебаева А.А. Культурное развитие народов Центральной Евразии: ислам и советские принципы светского государства 265
Аляутдинов Р. Общественная безопасность евразийских стран: просвещение молодежи и современные медийные технологии 271
Ризоен Ш. Формирование «мягкой силы» во внешней политике Республики Таджикистан 277
Бабаджанова М.М. Культурное наследие и глобализация 282
Шарапов О.М. Приоритеты и перспективы развития внешней политики Республики Таджикистан в системе интеграционных процессов на постсоветском пространстве 290
Коваленко Г.В. Внешняя политика государств постсоветской Центральной Азии в контексте глобальных процессов 297
Курбонова З.М. Таджикско-узбекские отношения в новом аспекте геополитического измерения 308
Арабова Ш.М. Основные принципы внутренней и внешней политики Индии и их отражение в кинематографе (опыт для Центральной Азии)..... 314
Хидоятзода К.Д. Влияние России и Китая на формирование нового порядка в Центральной Азии 326
Разыкова А.Б. Влияние международных миротворческих сил на политические процессы в Таджикистане и Афганистане 334
Хошимов Ф.Д. Роль народной дипломатии в российско-таджикских отношениях 345
Яо Цзин Цзин. Китай и Пакистан в геополитической динамике Южной Азии в середине второго десятилетия XXI века 354

ПРЕДИСЛОВИЕ

В условиях усиления глобализации и регионализации мира все более заметно происходят перемены в системе геополитических отношений Центральной Азии. В Центральноазиатском регионе упрочилась государственность новых акторов, что способствовало появлению здесь тенденций к более тесному региональному сотрудничеству. Активизировалось межправительственное взаимодействие Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана по разрешению актуальных межгосударственных проблем и налаживанию стратегического сотрудничества с учетом новых вызовов.

Укрепление новой подсистемы международных отношений в Центральной Азии поставило перед центральноазиатскими государствами задачу обновления внешнеполитических векторов, которые способствовали бы реализации национальных интересов и сохранению стабильности. Страны Центральной Азии уже втянуты в глобализационные процессы, и в то же время здесь идет активный диалог по укреплению региональной интеграции. В свете новых вызовов и угроз региональной безопасности в Центральной Азии постепенно усиливается диалог между Таджикистаном, Узбекистаном, Кыргызстаном, Казахстаном, Туркменистаном, Афганистаном, а также с внешними акторами по проблемам региональной безопасности. Новые государства активизировали двустороннее и многостороннее сотрудничество по урегулированию межгосударственных актуальных проблем и взяли курс на налаживание стратегического сотрудничества в новых геополитических реалиях. В принятой Генеральной Ассамблеей ООН в конце июня 2018 года резолюции "Укрепление регионального и международного сотрудничества по обеспечению мира, стабильности и устойчивого развития в Центральноазиатском регионе" впервые зафиксирована консолидированная позиция на глобальном уровне всех пяти государств Центральной Азии по основным проблемам региона. Глобальные водные инициативы Таджикистана об объявлении 2018 - 2028 гг. международным десятилетием «Вода для устойчивого развития», принятие соответствующей резолюции ООН будут способствовать устойчивому развитию и решению проблем, связанных с

водными ресурсами во всем мире. 22 марта 2018 года в Международный день водных ресурсов с участием Главы Таджикистана на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций официально началось исполнение четвертой мировой таджикской инициативы в сфере воды – «Международное десятилетие действия «Вода для устойчивого развития, 2018-2028 годы».

В этой геополитической обстановке Таджикистан приступил к реализации своей второй стратегии развития государства. В 2016 году в Таджикистане была принята Национальная стратегия развития на период до 2030 года (НСР-2030) в соответствии с долгосрочными целями и приоритетами развития страны. Кроме того, НСР-2030 учитывались международные обязательства Республики Таджикистан по Повестке дня на XXI век и Целям устойчивого развития (ЦУР), одобренные 70-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2015 года. 26 ноября 2018 года Основоположник мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон в своем обращении к парламенту страны подчеркнул важность ускоренной индустриализации страны, объявив ее четвертой национальной целью. Президент Таджикистана подчеркнул, что страна вышла из коммуникационного тупика и тем самым осуществилась вторая стратегическая цель государства.

Внешнеполитическая активность Таджикистана по-прежнему будет связана с задачей реализации стратегических задач страны для защиты своих национальных интересов, а также проблемой обеспечения национальной и региональной безопасности. Президент Таджикистана в своем обращении к парламенту подчеркнул необходимость активизации долгосрочного созидательного сотрудничества таджикского государства со странами Центральноазиатского региона и другими традиционными партнёрами. Стратегическими партнерами Таджикистана в настоящее время на международной арене являются Россия, Казахстан, Китай и Узбекистан, но при этом более высокий уровень взаимодействия существует между союзниками Таджикистана – Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Белоруссией, Арменией в рамках ОДКБ.

Между тем, международная ситуация в Центральной Евразии в настоящее время характеризуется определенной сложностью. Вы-

зывают тревогу возможность обострения ситуации в Афганистане и непредсказуемость его политического будущего. В этих условиях не исключена активизация деятельности террористических оппозиционных групп, представляющих реальную угрозу для безопасности Таджикистана и других государств Евразии. Государства Центральной Евразии могут оказаться на «переднем крае защиты» Центральной Евразии, что ставит под угрозу реализацию национальных стратегий развития.

В предлагаемом сборнике научных статей экспертов дается анализ стратегий развития новых государств Центральной Евразии, их векторов и особенностей реализации в странах региона. В работах исследователей рассмотрены модели интеграции и потенциалы их развития в условиях регионализации Центральной Евразии, проблемы взаимодействия государств региона с внешними акторами, обеспечения региональной безопасности в рамках интеграционных организаций, уделяется также внимание информационным аспектам обеспечения стабильности и стратегиям противодействия технологиям гибридных войн. Экспертные оценки ряда авторов посвящены специфике экономического и социокультурного взаимодействия новых государств в Центральноазиатском регионе в условиях регионализации и глобализации. Мы надеемся, что предлагаемый сборник научных статей аналитиков будет содействовать практическому решению актуальных задач регионального развития и сохранению стабильности в Центральной Азии.

Салихов Нурали Назарович - ректор Российско-Таджикского (Славянского) университета, доктор филологических наук, профессор

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Салихов Нурали Назарович
Доктор филологических наук, профессор, ректор
Российско-Таджикского (Славянского) университета

Законодательство РТ в области информационной политики и информационной безопасности содержит положения, на основе которых строится современная государственная политика, и раскрывает современные информационные угрозы в Республике Таджикистан в различных сферах. Информационная политика и деятельность средств массовой информации Республики Таджикистан осуществляются на государственном языке и на других языках в соответствии с Конституцией Республики Таджикистан и законодательством страны. Государство обеспечивает право граждан Республики Таджикистан на использование родного языка и других языков народов республики при получении и распространении массовой информации[1].

Республика Таджикистан за годы своей независимости не раз становилась объектом информационных угроз и кибератак. Особенно интенсивно информационные атаки и информационные войны начали использоваться по отношению к внутренней и внешней политике РТ на современном этапе. Следующие политико-правовые законодательно-нормативные акты в области информационной политики, информационной безопасности и в сфере СМИ дают возможность осуществлять полноценную правовую и свободную деятельность на территории Республики Таджикистан: Закон Республики Таджикистан "О печати и других средствах массовой информации" был принят 14 декабря 1990 года (с изменениями от 22.04.1992 г., 14.12.1992 г., 1.02.1996 г., 12.12.1997 г., 11.12.1999 г.,

[1] Законодательная база СМИ Республики Таджикистан. URL: http://joиг.ЬoЬго4oЬго.ги/7000

10.05.2002 г.,), Закон "О защите информации" – 2 декабря 2002 года№71, Программа обеспечения информационной безопасности Республики Таджикистан, разработанная в соответствии с Указом Президента Республики Таджикистан, – 7 ноября 2003 года №1175 "О Концепции информационной безопасности Республики Таджикистан", Закон Республики Таджикистан "Об информатизации" – 26 декабря 2005 года №124, Программа по реализации Концепции государственной информационной политики Республики Таджикистан, утверждённой Постановлением Правительства Республики Таджикистан – 28 мая 2009 года №307.

В целом, согласно данным мониторинга Национальной ассоциации независимых СМИ Таджикистана со ссылкой на Министерство культуры, в стране в 2015 году было зарегистрировано 515 газет, журналов и информационных агентств, в том числе 330 газет, из числа которых 125 – государственных и 205 – частных и общественных, 174 – журнала, 11 информационных агентств, только одно из которых является государственным[1].

В Таджикистане действуют три радиостанции (2002 год) – АМ 8, FM 10, УКВ 2; 13 телеканалов (2001 год). В стране работают более 30 телевизионных станций (преимущественно развлекательных)[2]. В последние годы немногочисленные независимые средства массовой информации постепенно стали диверсифицировать свою деятельность. Так, агентство новостей Азия-Плюс имеет газету того же названия и радиостанцию в Душанбе. В городе Худжанде действуют относительно активные средства массовой информации.

Интернет, как вид СМИ, появился в Таджикистане в 1994г. с образованием акционерной телекоммуникационной компании "Телеком-Технолоджи", действующей на основании лицензии Министерства связи РТ. Пользователям были предоставлены услуги по доступу к сети Интернет, услуги электронной почты, веб-дизайна, IP-телефонии. К июню 2002 г. упомянутым интернет- провайдером зарегистрировано 146300 посещений со всего мира, а информационный портал "Таджикистан" посетили 32900 человек.

[1] Хуррамов Х. Государство продолжает игнорировать проблемы СМИ в Таджикистане. URL: https://cabar.asia/ru/hursand-hurramov-gosudarstvo-prodolzhaet-ignorirovat-problemy-smi-v-tadzhikistane/

[2] Положение и роль СМИ. URL: http://www.hyno.ru/tom2/1489.html

На июнь 2000г., по данным "Телеком-Технолоджи", пользователями Интернет являлись чуть более 400 человек. В целях расширения интернет-услуг компания приступила к созданию сети интернет-кафе, первое из которых было открыто в Душанбе 19 июня 2000г. К марту 2003 г. в Таджикистане работало уже четыре компании-провайдера: Babilon-T, Telecomm-Technology и Таджиктелеком. Зона распространения Интернета охватывала только двенадцать крупных городов, в которых проживало менее трети населения республики. Жители Горного Бадахшана и Хатлонской области, за исключением города Курган-Тюбе, не имели доступа к мировой информационной системе вообще. Точных данных о количестве пользователей Интернета в Таджикистане не имелось, однако, по некоторым подсчетам, в шестимиллионной республике на март 2003г. их было не более 11 тысяч человек[1]. А интернет-связь появилась в декабре 1998 года. Первой её стала предоставлять национальная компания "Telecomm Technology". Компания внедрила интернет-связь в наиболее крупном промышленно развитом регионе республики – Согдийской (бывшей Ленинабадской) области, а также в городе Чкаловске, в городе Ура-Тюбе. Помимо компании "Telecomm Technology", интернет-провайдерами в городе Душанбе являлись компании "Таджиктелеком", "Вавилон-Т" и "Интерком". По оценкам правительства, уже в 2007 году в стране более 1 миллиона жителей имели доступ к интернету[2].

В марте 2003 г. появляется первая таджикская Интернет-газета на русском и таджикском языках. В начале 2006г. сайты на русском языке имели уже двенадцать республиканских газет (в том числе и таджикоязычных) и информационных агентств. Среди них: "Курьер Таджикистана", "Народная газета", "Вечерний Душанбе", "Неруи сухан", "Бизнес и политика", "Джумхурият", "Минбари халк", "Чархи гардун", "Точикистон", "Asia-plus", агентства "Ховар", "Авеста", "Вароруд" и таджикское телевидение. Говоря об Интернет-сайтах РТ, можно отметить, что наиболее информационно наполненными из них являются именно сайты информационных агентств. В республике было зарегистрировано десять информаци-

[1] Дубовицкая И.М. Русский язык в СМИ Таджикистана. Печатные русскоязычные средства массовой информации Республики Таджикистана. URL: https://www.proza.ru/2011/03/15/571
[2] Положение и роль СМИ. URL: http://www.hyno.ru/tom2/1489.html

онных агентств и центров. Это национальное Агентство "Ховар", "Asia-plus", "Вароруд", "Информкон", "Интер-пресс-сервис", "Авеста", "AIR OCEAN", Информцентр г.Курган-Тюбе, научно-аналитическое и информационное агентство "Мизон", независимое агентство новости Таджикистана "НАНТ". К числу ведущих информационных агентств РТ можно отнести такие агентства, как: "Asia-plus", НИАТ "Ховар" и "Вароруд"[1].

Законодательство Республики Таджикистан в области информационной политики и деятельности СМИ состоит из конституционных норм, законов и подзаконных актов. Работа в этой области регулируется следующими нормативно-правовыми актами: Конституцией (Основной закон) Республики Таджикистан, Законом РТ "О печати и других средствах массовой информации", Законом РТ "О телевидении и радиовещании", Законом РТ "Об издательском деле", Законом РТ "Об информации", Законом РТ "Об информатизации", Законом РТ " О защите информации", Законом РТ "Об авторском праве и смежных правах", Законом РТ "О государственной тайне", Законом РТ "О перечне сведений, составляющих государственную тайну", Законом РТ "О рекламе", Законом РТ "Об электронном документе", Законом РТ "О праве на доступ к информации", Гражданским кодексом, Уголовным кодексом, Кодексом об административных правонарушениях и ряд других подзаконных документах[2]. Два законодательных документа основополагающими в этой сфере, которые определяют современную информационную политику и информационную безопасность в Республике Таджикистан, являются Концепция государственной информационной политики Республики Таджикистана, которая была утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 30 апреля 2008 года за №451, и Концепция информационной безопасности Республики Таджикистан, которая утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 7 ноября 2003 года за №1175. Государственная информационная политика Республики Таджикистан, как составная часть внешней и внутренней государственной политики Республики Таджикистан, определяет область деятельности органов госу-

[1] Дубовицкая И.М. Русский язык в СМИ Таджикистана. Печатные русскоязычные средства массовой информации Республики Таджикистана. URL: https://www.proza.ru/2011/03/15/571

[2] Законодательная база СМИ Республики Таджикистан. URL: http://jour.bobrodobro.ru/7000

дарственной власти и управления в информационной сфере. Концепция государственной информационной политики Республики Таджикистан является системой официальных взглядов государства на цели, задачи, принципы и основные направления деятельности в информационной сфере. Концепция определяет цели, задачи и объекты государственной информационной политики, основные направления и механизмы её реализации по обеспечению политического, социально-экономического и культурного развития Республики Таджикистан, формирования и повышения международного имиджа Республики Таджикистан в ближайшей перспективе. Концепция призвана обеспечить эффективное государственное управление путём внедрения современных информационно-аналитических технологий поддержки принятия управленческих решений, устойчивое экономическое развитие, приоритетность государственных интересов и национальной безопасности[1].

Объектами информационной политики являются информационные общественные отношения или отношения между субъектами, осуществляющими сбор, формирование, анализ, распространение и использование информации в интересах личности, общества и государства, то есть печатные и электронные средства массовой информации, информационное право и информационная безопасность. Субъектами информационной политики являются юридические (органы государственной власти и управления, органы местного самоуправления, общественные объединения, владельцы средств массовой информации и другие), физические лица и государство. Согласно Концепции, стратегическими направлениями государственной информационной политики являются:

- создание, развитие и обеспечение безопасности государственных информационных ресурсов;
- широкое применение информационных технологий в государственном управлении, управлении социальными, экономическими и другими системами;
- создание, поддержка и совершенствование информационного имиджа Таджикистана путём эффективного использования инфор-

[1] Концепция государственной информационной политики Республики Таджикистан. Утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 30 апреля 2008 года №451 // President.tj. URL: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=12904/. С.1.

мационных технологий;

- защита информационных интересов государства, обеспечение информационной' безопасности государства, защита от информационных экспансий, угроз и других акций, их устранение;
- вхождение в мировое информационное сообщество.

В Концепции приоритетными государственными задачами по её реализации определены:

- создание эффективного механизма и совершенствование государственного управления информационными ресурсами;
- обеспечение общественных и личных информационных потребностей;
- создание информационных основ устойчивого и стабильного общественного развития Республики Таджикистан.

Решение приоритетных задач государственной информационной политики достигается путём:

- информатизации структур органов государственной власти, организаций, учреждений, предприятий независимо от формы собственности;
- эффективного формирования и использования государственных информационных ресурсов и обеспечения широкого, свободного доступа к ним, обеспечения граждан общественно значимой информацией;
- развития независимых, социально ориентированных средств массовой информации;
- совершенствования нормативной правовой базы построения информационного общества[1].

На основе сложившейся ситуации, перечисленных концептуальных положений и с учётом накопленного в этой области опыта первоочередными мерами государственной информационной политики в этом аспекте определены:

- учреждение, с учётом проводимой реформы системы государственного управления, единого органа государственного управления по регулированию деятельности печати, телевидения и радиовещания, массовой коммуникации;

[1] Концепция государственной информационной политики Республики Таджикистан.

- принятие и реализация Программы полного охвата населения Республики Таджикистан программами республиканского и местного государственного телевидения и радио;
- недопущение подчинения средств массовой информации конъюнктурным интересам власти, бизнеса, группе лиц и возможностей их влияния на средства массовой информации (прямой нажим, снабжения средств массовой информации неполной, неопределённой, искажённой или ложной информацией, откровенной дезинформацией, пресечение усиления конъюнктурного влияний на средства массовой информации и так далее);
- совершенствование законодательства в части гарантий свободы слова и информации, свободного распространения массовой информации, недопущение пропаганды насилия и нетерпимости через средства массовой информации, обеспечение плюрализма в средствах массовой информации, доступа к официальной информации, ориентирование средств массовой информации на базовые принципы информационной политики;
- недопущение превращения средств массовой информации в оружие предвзятого применения технологий информационного воздействия на население, перепрограммирования человека, его духовного растления и морального разложения, пресечение информационного манипулирования, формирующего мещанские, нигилистические и другие неприемлемые таджикскому обществу чувства;
- противостояние и устранение информационно-психологической, информационно-культурной агрессии, экспансии и других угрожающих акций;
- создание организационных, правовых, экономических и технологических условий для эффективного выполнения средствами массовой информации функции объективного информирования населения, социальных институтов и государства;
- правовое регулирование ответственности за правонарушения в информационной
- сфере;
- выработка правовых, экономических и организационных мер, обеспечивающих в деятельности средства массовой информации баланс интересов государства, общества и личности;

- решение вопросов деятельности республиканских и местных государственных средств массовой информации, выработка позиции по отношению к неправительственным средствам массовой информации;
- обеспечение правовой коррекции существующего законодательства в области печати и средств массовой информации адекватно меняющимся политическим, экономическим и социальным условиям;
- строгое соблюдение лексических норм государственного языка, недопущение их нарушения, привитие уважения к нему в средствах массовой информации[1].

В Концепции указано, что в интересах совершенствования деятельности органов государственной власти и управления Республики Таджикистан по противодействию акциям информационно-психологической агрессии и операциям информационно-психологической воздействия целесообразны:

- формирование скоординированной информационной политики органов государственной власти;
- непосредственное доведение общественно значимой информации до населения через каналы средств массовой информации для повышения доверия населения к власти и предотвращения манипуляции общественным мнением в отношении власти через неправительственные или иные средства массовой информации;
- адаптация настоящей Концепции, формирование информационного общества к условиям динамичного и, порой, труднопредсказуемого воздействия современных факторов геополитической конкуренции, глобализации и острых форм информационного противоборства.

В Концепции отмечается, что, «учитывая высокий уровень религиозности населения Таджикистана, следует освободить и защитить внутренний информационный рынок от экстремистской, ровно и низко идейной печатной, видео- и аудиопродукции, пропагандирующей и вызывающей насилие, радикализм, фанатизм и другие негативные и несвойственные менталитету населения Республики Таджикистан чувства, нацеленной на раскол общества по нацио-

[1] Концепция государственной информационной политики Республики Таджикистан.

нальному, религиозному или другим признакам.» В последние годы использования СМИ и современных информационных технологий в целях радикализации общества, а также вовлечения молодёжи в ряды радикальны, экстремистских организаций повысилось. Об этом свидетельствуют данные правоохранительных и силовых структур Республики Таджикистан. В Концепции особое внимание также уделено защите «отечественного информационного рынка от преднамеренно импортируемой низкохудожественной печатной продукции, в том числе порнографической, угрожающей нравственно-идеологическим устоям таджикского общества»[1]. Концепция государственной информационной политики Республики Таджикистан предполагает также разработку, принятие и реализацию программы информационно-имиджевой политики государства. Наиболее действенным и эффективным средством создания позитивного имиджа государства и его обеспечения являются печать и средства массовой информации. Периодическая печать, радио, телевидение, ресурсы веб-пространства, в совокупности составляющие важнейший социальный институт, в силу своей массовости, тиражируемости, периодичности и пополняемости, обладают широкими возможностями и силой воздействия на формирование общественного мнения и сознания, и поэтому этот институт должен служить главным инструментом реализации информационно-имиджевой политики государства.

Для реализации государственной информационно-имиджевой политики Республики Таджикистан необходимы:

- создание единого центра, ответственного за координацию деятельности органов государственной власти и управления, средств массовой информации по информационной поддержке реализации информационно-имиджевой политики. По опыту развитых стран, такой центр целесообразно создать путём укрепления потенциала соответствующей структуры Исполнительного аппарата Президента Республики Таджикистан;
- создание массовой, доступной по цене ежедневной газеты на таджикском и других языках (в соответствии с потребностью общества);

[1] Концепция государственной информационной политики Республики Таджикистан.

• широкое использование интерактивных возможностей местных, региональных и глобальных сетей для расширения информационного пространства;

• организация в глобальных и региональных сетях онлайн присутствия, видео-, аудио - и веб-конференций, изучения общественного мнения, публикации материалов;

• обеспечение доступности средств массовой информации для граждан путём организации выпуска информативных и качественных газет и снижения услуг почты по доставке;

• разработка и совершенствование средств создания и трансляции имиджа, то есть набора рекламных, политических и пиар-технологий разработки концепции информационно-имиджевой политики для инокультурных аудиторий с учётом особенностей и типов национальных культур[1].

Имидж государства, как известно, формируется в результате систематической и планомерной деятельности, фокусирующей и консолидирующей усилия органов государственной власти и управления, средств массовой информации, научного сообщества, общественных объединений, политических и коммерческих кругов. Наиболее действенным и эффективным средством создания имиджа и его обеспечения являются средства массовой информации, а также кинематограф. Поэтому периодическая печать, радио, телевидение, кино, ресурсы веб-пространства, в совокупности составляющие важнейший социальный институт, призваны служить основным инструментом для реализации информационно-имиджевой политики государства[2]. Для успешной реализации государственной информационно-имиджевой политики в Республике Таджикистан создана информационная система, предназначенная для формирования и утверждения положительного имиджа Таджикистана в русско- (англо) язычном медиапространстве. Формирование информационной системы для создания позитивного имиджа Таджикистана в глазах мирового сообщества потребовало создания единой, хорошо отлаженной системы поставщиков массовой информации. Ве-

[1] Там же.

[2] Назаршоева С.Ф. Политика Республики Таджикистан по формированию международного имиджа страны и особенности его восприятия в России. URL: http://ashpi.asu.ru/ic/?p=4308

дущим национальным учреждением в этой области является информационное агентство "Ховар", центральный государственный информационный орган при Правительстве Республики. Деятельность этого информационного агентства направлена не только на республиканскую, но и на зарубежную аудиторию. Основными задачами агентства являются сбор и предоставление информации средствам массовой информации, государственным органам и организациям, другим учреждениям, общественным организациям, а также частным лицам. НИАТ "Ховар" распространяет официальные заявления, комментарии и сообщения по наиболее важным вопросам внутренней и внешней политики, оценке социально-политических и других событий регионального и международного характера. Деятельность НИАТ "Ховар" осуществляется на шести языках – таджикском, фарси, русском, английском, арабском и узбекском, что ведёт к увеличению числа его подписчиков. Информационные материалы Агентства используют радио и телевидение Таджикистана, правительственные и партийные газеты, ряд негосударственных изданий республики, а также министерства, ведомства, предприятия, учреждения, местные органы власти, международные организации, посольства зарубежных стран, аккредитованные в республике. В настоящее время существуют соглашения о сотрудничестве с информационными агентствами Синьхуа (Китай), РИА Новости, ИТАР-ТАСС, ВВС Мониторинг, АПП (Пакистан), а также с информационными агентствами некоторых арабских государств и Центральной Азии. НИАТ "Ховар" входит в Ассоциацию национальных информационных агентств стран СНГ. Тем не менее, с точки зрения высоких требований к повышению уровня внешнеполитической пропаганды в условиях независимости и с учётом необходимости создания полноценной информационной деятельности суверенного государства в этой сфере, у Республики Таджикистан по-прежнему есть ещё колоссальные неиспользованные возможности[1].

В Концепции информационной безопасности Республики Таджикистан нашли отражение политика РТ в области обеспечения информационной безопасности, виды угроз информационной без-

[1] Там же.

опасности, угрозы информационному обеспечению государственной политики Республики Таджикистан, внешние и внутренние источники угроз национальной информационной безопасности, угрозы безопасности информационных и телекоммуникационных средств и систем, основные мероприятия в области обеспечения информационной безопасности Республики Таджикистан в сфере внутренней и внешней политики. Из 12 выделенных угроз в Концепции информационной безопасности на современном этапе можно выделить 4 основные угрозы, в частности такие, как: угрозы конституционным правам и свободам человека и гражданина в области духовной жизни и информационной деятельности, индивидуальному, групповому и общественному сознанию, духовному возрождению Республики Таджикистан; противоправное применение специальных средств воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание; девальвация духовных ценностей, пропаганда образцов массовой культуры, основанных на культе насилия, на духовных и нравственных ценностях, противоречащих ценностям, принятым в таджикском обществе; снижение духовного, нравственного и творческого потенциала населения Таджикистана; манипулирование информацией (дезинформация, сокрытие или искажение информации). Кроме того, в Концепции определены следующие виды угроз информационной безопасности Республики Таджикистан:

- угрозы конституционным правам и свободам человека и гражданина в области духовной жизни и информационной деятельности, индивидуальному, групповому и общественному сознанию, духовному возрождению Республики Таджикистан;
- угрозы созданию отечественной индустрии информации, включая индустрию средств информатизации, телекоммуникации и связи, обеспечению потребностей внутреннего рынка, а также обеспечению накопления, сохранности и эффективного использования отечественных информационных ресурсов;
- угрозы безопасности информационных и телекоммуникационных средств и систем, как уже развёрнутых, так и создаваемых на территории республики[1].

[1] Концепция информационной безопасности Республики Таджикистан.

Такими угрозами могут являться:

- принятие органами государственной власти и управления нормативных правовых актов, ущемляющих конституционные права и свободы граждан в области духовной жизни и информационной деятельности;
- создание монополий на формирование, получение и распространение информации в Республике Таджикистан, в том числе с использованием телекоммуникационных систем;
- нерациональное чрезмерное ограничение доступа к общественно необходимой информации;
- противоправное применение специальных средств воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание;
- неисполнение органами государственной власти и управления организациями и гражданами требований законодательства, регулирующего, отношения в информационной сфере;
- неправомерное ограничение доступа граждан к открытым информационным ресурсам органов государственной власти и управления Республики Таджикистан, к открытым архивным материалам, к другой открытой социально значимой информации;
- дезорганизация и разрушение системы накопления и сохранения культурных ценностей, включая архивы;
- нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина в области массовой информации;
- вытеснение таджикских информационных агентств, средств массовой информации с внутреннего информационного рынка и усиление зависимости духовной, экономической и политической сфер общественной жизни республики от зарубежных информационных структур;
- девальвация духовных ценностей, пропаганда образцов массовой культуры, основанных на культе насилия, на духовных и нравственных ценностях, противоречащих ценностям, принятым в таджикском обществе;
- снижение духовного, нравственного и творческого потенциала населения Таджикистана, что существенно осложняет подготовку трудовых ресурсов для внедрения и использования новейших технологий, в том числе информационных;

• манипулирование информацией (дезинформация, сокрытие или искажение информации).

Наиболее опасной киберугрозой является использование современных информационных и интернет-технологий в вербовке молодёжи в ряды террористических и экстремистских организаций, а также сильнейшая радикальная религиозная пропаганда и противопоставление основным мировым религиям и их канонам среди активной части населения всех стран Евразийского пространства, в частности государств Центральной Азии. Угрозами информационному обеспечению государственной политики Республики Таджикистан могут являться:

• монополизация информационного рынка Таджикистана, его отдельных секторов отечественными и зарубежными информационными структурами;

• блокирование деятельности государственных средств массовой информации по информированию таджикской и зарубежной аудитории;

• низкая эффективность информационного обеспечения государственной политики Республики Таджикистан вследствие дефицита квалифицированных кадров, отсутствия системы формирования и реализации государственной информационной политики.

Угрозами созданию и развитию отечественной индустрии информации, включая индустрию средств информатизации, телекоммуникации и связи, обеспечению потребностей внутреннего рынка в её продукции, а также обеспечению накопления, сохранности и эффективного использования зарубежных и отечественных информационных ресурсов могут являться:

• противодействие доступу Республики Таджикистан к новейшим информационным технологиям, а также создание условий для усиления технологической зависимости Таджикистана в области современных информационных технологий;

• закупка органами государственной власти импортных средств информатизации, телекоммуникации и связи с отсутствием отечественных аналогов;

• отток за рубеж специалистов и правообладателей интеллекту-

альной собственности[1].

Из 6 выделенных угроз проведению государственной политики и развитию отечественной индустрии информации 2 угрозы являются наиболее важными на современном этапе. Это блокирование деятельности государственных средств массовой информации по информированию таджикской и зарубежной аудитории; низкая эффективность информационного обеспечения государственной политики Республики Таджикистан вследствие дефицита квалифицированных кадров, отсутствия системы формирования и реализации государственной информационной политики. Угрозами безопасности информационных и телекоммуникационных средств и систем, как уже развёрнутых, внедряемых, так и создаваемых на территории Республики Таджикистан, могут являться:

- противоправные сбор и использование информации;
- нарушения технологии обработки информации;
- внедрение в аппаратные и программные изделия компонентов, реализующих функции, не предусмотренные документацией на эти изделия;
- разработка и распространение программ, нарушающих нормальное функционирование информационных и информационно-телекоммуникационных систем, в том числе систем защиты информации;
- уничтожение, повреждение, радиоэлектронное подавление или разрушение средств и систем обработки информации, телекоммуникации и связи;
- воздействие на парольно-ключевые системы защиты автоматизированных систем обработки и передачи информации;
- компрометация ключей и средств криптографической защиты информации;
- утечка информации по техническим каналам;
- внедрение электронных устройств для перехвата информации по каналам связи, а также в служебные помещения органов государственной власти, предприятий, учреждений и организаций независимо от формы собственности;

[1] Концепция информационной безопасности Республики Таджикистан.

- уничтожение, повреждение, разрушение или хищение машинных и других носителей информации;
- перехват информации в сетях передачи данных и на линиях связи, дешифрование этой информации и навязывание ложной информации;
- использование не сертифицированных отечественных и зарубежных информационных технологий, средств защиты информации, средств информатизации, телекоммуникации и связи при создании и развитии таджикской информационной инфраструктуры;
- несанкционированный доступ к информации, находящейся в банках и базах данных;
- нарушение законных ограничений на распространение информации[1].

Из 14 угроз безопасности информационных и телекоммуникационных средств и систем можно выделить следующие 6 угроз на современном этапе, в частности: разработка и распространение программ, нарушающих нормальное функционирование информационных и информационно-телекоммуникационных систем, в том числе систем защиты информации; утечка информации по техническим каналам; внедрение электронных устройств для перехвата информации по каналам связи, а также в служебные помещения органов государственной власти, предприятий, учреждений и организаций независимо от формы собственности; перехват информации в сетях передачи данных и на линиях связи, дешифрование этой информации и навязывание ложной информации; использование несертифицированных отечественных и зарубежных информационных технологий, средств защиты информации, средств информатизации, телекоммуникации и связи при создании и развитии таджикской информационной инфраструктуры; несанкционированный доступ к информации, находящейся в банках и базах данных. Источники угроз национальной информационной безопасности Республики Таджикистан подразделяются на внешние и внутренние. К внешним источникам угроз национальной информационной безопасности относятся:

- деятельность иностранных политических, экономических, во-

[1] Концепция информационной безопасности Республики Таджикистан.

енных, разведывательных и информационных структур, направленная против интересов Республики Таджикистан в информационной сфере;

- стремление стран потенциальных противников к ущемлению интересов Таджикистана в мировом информационном пространстве, вытеснению его с внешних информационных рынков;
- обострение международной конкуренции за обладание информационными технологиями и ресурсами;
- деятельность международных террористических организаций;
- увеличение технологического отрыва ведущих держав мира и наращивание их возможностей по противодействию созданию
- конкурентоспособных информационных технологий в развивающихся странах;
- деятельность космических, воздушных и наземных технических и иных средств (видов) разведки иностранных государств;
- разработка рядом государств концепций информационных войн, предусматривающих создание средств опасного воздействия на информационные сферы других стран мира, нарушение нормального функционирования информационных и телекоммуникационных систем, сохранности информационных ресурсов, получение несанкционированного доступа к ним.

К внутренним источникам угроз национальной информационной безопасности относятся:

- критическое состояние отечественных отраслей промышленности;
- недостаточная координация деятельности органов государственной власти Республики Таджикистан по формированию и реализации единой государственной политики в области обеспечения информационной безопасности Республики Таджикистан;
- недостаточная разработанность нормативной правовой базы, регулирующей отношения в информационной сфере, а также недостаточная правоприменительная практика;
- неразвитость институтов гражданского общества и недостаточный государственной контроль за развитием информационного рынка Республики Таджикистан;

- недостаточное финансирование мероприятий по обеспечению информационной безопасности Республики Таджикистан;
- недостаточная экономическая мощь государства;
- недостаточное количество квалифицированных кадров в области обеспечения информационной безопасности;
- недостаточная активность органов государственной власти и управления в информировании общества о своей деятельности, в разъяснении принимаемых решений, в формировании открытых государственных ресурсов и развитии системы доступа к ним граждан;
- отставание Республики Таджикистан от других стран мира по уровню информатизации органов государственной власти и органов местного самоуправления, кредитно-финансовой сферы, промышленности, сельского хозяйства, образования, здравоохранения, экологии, сферы услуг и быта граждан.

Из восьми внешних источников угроз РТ на современном этапе 4 внешние угрозы влияют на информационную безопасность, в частности: недостаточная координация деятельности органов государственной власти Республики Таджикистан по формированию и реализации единой государственной политики в области обеспечения информационной безопасности; недостаточное финансирование мероприятий по обеспечению информационной безопасности Республики Таджикистан; недостаточное количество квалифицированных кадров в области обеспечения информационной безопасности; недостаточная активность органов государственной власти и управления в информировании общества о своей деятельности, в разъяснении принимаемых решений, в формировании открытых государственных ресурсов и развитии системы доступа к ним граждан.

Из 9 внутренних источников угроз информационной безопасности 5 источников являются наиболее определяющими на современном этапе: недостаточная координация деятельности органов государственной власти Республики Таджикистан по формированию и реализации единой государственной политики в области обеспечения информационной безопасности Республики Таджикистан; недостаточное финансирование мероприятий по обеспечению ин-

формационной безопасности Республики Таджикистан; недостаточное количество квалифицированных кадров в области обеспечения информационной безопасности; недостаточная активность органов государственной власти и управления в информировании общества о своей деятельности, в разъяснении принимаемых решений, в формировании открытых государственных ресурсов и развитии системы доступа к ним граждан[1].

С 2010 года в Министерстве внутренних дел Таджикистана действует специальное подразделение по расследованию киберпреступлений, и ожидается, что в дальнейшем оно станет отдельным независимым центром. По состоянию на 2014 год, Таджикистан занимал 24 из 29 возможных, место в первом Глобальном индексе кибер-безопасности, отставая по этому параметру от всех своих соседей и партнёров по СНГ. Среди недостатков, выявленных авторами Индекса, было "отсутствие официально одобренной национальной или секторной рамочной стратегии кибербезопасности". Индекс национальной незащищённости 2017 года, составленный американской компанией Rapid7, Таджикистан был пятой в мире страной по уровню подверженности потенциальным кибер-атакам, в частности из-за того, что услуги в общественных сетях предоставлялись в нешифрованном виде[2].

Кибер-атаки-проблема для широкого спектра их жертв в Таджикистане. Сайты правительственных учреждений часто становятся целью атак. В январе 2016 года официальный сайт Министерства образования и науки был взломан с заменой титульной страницы, с размещением на ней символики и гимна экстремистской группы Джундуллох (Jundulloh). Годом ранее в 2015 году сайт Посольства Таджикистана во Франции также был взломан с заменой содержания титульной страницы на сообщение по поводу расстрелов в редакции журнала Шарли Эбдо. В апреле 2015 года новостной сайт Asiaplus.tj подвергся нескольким DDoS атакам с ресурсов в национальной сети[3]. Отмечались также случае взлома и атак в отношении организаций частного сектора, особенно тех, чей бизнес связан с

[1] Концепция информационной безопасности Республики Таджикистан.
[2] Государственная политика Республики Таджикистан в информационной сфере. Ч. 6: Информационная безопасность и защита информации. URL: https://digital.report/tajikistan-informatsionnaya- bezopasnost/
[3] Государственная политика Республики Таджикистан в информационной сфере.

интернет-инфраструктурой, таких как банки и ИКТ-компании. В 2013 году таджикская полиция задержала несколько взломщиков компьютерных систем двух национальных мобильных операторов, которые использовали данные чужих СИМ-карт. Ранее также были арестованы виновники взлома банковских систем, а также преступники, пытавшиеся взломать сеть ещё одного мобильного оператора. Судя по многочисленным историям, а также по статистическим данным, население Таджикистана подвергается серьёзным угрозам со стороны взломщиков, вредоносного ПО, интернет-мошенников и фишеров. Данные исторической статистики от Лаборатории Касперского показывают, что Таджикистан является лидером в категории заражения компьютеров вирусными программами, что подтверждается анализом данных от установленных антивирусных программ компании[1].

В результате проведённого исследования Министерством культуры РТ, ОО "Медиа консалтинг", ОО ЦСИ "Зеркало" об использовании новых технологий – интернета, соцсетей и мессенджеров в получении информации населением Таджикистана из более 2 тыс. респондентов со всех регионов Таджикистана показало, что 94% из опрошенных являются потребителями телепродукции. Большинство из них принимают телесигналы через домашние (48,8%) и спутниковые антенны (48,7%). Таджикистанцы больше всего любят смотреть культурно-развлекательные передачи (47,9%) и новости (37,8%). В рейтинге просмотра центральных ТВ-каналов с большим отрывом лидирует ТВ "Сафина" (60,1%). Таджикские телеканалы пользуются спросом у 65% респондентов, далее идут российские (18,3%) и узбекские ТВ (9,7%). Радио слушают 49,7% из числа опрошенных, рейтинг возглавляет радиостанция "Садои Душанбе". Среди независимых печатных изданий первое место занимает "Оила", у государственных – "Джумхурият"[2]. Медиа-группа "Азия-Плюс", ТВ "Сафина", радиостанция "Садои Душанбе", газета "Оила", Viber и IMO стали лидерами медиа предпочтения среди населения страны. Из веб-ресурсов, представляющих в сети традиционные СМИ, лидерство сохраняет Медиагруппа "Азия- Плюс". Са-

[1] Там же.

[2] Современные требования к СМИ: народ требует зрелищ! URL: by V. T-T in Новости.Twitter. Facebook. 9 апреля 2018.

мыми популярными мессенджерами стали Viber и IMO[1]. На современном этапе происходит активизация использования молодёжью новых интернет-сайтов, в частности ЮТУБ, Твиттер, Фейсбук, Телеграмм, Одноклассники, Инстаграмм и других новых соцсетей и меесенджеров.

В своей основе через современные интернет-технологии происходит проведение целенаправленной информационной и психологической войны и манипулятивных технологий. Исследователи выделяют информационные войны, обладающие следующим комплексным характером: 1) владение ситуацией и контроль за сражением; 2) защита информации; 3) кибернетическая война; 4) электронная война; 5) информационные террористы (хакеры); 6) информационная блокада; 7) война средств массовой информации; 8) психологическая война; 9) промышленный и экономический шпионаж; 10) методы идеологического противоборства; 11) сетевая война; 12) интеллектуальные войны[2]. Российские исследователи выделяют следующую классификацию подобных конфликтов: 1. Войны 1-го поколения – это РЭБ (радиоэлектронная борьба). Частотная и проводная связь, сотовая связь, глушилки, подслушки, помехи, блокировки и т.д. 2. Войны 2-го поколения – это РЭБ + контрпартизанская и партизанская пропаганда. 3. Войны 3-го поколения – это глобальные информационные войны, которые специалисты также называют "войной на эффектах"[3]. Из указанных информационных войн наиболее опасными являются сетевые войны, интеллектуальные войны, электронные и психологические войны, война СМИ и использование новых методов идеологическое противоборства. К примеру, на современном этапе на всём пространстве СНГ происходит метод оболванивания молодёжи посредством возложения вины на участников ВОВ и возложения вины за начало Второй мировой войны на СССР, а сейчас на Россию как угрозу мировому сообществу.

Особую озабоченность вызывает возможность использования террористами новых и нетрадиционных информационных техноло-

[1] Там же.
[2] См.: Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Ваклер, 2010. 190 с.
[3] См.: Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. 344 с.; Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во "Эксмо", 2012.

гий для оказания скрытого информационно- манипулятивного воздействия на сознание и деятельность людей. Так, в частности, отличительной особенностью реализации информационно-коммуникативной стратегии терроризма является активное использование возможностей глобальной сети Интернет.Относительная дешевизна, простота и доступность современных средств информации позволяют террористам проводить свои преступные акции, находясь на значительно "безопасном" расстоянии от объекта терроризма, оставаться довольно длительное время безнаказанными. При этом наносится значительный материальный и моральный ущерб обществу, государству, личности. Как показывает практика Интернет, электронная почта, системы цифровой телефонной радиосвязи обеспечивают экстремистам не только более широкие возможности для взаимодействия и пропаганды своих идей, но также для ведения информационных войн. Свидетельством тому является появление нового вида информационного противоборства, получившего название "сетевая война" (netwar). В части, касающейся террористической деятельности, её могут вести небольшие группы специально подготовленных кибертеррористов и даже одиночки, географически отдалённые друг от друга, но тайно общающиеся между собой в "сетевом" формате[1].

В современных СМИ используются различные методы манипуляции сознанием граждан, зачастую одни накладываются на другие, либо одновременно используются несколько способов. Единой классификации нет, и специалисты пытаются их систематизировать самостоятельно. Из выделенных российскими экспертами 26 методов манипуляции сознанием граждан 13 методов (50%) очень часто используются для обмана широкой аудитории общественности. Эти методы выделяются среди других: образ врага; смещение акцентов; намеренное искажение оценки; переориентация внимания; показная проблематика; информационная блокада; удар на опережение; эффект правдоподобия; обратный эффект; односторонность освещения событий; ложные аналогии; манипулятивное комментирование; повторение; полуправда. Исследователи изучающие основы современной манипуляции сознания, обобщают их следующим образом:

[1] Есаулов В.Т. Указ. раб.

1. Принцип первоочерёдности – делается ставка на сенсационность и новизну материала, даже если информация в корне не верна. Например, подобный метод применяется в предвыборных технологиях, когда оппонента, что называется, "поливают грязью" и неважно, что будет потом.
2. Ложные свидетели и свидетельства – сообщения от якобы очевидцев и якобы участников событий, которым окружающие готовы верить, так как они исходят, "от обычных граждан". Срабатывает эффект доверия к другим людям.
3. Образ врага – создаётся надуманная угроза, на противостояние которой выделяются человеческие и другие ресурсы, значительные денежные средства. Иногда угроза существует на самом деле, но её опасность значительно преувеличивается (сознательно).
4. Смещение акцентов – намеренное искажение оценки какой-либо ситуации за счёт явного выпячивания одних фактов на фоне других. Происходит переключение внимания аудитории с одних проблем и явлений на другие.
5. "Лидеры мнений" – для оценки ситуации берётся мнение публичных личностей, которым доверяют в силу их популярности или высокого социального, политического, либо иного статуса. Мнение кандидатур может быть вполне искренним, но выбор участников совсем не случаен.
6. Переориентация внимания – несколько напоминает метод "смещение акцентов". Необходимая информация "незаметно" подаётся на фоне другой, чаще всего эмоционально заряженной, тем самым отвлекая и не давая воспринимать первую критически.
7. Эмоциональная заряженность – подаётся достоверная информация, но преднамеренно в эмоциональной форме с тем, чтобы вскрыть и обойти защитные механизмы человека. Известно, что когда человеком овладевают сильные эмоции, его разум спит.
8. Показная проблематика – происходит отвлечение аудитории от насущных проблем путём заострения внимания на других, менее значимых проблемах. Например, к первым можно отнести проблему алкоголизма, наркомании, высокого уровня коррупции и др.
9. Информационная блокада – замалчивание каких-либо событий, проблем в течение продолжительного времени. Рано или поздно истина восторжествует, но ценное время для возможности

исправить (спасти) ситуацию будет утеряно.

10. Удар на опережение – данный метод часто характеризуется выбросом информации, "порочащей честь и достоинство", например, накануне выборов. Подобная информация, как правило, достоверная, но используется для дискредитации конкретного человека или группы лиц.

11. Ложный накал страстей – информация преподносится как сенсационная, и аудитории даётся понять, что от неё ждут самых решительных действий. В результате ограниченность во времени, подкреплённая эффектом толпы, играет на руку манипуляторам, заставляя людей принимать скоропалительные, необдуманные решения.

12. Эффект правдоподобия – для продвижения установок, чуждых аудитории, они облекаются в формы, понятные и близкие большинству. Среди правдивой на 70-90% информации находится 10-30% искажённой информации, либо неправды. Правдивая информация используется в качестве маскирующей, которая притупляет бдительность.

13. Эффект мозгового, информационного штурма – переизбыток информации вводит аудиторию в некоторый ступор, в её обилии теряется пресловутая "истина" и манипуляторам на фоне этого легче сделать выводы, выгодные им самим.

14. Обратный эффект – рискованный метод, но часто даёт результаты. Основан на вызывании жалости и сочувствия к тому человеку, о котором сообщается много плохого.

15. Зло с человеческим лицом – эмоционально окрашенные события преподносятся обыденно, буднично, будто и не происходит ничего. При частой подаче материала в подобном виде критичность восприятия аудитории резко снижается, что позволяет ей подсознательно "закрывать глаза" на многие преступления.

16. Односторонность освещения событий – слово другой стороне конфликтующих не даётся, в результате общественности навязывается мнение, выгодное лишь одной стороне.

17. Принцип контраста – создаётся или упоминается резко негативная ситуация и тут же находится спаситель (вполне заурядный), который, однако, на её фоне воспринимается супергероем.

18. Одобрение мнимого большинства – создаётся группа поддержки, которая якобы по собственной воле одобряет то или иное событие, решение, иногда в этой группе принимают участие известные личности. По принципу: "все так делают, а я чем хуже?" аудитория склоняется к нужному решению.

19. Эмоциональный шок – эмоционально заряженная информация вводит человека в ступор и "выводит из игры", на её фоне подаётся другая информация, которую обработать критически (эмоционально подавленный) человек уже не в состоянии.

20. Ложные аналогии – создаётся и муссируется "неправильная" логическая цепочка, которая выступает в качестве идеи, теории. Например, идея о том, что, если спортсмен добился успеха в спорте, то добьётся таких же успехов, будучи депутатом.

21. Мониторинг потребительского интереса – происходит выброс различной информации и на основе полученного отклика анализируется, что развивать дальше, а о чём можно благополучно забыть.

22. Манипулятивное комментирование – комментарии к той или иной ситуации могут менять её восприятие на диаметрально противоположное в зависимости от поставленных манипуляторами задач.

23. Эффект присутствия – сообщается о каком-либо событии от лица, непосредственно принимающего в нём участие либо наблюдающего за ним. Срабатывает эффект доверия к участнику, очевидцу событий.

24. Допуск к власти – метод основан на эффекте доверия к мнению людей, облечённых властью. Во-первых, "они" устанавливают и утверждают законы, во-вторых, если они достигли таких высот, то лучше разбираются в ситуации, значит, им нужно доверять.

25. Повторение – намеренное повторение простых, суррогатных истин, чаще всего простыми словами, рассчитанные на низко интеллектуальную публику, которая, однако, составляет большую часть населения.

26. Полуправда – утаивание части информации в угоду чьим-либо интересам с целью сокрытия полноты картины. Лишения аудитории возможности критического осмысления ситуации, её

анализа.

Только перечисление манипулятивных технологий было бы неверным, поскольку они выступают в качестве рабочего инструмента, причины и истоки их возникновения лежат в другой сфере[1]. В условиях Таджикистана государственные структуры и специальные органы, а также некоторые средства массовой информации, занимающиеся противодействием информационным атакам и информационным войнам и угрозам, часто становятся объектом разжигания предоставленного материала, становятся субъектом манипуляционного поведения. Так, на современном этапе нередко субъекты, участвующие в противодействии информационным выпадам и атакам, получают обратный эффект, который называется «эффектом бумеранга». С другой стороны, постоянное освещение определённых незначимых событий играет положительную роль в восхвалении и признании противоборствующей стороны и признании его значимости, то есть происходит так называемый «эффект СНН», который означает что неправда, постоянно озвучиваемая в СМИ, приобретает правдоподобность. На современном этапе появилось новая методика информационного освещения, которая называется «Твиттер-дипломатия», которая освещает важные и актуальные международные проблемы и международные и межгосударственные отношения с участием глав государств и глав правительств, через социальную сеть Твиттер. Наблюдается массовое участие миллионов граждан мирового сообщества в их обсуждении. Современные международные радикальные и террористические организации в последние годы активно и искусно начали использовать социальные сети и мессенджеры Интернета.

В этом плане российские исследователи считают, что в содержательном аспекте противодействие, например, информационным террористическим угрозам предполагает реализацию комплекса мер, основными из которых являются:

- противодействие идеологии терроризма, сепаратизма, нацио-

[1] См.: Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006. Его же. Коммуникативные технологии двадцатого века. М.: Феникс, 2010. 256 с.; Его же. Информационные войны. М.: Ваклер, 2010. 190 с.; Рюмшина Л.И. Манипулятивные приемы в рекламе. М.: Март, 2004. 240 с.; Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. 344 с.; Кара- Мурза, С.Г. Указ. раб.; Есаулов В.Т. Указ. раб.

нализма, религиозного экстремизма;

- информационное обеспечение контртеррористической деятельности через средства массовой информации и другие информационные каналы;
- прогнозирование террористической угрозы, источников её формирования и развития, а также условий реализации;
- поиск, сбор, добывание и анализ оперативной информации о действиях террористических организаций и их пособников;
- организация информационного взаимодействия между субъектами контртеррористической деятельности и надёжное обеспечение защиты оперативной информации;
- информационная работа с местным населением, формирование бдительности, морально-психологической устойчивости, сплочённости, дисциплинированности и личной ответственности;
- обучение населения правилам поведения в условиях возрастания террористической угрозы, в случаях террористических акций, своевременная первая помощь, материальная и моральная поддержка лиц, пострадавших от террористов;
- информационное воздействие на сознание террористов, их пособников, организаторов и вдохновителей, на международные террористические организации;
- создание организационных, правовых, научных, технических, кадровых, финансовых и других благоприятных условий для эффективного информационного обеспечения контртеррористической деятельности[1].

Таким образом, следует подчеркнуть, что на современном этапе в Республике Таджикистан средства массовой информации не в достаточной мере привлечены к реализации государственной информационной политики и к противодействию современным информационным угрозам безопасности. Вместе с тем, создание единой системы отражения информационных атак и противодействия современным информационным и психологическим войнам, требуют единых скоординированных действий всех структур государственной власти и общества. В этой связи важна подготовка профессиональных кадров в области современных информационных техноло-

[1] Есаулов В.Т. Указ. раб.

гий, которые могут довести до сведения граждан и мирового сообщества достоверную информацию о внутренней и внешней политике Таджикистана и комплексно противодействовать современным информационным угрозам безопасности. В Республике Таджикистан уже выработаны единые политико-правовые основы информационной политики и информационной безопасности, которые теперь требуют консолидированной работы по защите национальных интересов в информационной сфере. Настало время серьёзно пересмотреть все принципы, задачи и методику работы по противодействию современным информационным угрозам с учётом современных реалий.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ТАДЖИКИСТАНА - ЧЕТВЕРТЫЙ ПРИОРИТЕТ ДЛЯ СТРАНЫ

Холикназар Худоберды Холикназарович
Директор Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан

Основоположник мира и национального согласия, Лидер нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон в своем Послании Парламенту страны 26 декабря 2019 года отметил: «Своими стратегическими целями мы наметили обеспечение энергетической независимости и эффективное использование электроэнергии, выход страны из коммуникационного тупика и превращение её в транзитную страну, обеспечение продовольственной безопасности и доступ населения к качественному питанию, расширение продуктивной занятости, и в этом направлении мы осуществляем план перевода экономики страны из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную»[1].

Для реализации осуществления этой грандиозной стратегической задачи, с учетом важности сферы промышленности в решении социально-экономических вопросов и создании рабочих мест, Лидер нации предложил ускоренную индустриализацию страны путем объявления её четвертой национальной стратегией страны[2].

В Послании Лидер нации также отметил, что в результате осуществленных Правительством страны мер за последние 3 года доля сферы промышленности в валовом внутреннем продукте возросла с 15,2 процента до 17,3 процента. Тем не менее, Президент страны отметил, что этот темп недостаточен, и нужно стремиться к его ускорению. Далее Лидер нации отметил: «Для достижения этой цели необходимо взять под строгий контроль принятие отраслевых программ и инвестиционных проектов и обеспечить их эффективное и качественное обеспечение»[3].

[1] http://www.president.tj/ru/node/19089
[2] Там же.
[3] Там же.

Президент Республики Таджикистан в своем Послании также поручил отраслевым министерствам и ведомствам активизировать свою деятельность для представления за рубежом продукции, производимой в Таджикистане, нахождения рынков сбыта, производственных и торговых партнеров и защиты интересов отечественных предпринимателей. Далее Лидер нации обратил особое внимание на ускорение создания инфраструктурных объектов в стране.

Известно, что слабость инфраструктурных сооружений является основным фактором сдерживания развития Таджикистана. Поэтому в будущем экономическом развитии необходимо будет придерживаться стратегии первоочередного создания инфраструктурных объектов, ускорив динамику их строительства, и в полной мере проявить взаимную стимулирующую роль строительства инфраструктурных сооружений и социально-экономического развития. Прежде всего, на наш взгляд, необходимо в максимальной степени обеспечить нормальное функционирование разрушенной инфраструктуры страны, и те объекты, которые возможно восстановить – восстановить в первую очередь, а те инфраструктурные сооружения, которые восстановлению не подлежат – постепенно создавать заново, поочередно, в зависимости от приоритетов.

Во-вторых, при осуществлении экономической поддержки строительства необходимо, прежде всего, выработать политику финансирования, преимущественно развивать ирригационные сооружения для сельского хозяйства, транспорт, энергоснабжение и энергосети, связь, водоснабжение, медицину, образование и отрасли, связанные в национальной экономикой и жизнью народа.

В-третьих, проявить направляющую роль бюджетной политики и политики в области налогов и сборов, стимулировать иностранных инвесторов осуществлять прямые инвестиции в строительство инфраструктурных сооружений, содействовать строительству инфраструктурных объектов общественного назначения.

Другим важным вопросом, на который обратил особое внимание Президент страны в своем Послании, – это стратегия комплексного развития импортозамещающей продукции и продукции экспортной направленности.

Так как основы промышленности в Таджикистане еще не совсем развиты, внутри страны возник серьезный дефицит базовой продукции, из-за чего временно приходится опираться на импорт. Для того, чтобы изменить сложившуюся ситуацию необходимо ускорить реализацию стратегии импортозамещения, придерживаясь комплексной стратегии развития производства импортозамещающей и одновременно имеющей экспортную направленность продукции. Прежде всего, исходя из особенностей потребности внутреннего рынка, необходимо ускорить развитие сельского хозяйства и легкой промышленности, способствовать импортозамещению промышленных и сельскохозяйственных потребительских товаров, преодолеть зависимость страны от потребительских товаров иностранных рынков, повысить возможности независимого развития экономики, одновременно с этим увеличить доходы населения и уровень его жизни.

В своем Послании Лидер нации также обратил серьезное внимание на сельскохозяйственные ресурсы государства для решения стоящих перед Таджикистаном проблем экономической и продовольственной безопасности. Таджикистан должен постепенно скорректировать структуру сельскохозяйственного производства, увеличить вложения в развитие сельского хозяйства, всемерно повышать потенциал технической оснащенности сельского хозяйства, планомерно поддерживать инфраструктурные сооружения, а также осуществлять научно-техническую поддержку сельского хозяйства, повысить возможности производства зерновых и продукции животноводства, обеспечить реализацию продовольственной безопасности в стране.

При условии обеспечения базовой продовольственной безопасности необходимо отрегулировать структуру сельского хозяйства, сформировать структуру производства по принципу «3 крупных базовых отрасли, 1 крупная отрасль особого производства, множество новых отраслей производства». Три крупных базовых отрасли включают в себя зерновое растениеводство, животноводство и птицеводство, водные промыслы. Центр тяжести в развитии растениеводства означает увеличение площадей под заливным рисом, соответствующее увеличение площадей под пшеницей, кукурузой, маниокой, гаоляном и другими культурами с тем, чтобы обеспечить

основные потребности государства в продовольствии. В животноводстве и птицеводстве следует в полной мере использовать такой ресурс, как пастбища, развивать фермерское, стандартизированное разведение мясных кур, кур-несушек, мясных коров, молочных коров, коз. Рыбоводческие хозяйства позволят в полной мере использовать преимущество Таджикистана в водных ресурсах, создать новую хозяйственную модель, развивать мелководное рыбоводство. Множество новых отраслей производства включают в себя сбор плодов диких растений, пчеловодство, коневодство, выращивание тутового шелкопряда.

Необходимо также обратить особое внимание на ускорение исследовательских работ, разработку и производство орудий сельского труда, предназначенных для особых условий, повышение уровня механизации сельского хозяйства, селекцию высокопродуктивных сортов сельскохозяйственных культур и пород животноводства, приспособленных к климатическим условиям Таджикистана. Важно также привлечение и совершенствование зрелых технологий сельскохозяйственного производства, и заимствование опыта управления, повышение уровня подготовки научно-исследовательских и технических кадров в области сельского хозяйства, укрепление способности осуществлять транспортировку продуктов питания, их переработку и хранение, снижение существующих в сельском хозяйстве потерь.

Необходимо оздоровить системы налогов и сборов, финансирования, связанного с сельским хозяйством, повысить активность внутренних и внешних инвесторов в осуществлении инвестиций в сельское хозяйство, выработать политику, благоприятствующую созданию длинных производственных цепочек в сельском хозяйстве, стимулировать государственные органы и частные предприятия разрабатывать и внедрять сельскохозяйственные технологии. Потребуется создать структуру общественного обслуживания сельского хозяйства, совершенствовать систему оборота сельскохозяйственной продукции, расширить внутри страны строительство инфраструктуры по переработке сельскохозяйственной продукции и ее хранению, усовершенствовать механизм оптового и розничного рынков сельскохозяйственной продукции.

Восстановление промышленного производства будет происходить поэтапно и циклично, прежде всего необходимо развивать промышленность потребительских товаров. Развитие промышленного производства потребительских товаров поможет решить проблему высокого уровня безработицы в Таджикистане, а также повысить добавленную стоимость ресурсов, что будет способствовать изменению структуры экономики Таджикистана и одновременно может решить серьезно стоящий перед Таджикистаном вопрос об экономической безопасности.

Ускорение развития промышленности потребительских товаров первой необходимости и повседневного использования поможет сократить их долю в импорте, обеспечить потребности общества, коренным образом изменить ситуацию в этой сфере. Используя преимущества своего географического положения, нам нужно создать промышленные парки и зоны беспошлинной торговли для глубокой переработки сельскохозяйственной продукции и производства товаров первой необходимости, реализовать в отношении их политику преференций, освободив или снизив для них размер уплачиваемых налогов и сборов, упростив процедуру регистрации, стимулируя производство дефицитных товаров. Необходимо ускорить развитие производства товаров повседневного потребления, уделив особое внимание выпуску изделий из хлопка, шелка, льна и шерсти, расширить ассортимент вязаной продукции, одежды и обуви, головных уборов и активно использовать домашнее ремесленное производство. Домашнее ремесленное производство не требуют значительных инвестиций, ему необходимо незначительное финансирование, однако оно может оказать дальнейшее влияние на каналы развития занятости в обществе и стать одной из отраслей приоритетного развития исходя из текущего состояния экономики Таджикистана.

Правительство Таджикистана должно предпринять практические меры и выработать соответствующую стимулирующую политику, поддержать и способствовать развитию семейных ремесленных предприятий. Местные органы власти, исходя из преимуществ и особенностей местных ресурсов, могут определить номенклатуру продукции семейных ремесленных промыслов. Правительство одновременно с выработкой политики льгот и преференций в области

налогов и сборов может рассмотреть вопрос о создании специального фонда, оказывая финансовую поддержку в виде кредитов под низкий процент или дотируя выплату процентов.

Лидер нации в своем Послании поручил Правительству страны укрепить промышленную базу Таджикистана, которая в будущем станет основой индустриализации страны. На наш взгляд, при одновременном сохранении основополагающего места в экономике алюминиевой промышленности, Таджикистан должен максимально использовать огромный потенциал в гидроэнергетике, а также преимущества, которые ему дают многообразные и богатые минеральные ресурсы, произвести изменения в структуре производимой продукции, развивать смежные отрасли, оптимизировать их размещение, стимулировать взаимодействие промышленного производства, горной промышленности и алюминиевой промышленности. Необходимо сосредоточиться на создании двух базовых отраслей: энергетики и горной промышленности. В области энергетики при одновременном расширении освоения гидроэнергетических ресурсов необходимо стимулировать применение тепловой энергетики, исправить недостатки, возникающие из сезонности энергетических ресурсов страны: в области горной промышленности, с одной стороны, необходимо расширить усилия в области геологоразведки и добычи, с другой – повысить возможности переработки продукции горной промышленности, в полной мере способствуя экспорту минеральных ресурсов и получению валютных поступлений, изменить ситуацию с недостатком средств для осуществления экономического строительства в стране.

По мере освоения гидроэнергетических ресурсов прежде всего необходимо будет расширять масштабы алюминиевой промышленности, продолжать поддерживать положение алюминиевой промышленности как базовой отрасли экономики. Одновременно с этим следует предпринимать различные меры, направленные на ее техническое перевооружение и сокращение энергозатрат, увеличение производственной цепочки, развитие глубокой обработки алюминия, дальнейшее повышение международной конкурентоспособности алюминиевой промышленности. Во-вторых, нужно стабильно развивать горную промышленность. Минеральные ресурсы тре-

буют длительного цикла разработки и не могут быть в течение короткого времени значимой производственной силой. Разработка минеральных ресурсов, однако, является сферой, в которой страна имеет преимущества, и в будущем может стать основой накопления богатства Таджикистаном и качественного улучшения структуры промышленности. Необходимо увеличить количество оборудования, занятого в геологоразведке, повысить степень производимых разведочных работ и потенциал добычи полезных ископаемых, расширить площадь геологоразведки, как можно полнее овладеть информацией о запасах полезных ископаемых на территории страны и их местоположении. Одновременно с этим необходимо стимулировать строительство и повышение классности сопутствующих базовых инфраструктурных сооружений, стремиться к синхронизации ввода инфраструктурных сооружений и разработки полезных ископаемых. Надо выработать планы развития и политику в сфере горной промышленности и смежных сферах, четко определить последовательность разработки минеральных ресурсов, а также создать рациональный направляющий механизм сделок переуступки прав на разработку полезных ископаемых. Следует улучшить условия для инвестиций в разработку полезных ископаемых, привлечь иностранный капитал для ведения геологоразведочных работ, добычи и переработки полезных ископаемых, расширить льготы в области налогов и сборов, аренды земли, вывоза прибыли при одновременном гарантировании прав инвесторов. Усовершенствовать законодательство в области добычи природных ископаемых, комплексно с добычей природных ресурсов развивать переработку и глубокую переработку природных ресурсов, удлинить цепочку занятых в этой области отраслей и одновременно с этим проработать и выработать законодательные положения по регулированию экспорта природных ресурсов, ограничивая прямой экспорт сырья, стимулируя развитие переработки природных ресурсов.

Таким образом, Президент Республики Таджикистан в своем Послании на 2019 год определил основные приоритетные направления развития промышленности страны и поставил задачу ускоренной индустриализации Таджикистана.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ, ПОДХОДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИ

Саидмуродов Лутфулло Хабибуллоевич
Доктор экономических наук, профессор
директор Института экономики и демографии АН Республики Таджикистан,
член-корреспондент Академии наук Республики Таджикистан

За период реформ Таджикистан достиг значительных успехов на пути строительства суверенного, демократического, правового, светского, унитарного и социального государства. В экономическом и социальном плане эти успехи очевидны и достигнуты во многом благодаря сильной политической воле Лидера нации, Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона.

XXI век, с его быстро изменяющимися внешними условиями, ставит перед страной новые и, в определенной степени, амбициозные задачи, решение которых исключительно важно для консолидации общества, сохранения самобытности нации и достижения широкого прогресса. Современная экономика Республики Таджикистан, которая в полной мере воплощает в себе черты переходного и постконфликтного состояния, в то же время является малой открытой экономикой и в значительной мере находится под воздействием внешних шоков и конъюнктуры мирового хозяйства.

Мировой финансовый и экономический кризис 2007-2009 гг. негативно сказался на экономике Таджикистана. В 2014-2016 гг. экономика Таджикистана еще раз испытала серьезные внешние шоки, которые привели к снижению доходов от экспорта, серьезному падению объемов денежных переводов трудовых мигрантов и девальвации курса национальной валюты. В этих условиях вопросы проведения экономической политики по превенции воздействия внешних шоков, сохранения макроэкономической стабильности, повышения эффективности управления в финансовом секторе, достижения устойчивого экономического роста и обеспечения про-

дуктивной занятости в среднесрочной перспективе становятся наиболее важными для Таджикистана.

В 2016 г. в Республике Таджикистан была принята Национальная стратегия развития на период до 2030 года, в которой определены три принципа будущего развития, а именно превентивность, индустриальность и инновационность.

Превентивность определена как первый и очень важный принцип будущего развития, а реализация превентивных мер функционирования национальной экономической и социальной системы обозначена как стратегическое направление в принятии управленческих решений. Такая постановка вопроса требует активизации теоретических и практических исследований с целью четкого понимания того, что стоит за категорией «превентивность» и какие отношения она раскрывает. В этом стратегическом документе также была поставлена задача существенно увеличить долю промышленности в структуре ВВП, обеспечить индустриально-аграрный характер дальнейшего развития и создать возможности для хороших рабочих мест.

В долгосрочном периоде обеспечение устойчивого развития страны невозможно без использования нововведений во всех сферах социально-экономической жизни. Стратегические ориентиры такого развития должны учитывать рост инвестиционной и экономической активности в азиатском регионе, роли в нем стран Центральной Азии и Республики Таджикистан. Как известно, в ближайшее десятилетие наступает новый технологический, экономический и политический цикл мирового хозяйства, который замедлит темпы мирового экономического роста вплоть до середины XXI века. Мы должны быть готовы адекватно воспринимать этот процесс и обозначить направления будущей модели развития. Главным фактором такой модели развития может быть только человеческий капитал и его главные системообразующие компоненты – образование и наука как важнейшие условия повышения национальной безопасности и конкурентоспособности экономики.

Огромный гидроэнергетический потенциал Республики Таджикистан, чистая вода, благоприятные земля и климат, растительный мир, значительные трудовые ресурсы, богатейшие запасы минеральных ресурсов и горных недр страны создают возможности для

развития в рамках национальной экономики экспортоориентированных и импортозамещающих производств, создания современных секторов добывающей и обрабатывающей промышленности, цветной и черной металлургии, экологически чистого агропромышленного комплекса. Богатое историко-культурное наследие Таджикистана, его уникальная природа с неповторимыми озерами, редкими животными и растениями, а также высокие горы являются важными условиями развития сферы туризма и увеличения вклада этой отрасли в ВВП страны. Дальнейшее развитие гидроэнергетических мощностей и реализация региональных транспортно-коммуникационных проектов позволит Таджикистану в ближайшем будущем стать региональным лидером в производстве и транзите дешевой и экологически чистой энергии, расширить транзитные возможности страны.

В то же время мы должны видеть социальные и институциональные проблемы, которые необходимо решать, если мы ставим во главу угла вопрос инновационности. Сегодня потребность в создании индустриально-инновационной экономики ставит перед Республикой Таджикистан проблему перехода от догоняющей стратегии к стратегии, нацеленной на опережающую модернизацию. Решение этой проблемы не может быть достигнуто без мощного всплеска мобилизационной активности субъектов национальной экономики, без концентрации всех сил и средств, находящихся в распоряжении государства и бизнеса, на достижении целей модернизации экономики, научно-технического прогресса, создании и использовании инноваций во всех сферах человеческой деятельности.

Основу такого развития составляет переход на новую модель экономического роста, которая должна базироваться на инвестициях и развитии производств, ориентированных на экспорт и импортозамещение. Реализация такой модели в Таджикистане предполагает эффективное функционирование институциональных механизмов, позволяющих привлекать инвестиции в реальный сектор экономики и в инфраструктуру, что обеспечит ускоренный рост промышленности, сельского хозяйства и финансового сектора, массовое создание новых высокопроизводительных рабочих мест, вы-

ход на новые экспортные рынки, существенное повышение доли формальной занятости и регистрируемого сектора национальной экономики и, наконец, снижение зависимости страны от денежных переводов внешних трудовых мигрантов.

В целом, стратегическое видение развития Таджикистана в период до 2030 г. позволяет выделить три основных этапа развития.

Первый этап охватывает период 2016-2020 гг. и связан с переходом к новой модели экономического роста. В основе этой модели лежат эффективные институциональные механизмы, позволяющие привлекать инвестиции в реальный сектор экономики и в инфраструктуру. Реализация данной модели будет опираться на сбалансированность основных компонентов устойчивого развития: экономического, социального и экологического.

Стратегические ориентиры такой модели развития основаны на реализации программы усиления экспортной ориентации и программы селективного импортозамещения за счет освоения местных сырьевых ресурсов; формировании инвестиционного климата, ведущего к снижению административных транзакционных издержек, в особенности в отраслях, в которых определены точки роста; углублении аграрной реформы и институциональном развитии водного сектора страны.

Наряду с действующими предприятиями отрасли промышленности должны будут введены в действие новые предприятия добывающей и обрабатывающей промышленности (цветной и черной металлургии, промышленности строительных материалов, легкой и пищевой промышленности, химической промышленности и др. отраслей). Учитывая современные потребности и имеющиеся финансовые возможности в развитии национальной энергетики, на этом этапе необходимо продолжение реализации программы строительства малых ГЭС в рамках диверсификации источников энергии и форм их собственности, обеспечить финансовое оздоровление энергосистемы на основе повышения дисциплины платежей, реструктуризации энергетического сектора, адекватной тарифной политики, реализации мер энергосбережения и повышения энергоэффективности во всех секторах национальной экономики.

Этот этап развития связан также с действиями в области повышения качества работы существующих видов транспорта, обеспе-

чивающих расширение вовлечения в хозяйственный оборот природных ресурсов и освоение новых земель, рост транзитных перевозок, снижение транспортных издержек и повышение безопасности. Характерной особенностью этого этапа развития является наладка новых механизмов реализации государственной социальной политики в направлении модернизации системы управления отраслями, формирующими человеческий капитал, институционализация системы производственного и социального предпринимательства. Социальная безопасность и конкуренция станут ключевыми задачами роста. В этот период будет необходима организация работы по проведению необходимых исследований и подготовительных мероприятий по созданию основ для ускоренного развития регионов страны, а структурные реформы будут направлены на повышение эффективности государственного управления на уровне регионов и местного самоуправления.

Второй этап охватывает период 2021-2025 гг. и основан на относительно ускоренном развитии на базе инвестиций в реальный сектор и инфраструктуру, так как на этом этапе должна быть достигнута максимальная реализация институционального потенциала новой модели роста.

Моделирование будущего развития показывает, что рост инвестиций будет достигаться как путем привлечения прямых иностранных инвестиций, так и благодаря опережающему росту внутреннего накопления. Это станет возможным за счет повышения конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности экономики, укрепления макроэкономической стабильности, а также благодаря росту эффективности и глубины финансового сектора. Важным приоритетом на этом этапе будет реализация стратегии энергетической безопасности, целью которой должно быть повышение устойчивости работы и ускорение развития энергетического сектора в условиях растущего спроса со стороны населения и экономики.

Особенностью и главной задачей этого этапа развития станет мобилизация финансовых ресурсов субъектов национальной экономики, международных банков и партнеров по развитию в целях структурной перестройки экономики.

Совершенствование экономической политики и институциональной системы будет направлено на расширение поддержки производства продуктов со сравнительными преимуществами; переориентацию внутреннего спроса на продукцию отечественного производства; включение стратегии заимствования в секторальные инновационные программы; использование преимуществ интегрированной системы управления водными ресурсами; дальнейшее развитие финансового рынка и увеличение мобильности внутреннего капитала. Сектора, которые получат развитие, будут те же, что и на первом этапе. Однако будут определены смежные отрасли и продукты в целях их поддержки как логическое развитие расширения экспортных продуктов, имеющих потенциальные сравнительные преимущества.

Очень важно, что в гидроэнергетике будут завершены реформы, направленные на обеспечение условий для функционирования рыночных механизмов, которые создадут конкурентную среду в этом секторе национальной экономики. Этот этап, который должен стать ключевым в полном завершении строительства Рогунской ГЭС и обеспечении энергетической независимости страны, будет характеризоваться созданием агропромышленных кластеров и предприятий по полной переработке хлопка-волокна, кожсырья, коконов, винограда, фруктов и других видов продукции сельского хозяйства. Произойдет повышение индустриального уровня развития республики за счет развития традиционных для республики промышленных производств. Будет решаться триединая задача периода: политика импортозамещения в части товаров народного потребления, диверсификация экспорта и расширение инвестиционных возможностей национальной экономики. Будут завершены строительство и реконструкция намеченных транспортных коридоров, и Таджикистан выйдет из железнодорожного тупика, откроется путь к морю, расширятся возможности функционирования транспортной системы в целом.

В этот период структурные реформы должны быть направлены на повышение эффективности и конкурентоспособности отраслей социальной сферы, опираясь на первые значимые результаты реализации новых подходов к управлению развитием человеческого капитала. Ключевые решения будут связаны с обеспечением соци-

альной справедливости и устойчивости системы формирования стабильного, образованного среднего класса. В регионах страны будут реализованы меры по развитию инфраструктуры, а также системы средних и малых городов, крупных городских поселков как устойчивых «полюсов роста».

Третий этап охватывает период 2026-2030 гг. и основан на создании предпосылок для перехода от стратегии индустриального роста, основанного на инвестициях, к диверсифицированному развитию на основе знаний и инноваций. В основу этого перехода будет положена диверсификация экономического роста за счет интенсификации сельскохозяйственного производства, движения вверх по цепочкам добавленной стоимости в промышленности, модернизации социальной сферы, ускоренного развития финансового сектора, туризма и отраслей бизнес-услуг. Возрастет вклад в экономический рост человеческого капитала, эффективных институтов и передовых технологий. Будет обеспечен опережающий рост государственных и частных расходов на профессиональное образование, НИОКР и внедрение инноваций. Расширится использование новых технологий, особенно в сфере информационных технологий, телекоммуникаций, аддитивных технологий, биотехнологий и альтернативной энергетики. Будет создана эффективная транспортно-логистическая инфраструктура и завершено создание международных транзитных транспортных коридоров.

Структурные реформы связаны с повышением уровня инновационности отраслей, формирующих человеческий капитал. Приоритеты будут связаны с обеспечением более высоких стандартов благосостояния человека, социального благополучия и согласия. Особенность этого этапа развития связана с тем, что будут в основном завершены аграрная и водная реформы, обеспечены переход к системе воспроизводства плодородия почв, предотвращение основных видов их деградации и производство сельскохозяйственной продукции с использованием уже более высоких технологий производства. Топливно-энергетический комплекс страны получит статус бюджетоформирующего сектора, а гидроэлектроэнергетика обеспечит расширение экспортных и транзитных возможностей страны.

Очень важно, чтобы в этот период была обеспечена реализация мероприятий по стимулированию долгосрочного экспортно-ориентированного экономического роста за счет увеличения производства конечных товаров на предприятиях цветной металлургии, легкой и пищевой промышленности, промышленности строительных материалов и др. Развитие угольной промышленности будет основано на системе открытого и экологически приемлемого способа разработки угольных месторождений и глубокой переработки сырья. В конечном итоге, экономический и природный потенциал страны составят основу ее национальной безопасности.

ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ниези Ермахмад Бобо
Кандидат философских наук,
Директор Институт изучения проблем стран Азии и Европы Академии Наук Республики Таджикистан

Мирзоев Ниез Мирзоевич
Доктор исторических наук,
Профессор кафедры международных отношений Таджикского национального университета

Стремление к интеграции государств в различных регионах мира стало устойчивой тенденцией мирового развития. Постепенно приходит осознание глобальной взаимозависимости этих процессов. От адекватного включения стран и народов в процесс интеграции, независимо от существования различий в уровнях развития, различий в культуре, религии, исторических традициях, зависит преодоление многих мировых и региональных проблем.

Стремление стран Центральной Азии в последние десятилетия включиться в интеграционный процесс может быть представлено как часть континентального и общемирового интеграционного потока.

Глобализация резко обострила конкуренцию экономики, это заставляет национальные силы консолидироваться, чтобы не остаться вне этого процесса.

Центральная Азия играла ключевую роль в соединении Востока и Запада с античных времен. Особенно значителен был её вклад в развитие Великого шелкового пути, когда торговые караваны, нагруженные шёлком, фарфором и другими предметами роскоши, выходя из средневековой столицы Китая Чанъани, через Центральную Азию устремлялись на Запад. Центральная Азия еще в глубокой древности на магистралях Великого шелкового пути стала мостом, соединяющим народы и страны Востока и Запада.

В середине второго десятилетия 21 века в геополитической и геоэкономической ситуации Центральной Азии происходят серьезные сдвиги. Все более четко звучат призывы независимых государств к тесной интеграции, которые продиктованы современным экономическим состоянием независимых стран Центральной Азии, а также вызовами современного мира. Необходимость тесной интеграции и кооперации стран Центральной Азии возрастает изо дня в день.

На территории Центральной Азии проживают более 70 млн. человек. Регион обладает огромными природными ресурсами. Экономика государств в высокой степени взаимосвязана. В силу природных и географических особенностей, регион Центральной Азии является совместным пользователем энергетических, транспортных и ирригационных сетей, систем газа и водоснабжения.

Геополитическому сдвигу в Центральноазиатском регионе способствовало упрочение государственности новых акторов, активизация их роли в решении глобальных и местных проблем, тесная интеграция в мировое сообщество, установление региональных двусторонних и многосторонних отношений. Избрание Республики Казахстан непостоянным членом Совета Безопасности ООН на 2017-2018 годы, Председательство Казахстана в Совете безопасности ООН и ОБСЕ, проведение ЭКСПО-2017, совместный проект по спасению Аральского моря, регулярное проведение в Казахстане форума лидеров мировых и традиционных религий, созыв международного диалога по сирийскому кризису, глобальные водные инициативы Таджикистана и другие инициативы свидетельствуют о росте роли и значения этих государств в мире, об упрочении позиций новых государств Центральной Азии в мировом сообществе. Глобальная водная инициатива Таджикистана – об объявлении 2018-2028гг. международным десятилетием «Вода для устойчивого развития», принятие соответствующей резолюции ООН будут способствовать устойчивому развитию и решению проблем, связанных с водными ресурсами во всем мире. Выступая на мероприятии ООН высокого уровня в марте 2018 г. Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон подчеркнул важность трансграничного компонента водного сотрудничества, который будет играть центральную роль в обеспечении мира, стабильности и развития. В ре-

зультате, по международным оценкам, Таджикистан признан мировым инициатором решения глобальных водных проблем в течение двух прошедших десятилетий. Последовательное продвижение дипломатии водного сотрудничества мы считаем реальным фактором решения существующих в этой сфере проблем и будем продолжать исполнять эту ведущую роль в следующем десятилетии. В 2018 году 22 марта – в дни празднования международного Навруза и Всемирного дня воды, официально стартовал процесс реализации нашей новой глобальной инициативы – Международное десятилетие действий «Вода для устойчивого развития, 2018-2028 годы». Было констатировано, что «эффективно налаженная водная кооперация способна стать катализатором развития, а её отсутствие способно вызвать серьезные риски и издержки, отрицательно сказывающиеся на экономической и социальной ситуации в странах, не имеющих выхода к морю».

Основная стратегическая экономическая цель Центральной Азии – это формирование единого экономического пространства, единой торгово-таможенной зоны, единого валютного союза и единой экономической стратегии. С учетом исторических уроков, страны Центральной Азии имеют возможность стать сильным и независимым регионом, так как впервые за последние 500 лет этот регион становится важным геополитическим и геоэкономическим центром мировой политики и экономики. Центральная Азия является поставщиком ценных на мировом рынке товаров нефти и газа, рудного и сельскохозяйственного сырья. По маршрутам Нового Шелкового пути в XXI веке будут проходить нефтегазопроводы для поставки энергоресурсов как на Запад, так и на Восток. Однако для развития транзитной торговли Центральной Азии выгодны и нужны единая внешняя экономическая политика, единый таможенный, налоговый и визовый режим, единая система безопасности. «Именно на основе принципов добрососедства и взаимовыгодного партнерства наши государства смогут эффективно реализовать свой потенциал в торгово-экономической транспортно-коммуникационной, культурно-гуманитарной сферах, в вопросах безопасности и стабильности», заявил Президент Узбекистана Ш.М.Мирзиёев на международной конференции по обеспечению

безопасности и успешного развития Центральной Азии под эгидой ООН в ноябре 2017 года в Самарканде[1]**.** В современных условиях Центральной Азии возрождается дух Великого шелкового пути, с которого регион вновь может стать влиятельным центром в системе международных отношений. Для сближения народов государств Центральной Азии, имеющих общую историю, культуру, веру и общие экономические, финансовые, образовательные и экологические стандарты, имеются более сильные предпосылки для интеграции, чем в свое время у европейских стран.

Главным инициатором интеграционных процессов как в рамках СНГ, так и в Центральноазиатском регионе, безусловно, является Казахстан. Так, Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев неоднократно призывал страны Центральной Азии объединить ресурсы, создать эффективные и взаимосвязанные экономики, совокупный потенциал которых и его результаты позволили бы получить признание в мировой экономике, обеспечить достойный уровень жизни для самих народов региона. Президент РК Н.А.Назарбаев твёрдо уверен в том, что «без более тесной интеграции региона Центральная Азия не имеет будущего». Об этом он писал в своём письме от 7 ноября 2005 года Президенту Таджикистана Эмомали Рахмону[2]**.** Республика Таджикистан последовательно ведет политику интеграции и региональную кооперацию. Это выражалось в различных политико-экономических инициативах. Как справедливо отметил глава таджикского государства Эмомали Рахмон в своём Послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан 22 декабря 2017 года, “Республика Таджикистан за весь период своей независимости, признавая широкое региональное сотрудничество важнейшим способом решения торгово-экономических, социальных и экологических вопросов, вопросов обеспечения безопасности и стабильности в Центральной Азии, неизменно выступает за укрепление отношений между народами региона на основе дружбы и взаимного доверия. Общность целей и задач, которые стоят перед нашими государствами, диктует

[1] Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного доверия. Самарканд, 2017. С.6

[2] Сатторзода А. Актуальные проблемы внешней политики Таджикистана (многовекторность в действии). Душанбе, 2014. С.24.

необходимость создания в регионе благоприятного климата для свободного передвижения людей, беспрепятственного перемещения капиталов, инвестиций и трудовых ресурсов. С опорой на этот принцип мы также можем развивать наше сотрудничество в сфере безопасности, общими усилиями противостоять современным глобальным угрозам и вызовам в регионе. Мы уверены, что созидательная региональная интеграция отражает интересы всех государств и народов Центральной Азии" [1]. Геополитические перемены в начале 2018 г. в региональных отношениях связаны, прежде всего, с началом нового курса лидеров стран региона. Внешнеполитические позиции двух крупных государств Центральной Азии – Казахстана и Узбекистана имеют заметное воздействие на региональную ситуацию. Растёт роль Узбекистана как мощного геополитического игрока в регионе Центральной Азии.

Благодаря географическому положению Узбекистана, находящегося в самом сердце Центральной Азии, с общими границами с другими четырьмя республиками и Афганистаном, самому большому по численности населению, Узбекистан пользуется стратегическим и геополитическим превосходством, что позволяет ему влиять на развитие экономических и политических событий в регионе, а также содействовать обеспечению безопасности и стабильности.

В последние годы отмечена тенденция к повышению уровня казахско-узбекского, киргизско-узбекского и таджикско-узбекского политического взаимодействия. Заметно выросло политическое доверие между странами Центральной Азии. Это связано с избранием в декабре 2016г. Ш.М.Мирзияева президентом Узбекистана. За это время состоялись серии встреч лидеров всех государств Центральной Азии. Новая стратегия Узбекистана, направленная на развитие регионального сотрудничества, заметно влияет на геополитическую и геоэкономическую динамику в регионе. Президент Узбекистана, выступая на 72 сессии ассамблеи ООН в сентябре 2017 г., предложил учредить механизм регулярных консультативных встреч глав государств Центральной Азии, чтобы обсуждать насущные вопро-

[1] Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан 22 декабря 2017г.

сы широкомасштабного сотрудничества и выработать общие подходы к их решению.

В ходе государственных визитов Президента Узбекистана в Таджикистан и Президента Таджикистана в Узбекистан заключены 54 межправительственных соглашений. Позитивным шагом в этом направлении является подписание в марте 2018 года совместного заявления глав государств Таджикистана и Узбекистана об участии узбекской стороны в строительстве Рогунской ГЭС. Ранее лидеры Узбекистана и Кыргызстана сделали заявление о сотрудничестве в строительстве Камбаратинской ГЭС. По итогам Государственного визита Президента Узбекистана в Кыргызстан впервые за 26 лет подписан Договор о Государственной границе между Узбекистаном и Кыргызстаном. Стороны договорились о делимитации 85% границы, что стало настоящем прорывом в решении проблемных вопросов между двумя странами.

Эти и другие заключенные межгосударственные соглашения являются добрым знаком и историческим прорывом во взаимоотношениях стран Центральной Азии. На этом фоне существенно активизировались связи между странами Центральной Азии в торгово-экономической сфере. Товарооборот Узбекистана со странами Центральной Азии за первое полугодие увеличился на 13%. Объем взаимной торговли Узбекистана с Кыргызстаном вырос на 69%, с Таджикистаном – на 22%, Казахстаном – на 11%.

Главный вопрос сегодня заключается в том, насколько эти тенденции устойчивы?

Вместе с тем, чтобы сделать наметившиеся тренды регионального сотрудничества действительно устойчивыми, необходимо сконцентрироваться, как минимум, на нескольких наиболее важных задачах, имеющих системный характер:

1. По предложению Президента Узбекистана необходимо учредить механизм регулярных консультативных встреч глав государств Центральной Азии. Оно во многом дополняется предложением казахстанской стороны о проведении регулярных пятисторонних межмидовских консультаций.

2. Необходимы созывы регулярных Региональных экономических форумов. В настоящее время обеспечение поступательного и стабильного развития Центральной Азии немыслимо без расшире-

ния регионального экономического сотрудничества и интеграции региона в мировые торгово-коммуникационные системы.

В этой связи весьма востребованной является организация площадки для прямого диалога между бизнес-сообществами наших стран и предметного обсуждения конкретных проектов торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества.

В настоящее время имеется множество примеров успешной региональной кооперации, проведения региональных форумов, нацеленных на практическую реализацию указанных задач. Можно привести пример Восточного экономического форума, проводимого Российской Федерацией в целях содействия ускоренному развитию экономики Дальнего Востока и расширения международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Форум открыл новые возможности для прихода в макрорегион российских и иностранных инвесторов, запуска совместных инфраструктурных, производственных проектов. По этому образцу можно ежегодно созывать центральноазиатский экономический форум. Этот форум может выработать новые подходы к выстраиванию регионального сотрудничества, привнести новый, свежий взгляд в решение закоренелых проблем.

3. Немаловажным фактором углубления интеграционного процесса является создание благоприятного информационного фона для развития сотрудничества, укрепления доверия в регионе. Необходимо пресекать попытки нагнетания антагонизма, недоверия и подозрительности между странами Центральной Азии, формировать общие идейные и ценностные основы регионального сотрудничества.

Для стран Центральной Азии ближайшее десятилетие должно стать решающим: либо они сумеют выбрать общий путь интеграции в мирохозяйственную систему с сохранением суверенитета, либо останутся в роли сырьевых придатков транснациональных компаний. Интеграционные процессы, протекающие в Центральноазиатском регионе, являются следствием глобальных тенденций в системе международных отношений, связанных с интернационализацией социальной жизни, нарастанием взаимозависимости и потребностью интегрирующихся государств в укреплении нацио-

нальной государственности, безопасности и ответе на глобальные вызовы современности. Реализация указанных направлений предполагает, прежде всего, эффективное развитие регионального сотрудничества стран Центральноазиатского региона.

При этом основными принципами регионального сотрудничества должны стать укрепление взаимного доверия, равноправие, обоюдная выгода, уважение и учет интересов друг друга, невмешательство во внутренние дела, приверженность общепризнанным нормам и принципам международного права, готовность идти на разумные компромиссы.

Углубление интеграционных процессов приобретает в настоящее время важнейшее значение для обеспечения как региональной, так и национальной безопасности государств Центральной Азии.

Основные направления экономической интеграции стран Центральной Азии – это углубление экономического сотрудничества в регионе, которое возможно в нескольких основных сферах: 1) в области использования богатых природных ресурсов региона, в сфере энергетики и водопользования, в области транспортных коммуникаций; 2) в сфере строительства газо- и нефтепроводов; 3) в области производственной кооперации и развития сети совместных предприятий на основе межгосударственного разделения труда; 4) в экологической сфере, в решении проблем которой сегодня заинтересованы все страны Центральной Азии. Это высыхание Аральского моря, таяние ледников и т.д.

Для достижения цели углубления интеграционных процессов в регионе, на наш взгляд, необходимо сосредоточить усилия на наиболее приоритетных направлениях экономического взаимодействия. Можно выделить четыре таких направления.

Во-первых, как было обмечено выше, совместное рациональное использование водных и энергетических ресурсов. Приоритетность данного направления сотрудничества объясняется тем, что центральноазиатские государства связывают общие речные бассейны рек Сырдарья и Амударья. Главное – не превращать воду в инструмент политического и экономического давления. Вода для Центральной Азии должна стать объединяющим, а не разъединяющим началом.

Главными задачами, на решение которых должны быть направлены усилия стран региона в этой сфере, являются: (1) разработка новой стратегии рационального использования водных ресурсов региона; (2) определение принципов эксплуатации межгосударственных водных объектов, расположенных на территории сопредельных государств.

В реализации общей водно-энергетической политики стран Центральной Азии большие надежды также связываются со вновь создаваемым Межгосударственным водно-энергетическим консорциумом.

Вторым приоритетным направлением развития экономической интеграции стран Центральной Азии является активизация торгово-экономического сотрудничества.

Сегодня между странами региона существует большое количество преград для взаимной торговли.

Можно улучшить сотрудничество в этой сфере путём гармонизации таможенного и налогового законодательства, унификации таможенных правил и процедур; не допущения односторонних действий по ограничению на ввоз и вывоз товаров стран Центральной Азии. Политика протекционизма ушла в прошлое.

Третьим приоритетным направлением экономического взаимодействия государств Центральной Азии является сотрудничество в транспортно-коммуникационной сфере.

Сегодня многочисленные таможенные сборы, страховые взносы, прочие платежи делают транзит большегрузного транспорта через страны региона неприемлемо дорогим.

Поэтому в транспортно-коммуникационной сфере первостепенную важность имеют вопросы создания благоприятных правовых, экономических и организационных условий транспортировки грузов и перевозки пассажиров транзитом через территории государств региона.

Для решения этой задачи центральноазиатские страны должны: (а) сблизить нормативно-правовую базу в области транспорта; (б) согласовывать и проводить единую тарифную политику на всех видах транспорта; (в) и максимально сблизить тарифы на перевозку грузов и пассажиров.

Четвертым приоритетным направлением развития экономической интеграции центральноазиатских стран должно стать укрепление производственной кооперации и развитие прямых хозяйственных связей.

Перспективы интеграции стран Центральной Азии весьма оптимистичны, несмотря на имеющиеся трудности и барьеры. Но есть желание и стремление народов к интеграции и политическая воля лидеров государств Центральной Азии.

Очевидно, что Республика Таджикистан не может процветать без других государств Центральной Азии, и наоборот другие государства Центральной Азии так же не могут успешно решать свои глобальные проекты без Таджикистана. Таково историческое предназначение народов и стран региона жить в мире, дружбе и сотрудничестве.

ДИНАМИКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Нуритдинов Раимали Шахбозович
Доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой международных отношений
Таджикского национального университета

Актуальность динамики внешней политики и межгосударственных отношений Республики Таджикистан в изменяющемся мире в годы её государственной независимости заключается:

Во-первых, в том, что на годы государственной независимости приходится период становления внешней политики государства Таджикистан, её принципов, системы приоритетов и способов реализации. Меняется мир, меняется и Таджикистан, но одно остаётся неизмененным – необходимость проводить активную внешнюю политику, соизмеряя её с реальными возможностями и насущными интересами нашей страны.

Во-вторых, в сложном и многообразном комплексе международных отношений, включающем в себя политические, экономические, военные, гуманитарные, культурные и прочие взаимосвязи, ведущее место принадлежит именно межгосударственным отношениям.

Суверенное таджикское государство – является субъектом международных систем. Будучи особой формой общественных отношений, международные отношения возникают в процессе внешнеполитической деятельности государств, а также международных организаций и негосударственных субъектов международной жизни и проявляются в международных политических событиях, процессах, проблемах, ситуациях. Эти отношения на определённом этапе развития образуют устойчивую систему с присущими ей внутренними закономерностями. С позиций системного подхода, международные отношения представляют собой единый, внутренне целостный политический процесс. В основе этого процесса,

направленного в сторону всё большей его упорядоченности и управляемости, лежит смена международно-политических систем.

В новом мировом порядке, формирующемся после распада на рубеже 80-90-х годов XX века глобальной биполярной системы международных отношений, всё большую самостоятельную роль начинают играть негосударственные субъекты мировой политики. Однако, на наш взгляд, было бы преждевременно делать вывод о том, что эта роль становится сопоставимой по своей важности и значению с ролью государств. Международные политические отношения сегодня и в обозримом будущем по-прежнему во многом остаются синонимом межгосударственных отношений.

В-третьих, динамика внешней политики Республики Таджикистан в годы независимости обусловлена идеологическими и научно-образовательными интересами нашего суверенного государства. По этим вопросам недопустимо возникновение гносеологически-мировоззренческого вакуума, который незамедлительно будет заполнен деструктивными, экстремистско-радикальными элементами и силами внутри страны и за её пределами.

Период государственной независимости был наполнен наиболее динамичным и противоречивым развитием процессов глобализации и глубокими изменениями в международной системе. И в этот же период происходило становление внешней политики суверенного независимого государства Таджикистан. В этот период, особенно со второй половины 1990-х гг., ситуация в мире характеризовалась ускорением процесса формирования новой, полицентричной международной системы. Мы стали свидетелями глубинной трансформации геополитического ландшафта, укрепления новых центров экономического роста и политического влияния. Перемены, происходящие в мире, сопровождались и сопровождаются ростом турбулентности в международных отношениях, усилением противодействия членов мирового сообщества транснациональным вызовом и угрозам безопасности – терроризму и религиозному экстремизму, организованной преступности, коррупции, торговле людьми, наркотрафику и нелегальной миграции.

Процессы и события указанного периода являются базой для теоретического осмысления проблем воздействия глобализации на

международные отношения и внешнюю политику современного государства, а именно:

- полноценная внешнеполитическая деятельность Республики Таджикистан началась в 1992 г., – после объявления ею своей государственной независимости (9 сентября 1991 г.), образования СНГ (8-21 декабря 1991г.) и прекращения существования СССР как государства и субъекта международного права (25 декабря 1991г.);
- развитие внешнеполитической деятельности Таджикистана включает два этапа, которые, в свою очередь, состоят из нескольких фаз с присущими им особенностями. Становление современной внешней политики Республики Таджикистан началось в сентябре 1991 г. и завершилось в основном на рубеже 2002-2004гг.;
- в 1990-е гг. Республика Таджикистан проводила внешнеполитический курс с приоритетной ориентацией на Россию и другие страны СНГ;
- миротворческая миссия России в Таджикистане в годы внутреннего гражданского конфликта и мирного процесса по его преодолению осуществлялась по трем направлениям: защита таджикско-афганской государственной границы при официальном признании её как внешней границы стран СНГ, активное и ведущее участие в коллективных миротворческих силах, исполнение роли государства-наблюдателя на межтаджикских переговорах, что положительно отразилось на ходе примирительного процесса;
- отношения Таджикистана с Республикой Узбекистан в исследуемый период отличались стремлением сторон к урегулированию спорных вопросов и снятию определенных нежелательных явлений. Однако не по воле таджикской стороны наблюдалась тенденция к политизации этих проблемных вопросов;
- попытки создания в Центральной Азии в рассматриваемый период региональных организаций не имели успеха, так как они оказались нежизнеспособными и были лишены возможности влиять на ситуацию, а предпринятые отдельными государствами региона шаги не способствовали укреплению минимального уровня взаимного доверия;
- в 1990-е гг. США увязывали вопрос налаживания экономического сотрудничества с Республикой Таджикистан с ходом нацио-

нального примирения в стране и с процессом внутренних демократических преобразований;

- по достижении национального согласия в стране отношения между Таджикистаном и государствами Запада получили достаточный импульс в своем продвижении вперед;
- в исследуемый период США и другие государства Запада более активно, чем на уровне двусторонних отношений, поддерживали Таджикистан в рамках ООН, ОБСЕ, МВФ, Всемирного банка, ЕБРР, других международных банковских и финансово-кредитных организаций и учреждений;
- таджикская сторона в 1990-е гг. в связи с внутренними затруднениями не имела возможности выступить с конкретными предложениями по экономическим вопросам таджикско-иранского сотрудничества. Однако и Иран ограничился только культурно-образовательными программами и связями;
- в 1990-е гг. развитие политических и экономических отношений с Исламской Республикой Иран оставалось под влиянием позиции иранской стороны относительно урегулирования вопросов отношений Правительства Республики Таджикистан с объединенной таджикской оппозицией;
- Китай в исследуемый период не увязывал вопросы развертывания взаимовыгодного сотрудничества с Республикой Таджикистан с неэкономическими факторами действительности Таджикистана;
- по отношению к внутренним политическим проблемам Таджикистана Китай занимал позицию позитивного нейтралитета. Развитию экономических связей между странами в основном препятствовало отсутствие прямых наземных путей сообщения;
- анализ внешнеполитической деятельности Республики Таджикистан в 1990-е гг. свидетельствует о правильности выбранных ориентиров. Этот несомненный успех в значительной степени был обусловлен углублением процесса демократизации общественно-политической жизни, а также конструктивной и одновременно принципиальной позицией Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона по такому вопросу, как продвижение переговорного процесса с объединенной вооруженной оппозицией;

- в 2000-2001 гг. торгово-экономический аспект стал определяющим критерием реального состояния внешних отношений Таджикистана и степени их эффективности;
- с наступлением гражданского мира и стабильности в Таджикистане перед его государственным руководством неизбежно встал вопрос реальной диверсификации внешнеэкономических связей, в том числе вне пределов СНГ. Но при этом Таджикистан в начале 2000-х гг. ожидал, что произойдут серьёзные положительные изменения в экономическом сотрудничестве в первую очередь с Россией и другими государствами СНГ;
- участие Таджикистана в международной антитеррористической коалиции (особенно после террористических актов 11 сентября 2001 г. в США) оказало существенное воздействие на утверждение тенденции к более активному развитию двустороннего и многостороннего сотрудничества Таджикистана не только с государствами американского и европейского континентов, СНГ, но и с азиатскими странами;
- гарантированная безопасность, реальный суверенитет, территориальная целостность Таджикистана, как и всех его союзников по системе коллективной безопасности, обеспечиваются всей мощью геополитического содружества в виде ОДКБ;
- геополитические и военно-политические приоритеты Таджикистана, которых он твердо придерживался в 1990-е гг., а также после объявления в декабре 2002 г. многовекторного внешнеполитического курса «открытых дверей», практически остались неизменными;
- Концепция внешней политики Республики Таджикистан от 24 сентября 2002 г. впервые оформила и закрепила устоявшиеся и оправдавшие себя позиции и целеустановки, наметила новые горизонты международной деятельности. При этом не произошло какой-то кардинальной переориентации внешнеполитического курса Таджикистана, но появились элементы новизны в формировании системы национальных приоритетов на международной арене и в выборе набора инструментов реализации внешнеполитических задач;

• многовекторный характер внешней политики «открытых дверей» Республики Таджикистан на практике выразился в диверсификации межгосударственных связей страны и демонополизации ее торгово-экономических приоритетов, в работе по привлечению зарубежных инвестиций и военно-технической помощи из третьих по отношению к ОДКБ и ЕврАзЭС стран при полном сохранении устоявшихся до декабря 2002 г. геополитических и военно-политических приоритетов.

Таким образом**:**

1. В условиях становления государственного суверенитета руководству Республики Таджикистан приходилось принимать нелёгкие решения. Они содействовали вхождению страны в мировое сообщество в качестве субъекта международного права и отношений, что было задачей огромной исторической важности. И это был первый этап (до марта 2000г.) в международной деятельности Республики Таджикистан, в ходе которого государство прошло путь от актуальных для международной обстановки тех лет дипломатических акций до уровня реализации полномасштабной концепции взаимодействия с внешним миром. Характер, динамика, насыщенность событиями и продолжительность этого этапа были обусловлены гражданской войной в стране и преодолением её последствий в рамках мирного процесса установления национального согласия.

Следующий этап (с апреля 2000г. по настоящее время) отражает переход внешней политики Таджикистана на новый уровень и её дальнейшее развитие. Входе данного процесса были сформированы первая (2002 г.) и вторая (2015 г.) – ныне действующая – Концепция внешней политики государства, которая определяет её характер, приоритеты и основные направления.

В данный период произошло формирование зарубежной инфраструктуры – посольств, консульств, дипломатических миссий; во многом наладился процесс подготовки дипломатических кадров, а с принятием в 2002г. Закона Республики Таджикистан о дипломатической службе укрепилась нормативная правовая база деятельности отечественных дипломатов. Всё это эффективно повлияло на уровень и качество осуществления внешней политики страны.

Начало второго этапа в развитии внешней политики Таджикистана необходимо связывать с наступлением качественно нового периода в истории страны после завершения перехода от состояния гражданской войны к миру и национальному согласию, а не с изменениями в развитии международных отношений в евразийском регионе после трагических событий 11сентября 2001г. в США. Между тем многие исследователи в научных изданиях высказывают мнение о том, что новый этап в развитии международной деятельности Республики Таджикистан начался после создания международной антитеррористической коалиции в Афганистане в 2001 году.

Задачей первого этапа было формирование международно-правовой базы сотрудничества с другими странами как на двусторонней основе, так и в многостороннем формате. Наряду с этим и наработкой определённого опыта дипломатической деятельности в первую очередь проявила себя задача формирования механизма обеспечения стратегических национальных интересов за рубежом. Исходя из этого с наступлением мира и стабильности в Таджикистане на первый план вышли вопросы социально-экономического развития: поднятие и развитие экономики страны, привлечение инвестиций, создание новых рабочих мест, повышение уровня народного благосостояния и т.д. Поэтому перед руководством Таджикистана неизбежно встал вопрос диверсификации внешнеэкономических и межгосударственных связей не только с Россией и другими государствами СНГ, но и вне пределов СНГ.

2. В постсоветском экономическом направлении внешней политики Таджикистана ситуация конфликта идеалов и реальности продолжалась на протяжении 1995–2002гг. Последующие годы стали периодом избавления от неоправданной эйфории в восприятии окружающего мира – периодом осторожного формирования путём проб и ошибок международно-политической идентичности Таджикистана. Представление о мире и о месте в нём страны постоянно выкристаллизовывалось. Формальным доказательством этому служит тот факт, что во втором десятилетии (2002–2012гг.) внешняя политика Республики Таджикистан развивалась в соответствии с

новыми концепциями внешней политики и национальной безопасности.

Превращение Таджикистана в политически стабильное и процветающее самодостаточное государство с наступлением 2000 годов было объявлено общенациональной задачей. Решению этой задачи Президентом Республики Таджикистан Эмомали Рахмоном всецело был подчинён его модернизированный на рубеже 2002-2003 гг. самостоятельный и конструктивный политический курс во внешних делах страны.

3. Отличительной чертой внешней политики Таджикистана являются многовекторность, сбалансированность и взаимовыгодный прагматизм, которые требуют оптимального сочетания усилий по их реализации по всем направлениям. Это, в частности, в первом десятилетии 2000 годов проявилось в работе по обеспечению международными финансовыми институтами и сообществом стран-доноров поддержки стратегии сокращения бедности и программ государственных инвестиций.

В то же время в многовекторной внешней политике Президента Таджикистана Эмомали Рахмона сохранились сформировавшиеся ещё в 90-х годах XX в. чётко выраженные геополитические приоритеты. Так, Таджикистан связывает с Россией, которая была и остаётся одним из значительных мировых центров военно-политической, экономической и культурно-информационной силы, отношения двустороннего стратегического партнёрства и военно-политического союзничества в рамках Организации Договора о коллективной безопасности. Это вполне вписывается в концепцию формирования новой, полицентричной международной системы.

4. Объявленный на рубеже 2002-2003гг. внешнеполитический курс «открытых дверей» с точки зрения дальнейших отношений Таджикистана с Россией, сотрудничество с которой у него было самым высоким по уровню политического доверия в СНГ, означал признание сторонами существования определённого дисбаланса в сторону политической и военной составляющих и выправление совместными усилиями сложившегося в 1990-е годы положения путём расширения и углубления экономического, инвестиционного и гуманитарно-культурного сотрудничества. Иными словами, внешняя политика «открытых дверей» предполагала обязатель-

ность модернизации таджикско-российского взаимодействия за счёт усиления его экономического и гуманитарного измерений, адаптацию стратегического партнёрства двух государств к новым реалиям мировой политической действительности.

Что касается военно-политических приоритетов Таджикистана, которых он твёрдо придерживался в 1990-е годы после обретения государственной независимости, то они и после 2002 г. практически не изменились. Так, на территории Республики Таджикистан сохраняется российское присутствие в виде крупной военной базы и объектов военной инфраструктуры. Таджикистан является одним из наиболее последовательных, активных и дисциплинированных членов ОДКБ. В течение первого десятилетия XXIв. в адрес руководства Таджикистана от зарубежных государств (вне СНГ) не раз поступали предложения о размещении на территории страны объектов военной инфраструктуры на платной основе, но они даже не рассматривались.

5. Таким образом, многовекторный характер внешней политики выразился на практике в диверсификации межгосударственных отношений Таджикистана и демонополизации торгово-экономических приоритетов, привлечении зарубежных инвестиций и военно-технической помощи из третьих по отношению к ЕврАзЭС и ОДКБ стран при полном сохранении устоявшихся до декабря 2002г. геополитических и военно-политических приоритетов.

6. Востребованность и долговечность данной политики, о проведении которой глава государства Таджикистан Эмомали Рахмон впервые публично объявил в своем новогоднем обращении к населению страны 31 декабря 2002г., во многом будет зависеть от того, как дальше будут развиваться соответствующие процессы в постсоветском пространстве и мире во втором десятилетии нового века.

В 2012 г. Россия, Белоруссия и Казахстан начали создавать Единое экономическое пространство, затем был образован Евразийский экономический союз. Мегапроект не предполагает утрату политического суверенитета государствами-участниками, он способен принести очевидные выгоды всем членам этого добровольного и

равноправного межгосударственного объединения и найти поддержку среди социальных групп и слоёв в постсоветских странах.

Республика Таджикистан продолжает активно участвовать в работе, которая сделает возможным её присоединение сначала к Таможенному союзу и Единому экономическому пространству.

7. В исследуемый период Республика Таджикистан развивала и будет и в дальнейшем развивать и укреплять торгово-экономическое, политическое и духовно-культурное сотрудничество с государствами Центральной Азии, создавать прочную основу для стабильности, проведения диалога и эффективного взаимодействия в регионе во всех форматах межгосударственных отношений.

Наступило время создания в Центральной Азии под эгидой ОБСЕ либо ШОС коллективной системы экологической безопасности как важного звена региональной безопасности, модернизации систем ирригаций, внедрения более чистых технологий на принципах «обнуления отходов и сбросов», активного вовлечения населения в природоохранное предпринимательство, в международные проекты по восстановлению нарушенных экосистем. Сохранение экологического баланса в регионе требует от входящих в него стран больших усилий и укрепления конструктивного доверительного сотрудничества между ними и, следовательно, целенаправленных практических действий в многостороннем формате. Республика Таджикистан выражает полную готовность к сотрудничеству в реализации данной актуальной задачи. Однако это сотрудничество должно быть основано на принципах добрососедства, взаимности, доброй воли и недискриминации в межгосударственных отношениях всех стран Центральной Азии. В этой связи огромное значение приобретает предложение таджикской стороны в адрес государственного руководства соседнего Узбекистана о позитивной «перезагрузке» двусторонних отношений с целью вывода их из кризисного состояния.

8. Одно из ключевых условий результативной международной деятельности любого государства – это эффективный механизм принятия и реализации внешнеполитических решений. В целях оптимизации внешнеполитической деятельности Республики Таджи-

кистан *рекомендуется* продолжить работу по совершенствованию данного механизма.

Значительным шагом к дальнейшему развитию механизма принятия и реализации внешнеполитических решений могла бы стать эффективная работа Консультативно-совещательного совета по внешней политике при Президенте Республики Таджикистан. Подобная структура способна сыграть свою позитивную роль при решении ряда актуальных задач:

- обновление действующей Концепции внешней политики республики с учётом изменений минувшего десятилетия на мировой арене и внутри страны;
- обеспечение коллегиального характера выработки и принятия внешнеполитических решений государства;
- вовлечение в этот процесс всех субъектов международной деятельности республики;
- принятие и выработка ключевых внешнеполитических решений, основанных на глубоком анализе и экспертизе не только государственных исследовательских структур, но и широкого экспертного сообщества;
- обеспечение стратегического планирования как основы внешнеполитического механизма на базе краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного прогнозирования;
- достижение прозрачности механизма принятия внешнеполитических решений;
- укрепление исполнительской дисциплины в целях реализации внешнеполитических решений государства.

Для регулирования деятельности участников внешнеполитического процесса необходимо подготовить и принять закон Республики Таджикистан о внешнеполитической деятельности Республики Таджикистан. По нашему мнению, этот нормативный правовой акт позволит определить:

- цели и задачи внешнеполитической деятельности Республики Таджикистан;
- основные принципы внешнеполитической деятельности государства Таджикистан;

- элементы системы внешнеполитической деятельности Республики Таджикистан, их полномочия в этой сфере;
- механизм координации и контроля внешнеполитической деятельности Республики Таджикистан;
- иные необходимые аспекты.

Принятие закона о внешнеполитической деятельности Республики Таджикистан также позволит конкретизировать юридическую базу для осуществления работы по периодическому обновлению текста Концепции внешней политики Республики Таджикистан и улучшить условия для разработки программ внешнеполитической деятельности государства на конкретный период или по её отдельным направлениям.

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Илолов Мамадшо Илолович
Директор Центра инновационного развития и новых технологий Академии наук Республики Таджикистан
Профессор, академик АН Республики Таджикистан

Каримова Сакина Мамадрахимовна
Научный сотрудник Центра инновационного развития и новых технологий Академии наук Республики Таджикистан

Современное технологическое общество и его развитие немыслимы без надежной энергообеспеченности и энерговооруженности. Еще в начале 60-х годов прошлого века лауреат Нобелевской премии, академик АН СССР Николай Семенов, анализируя динамику энергопотребления и экологических показателей теплового загрязнения и загрязнения диоксидом углерода (CO^2), писал: «Быстрое исчерпание в будущем ресурсов обычного топлива и увеличение эмиссии CO_2 в атмосфере настоятельно ставит перед человечеством проблему создания принципиально новой базы мировой энергетики. Времени на создание этой базы у нас мало, по-видимому, около 100 лет»[1]. Не прошло и 60 лет, и мы уже можем констатировать, что прогноз великого ученого сбывается.

Основной международный документ по борьбе с изменением климата – Парижское соглашение – предполагает достижение к 2050 году следующей цели: удержать глобальное потепление приземной температуры на уровне значительно ниже 2 C^0.

Главным условием выполнения этой цели является то, что к середине 21-ого столетия мир должен полностью перейти на возобновляемые источники энергии (ВИЭ).

Возобновляемая (регенеративная, или зеленая) энергия – это энергия из источников, которые, по человеческими масштабам, являются неисчерпаемыми. Такими источниками являются солнечный свет, водные потоки, ветер, приливы и геотермальное тепло.

[1]Варфоломеев С.Д., Ефременко Е.Н., Крылова Л.П. Биотопливо // Успех химии. 2010. Т.7, вып.6. С.554-564.

Хорошо известно, что, наряду с энергоэффективностью, переход на ВИЭ является одной из основных мер по адаптации к изменению климата. ВИЭ способны вырабатывать электроэнергию, не выбрасывая при этом парниковые газы (прежде всего CO_2) в атмосферу. Кроме того, большинство из них не производит твердых бытовых отходов.

Таким образом, уже сегодня передовые страны мира стараются отказываться от традиционного горючего и переходить на альтернативные источники энергии. Так, после конференции ООН по устойчивому развитию «РИО + 20» Германия объявила о том, что к 2050 году полностью перейдет на возобновляемые источники энергии.

Среди глобальных инициатив, направленных на развитие ВИЭ, прежде всего на развитие солнечной энергии, следует отметить создание Международного солнечного альянса (МСА). МСА был создан по инициативе Индии и Франции и призвана объединить усилия стран солнечного пояса (северного и южного тропика – от 23^0 широты южнее экватора до 23^0 севернее его). На этих широтах и поближе к ним, в частности в странах нашего региона, плотность светового потока солнечной энергии весьма высока. Например, в пустынных и горных регионах Центральной Азии эта величина достигает 0,5 – 1,8 кВт.м$^{-2}$. В первых числах октября 2018 г. в Нью-Дели прошла первая генеральная Ассамблея МСА, на которой приняты основополагающие документы, регулирующие деятельность организации. Правительство Республики Таджикистан предлагает войти в состав МСА в ранге наблюдателя.

В настоящих заметках покажем потенциал ВИЭ в Центральной Азии и перспективы их развития в регионе. Ознакомимся с элементами национальной политики и приоритетах государств региона в области развития ВИЭ.

К сожалению, приходится констатировать, что в регионе Центральной Азии инициативы по развитию возобновляемой энергетики по-прежнему находятся на зачаточном уровне.

Лидером среди стран является Казахстан, однако даже здесь доля ВИЭ на настоящий момент не превышает даже 1%. По сообще-

нию bnews.kz[1], «сейчас в Казахстане действует 55 объектов ВИЭ общей мощностью 336 МВт, которыми в 2017 г. выработано порядка 1,1 млрд. кВт/ч «зеленой» энергии». С 2009 г. на законодательном уровне созданы благоприятные условия, за счет внедрения фиксированных тарифов гарантируется закупка энергии, вырабатываемой из ВИЭ, снимаются налоговые обязательства. Через год после подписания Парижского соглашения, а именно начиная с 2016 года, Казахстан предпринял значительные усилия по развитию сектора возобновляемых источников энергии и по итогам 2017 г в этой республике выработка электроэнергии из возобновляемых источников выросла на 22%.

Основной проблемой альтернативных источников энергии является высокая стоимость получаемой электроэнергии. С целью решения данной проблемы Казахстан решил перейти на аукционную систему. Как сообщает zakon.kz[2], в мае 2018 г. Министерство энергетики Казахстана выставило объекты ВИЭ на первый в Центральной Азии аукцион. Мероприятие прошло в несколько необычном формате – в режиме онлайн, и победителями стали наиболее эффективные проекты, предложившие наименьшую стоимость. При проведении данной акции Казахстан опирался на опыт таких стран, как Объединённые Арабские Эмираты, Саудовская Аравия, Чили и Мексика. Посредством такой меры Казахстан надеется привлечь иностранных инвесторов. Кроме того, по сведениям abctv.kz[3], уже сегодня активно ведутся переговоры с Южной Кореей, которая планирует поделиться своими технологиями возобновляемой энергетики. Среди примеров таких технологий – солнечные панели для зданий, автостоянки, которые освещаются ночью за счет энергии, накопленной в батареях и т.д.

В то же время в Афганистане уже утверждена стратегия внедрения ВИЭ во все сектора экономики. Для Афганистана в связи с ростом потребления населением энергоресурсов повышение энергоэффективности крайне важно.

---

[1]ЕС усилит взаимодействие с Центральной Азии. https://bnews.kz/ru/news/es_usilit_vzaimodeistvie_s_tsentralnoi_aziei

[2]Почему Казахстану следует развивать зеленую энергетику? https://www.zakon.kz/4783562-pochemu-kazakhstanu-stoit-razvivat.html

[3]Быть ли «зеленому» финансовому рынку в Казахстане? https://abctv.kz/ru/news/byt-li-«zelenomu»-finansovomu-rynku-v-kazahstane

Таджикистан мог бы быть восьмым в мире по производству гидроэлектроэнергии – его гидроэнергетический потенциал оценивается в 527 млрд кВт ч в год. Однако сейчас страна способна в среднем выработать не больше 16,5 млрд кВт ч. Недавний ввод в строй первого агрегата Рогунской ГЭС, общая мощность которой составляет 3600 МэВ, позволяет надеяться на существенно большие объемы выработки электроэнергии в стране. В Таджикистане развивается малая гидроэнергетика и другие виды возобновляемой энергетики, построено более 200 малых ГЭС, в 138 селах подготовлены технико-экономические обоснования внедрения солнечной энергетики.

По утверждению специалистов Института “Солнце” Академии наук Узбекистана, страна богата солнечной энергией, которая составляет 98,5% от всех ВИЭ вместе взятых. В мае 2017 г. принята государственная программа по развитию возобновляемой энергетики и повышению энергоэффективности.В рамках этой программы планируется ввести в строй до 2024 г. 6 солнечных электростанций мощностью 100 МэВ каждая. В Ташкенте открыт Международный научно-исследовательский институт солнечной энергетики, на базе которого разработаны учебные программы по подготовке кадров высокой квалификации отрасли для всех стран Центральной Азии. В Узбекистане утверждены дорожные карты по ВИЭ, на рассмотрении парламента страны находится законопроект о государственно-частном партнерстве, в котором будет изложен механизм реализации новых энергетических проектов.

Что же касается Кыргызстана, то здесь использование альтернативных источников энергии обусловлено тем фактом, что страна обладает неограниченными ресурсами ископаемого топлива. Кыргызстан задействован в межрегиональном проекте ЮНИДО «Расширение масштабов развития малых ГЭС в отдельных странах». В стране принят закон о ВИЭ, в котором установлены базовые положения, правовые основы политики ценообразования и тарифная политика. 94% всей энергетики Кыргызстана вырабатывается за счет крупных ГЭС (в настоящее время действует 12 малых ГЭС).

В Туркменистане принята программа энергосбережения 2018-2024 гг., которая рассматривает внедрение ВИЭ и подготовку закона об альтернативных источниках энергии. Разработан план мероприятий по выполнению этой программы, который включает под-

готовку законодательной базы. Также разрабатывается дорожная карта по развитию солнечной энергетики при содействии министерства энергетики Республики Туркменистан. Все основные энергетические объекты в стране перешли на газ. При этом использование ВИЭ в больших масштабах нерентабельно, но допустимо в маленьких масштабах в труднодоступных местах на уровне домохозяйств. Туркменские специалисты отмечают, что имеется обратная сторона использования ВИЭ. Так, к примеру, если будут применяться большие площади под ветровые установки, то будет меняться направление ветра. То же самое и с солнечной энергетикой – изменениям подвергнется тепловой баланс в природе.

Надо отметить, что в регионе имеются большие запасы и крупные разведанные месторождения кварца и кварцитов, которые составляют основу сырьевой базы кремниевой промышленности. Кремний, в свою очередь, является основным минералом для производства кремния солнечного качества. На сегодня солнечные элементы из поли- и монокристаллического кремния составляют 90% мирового рынка. Можно, например, разворачивать производство кремния солнечного качества способом электролиза на существующих промышленных площадках Таджикской алюминиевой компании.

В завершение хотелось бы отметить, что основная проблема с развитием ВИЭ заключается, скорее, не в нежелании, а в отсутствии необходимых финансовых ресурсов. К сожалению, львиная доля субсидий по-прежнему достается сфере традиционной электроэнергетики. Нельзя также не отметить, что в настоящее время альтернативным источникам энергии уделяется все больше и больше внимания, в том числе и в регионе Центральной Азии. Объем энергопроизводства в Центральной Азии низкий по сравнению с другими странами, и регион отстает по внедрению ВИЭ. Тем не менее, есть динамика развития. Главным вызовом остается нефтегазовый сектор, вопрос энергоэффективности, а также необходимость наладить работу с международными финансовыми институтами с целью привлечения инвестиций в отрасли.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В РЕАЛИЗАЦИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ТАДЖИКИСТАНА

Валамат-Заде Тимур Гафарович
Национальный эксперт по водным и энергетическим вопросам Республики Таджикистан

Истоки электроэнергетики в Центральной Евразии и Таджикистане были заложены в СССР. Сегодня по производству электроэнергии Таджикистан занимает 77 место из 244 государств мира.

Современное состояние электроэнергетики Таджикистана и ее соотношение с некоторыми странами мира. (ENTSO-E, 2015 г.) выглядит следующим образом:

Государства	**Производство электроэнергии (млрд. кВт.ч.\год)**	**Пореблление электроэнергии (млрд. кВт.ч.\год)**	**Экспорт (млрд. кВт.ч.\год)**	**Удельное потребление электроэнергии (тыс.кВт.ч.\чел.)**	**Население (млн.чел)**
Таджикистан	16,9	15,6	1,4	1,816	8,6
Кыргызстан	12,8	13,3	импорт-0,5	2,217	6,0
Узбекистан	57,3	55,8	1,5	1,712	32,6
Туркменистан	22,4	19,3	нет данных	3,712	5,2
Казахстан	90,8	90,9	импорт-0,1	5,136	17,7
Итого:	200,2	194,9	------	------	70,1
Афганистан	0,986	-----	-------	------	36,4
Белоруссия	34,1	36,7	2,6	3,863	9,5
Армения	7,8	6,6	1,2	2,200	3,0
Эстония	9,1	8,1	1,0	6,231	1,3
Литва	4,6	10,9	импорт-6,3	3,759	2,9

Латвия	5,4	7,2	импорт-1,8	3,600	2,0
Словения	14,0	13,6	0,4	6,476	2,1
Венгрия	27,1	40,8	импорт-13,7	4,121	9,9

Преимущества электоэнергетики Таджикистана

Наличие огромных возобновляемых ресурсов воды почти по всей территории республики, с гидроэнергопотенциалом 527 млрд. кВт.ч./год (4% общемирового гидроэнергетического потенциала), это почти столько же, сколько вырабатывают Южная Корея или Франция в наши дни, но у нас самая дешёвая-возобновляемая энергия. Для сравнения, по количеству населения Таджикистан из 85 субъектов РФ уступает лишь Москве. Существующая инфраструктура в водном секторе и электроэнергетике РТ после развала СССР оказалась с большим запасом прочности, что позволило как-то решать экономические вопросы в начальной стадии становления РТ и служит фундаментом сегодня.

Слабая финансовая база

Длительная эксплуатация объектов электроэнергетики, без наличия достаточной финансовой отдачи для их реабилитации и развития, закрепила в сознании многих людей, в том числе в госуправлении, приемлемость подобной ситуации. Это привело к ухудшению в электроснабжении населения; в секторе водоснабжения и мелиорации; к авариям на Кайраккумской и Памирской ГЭС; износу оборудования на ГЭС, ЛЭП, подстанциях, насосных станциях и др. Существующая тарифная политика с дешёвой электроэнергией выручила народное хозяйство в тяжёлый период, но со временем, в процессе стабилизации государства, стала тормозом в рентабельности, техническом прогрессе и индустриальном развитии страны. Для восстановления и развития электроэнергетики Правительство вынуждено было брать кредиты, которые к настоящему времени достигли 74% внешнего долга страны.

Недостатки

В период становления государственности РТ практически все недостатки работы различных отраслей страны решались за счёт электроэнергетического сектора. Электроэнергия поставлялась

практически даром, что не позволяло производить в необходимых объёмах своевременный ремонт, реабилитацию и развитие электроэнергетики. Существующая система тарифов на электроэнергию не позволяет сделать отрасль рентабельной и сдерживая технический прогресс по стране в целом. Оборудование в системе электроэнергетики, ирригации, водоснабжении, алюминиевой промышленности и др. изнашивалось, что вело к повсеместному перерасходу электроэнергии и рентабельности в целом производства.

Сегодня гидроэлектроэнергетика – наиболее продвинутая к современным мировым требованиям важнейшая отрасль в Таджикистане. Вклад её в экономическое состояние страны вчера, сегодня и завтра – решающий. Однако, отрасль, которая постоянно производит продукцию, пользующуюся спросом внутри страны и за рубежом, занимает первое место во внешнем долге Таджикистана. Многочисленные «специалисты» могут объяснить что и как. Но такое состояние важнейшей отрасли государства на протяжении десятилетий не может считаться нормальным.Несмотря на неоднократные указания руководства страны, стереотипность мышления аппарата не позволяет кардинально изменить ситуацию и перевести гидроэлектроэнергетику из состояния кредитора в состояние самого рентабельного производства в Таджикистане, в важнейший инновационный проект страны.

В основополагающем документе – Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период 2018-2030 гг., определяющем развитие страны, обозначена необходимость комплексного решения для осуществления перехода от аграрного состояния в индустриально-аграрное и уделено особое внимание энергетическому обеспечению в переходный период. Это означает, что и аграрный сектор должен быть максимально индустриализирован.

С полным пуском в эксплуатацию Рогунской ГЭС и намеченных объектов производство электроэнергии в Таджикистане (77 место в мировом рейтинге) может вырасти ориентировочно до 40-45 млрд.кВт.ч./год. Это больше, чем производят сегодня такие страны, как Венгрия (64), Белоруссия, Дания, Сербия, и приближается к электроэнергопроизводству Гонконга (59) или Сингапура (54). Всё зависит от того, как мы будем работать. Поэтому гидроэлектроэнергетика, являясь важнейшим элементом индустриализации**,** подразу-

мевает максимально эффективное использование природных ресурсов и потенциала энергетического сектора для устойчивого роста экономики, повышения качества жизни населения страны, занятости и содействия укреплению ее внешнеэкономических позиций. Приложение усилий народа Таджикистана к ускоренному, но обязательно качественному сооружению Рогунской ГЭС – это важнейшее событие в электроэнергетике, индустриализации и экономике Таджикистана – важного региона Центральной Евразии и мирового сообщества в целом.

Необходимо:

Для Таджикистана:

- прекращение затянувшегося вклада государственных и заёмных средств под проценты без какой-либо отдачи;
- увеличение установленной мощности, а следовательно надёжности снабжения потребителей, в том числе зарубежных;
- увеличение эффективности работы всего каскада Вахшских ГЭС – круглогодично;
- уменьшение процесса заиления Нурекского водохранилища и возможного, при сохранении существующей тенденции, заиления Дангаринского ирригационного тоннеля;
- увеличение возможностей по безопасному и экономичному регулированию стока воды по реке Вахш и частично по реке Амударья;
- увеличение возможности экспорта электроэнергии и обеспечения внутренней индустриализации.

Для Центральной Евразии:

- возможность более эффективной, многолетней подачи дополнительного стока воды в вегетационный период в Туркмению, Узбекистан и Аральское море независимо от многолетнего колебания стока реки;
- увеличение возможности экспорта электроэнергии и поддержания энергосистем региона при аварийном и других режимах работы независимо от времени года.

Для мирового сообщества:

- начало существенного увеличения производства гидроэлектроэнергии в Центральной Евразии – возобновляемой, наиболее

экологически чистой, дешёвой и доступной, при наличии местных инженерно-технических кадров и длительного опыта эксплуатации на энергообъектах мирового масштаба;

- снижение выбросов загрязнения в атмосферу.

За прошедший период Правительство Таджикистана, параллельно со строительством Рогунской ГЭС, провело огромную работу в секторе электроэнергетики, введены в строй: Душанбинская ТЭЦ; новые гидроагрегаты на ГЭС, реабилитация на некоторых ГЭС, ЛЭП и подстанциях, систематизируются ремонтные работы; важнейшие современные линии электропередачи и подстанции объединили энергосистему внутри страны и создали возможность экспорта в Киргизию, Афганистан и Узбекистан; внедряются самые современные технологии в управление энергосистемой, восстанавливается повсеместно современная система счётчиков потребления электроэнергии; энергосистема Таджикистана вновь, более надёжно, соединена с Объединённой энергосистемой; начались работы по сооружению, впервые в Центральной Азии, высоковольтного энергомоста постоянного тока, проект CASA-1000, который соединит энергосистемы Кыргызстана, Таджикистана, Афганистана и Пакистана с возможным подключением в дальнейшем Узбекистана, Индии и Ирана.

Осуществление проекта «CASA-1000» и завершение строительства Рогунской ГЭС не только уменьшат проблемы электроэнергетической безопасности Таджикистана, но и значительно повысят возможности индустриализации и экспорта. При этом надо всегда помнить, что экспортеры и импортеры энергетических ресурсов и электроэнергии понимают энергетическую безопасность поразному. Поставщик заинтересован в высоких, а потребитель – в низких ценах на продукт, и оба - в надежности поставок. Страны-экспортеры энергоресурсов делают главный упор на поддержание "стабильности спроса", который, в конце концов, обеспечивает преобладающую долю их доходов. Энергодефицитные страны озабочены тем, как изменение цен и надёжность поставок энергоносителей и электроэнергии влияет на их платежный баланс. Однако всегда надо помнить, что каждый кВт.ч., эффективно использованный

внутри страны, за счёт мультипликативного эффекта принесёт гораздо больше пользы Таджикистану, чем его экспорт.

Исходя из вышесказанного, электроэнергия, произведённая в Таджикистане, в первую очередь должна идти на индустриализацию страны, например:

- электрификацию железнодорожного и городского сообщения;
- создание производств и мощностей по выпуску фольги из алюминия, в том числе для различных современных упаковочных материалов для длительного хранения продуктов питания и соков, других готовых продуктов. Для внутренних нужд страны и экспорта, для нужд электротехники;
- создание производств по выплавке на основе алюминия различных сплавов, пользующихся высоким спросом на мировом рынке, а также различных изделий, в том числе для строительного сектора страны;
- обеспечение электроэнергией новых предприятий промышленности, индустриализации сельского хозяйства, хранилищ продуктов, в том числе долгосрочных, сооружаемых для чрезвычайных ситуаций.

Исходя из принятых решений, Республика Таджикистан стремится стать составной частью экономики мира, но с постоянным расширением своей экономической независимости во внутренних вопросах, включая энергетику.

По-видимому, мы не хотим быть экономической колонией, однако самый существенный признак колонии заключается в том, что она

вывозит сырье или изделия низкого передела и ввозит высокотехнологичные товары.

Поэтому провозглашённая Правительством Национальная стратегия индустриализации Таджикистана не может осуществляться в отдельном секторе экономики, она должна быть осуществлена быстро и охватить все сферы деятельности народа и государства, в том числе образование и научную деятельность.

Это возможно только при наличии комплексного, всестороннего, научно, экономически и финансово обоснованного программного документа, разработанного с учётом взаимосвязи всех регионов и

районов страны, взаимодействия с соседними государствами, а также новых требований охватившей мир информационной революции.

У нас был некоторый опыт подобного подхода. Это Южно-Таджикский территориально-производственный комплекс (ЮТТПК), в рамках которого был построен ряд важнейших хозяйственных объектов, связанных единой энергосистемой.

В её центре – одна из крупнейших гидроэлектростанций на советском экономическом пространстве – Нурекская ГЭС. Строительство Рогунской ГЭС так же было там предусмотрено.

Однако начало развала СССР, длительная гражданская война, период возрождения новой государственности, остановили осуществление этого плана.

Наряду с реализацией уже запланированных объектов, создание Комплексной Программы, но теперь для всей территории Республики Таджикистан, было бы весомым вкладом.

Целесообразно, с использованием научного потенциала АН РТ, вузов, НИИ, материалов Архива, при активном участии всех министерств и ведомств, используя практический и теоретический опыт КНР и др. стран, добившихся результатов в сжатые сроки, а также современную практику планирования и международные банковские требования к каждому проекту, при достаточной мобилизации и дисциплине, в течение одного года создать подобную Программу, внося в неё необходимые корректировки в процессе исполнения.

В рамках этой Программы должна быть разработана единая методика, которую необходимо использовать при осуществлении всех крупных объектов, с участием государственного бюджета. Комплексная Программа индустриализации в любой отрасли, должна включать: проекты с графиками исполнения по дням и часам; жёсткие меры к проектировщикам, подрядчикам или поставщикам, нарушителям исполнения графика. В том числе к нечётко работающим банкам, как государственным, так и частным. То есть должны быть ужесточены требования и определена ответственность руководителей и специалистов, работающих в отрасли на всех ступенях.

Должны быть кардинально изменены финансово-хозяйственная практика и процедура принятия решений о тарифах, госзакупках и др.

Необходимо ускоренное развитие в стране всех доступных производств по обеспечению стройматериалами, электроматериалами, электрооборудованием, промышленным оборудованием. Способствование становлению частных отечественных проектных, строительных, монтажных, пусконаладочных, транспортных, консультативных и ремонтных организаций, способных решать любые задачи и избавляющих от лишних расходов при индустриализации страны. В Таджикистане достаточно высших учебных заведений, способных, при определённой перестройке, подготовить высококвалифицированные кадры. Вышеперечисленное в разы сократит отток валюты и обеспечит граждан достойной работой. При этом государство обязано защищать свой внутренний рынок.

Отдельно о тарифах

Известно, что тарифная политика имеет как экономический, так и политический аспект, тем не менее, настал момент, когда государство может полностью отказаться от политики применения заниженных тарифов на электоэнергию. Тариф должен быть рентабельным, с постепенным возвращением накопленных долгов, с учётом реабилитации и развития. Возможно введение на переходной период единого тарифа взамен существующего калейдоскопа тарифов – источника коррупции и неэффективного расходования электроэнергии. При этом следует временно ввести заниженный тариф на электроэнергию от 150 кВт.ч/мес. летом

до 250 кВт.ч/мес. зимой для семей, имеющих доход ниже среднего по Таджикистану. Тариф обязательно должен индексироваться с курсом валют, так как большая часть оборудования закупается за рубежом.

Другое

Создать в системе Минфина специальные неприкосновенные фонды крупных предприятий для накопления средств на реабилитацию и развитие, для снижения влияния инфляции на этот фонд. Накопления содержать в золоте. Национальному Банку РТ разработать меры по ужесточению контроля над работой банков, в том числе коммерческих, с целью исключения банкротств, наносящих ущерб предпринимателям, производству и гражданам Таджикистана.

Предусматривать все возможные меры по развитию импортозамещения, в том числе, как правило, осуществлять внутренние госзакупки товаров, работ и услуг, по возможности всегда сокращая внешние закупки. Проводить постоянную реальную работу по контролю за улучшением качества и номенклатуры производимой продукции, работ и услуг.

Правительству принять кардинальные решения по освобождению мелких предприятий и предпринимателей от излишнего контроля и опеки. Предельно упростить процедуру организации и закрытия подобных производств, взимания налогов. Создать республиканский фонд семян зерновых и овощей, племенных животных и рыбы. Налаживать местное производство пестицидов, ветеринарных препаратов, кормов и белково-витаминных добавок для животноводства, рыбоводства и птицеводства, а также сокращение зависимости наших птицефабрик от импорта.

Индустриализация Таджикистана, в том числе в электроэнергетике, требует от каждого госслужащего и гражданина Таджикистана осознания того, что передовая иностранная техника, технология, организация труда жизненно необходимы для нас, так как мы не производим средств производства.

Но импортная техника и иностранный товар есть скрытая форма капитала – он всегда возвращается за границу, обросший прибылью. Поэтому всегда во всех вопросах следует руководствоваться разумом и национальным интересом, а госслужащим нести реальную ответственность за неправильно принятые решения.

Нам нужно превратиться в технически развитую и экономически самодостаточную страну. Значит придется существенно изменить траекторию движения, в частности провести новую индустриализацию в сжатые сроки, так как то, что можно сделать сегодня, завтра может не быть возможным.

Самостоятельный путь требует громадного труда всех: и руководителей общества (т.н. элиты), и народа. Всякий переход на более высокую орбиту, всякое восхождение требуют дополнительной энергии; вниз скатываться гораздо проще. Потребуется выстраивать в новых условиях новую промышленную инфраструктуру, способную снабжать народ всем, что необходимо. Нужно прекратить колониальную болтовню про какие-то особые прорывные направле-

ния, на которых только и следует сосредотачиваться. Так может поступать тот, кто создает вспомогательные производства для метрополии. Разумеется, помня, что мы небольшая страна, на все не хватит сил и средств, но производить надо то, что нужно нам, а не кому-то.

При создании многоотраслевого сбалансированного хозяйства, обязательно потребуется режим разумного протекционизма, желательно согласованного с соседними странами, на условии взаимности. Но надо полностью осознать, что протекционистская политика – это не какое-то отклонение от правильного порядка вещей, а нормальная мера для индустриализирующейся страны. Внутренний рынок должен стать приоритетом. Еще Фридрих Лист в 1817 году, установил, что защита национального рынка от внешней конкуренции усиливает конкуренцию внутреннюю и тем самым подстегивает развитие.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ

Умаров Ходжамахмад
Доктор экономических наук,
Профессор кафедры «Банковская деятельность» Таджикского национального университета

В последние 15-20 лет по всему миру идут активные поиски наиболее рациональных путей обеспечения выживаемости населения, выхода из глубокого системного кризиса, в котором оказались экономика и общество во всех странах мира. Трудность решения данной проблемы заключается в том, что ни субъекты экономики, ни гражданское общество не чувствуют в должной мере и не дают себе отчета в том, что в мире идет кризис, который ставит на передний план вопрос о существовании не только современных экономических структур, но и самого человечества. К сожалению, большинство современных государственных деятелей все еще не осознали опасность, которая висит, как дамоклов меч над человечеством.

Тем не менее, государственные деятели из развитых стран, международные организации, часть гражданского общества стремятся искать пути спасения человечества и современной цивилизации от этой угрозы. Они чувствуют необходимость перехода к устойчивому развитию. Бьет тревогу по этому поводу и наука.

В Таджикистане, преимущественно под воздействием международных организаций, начинается процесс понимания такой необходимости, хотя общественное сознание в стране ещё не в полной мере перестроилось на поиск путей перехода к устойчивому развитию. Даже по вопросу определения устойчивого развития до настоящего времени продолжаются оживленные споры. Одним из более или менее удачных определений устойчивого развития был дан профессором Н.В.Багровым, оно впитало в себя дух саммита в Рио-де-Жанейро. «Устойчивое развитие – термин, отражающий стремление мировой общественности найти такой способ существования человечества, который бы позволил обеспечить достойные условия существования нынешнего поколения людей на Земле, не подвер-

гая опасности жизнь будущих поколений. Совершенно ясно, что это может быть достигнуто лишь при сохранении основных свойств окружающей природной среды, её способностей к саморегуляции»[1]. Для начала нашего века, т.е. для его первых лет, эта формулировка устойчивого развития представляется большим шагом вперед. Однако она несет в себе определенные противоречия. Ясно, что постулат «достойные условия существования нынешнего поколения» идет вразрез с задачей обеспечения безопасности жизни будущих поколений. Кроме того, сама постановка вопроса о необходимости обеспечения безопасности жизни будущих поколений является достаточно широкой задачей. Ведь будущее поколение так же имеет право иметь достойные условия существования.

Профессор Г.В.Сдасюк в этом плане сделала большой шаг вперед, что видно из следующего ее высказывания: «Концепция устойчивого развития формируется как альтернатива стереотипам потребительского общества и парадигмам экономического развития. КУР – это конструктивная реакция общества на поступающую массированную информацию (включая космические исследования) о деградации под непомерным антропогенным давлением всех природных систем жизнеобеспечения, что при продолжении современных тенденций развития угрожает выживанию человечества и существованию Земли как «живой системы»[2]. Это означает, что понятие «устойчивое развитие» должно рассматриваться наукой как понятие, которое практически исходит из сложившейся неудовлетворительной ситуации в природных основах жизнеобеспечения человека, вызванной антропогенным ненормальным давлением на природную среду.

Такой методологический подход стал фундаментом более научно-обоснованного определения устойчивого развития, сформулированного ведущими учеными Института географии РАН. Профессора Н.Н.Клюев, Г.В.Сдасюк и А.А.Тишков дали своё определение устойчивого развития: «Устойчивое развитие – это многоуровневоиерархический управляемый процесс коэволюционного развития природы и общества (при массовом осознанном участии населе-

[1] Багров Н.В. Региональная геополитика устойчивого развития. Киев: Лыбід, 2002. С.124.
[2] Переход к устойчивому развитию: глобальный, региональный уровни. Зарубежный опыт и проблемы России. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2002. С.13.

ния), цель которого – обеспечить здоровую, производительную жизнь в гармонии с природой ныне живущим и будущим поколениям, основе охраны и обогащения природного и культурного наследия при использовании производственно-хозяйственных очагов развития[1]. Данное определение устойчивого развития является наиболее емким и в то же время многосложным, и его упрощенное понимание необходимо для разработки наиболее эффективных механизмов достижения отмеченного состояния.

Термин «устойчивое развитие» появился в середине XX века и отражал необходимость осторожного отношения к природопользованию. В 80-е годы прошлого века он получил распространение после публикации доклада «Наше общее будущее», который был подготовлен Международной комиссией по окружающей среде и развитию (МКОСР). В этом докладе были подробно описаны состояния взаимоотношений между человеком и природой, отрицательные последствия антропогенного воздействия на биосферу и возможности гармонизации этих отношений. В нём впервые был сделан вывод о том, что устойчивость в отношениях между человеком и природой неотделим от устойчивости глобального развития. В докладе было дано следующее определение: «Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»[2]. Если сравнить данное определение с теми, которые были приведены выше, то можно заметить, что определение МКОСР, данное устойчивому развитию, является неполным и нуждается в содержательном усовершенствовании.

В решениях Конференции по окружающей среде и развитию, которая состоялась в 1992г. в Рио-де-Жанейро, понятийное содержание устойчивого развития было обогащено существенным образом. На конференции была утверждена «Повестка дня на XXI век». Впервые в этом документе проблемы XXI века были рассмотрены сквозь призму устойчивого развития. В нем речь шла не только об экологических проблемах. Последние, по мнению составителей до-

[1] Рациональное природопользование. Международные программы, зарубежный и российский опыт. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. С.13.
[2] См. Наше общее будущее. М.: Прогресс, 1989. С.50.

клада, не могут быть рассмотрены изолированно от самых серьезных социально-экономических проблем, которые носят и региональный, и глобальный характер.

Опыт последующих лет показал, что обогащение содержания устойчивого развития все в большей степени отражало применение цивилизационного подхода. Правы авторы одной из недавно опубликованных работ в том, что «главное для цивилизации – выживание, и не только для человечества, для цивилизации, но и для любой другой системы, заданной биологически, т.е. через жизнь[1]. В итоге теоретической дискуссии авторы той же книги приходят к выводу, что «устойчивое развитие – это такое развитие, при котором не превышается предел допустимого антропогенного воздействия на природу»[2]. Вместе с тем, они отмечают, то данное определение охватывает лишь одну проблему – связи человека с окружающей средой. Если связям человека придать более содержательный характер, то можно сделать далеко идущие выводы. Непревышение допустимого предела антропогенного воздействия на природу возможно тогда, когда в личностном плане у человека произойдут радикальные изменения. Последние возможны лишь на путях повышения образовательного и духовно-нравственного уровня человека.

Одной из первых среди стран мира «Повестка дня на XXI век» была учтена в законодательстве Российской Федерации. Указом Президента РФ ещё в 1996г. была утверждена «Концепция перехода РФ к устойчивому развитию». В ней отмечалось, что «устойчивое развитие – это стабильное социально-экономическое развитие, не разрушающее своей природной основы». Но самое важное заключается в другом. В «Концепции…» говорится о том, что для поддержания вышеотмеченной связи нельзя превышать несущую емкость биосферы. К сожалению, наука ещё не выявила в количественном плане несущую емкость биосферы. Не дожидаясь соответствующих научных исследований, можно и сейчас предпринимать меры для стабилизации антропогенных нагрузок на природу. Относительно легкой представляется задача инвентаризации таких нагрузок, в особенности там, где имеет место превышение научно

[1] Устойчивое развитие. Новые вызовы. М.: Аспект-Пресс, 2015. С.26.
[2] Там же. С.30.

обоснованных норм. Если внимательно рассмотреть все явления, отражающие нарушения таких норм, то можно увидеть перегибы, возникающие на основе несовершенства человеческого капитала. Отсюда ясно, что устойчивое развитие отражает соответствующий уровень развития общества. Поэтому более правильным представляется следующее определение: «Устойчивое развитие – такое общественное развитие, при котором не разрушается его природная основа, создаваемые условия жизни не влекут деградации человека и социально-деструктивные процессы не развиваются до масштабов, угрожающих безопасности общества»[1]. Такое определение возвращает человека в *лоно* природы, при этом оно включает в себя меры по непревышению несущей емкости биосферы. Оно ставит вопрос о необходимости развития самого человека, о новых ориентирах совершенствования человеческого капитала. Устойчивое развитие предполагает пересмотр многих традиционных взглядов, показателей и подходов к развитию экономики и общества. Начало такого пересмотра относится к докладам Римского Клуба, опубликованным в 70-е и 80-е годы прошлого века. Концепция устойчивого развития своим появлением во многом обязана научным разработкам по пределам роста. В настоящее время данное понятие получило твердое гражданство в политической и социально-экономической литературе. Это случилось после публикации первого доклада Римского Клуба под названием «Пределы роста». Авторами этого доклада были американские ученые Донелл и Деннис Медоузы, Йорген Рендерс и Уильям Беренс. Эти авторы отрицали необходимость неограниченного роста, обосновали объективные пределы роста. Они говорили о разрешении несущей емкости биосферы и об ускорении этого процесса в ходе реализации разнообразных проектов по повышению динамики экономического роста. После публикации первого доклада Римского Клуба « не удалось добиться улучшения ни одной глобальной экологической характеристики (за исключением мощности азонового слоя, истощение которого, по-видимому, приостановилось); продолжаются процессы сокращения биоразнообразия, роста концентрации парниковых газов в атмосфере, обезлесения (как минимум уменьшение биологи-

[1] Там же. С.39.

ческой продуктивности лесных экосистем в целом), опустынивания и т.п. Несомненно, мир приближается к пределу разрушения биосферного механизма регуляции[1]. К сожалению, происходившие в мире политические катаклизмы (распад СССР, Югославия, войны на Ближнем Востоке и т.д.) не привели к изменению действующих тенденций.

Преобладание на протяжении определенного промежутка времени идеологии неолиберализма и все большая ориентация мировой экономики на саморегулируемые рыночные отношения способствовали дальнейшей деградации человека и повысили его разрушительный потенциал относительно экологии, природных ресурсов и всей биосферы. Несмотря на коллапс неолиберальной идеологии, этот процесс продолжает свое инерционное развитие.

Естественно полагать, что переход к устойчивому развитию невозможен без достижения глобального согласия по многим аспектам этой проблемы. Необходимо, чтобы в ближайшие годы все страны мира находили возможности для объединения с целью достижения устойчивого развития. Нужно, чтобы развитые страны оказали содействие развивающимся странам в регулировании демографических процессов, в достижении большого социального эффекта при меньших темпах экономического роста, в передаче ресурсосберегающих технологий, в осуществлении структурных сдвигов в экономике, направленных на сокращение совокупных материальных и энергетических затрат, в качественном совершенствовании человеческого капитала, иначе будет поздно. «Концепция устойчивого развития подчеркивает то обстоятельство, что продолжение нынешних тенденций развития цивилизации несовместимо с выживанием. Будущее человечества в самой существенной степени зависит от того, будет ли императив устойчивого развития воспринят и реализован»[2].

Сегодня лучшие умы человечества не сомневаются в том, что при инерционном продолжении нынешних тенденций мирового развития угрозы для существования самого человечества будут нарастать. Они верят в то, что существует острая необходимость в

[1] Устойчивое развитие. Новые вызовы. М.: Аспект-Пресс, 2015. С.41.
[2] Там же. С.53.

радикальном изменении основных тенденций мирового развития, чтобы предотвратить уничтожение человечества и человеческой цивилизации. Для этого возникает необходимость ограничения экономического роста, предотвращения дальнейшего распространения деструктивных факторов. Это может привести к тому, что задача повышения уровня благосостояния населения получит совершенно другое измерение.

Только меры по воспитанию личности могут устранить те аспекты роста благосостояния, которые резко противоречат задаче становления устойчивого развития. Так, в мире из года в год растет и численность переедающих людей, имеющих избыточный вес, и численность населения, которая недоедает. В первом случае необходимы широкие воспитательные меры в развитых странах с постепенной передачей определенной части продовольствия тем странам, где имеет место нехватка продовольствия. Такое перераспределение полезно для населения самих развитых стран. Исследования, например, показали, что уменьшение веса тучных американцев могло бы предотвратить 96% заболевания диабетом, 76% - гипертонических заболеваний, 72% - коронарных заболеваний сердца, 32% - раковых кишечных заболеваний и 23% - заболевания рака груди[1]. Это результат потребления избытка продовольственной продукции, которой не хватает в Африке, Азии. Не лучше ли этот избыток поставлять в страны, где население страдает из-за дефицита продовольствия. Но для того, чтобы это поняли, необходимо вести в развитых странах обширную воспитательную работу, чтобы каждый тучный человек имел четкое представление о пределах потребления определенных видов продуктов. Кстати, из-за голода и недоедания в Африке, Азии, Латинской Америке вынуждены ввести в оборот миллионы гектаров малопродуктивных земель, которые через несколько лет превратятся в пустыни или в глубокие овраги из-за недостаточности или избыточности атмосферных осадков, нехватки минеральных удобрений и неграмотного землепользования и водоснабжения. Такие крайне нерациональные диспропорции (включая высокие демографические показатели в разви-

[1] Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий. Зарубежный опыт и проблемы России. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. С.26.

вающихся странах) должны быть укоренены в ближайшие годы. Это требует огромной работы со стороны международных организаций, а также гражданских обществ в отдельных как развитых, так и развивающихся странах, включая СМИ и воспитательные институты. Сказанное в полной мере относится и к Таджикистану, где допущены серьезные нарушения в использовании природных ресурсов и нанесен ущерб экосистемам.

О показателях устойчивого развития.

Сегодня, вне всякого сомнения, можно сделать вывод о том, что используемые макроэкономические, мезоэкономические, отраслевые показатели, отражающие объем развития экономики, далеки от того, чтобы свидетельствовать о процессах устойчивого развития. Речь, прежде всего, идет о внутреннем валовом продукте, валовом национальном продукте, валовой промышленной продукции, валовой сельскохозяйственной продукции, валовых инвестициях, объемах различного товарооборота, перевозке грузов и пассажиров, произведенной электроэнергии и т.д. Было бы целесообразно, если бы наряду с этими показателями были использованы показатели, отражающие устойчивое развитие. В будущем, несомненно, показатели устойчивого развития будут занимать подобающее им место среди показателей экономического развития. Мало того, им будут отданы предпочтения при оценке развития вообще. В этом плане в настоящее время можно использовать следующий методологический подход. На макроэкономическом уровне наиболее целесообразным представляется использование интегрального, агрегированного показателя, который позволил бы оценить степень устойчивости социально-экономического развития. Такой показатель можно построить на базе агрегирования трех групп показателей: эколого-экономических, эколого-социально-экономических и экономических[1]. Методика сведения этих групп показателей к единому, интегральному показателю ещё не разработана. Однако решение этой проблемы представляется неотложным. Кроме того, необходимо, на наш взгляд, широко использовать показатели, которые отражали бы отдельные составляющие устойчивого развития. К таким со-

[1] См. Устойчивое развитие. Новые вызовы. С.58, 59.

ставляющим относятся показатели политические, социальные, экономические, экологические и институциональные.

На макроэкономическом уровне весьма важным и перспективным представляется использование показателя природоемкости. Показатели общей и частной природоемкости ныне широко используются международными финансово-экономическими организациями. Уменьшение природоемкости рассматривается в качестве показателя эффективности устойчивого развития. Кроме того, используются частные показатели природоемкости, которые отражают удельные расходы природных ресурсов в расчете на единицу ВВП, ВРП и т.д. К таким показателям относятся водоемкость, землеемкость и энергоемкость. Помимо этих показателей, ныне широко используются показатели загрязнения природной среды вообще и в расчете на единицу продукции. Они используются не только для того, чтобы показать уровень угрозы природным ресурсам и обществу, но и для того, чтобы аргументировать необходимость повышения эффективности очистных сооружений, расширения применения безотходных технологий, сокращения площадей засоленности земель, снижения уровня грунтовых вод и т.д.

Некоторые международные организации разработали интегральные показатели устойчивого развития, однако вряд ли их можно отнести к интегральным агрегированным (т.е. сводным) показателям. Они относятся к одной из трех групп показателей, которые были рассмотрены выше. Например, Всемирный Фонд дикой природы (WWF) разработал такие показатели, как «экологический след» и индекс «живой планеты». Эти показатели в наибольшей мере соответствуют целям и задачам названной международной организации. ПРООН, Всемирный Банк, АБР, ЭСКАТО используют целый ряд показателей, которые отражают отдельные стороны устойчивого развития. К таким показателям относятся: скорректированные чистые накопления (в 5 к ВНД), индекс человеческого развития, экологический след (га на чел.), энергоэффективность (ВВП на единицу энергии, кг/НЭ), доля ископаемого топлива (в % от общего объема), доля возобновляемых источников энергии (в % от общего объема), выброс углекислого газа на душу населения (т), городские загрязнения (мг/м^3), истощение природных ресурсов (в

% от ВНД), лесистые зоны (в % от территории), удовлетворенность действиями по охране окружающей среды (% удовлетворенных)[1].

Все большее значение для достижения устойчивого развития имеют показатели эффективности энергопользования. К последним, в частности, относится показатель энергоэффективности (ВВП на единицу потребления энергии). То же самое относится и к удельному весу ископаемого топлива. По данному показателю Таджикистан находится на одном из первых мест в мире, поскольку в энергобалансе для возобновляемых видов энергии он превышает 80%. Имеются отдельные показатели устойчивого развития, которые используются при проведении социологических исследований. К таким показателям относятся удовлетворенность состоянием окружающей среды, удовлетворенность работой ЖКХ и т.д.

Как было отмечено выше, одним из интегральных показателей устойчивого развития является интегральный индекс скорректированных чистых накоплений. Этот показатель в достаточной степени обоснован теоретически. Для его расчетов имеется определенная статистическая база. Чтобы выполнить расчеты по данному показателю, необходимо скорректировать широко используемый ныне показатель валовых сбережений, т.е. минусовать стоимость истощения природного капитала. Под последним подразумевается истощение минеральных и невозобновляемых энергетических ресурсов, сальдо по ленным ресурсам и ущерб от загрязнения окружающей среды. Если привести расчеты с полным использованием соответствующих компонентов, то в некоторых случаях может получиться удручающая картина. Так, согласно расчетам, выполненным на базе статистических показателей Всемирного Банка (World Development indicators) средний индекс валовых накоплений за период 2008-2015гг. в РФ составил 2,9%. Однако средние скорректированные чистые сбережения составили 11,9%. Из этого можно прийти к выводу, что Россия ещё далека от устойчивого развития (в эколого-экономическом плане). Многие страны с высоким уровнем истощения природных ресурсов имеют положительный уровень скорректированных чистых сбережений за счет роста инвестиций на разви-

[1] Там же. С.61.

тие образования, культуры, здравоохранения. К таким странам относятся США, Великобритания, Норвегия, Канада, Швеция.

К сожалению, при расчете индекса скорректированных чистых сбережений не учитываются данные о деградации земельных и водных ресурсов, ущерб от ухудшения качества целого ряда экосистем и самое важное – расширение площадей, которые подвергались опустыниванию.

В настоящее время большую работу по систематизации показателей устойчивого развития ведут международные организации ведут. Как уже было отмечено, они делятся на показатели политического, социального, экономического, экологического и институциального характера. Комиссия ООН по устойчивому развитию разработала систему показателей устойчивого развития, которые использовались при обосновании Целей развития тысячелетия и включаются в ежегодный Доклад ООН «Индикаторы мирового развития», в ежегодный доклад Всемирного Банка.

В целом, экспертами ООН разработаны 134 показателя устойчивого развития, которые, в свою очередь, делятся на группы и подгруппы. Все они ориентированы на достижение цели устойчивого развития. «Целью устойчивого развития является согласование развития цивилизации с законами биосферы, в том числе и относящимися к человеку как биологическому виду, а также социологическими законами и вытекающими из этих законов пределами и ограничениями. Поэтому экономические, социальные и институциональные индикаторы должны быть направлены, прежде всего, на оценки рассогласований между указанной целью и реальным состоянием цивилизации и её частей…[1].

В иерархической структуре показателей устойчивого развития в качестве приоритетных выступают те показатели, которые оказали бы содействие предотвращению уничтожения природных экосистем, трансформации разрушительных процессов в воспроизводящие в широком смысле слова. В условиях Таджикистана это, прежде всего, относится к лесным экосистемам. На втором месте идут показатели, выражающие снижение антропогенного давления на природные экосистемы. Это очень важно для того, чтобы выиграть

[1] Устойчивое развитие. Новые вызовы. С.68.

время для эффективного решения вопроса о сохранении и воспроизводстве природных экосистем.

Система показателей устойчивого развития состоит из следующих:

- индикаторы антропогенного воздействия на природные ресурсы. К ним относятся: эффективность использования природных ресурсов, рост населения (в особенности, возрастание аграрной перенаселенности села в развивающихся странах), рост выбросов парниковых газов;
- показатели состояния устойчивого развития, к которым относятся: площадь сельскохозяйственных и лесных угодий, запасы полезных ископаемых, количество врачей на 1000 человек, соотношение сельского и городского населения, уровень урбанизации и т.д.;
- индикаторы реакции, выражающие действия правительства, гражданского общества, различных субъектов экономики по обеспечению устойчивого развития[1].

К последним относятся совершенствование законодательства о защите природы и экосистем, разработка норм и стандартов по рационализации природопользования, рост затрат на развитие человеческого капитала и улучшение здоровья населения, обоснование экономических механизмов повышения эффективности использования природных ресурсов и т.д.

В последнее время в социально-экономической литературе все большее распространение получают понятие и концепция «зеленой» экономики. Однако до сих пор не дано однозначное определение этому термину. ЮНЕП в своем докладе «Навстречу «зеленой» экономике» характеризует «зеленую» экономику как экономику, которая «повышает благосостояние людей и социальную справедливость и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и её обеднение»[2]. Более четким представляются определение «зеленой» экономики, данное в Докладе Всемирного Банка «Всеобъемлющий зеленый рост. Путь к устойчивому развитию». В этом докладе зеленый рост определяется как рост при эффективном ис-

[1] Там же. С.70.

[2] Доклад «Навстречу зеленой» экономике: путь к устойчивому развитию и искоренению бедности. Обобщающий доклад для представителей властных структур. ЮНЕП, 2011. URL: http://www.unep.jrg/greenecjyjvy/portals//88/documents/ger/GER_Synthesis_r.pdf

пользовании ресурсов, чистый с точки зрения минимизации загрязнения и воздействия на окружающую среду, а также устойчивый, благодаря учету возможности опасных природных явлений и роли экологического управления и природного капитала в предотвращении стихийных бедствий»[1].

В долговременном плане «зеленая» экономика будет охватывать сельское хозяйство, рыболовство, водное и лесное хозяйство, промышленность, энергетику, строительство, транспорт, туризм, города и сельские населенные пункты. В Таджикистане сельское хозяйство может сыграть основную роль в формировании «зеленой» экономики. Это связано с тем, что вследствие деиндустриализации экономики сельское хозяйство выдвинуто на первое место в структуре отраслей экономики. Если экономика страны будет ориентирована на «зеленый» рост, то на её развитие существенное воздействие окажут многочисленные экологические проблемы, которые самым непосредственным образом воздействуют на эффективность сельскохозяйственного производства. Наиболее серьёзной среди таких проблем в Таджикистане являются проблемы опустынивания горных склонов и оврагообразования вследствие избыточного водопользования как в равнинных, так и в горных территориях, а также эрозия почв, снижение доли гумуса в нем. А.А.Абрамова права в том, что «переход к зеленой модели развития в отрасли позволит увеличить средний уровень калорийности пищи…, повысить эффективность использования пахотных земель, снизить отходы производства, уменьшить потери продовольствия в результате совершенствования технологий, организации производства и логики, а также может способствовать решению проблемы бедности»[2].

Все это верно. Однако имеет место ряд явлений, которые требуют активного вмешательства не только сельского населения, но и органов государственной власти. Без этого вряд ли «зеленая» экономика сможет занять свое место как целостный этап в развитии села и сельского хозяйства. Речь, в частности, идет о демографической ситуации в сельских местностях Таджикистана. Здесь наблюдается высокий уровень естественного прироста населения, расту-

[1] Inclusion green growth. The pathway to Sustainable Development. The World Bank. Washington, 2012.
[2] Устойчивое развитие. Новые вызовы. С.25.

щая из года в год безработица, самый высокий уровень аграрной перенаселенности, низкий показатель доходов и потребления, высокий уровень бедности. В сельских местностях Таджикистана трудно обнаружить признаки «демографического перехода». Все выше сказанное означает, что здесь уровень антропогенного воздействия на почву и другие экосистемы будет выше, чем в других странах. Такая демографическая ситуация выступает в качестве основной причины массовой распашки склоновых земель и земель, которые в силу своей низкой естественной продуктивности не призваны быть более вовлеченными в сельскохозяйственный оборот. Другими словами, в сельских местностях вследствие весьма неблагоприятной демографической ситуации давление на земельные, водные, лесные и другие растительные ресурсы представляется очень высоким. Оно несет в недалеком будущем огромные разрушительные процессы во всех экосистемах, связанных с земельными, водными и растительными ресурсами.

В Таджикистане вследствие повышенных антропогенных нагрузок происходят значительные отрицательные изменения в ландшафтах, состоящих из местностей, урочищ, компонентов горных пород, почв, растительности. Деревья, скалы, склоны, водопады, каньоны являются элементами естественных ландшафтов. Из-за роста антропогенного воздействия на природные ресурсы на смену естественным ландшафтам приходят искусственные ландшафты – унылые и деградированные терриконы, пустынные склоны гор, обезображенные конусы выноса, глубокие овраги, грязные реки и т.д. Первозданные ландшафты превращаются в непривлекательные по своим формам ландшафты антропогенного типа[1]. Нужно отметить, что, соответственно, будет иметь место изменение экосистем в негативном плане.

Угроза изменения ландшафтов является более опасной, чем угроза деградации земельных ресурсов. Это объясняется тем, что возможным представляется восстановление деградированных земель, однако восстановление деградированных ландшафтов не представляется возможным. Изменение естественных ландшафтов

[1] Иванов Е.С., Кочуров Б.И., Черная В.В. Экологическое ресурсоведение: учеб. пособие. М.: URSS, 2015. С.224.

носит необратимый характер, поэтому удельный вес первозданных ландшафтов должен выдвигаться в первые ряды и находить себе место среди приоритетных показателей устойчивого развития.

Вместе с тем, развитие науки и новых технологий создает новые, экономически оправданные возможности облагораживания разрушенных ландшафтов. Появление таких видов научно-практической деятельности, как парковая и ландшафтная архитектура, создание необходимой технологической базы для реализации различных проектов может способствовать формированию таких ландшафтных форм, которые могут оказаться более привлекательными даже по сравнению с естественными ландшафтами. В Таджикистане имеются обширные возможности облагораживания ранее разрушенных ландшафтов. Так, в предгорных зонах Гиссарской, Оби-Киикской, Яванской и Дангаринской долин, где земли являются влагообеспеченными, можно создать сплошные плантации грецкого ореха, дикого миндаля, фисташек, алайской и гималайской сосны, многочисленных декоративных кустарниковых и древесных насаждений. Последние не только будут способны предотвратить такие стихийные бедствия, как селевые каменно-грязевые потоки, снежные лавины, но и создать условия для организованного отдыха местного населения и развития туризма. К тому же такие леса обладают большим рыночным потенциалом и со временем станут поставщиками орехоплодных и других продуктов, строительной древесины на местных рынках. Они предотвращают сход склоновых участков, сводят к нулю угрозу оврагообразования.

Однако применительно к устойчивому развитию сельское хозяйство обладает рядом специфических особенностей. В условиях Таджикистана, помимо общей специфики, присущей аграрному сектору большинства стран мира, ещё имеются такие особенности, которые присущи лишь сельскому хозяйству самой страны. К последним, например, относится аграрная перенаселенность сельских местностей и высокий уровень гористости территорий. К последним добавляется недостаточность финансовых ресурсов государства и экономических субъектов, которая не позволяет вести реабилитационные работы в тех местах, где деградация природных ресурсов, в том числе земельных и водных, приобретает широкие масштабы.

Факторы, условия и показатели устойчивого развития аграрного сектора.

Устойчивое развитие, как неизбежный современный феномен глобального развития, является многосложным процессом и имеет многочисленные проявления – региональные, отраслевые, географические, межотраслевые, бассейновые и т.д. Оно находит яркое проявление на определенном уровне, в частности в сельском хозяйстве. Данная отрасль имеет самую тесную связь с природопользованием, и многие его составляющие выступают как часть природно-экономического потенциала. В этой отрасли наблюдаются самые масштабные нарушения природной среды и обширные деградационные явления. Встречаются такие разрушительные явления, которые могут быть чреваты необратимыми изменениями. Последнее означает прекращение процессов воспроизводимости отельных участков окружающей среды, бесполезность реабилитационных мер. Эти и другие обстоятельства предопределяют отличительные черты устойчивого развития в сельском хозяйстве, которые, по мнению профессора Г.В.Сдасюк, сводятся к следующим:

- оно (т.е. сельское хозяйство – У.Х.) более интегрировано при тенденции перехода от возделывания монокультур к севооборотам и смешанному животноводческо-земледельческому хозяйствованию;
- оно больше использует природные процессы, такие как кругооборот азота, фиксация азота, и интегрированную борьбу с сельскохозяйственными вредителями;
- уменьшает использование капиталовложений со стороны, сокращая потери хозяйственной системы и более рационально используя уже вложенные ресурсы;
- придает приоритетное значение охране почв, воды и биоразнообразию;
- учитывает благоприятные условия для животного мира;
- стоимость продукции снижается посредством сокращения капиталовложений со стороны;
- эффективность производства базируется на прибыльности больше, чем на максимальном увеличении объема производимой продукции;

- крестьяне, использующие устойчивую технологию, более уверены и больше используют знание местных условий, чем информацию агентов со стороны, они склонны к инновациям и подготовлены к использованию новых технологий;
- главное фундаментальное отличие состоит в холистическом (интегрированном) подходе к системе в целом, а не к отдельным функциям, например, получение урожая[1].

В целом, данная постановка отличительных черт устойчивого сельского хозяйства является правильной. Здесь можно было бы добавить ещё одну черту такой устойчивости – достижение пропорционального развития между растениеводством и животноводством, что важно для обеспечения естественного круговорота в природе. Для того, чтобы отмеченные черты стали свойственны сельскому хозяйству, требуется проведение радикальных реформ не только в сельском хозяйстве, но и в самом обществе.

Из всего отмеченного Г.В.Сдасюк приходит к выводу о принципиальном отличии устойчивого развития сельского хозяйства от традиционного типа развития отрасли, которое состоит в интегральном подходе к социо-эколого-экономическому развитию сельских территорий и эколого-экономическому развитию сельского хозяйства[2].

В методологическом плане такая постановка вопроса позволит сформулировать основные направления постепенного утверждения устойчивого сельского хозяйства. На наш взгляд, такими направлениями могут стать следующие:

а) рациональное размещение отрасли и подотраслей сельскохозяйственного производства (в полной зависимости от благоприятствующих факторов);

б) внедрение адаптированного к местным условиям технологий;

в) воспитание у новых поколений творческого отношения к использованию земли и других биоклиматических факторов с учетом бережного отношения к соответствующим экосистемам;
г) развитие семеноводства, а также селекции растений и животных,

[1] Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий. Зарубежный опыт и проблема России. С.95, 96.
[2] Там же. С.87.

основанное на снижении затрат и повышении конечных результатов;

д) создание новых методов борьбы против болезней и вредителей сельскохозяйственных культур и продуктивных животных;

е) переход к поликультурной системе выращивания сельскохозяйственных культур;

ж) реализация твердого курса на возрастание многообразия сельскохозяйственных культур и животных;

з) доведение площади сельскохозяйственных угодий до оптимального уровня;

ж) осуществление ландшафтно-социального планирования сельских территорий.

Некоторые ученые и специалисты не проводят различие между устойчивым и органическим сельским хозяйством. При этом они ссылаются на одинаковое содержание понятий экономически чистого и органического производства. Такое представление об устойчивом сельском хозяйстве является неправильным. Достаточно отметить, что органическое сельское хозяйство может в зависимости от целого ряда факторов и обстоятельств носить как устойчивый, так и неустойчивый характер. Между устойчивым и органическим сельским хозяйством имеется много общих черт. Однако это не делает их адекватными.

Г.В.Сдасюк в доказательство данного мнения ссылается на возможные негативные последствия органического сельского хозяйства. Они возникают при следующих обстоятельствах:

- плохое ведение хозяйства может привести к почвенной эрозии и неустойчивости;
- в результате «выработки» почв может возникнуть истощение некоторых питательных элементов, например, фосфора, запасы которого обычно пополняются при внесении неорганических удобрений;
- органическое земледелие может стать источником загрязнения: например, возделывания в умеренной зоне бобовых культур

может привести к поступлению большого количества азота в почвенную влагу[1].

Что касается устойчивого сельского хозяйства, то оно становится возможным и в условиях широкого использования минеральных удобрений, химических средств защиты растений, антибиотиков в животноводстве и т.д. При всем этом, устойчивое сельское хозяйство опирается на соблюдение науки доказанной меры в использовании неорганических химических средств. Такая мера не должна нанести ущерб ни окружающей среде, ни человеку.

Для Таджикистана мероприятия по формированию устойчивого сельского хозяйства должны учитывать передовой зарубежный опыт, в частности опыт Европейского Союза. В «Коркской декларации» (Ирландия) 1996 года отмечалось, что цель устойчивого сельского развития – «переориентировать в обратную сторону сельскую миграцию, бороться с бедностью, расширять занятость населения, обеспечить равенство возможностей и удовлетворять растущие требования, улучшать качество жизни, здоровье, безопасность, возможности для развития личности и проведения досуга, улучшать сельское благосостояние. Необходимость охранять и улучшать качество сельской окружающей среды должна найти отражение во всей системе местной политики, относящейся к сельскому развитию. Между городскими и сельскими территориями должен быть достигнут более справедливый баланс бюджетных затрат, капиталовложений в инфраструктуру и образование, в здравоохранение и обслуживание коммуникациями. Все большая доля имеющихся ресурсов должна использоваться для поддержки сельского развития и охраны окружающей среды»[2].

В данном случае речь идет о позитивном примере. Некоторые пункты описанных целей в реальных обстоятельствах Таджикистана не применимы. Например, переориентация сельской миграции в обратную сторону важно для стран-членов ЕС. Таджикистан же является трудоизбыточной страной, а сельские местности являются аграрно перенаселенными. Сельские местности ЕС являются тру-

[1] Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий. Зарубежный опыт и проблема России. С.95, 96.

[2] Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий. Зарубежный опыт и проблема России. С.91.

додефицитными. В Таджикистане огромную важность приобретает «демографический переход». Страны ЕС уже пережили этот этап демографического развития. В остальном учет опыта ЕС для Таджикистана представляется весьма важным.

Устойчивое сельское хозяйство представляет собой сочетание экологически безопасного, экономически и социально эффективного производства. В развитых странах мира в результате такого сочетания возникают экологические агропроизводства различных типов. Известными являются органо-биологические, биодинамические, интегрированные и устойчивые системы ведения сельского хозяйства. Органо-биологические, биодинамические производства являются разновидностями органического сельского хозяйства. Они не допускают применения минеральных удобрений и химических средств защиты растений и животных. При интегрированной системе допускается использование на базе научно обоснованных норм как минеральных удобрений, так и химических средств борьбы с болезнями и вредителями растений. Экологические агропроизводства получили широкое развитие в Италии, Германии, Австрии, Дании, Швеции, Финляндии, Новой Зеландии, Японии и т.д.

Рано или поздно под воздействием объективных и неизбежных обстоятельств во всех странах мира установится господство экологических агропроизводств. Все зависит от того, насколько сельское население и соответствующие государственные органы постигают такую необходимость. Осознание такой необходимости появится лишь на определенном этапе социально-культурного развития общества. Это когда общества в различных странах начнут формировать экономику знаний, которая предполагает достижение высокого развития человеческого капитала. Среди отраслей экономики сельское хозяйство будет предъявлять самые высокие требования к профессионально-квалификационному уровню рабочей силы. Экологическое агропроизводство предполагает массовое использование работников, творчески мыслящих и творчески действующих. Оно призвано устранить все те тяжелые проблемы, которые будут унаследованы от предыдущих этапов развития сельского хозяйства.

Установление экологического агропроизводства означает, что сельское хозяйство и сельские территории вновь будут оказывать

определяющее воздействие на формирование личности человека. Прекращается феномен растущей оторванности человека от сельского хозяйства, от природы, поскольку сама экологизация сельского хозяйства постепенно превратит эту отрасль в составную часть природной среды.

Известно, что сельское хозяйство обеспечивает около 90% потребностей людей в одежде и в пище. Экологическое агропроизводство станет целой вехой в осуществлении качественных сдвигов в реализации вышеотмеченного призвания сельского хозяйства. Это тем более важно, что сельское хозяйство, в отличие от подавляющего большинства отраслей экономики, существует во всех странах, и ни одна страна не может существовать без обязательного присутствия этой отрасли в отраслевой структуре экономики. Формирование названного режима функционирования сельского хозяйства означает, что данная отрасль полностью обеспечена всеми условиями устойчивого развития в полном соответствии с требованиями, вытекающими из почти общепринятой концепции устойчивого развития сельского хозяйства и сельских территорий. Последнее, как известно, «направлено на решение сложной задачи уменьшения нищеты и достижения продовольственной безопасности при одновременном обеспечении устойчивого, рационального использования земельных и других ресурсов»[1].

Невозможно представить переход к устойчивому развитию без руководящей и направляющей роли государства. Академик РАСХН А.В.Гордеев абсолютно прав в том, что «решение таких фундаментальных задач, как устойчивое развитие сельского хозяйства и обеспечение продовольственной безопасности, невозможно без создания направленной государственной стратегии развития АПК и механизмов её внедрения, в особенности в ситуации, когда аграрный сектор находится в сложном финансово-экономическом положении или в состоянии реформирования»[2]. Сказанное в полной мере относится и к сельскому хозяйству Республики Таджикистан.

Формирование устойчивого состояния развития сельского хозяйства, как неизбежный процесс для всех стран мира, сталкивается

[1] Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий. Зарубежный опыт и проблема России. С.11.
[2] Там же. С.39.

с целым рядом независимых от них трудностей. Наиболее проблематичным среди последних является глобальное потепление. Последнее повысит уровень сложности выращивания сельскохозяйственных культур путем повышения потребностей последних во влаге. Это приводит и в Таджикистане, и в других странах Центральной Азии к дополнительным потребностям в орошаемой воде, в условиях глубокого экологического кризиса, вызванного засыханием Аральского моря. Это тем более серьезно, что в последние 50 лет огромное количество малых ледников вообще исчезло с географической карты. В этой связи хотелось бы привести пример, который по логике может озадачить в будущем специалистов, ученых и соответствующих институтов в Таджикистане. В России «изолиния сумм температур, равных 2200°С, определяет северную границу территории, где возможно интенсивное земледелие. При глобальном потеплении площадь этих земель возрастает с 1,5 до 7,2 млн. км^{2}, т.е. в 5 раз. Более того, в России появятся территории (не менее 1 млн. км^{2}) с суммами температур, превышающими 3400-3600°С, где может быть создана база субтропического земледелия (хлопчатник, цитрусовые и другие теплолюбивые культуры)»[1]. Это в России, где основную часть территории составляют равнины. Здесь, на наш взгляд, возможности перехода к устойчивому сельскому хозяйству в условиях глобального потепления будут увеличиваться. Если говорить о Таджикистане, то он на 93% состоит из горных территорий. Глобальное потепление в Таджикистане выражается в повышении температуры на высотных территориях. Даже сейчас население, проживающее в горных местностях, чувствует существенное повышение температуры и в зимнее, и в летнее время. Это означает, что по высоте ареалы выращивания сельскохозяйственных культур расширяются. Новые сёла, сады и посевные площади могут появиться на высотах от 2500 м и выше. Однако, в отличие от российских равнин, в высокогорье Таджикистана природные ресурсы, и в особенности почвы и пастбища, представляются хрупкими и высокоуязвимыми. Хозяйственное освоение новых высотных территорий грозит нарастанием смыва горных почв

[1] Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий. Зарубежный опыт и проблема России. С.27.

и масштабов разрушительного потенциала стихийных бедствий. Будут расти угрозы для полей, ферм, поселений, которые размещены в низовьях. Растет угроза загрязнения водных и земельных ресурсов не только и из-за учащения грязевых потоков, но из-за расширения площадей использования органических и минеральных удобрений, химических средств защиты растений. Растут масштабы вырубки леса и кустарников, деградации высокогорных пастбищ.

При таких обстоятельствах многократно усложняется вопрос перехода к устойчивому развитию сельского хозяйства и сельских территорий, поскольку само повышение высоты хозяйственного освоения территорий приведет к деградации малых горных экосистем, агробиоценозов, к негативным изменениям в биоразнообразии, уничтожению некоторых видов популяций и т.д. К сожалению, мало кто думает о том, что в условиях Таджикистана, который является горной страной, глобальное потепление может привести к экологическому кризису со всеми вытекающими из него последствиями. Это уже сейчас требует глубоких размышлений и соответствующих действий.

В этой связи необходимо одуматься над одним требованием, которое давно было сформулировано Д.Х.Медоузом и Д.Л.Медоузом: «Для того, чтобы общество (современное или первобытное) могло устойчиво развиваться, необходимо, чтобы используемые им ресурсы постоянно возобновлялись, причем, как минимум, в неуменьшающемся количестве и в неухудшающемся качестве… Только в этом случае будет выполнен главный принцип устойчивого развития – возможность удовлетворения потребностей как настоящих, так и будущих поколений»[1]. Решение этой задачи в конкретных условиях Таджикистана представляется очень сложным по сравнению со странами, где горы занимают незначительную часть их территорий. Оно получает резкое усложнение в процессе глобального потепления.

Такая специфика Таджикистана вносит определенные изменения в национальные программы по устойчивому развитию, в частности в Стратегию устойчивого развития до 2030 года. Изменения в

[1] Природопользование и устойчивое развитие. Мировые экосистемы и проблемы России. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. С.82.

наибольшей степени касаются информационной составляющей Программы, где должна быть полностью раскрыта та угроза, которая исходит из небрежного расточительства ресурсопользования, особенно в условиях горных регионов и в период глобального потепления. Кроме того, нужно, чтобы всё население страны, и в частности молодежь, хорошо разбиралось в тех угрозах, которые вытекают из политики антиустойчивого развития. Население должно понимать, что такие угрозы касаются вопроса о грядущей выживаемости людей на соответствующих территориях.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Файзуллоев Машраб Курбоналиевич
Доктор экономических наук, профессор
Декан экономического факультета Российско-Таджикского (Славянского) университета

Шарбатов Баходурджон Джурахонович
Кандидат экономических наук
Декан факультета учета и статистики Таджикского государственного финансово-экономического университета

Формирование социально-ориентированной рыночной экономики в Республике Таджикистан требует оптимального сочетания государственного и рыночного регулирования хозяйственной деятельности на всех уровнях национальной экономики. Последнее обусловлено необходимостью преодоления негативных последствий, вызванных экономическими реформами, сложившейся дифференциацией в развитии социально-экономических систем на мезо-и микроуровнях, наличием значительной разницы в уровне жизни и обеспеченности населения регионов страны. Решение назревших социально-экономических проблем регионов Таджикистана путем принятия превентивных мер, выравнивания уровня их социально-экономического развития на основе более полного освоения и комплексного использования их природно-ресурсного потенциала может способствовать укреплению национальной безопасности, эффективному функционированию национальной экономики, и наращиванию экспортного потенциала страны. Указанные обстоятельства выводят на первый план проблему формирования и развития региональных социально-экономических систем.

В последние два десятилетия произошли существенные изменения в формах и методах ведения хозяйственной деятельности не только на уровне отдельных предприятий и фирм, но и государственные рычаги воздействия на социально-экономические процессы в рамках национальных экономик так же подверглись позитив-

ным преобразованиям с учетом динамичных темпов развития мировой экономики. Последнее, обостряя конкуренцию на внешнем рынке, вынудило правительства стран концентрировать внимание на внутренних ресурсах с учетом более эффективной реализации региональной социально-экономической политики. Региональная социально-экономическая политика, являясь частью общегосударственной стратегии развития экономики, определяет ориентиры и направления комплексного и эффективного использования ресурсного потенциала регионов, успешная реализация которых требует координированного взаимодействия органов власти и частного сектора на базе критериальной базы сбалансированного и устойчивого развития субъектов национальной экономики как наиболее оптимального варианта обеспечения ее конкурентоспособности на внешнем рынке.

Важным направлением государственного регулирования экономической деятельности в регионах являются интегрированные структуры, одной из разновидностей которых являются производственные кластеры.

Основоположник кластерной теории М. Портер рассматривал кластер как основной инструмент проведения государственной политики по повышению конкурентоспособности экономики страны[1].

Следующим важным методологическим вопросом региональной политики является обоснование принципов её формирования и реализации. В этом вопросе в экономической литературе существуют разные, но взаимодополняющие предложения. Так, в «Методических рекомендациях по формированию концепции социально-экономического развития муниципального образования» предложена следующая система принципов: целенаправленность, вариантность, избирательность, гласность[2]. Касаясь этого вопроса, И.Е.Рисин предлагает десять принципов разработки и реализации региональной политики[3]. В.С.Фатеев предлагает следующие принципы региональной политики: децентрализация, приоритетность,

[1] Портер М. Международная конкуренция. М.: Международные отношения, 1993. С.896.
[2] Методические рекомендации по формированию концепции социально-экономического развития муниципального образования. М., 2000. С.170.
[3] Рисин И.Е. Структура региональной политики, принципы ее разработки и реализации // Проблемы теории и практики управления. М., 2006. №5. С.17.

программный подход, субсидиарность, дополнительность, дифференцированный подход, комплексный подход, превентивность, перманентность, гибкость, партнерство, прозрачность (открытость)[1]. В методологическом плане социально-экономическая политика должна опираться на принципы дифференцированного подхода, научность принимаемых решений, превентивность реализуемых мер, прозрачность осуществления поставленных задач, субсидиарность и единство видов региональной политики и действий всех уровней власти. Институциональной основой выступают законы и нормативно-правовые документы, органы управления, общественные организации по региональному развитию, концепции региональной политики, внебюджетные фонды и др. В качестве механизмов реализации социально-экономической политики можно выделить региональный маркетинг, комплексные целевые региональные программы, экспертизы, мониторинг, нормативно-правовые и финансово-экономические формы и методы, научно-информационное обеспечение и т.п.

Рассматривая природно-ресурсный потенциал Хатлонской области, следует отметить, что здесь обнаружено и разведано очень мало месторождений по металлорудным и минеральным ресурсам. Поэтому и в обозримой перспективе в регионе вряд ли получат развитие отрасли горнорудной промышленности.

На основе анализа целей, критериев и показателей регионального развития предлагаем следующую систему показателей для оценки современного состояния и тенденции социально-экономического развития регионов Республики Таджикистан: региональный валовый продукт (абсолютная величина и на душу населения) и темпы роста этих показателей; уровень промышленного развития региона; средний уровень доходов населения и степень их дифференциации; продолжительность жизни населения; уровень образования, потребления материальных благ и услуг и развития системы здравоохранения; показатели состояния окружающей среды и культурного развития населения; развитие малого бизнеса; степень открытости региона и использования природно-ресурсного потенциала ре-

[1] Фатеев В.С. Региональная политика: теория и практика. Минск, 2004. С.260.

гиона; показатели финансовой базы (потенциала) развития региона; индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП).

В рамках принятых программ социально-экономического развития отдельных регионов на 2006-2015 гг. и специальных государственных программ по развитию промышленности в 2006-2014гг. во всех регионах интенсивно развивалось промышленность. За рассматриваемый период во всех регионах наблюдается увеличение количества промышленных предприятий и рост производства промышленной продукции (табл. 1).

Что касается РРП, то здесь, несмотря на увеличение числа промышленных предприятий в 1,5 раза, произошло сокращение объема производства промышленной продукции на 15,8%. Это произошло из-за неритмичной работы крупнейшего промышленного предприятия региона – ТалКо, где объем производства за 2006-2014 гг. сократился с 1081,9 млн. сомони до 371,5 млн. сомони, или в 2,9 раза[1].

Развитие промышленности по регионам Республики Таджикистан за 2006-2014 гг.:

Таблица 1

Регионы	**Число промышленных предприятий, единиц**				**Объём производства промышленной продукции (млн. сомони)**		
	2006	**2014.**	**Изменение**		**2006**	**2014**	**2014/2006, в %**
			единиц	**в %**			
Республика Таджикистан	1094	2164	+1070	197,8	7494,4	10535	140,6
Душанбе	297	505	+208	170,0	708,3	1222,2	172,6
Согд	340	716	+376	210,6	1737,2	4103,5	236,2
Хатлон	238	565	+327	237,4	2844,8	4044,7	142,1
ГБАО	14	56	+42	400,0	70,8	96,5	136,3
РРП	205	322	+117	157,1	1268,5	1068,3	84,2

Расчеты авторов по: Промышленность Республики Таджикистан. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2015. С.9, 31-38; Регионы Республики Таджикистан

[1]Промышленность Республики Таджикистан / Стат. сборник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2015. С.87.

(официальное издание) / Статистический сборник. Душанбе, 2007. С.4-14.

Важным фактором развития регионов и их промышленности явилось непрерывный рост объемов капитальных вложений, за счет которых было осуществлено строительство объектов производственного и непроизводственного назначения, сданы в эксплуатацию новые промышленные предприятия во всех регионах страны (табл. 2).

Если учесть, что из общего объема капитальных вложений за счет всех источников финансирования за 2006-2014 гг. в сумме 39771,3 млн. сомони в целом по республике на развитие отраслей промышленности были направлены 16686,3 млн. сомони, или 41,9%, то можно предположить, что почти половина капитальных вложений в регионах за рассматриваемый период также была использована на создание новых, реконструкции и техническое перевооружение действующих промышленных предприятий.

В соответствии с программами экономического и социального развития регионов на период до 2015 года в регионах особое внимание в 2006-2014 гг. уделялось развитию производственного предпринимательства в форме создания малых предприятий и предприятий с участием иностранного капитала, роль которых неоценима в диверсификации регионального производства.

Таблица 2

Динамика капитальных вложений за счет всех источников финансирования в экономику регионов в 2006-2014гг., млн. сомони

Регионы	**2006**	**2008**	**2010**	**2012**	**2013**	**2014**	**Итого за девять лет**	**В % к итогу**	**2014/2006 раз**
Душанбе	285,1	836,9	933,3	1071,0	2005,2	2746,5	10592,6	26,6	9,6
Согд	178,2	796,8	610,6	1047,6	1230,0	1380,9	7403,1	18,6	7,7
Хат-	520,9	1815,2	1884,9	1021,	1242,	1391,3	11351,7	28,5	2,7

лон				2	4				
РРП	203,3	833,4	996,8	1298,2	1155,9	1732,1	9253,7	23,3	8,5
ГБАО	26,9	59,1	243,8	102,2	163,3	241,8	1170,1	2,9	9,0
В целом по республике	1214,5	4341,4	4669,4	4540,2	5796,8	7492,7	39771,3	100,0	6,2

Расчеты авторов по данным: Таджикистан: 20 лет государственной независимости / Статистический сборник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан 2011. С.528-532; Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2015. С.301-305; Регионы Республики Таджикистан / Статистический сборник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2015. С. 205-207.

В Согде в соответствии с Программой экономического и социального развития региона на период до 2015 года количество предприятий малого бизнеса в 2005 году составляло 413 единиц, в 2010 году достигло 428 единиц и в 2015 году достигло 461 единицы. Численность рабочих в 2005 году составила 5228 человек, в 2010 г. – 5900 человек и в 2015 г. – 6450 человек. Общая сумма от реализации продуктов на этих предприятиях в 2005 году составила 72,0 млн. сомони, в 2010 г. – 86,3 млн. сомони и в 2015 г. составила 99,6 млн. сомони[1]. Аналогичная тенденция развития предприятий малого бизнеса наблюдается и в других регионах страны. Уже в 2014 году в республике функционировали 5394 малых предприятий, с численностью работников 30,2 тыс.человек, а их выручка от реализации продукции (работ, услуг) составила 5501,6 сомони против 95,4 млн. сомони в 2002 г. В расчете на одного работника на малых предприятиях в 2014 году приходится 182,2 тыс. сомони выручки

[1] Программа экономического и социального развития Согдийской области на период до 2015 года. Доклад, С.42.

от реализованной продукции (работ, услуг), что в 29,4 раза больше чем в 2002 году[1].

Анализ отраслевой структуры количества предприятий малого бизнеса показал, что в стране не обеспечивается приоритетное развитие производственного и инновационного предпринимательства (табл. 3).

Таблица 3

Отраслевая структура количества малых предприятий (МП) и численность их работников по Республике Таджикистан по состоянию на 01.01. 2015 г.

ПОКАЗАТЕЛИ		Число МП, един.	В % к итогу	Численность работников в МП, человек	В % к итогу
Всего	I	3084	100,0	31005	100,0
	II	5394	100,0	30218	100,0
из них: промышленность	I	601	19,5	5691	18,4
	II	705	11,1	5028	16,7
Траспорт и связь	I	25	0,8	173	0,6
	II	316	5,6	1887	6,3
Сельское и лесное хозяйство	I	183	5,9	1866	6,0
	II	78	1,4	389	1,3
Строительство	I	514	16,7	7647	24,6
	II	586	10,9	4124	13,6
Итого по производственной сфере	I	1328	44,1	15377	49,6
	II	1685	31,2	11428	37,8
Торговля и услуги	I	1593	51,6	14699	47,4
	II	3393	62,9	16784	55,6
Здравоохранение	I	57	1,8	248	0,8
	II	612	3,0	1157	3,8
Образование	I	18	0,6	60	0,2
	II	154	2,9	849	2,8

Примечание: I – 1996; II – 2014

Расчеты авторов по данным: Ежегодник РТ Душанбе, 2003 / Стат. сборник. Душанбе, 2003. С.176-179; Таджикистан: 20 лет государственной независимости / Статистический сборник. Душанбе:

[1] Таджикистан: 20 лет государственной независимости / Статический сборник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан 2011. С. 390-391; Статический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2015. С. 210.

Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2011. С.398; Статический ежегодник Республики Таджикистан / Стат. сборник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2015. С.210-211.

Из анализа отраслевой структуры малого бизнеса можно сделать следующие выводы: т.е. за рассматриваемый период в отраслевой структуре малого предпринимательства наблюдается сокращение удельного веса отраслей производственной сферы (промышленности, сельского хозяйства, строительства). Все еще предпочтение отдаётся коммерции: 62,9% малых предприятий занято в сфере торговли, общественного питания, снабжения и услуг. Такое положение никак не соответствует решению поставленных задач по приоритетному развитию производственного и инновационного предпринимательства в стране.

Состав и структура комплексной программы социально-экономического развития региона представляют собой перечень и взаиморасположение разделов, отражающих содержательную и функциональную характеристику принятого к реализации программного проекта. Комплексные программы социально-экономического развития регионов могут состоять из анализа и оценки сложившейся социально-экономической ситуации, оценки природных ресурсов и состояния окружающей среды, состояния демографической ситуации и рынка труда, реализуемых концепций социально-экономического развития региона, целевых программ и механизмов их осуществления, а также ресурсного обеспечения. Оптимальное сочетание вышеизложенных методов и способов в совокупности могут обеспечить успешную разработку и реализацию региональной социально-экономической политики и стать гарантом выравнивания уровня развития отдельных регионов.

Региональную социально-экономическую политику можно охарактеризовать как взаимодействие центральных и региональных органов государственной власти, направленное на выравнивание уровня социально-экономического развития регионов страны на базе комплексного и эффективного использования их природно-ресурсного потенциала, развития межрегионального сотрудниче-

ства, экологизации региональной экономики, разработки и реализации целевых программ развития регионов и гармонизации общегосударственных и региональных интересов путем создания соответствующего экономического механизма государственной поддержки развития экономики регионов. В этом контексте региональная политика отражает цели и задачи государства в области развития регионов и регулирования происходящих в ней социально-экономических процессов, а также средства их достижения, что в укрупненном виде как механизм достижения поставленных целей можно представить следующим образом (рис. 1).

Следовательно, каждый регион Таджикистана уникален своим природно-ресурсным потенциалом, наличием полезных ископаемых, обилием водных ресурсов, трудоизбыточностью, туристическими достопримечательностями и плодородными землями. Особенно высоко оценивается водноэнергетический потенциал регионов Таджикистана, который используется ныне в незначительных объемах. Вместе с тем, по всем регионам, особенно в Горном Бадахшане и Согде, остро ощущается нехватка земельных ресурсов, предназначенных для сельского хозяйства, что во многом предопределяет направления проводимой политики социально-экономического развития регионов, обусловливая необходимость реализации промышленно-ориентированной стратегии развития малоземельных областей, диверсификации сельского хозяйства и улучшения плодородия земель.

За годы государственной независимости Правительство Республики Таджикистан уделяло большое внимание развитию регионов страны. Реализованы многие инвестиционные проекты, направленные на развитие инфраструктурного комплекса и реального сектора экономики регионов. В результате реализации государственной региональной политики за последние десятилетия существенно вырос экономический потенциал регионов и их вклад в развитие национальной экономики, о чем свидетельствует рост валового регионального продукта (ВРП) регионов (табл.4).

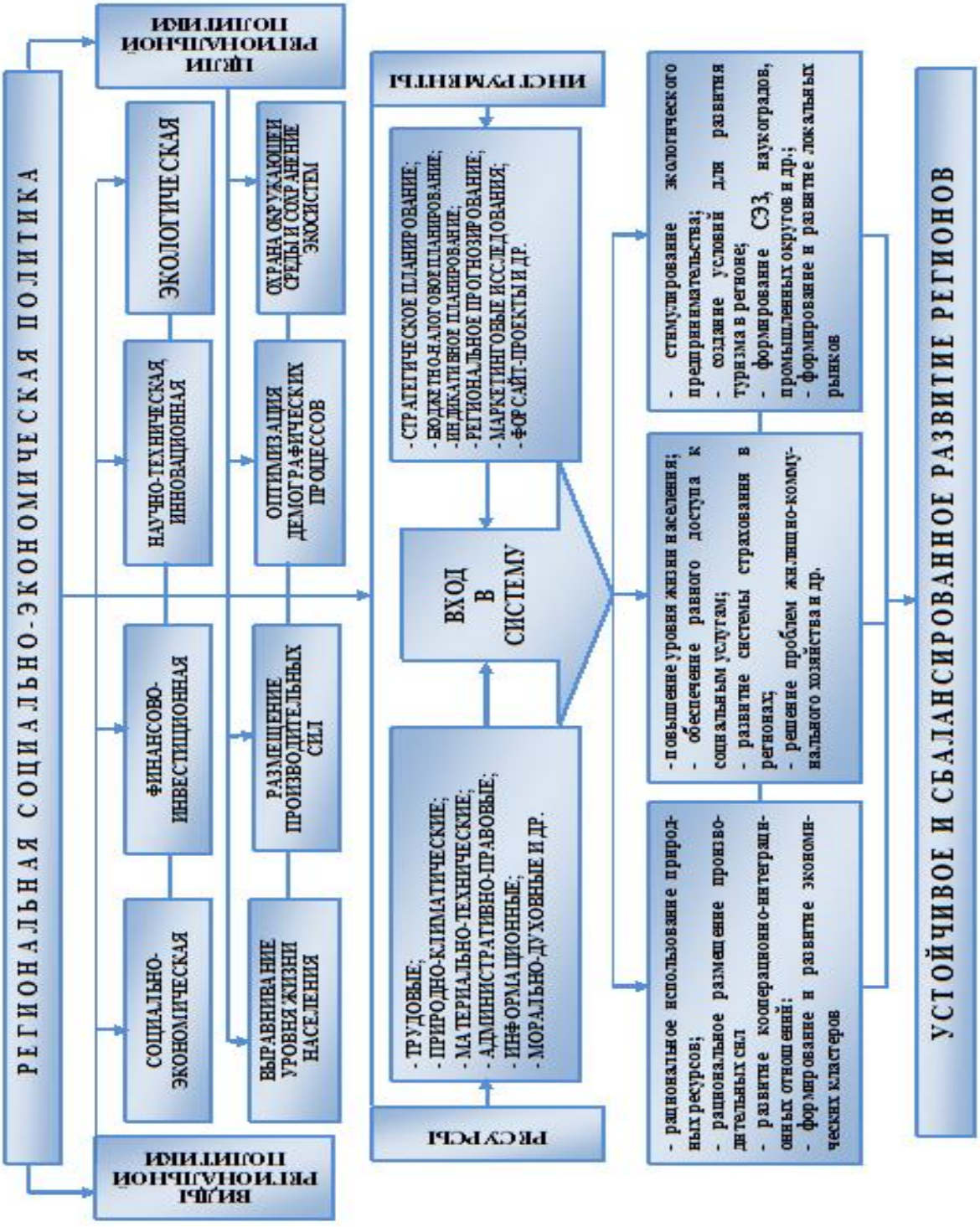

Рис.1. Структурное построение механизма реализации государственной региональной политики

Таблица 4

Динамика ВРП регионов Республики Таджикистан в 2003-2014 гг., в текущих ценах соответствующих лет

Регионы	2003		2010		2014		2014/2003, раз
	I	II	I	II	I	II	
г. Душанбе	935,7	19,6	5201,5	21,1	9394,7	23,9	10,0 р.
Хатлон	1236,3	26,0	6493,9	26,2	11696,3	29,8	9,5 р.
Согд	1294,1	27,1	5716,2	23,1	11001,5	28,0	8,5 р.
ГБАО	113,8	2,4	410,1	1,7	717,4	1,8	6,3 р.
РРП	1181,5	24,9	6882,9	27,9	6467,3	16,5	5,4р.
Всего по РТ	4761,4	100,0	24704,7	100,0	39277,2	100,0	8,2 р.

Примечание: I – ВРП, млн.сомони; II – в % к итогу.

Рассчитано по: Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2015. С.189.

Анализ данных табл. 4 показывает, что за 2003-2014 гг. во всех регионах страны наблюдается существенный рост их ВРП порядка от 5,4 до 10 раза. Дифференциация регионов по темпам роста ВРП приводила к изменению их удельного веса в совокупном ВРП страны. За рассматриваемый период из - за относительно низких темпов роста ВРП РРП удельный вес этого региона в совокупном ВРП страны сократился с 24,9% в 2003 г. до 16,5% в 2014 г., а удельный вес Хатлонской области за этот период, наоборот, увеличился с 26,0 до 29,8%.

Анализируя динамику среднемесячной номинальной заработной платы в регионах, отметим, что её уровень предопределяется структурой региональной экономики и отраслевой структурой занятости населения региона. Где выше доля работников, занятых в промышленности и сфере услуг, там и будет выше уровень среднемесячной заработной платы. По производству сельскохозяйственной продукции на душу населения существенных различий по регионам не наблюдается , чего нельзя сказать в отношении производства промышленной продукции на душу населения. Производство промышленной продукции на душу населения в 2014 году в

регионах по отношению к среднереспубликанскому уровню составило: г. Душанбе – 122,9%, Хатлон – 107,9 %, Согд – 132,5%, ГБАО – 35,7% и РРП – 44,0%. По всем рассматриваемым индикаторам социального развития (розничный товарооборот, обеспеченность населения врачами, средним медперсоналом, больничными койками, учителями с высшим образованием, уровень смертности и др.) сохраняются значительные региональные различия, обусловленные неравномерным развитием отраслей инфраструктурного комплекса и, прежде всего, сферы услуг, а также разным уровнем среднедушевого дохода в регионах.

Существует необходимость совершенствования принципов и методов определения объема дотаций и субвенций, оказываемых местным бюджетам с учетом разделения полномочий между бюджетами разных уровней и изменением действующего законодательства в социальной сфере. Предлагаемый подход к определению норматива оказания субвенций местным бюджетам показано ретроспективно на примере Хатлонской области (табл. 5).

Таблица 5

Расчеты по определению норматива оказания субвенций Хатлонской области в 2012-2014гг.

Годы	Объем местного бюджета	Из них субвенция	Объем местного бюджета (без субвенции)	Субвенция в % к объему местного бюджета (без субвенции)
2009	371,4	132,2	239,2	55,3
2010	463,5	150,4	313,1	48,0
2011	557,8	188	369,8	50,8
Итого (норматив)	1392,7	470,6	922,1	**51,0**
2012 (фактически)	716,8	233	483,0	48,2
2012 (расчетно)	729	246	402,7	**51,0**
2013 (фактически)	927,2	375,2	552,0	70,0
2013 (расчетно)	833,5	281,5	486	**51,0**
2014 (фактиче-	1138,0	487,8	650,2	75,0

ски)				
2014 (расчетно)	774,2	331,6	442,7	51,0
Итого за 2012-2014 (фактически)	2782,0	1096	1686,0	65,0
Итого за 2012-2014 (расчетно)	2336,7	8591	1330	64,5

Рассчитано по: Регионы Республики Таджикистан / Статистический сборник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2015. С.17-18.

Норматив оказания субвенции по Хатлонской области на 2012-2014 годы составил 0,5 или 50% от объема фактически поступивших в прошлом году в бюджет области регулирующих и собственных доходов. Норматив (условный) показывает, что в 2012 г. объем субвенции, оказанной области, меньше, чем её нормативный объем на 10,0 млн. сомони, а в 2013-2014 больше на 250 млн. сомони. Это отрицательно сказалось на объеме поступлений в бюджет области за счет внутренних доходных источников. Если в 2012 г. по сравнению с 2011 он увеличился на 30,5%, то в 2014 г. по сравнению с 2013 г. – на 17,8%. Это еще раз подтверждает, что существенное увеличение объема субвенций отрицательно скажется на уровне собираемости как общегосударственных, так и местных налогов.

Необходимо совершенствовать механизм бюджетной поддержки социально-экономического развития регионов, заключающийся в пересмотре существующих схем межбюджетного распределения средств, с учетом предоставления большей автономности регионам и привлечения дополнительных финансовых ресурсов в целях бюджетной поддержки слаборазвитых районов, в частности, с учетом более эффективного использования налогового потенциала регионов.

Анализируя институциональные условия формирования и реализации региональной социально-экономической политики в Республике Таджикистан, можно сделать вывод, что наряду с достигнутыми успехами в области институционализации региональной социально-экономической политики имеются определенные упущения и нестыковки. В частности, не разработана и не принята Кон-

цепция государственной региональной политики Республики Таджикистан, которая явилась бы ориентиром для органов государственной власти при решении широкого спектра задач социально-экономического развития регионов.

Реализация крупных инвестиционных программ по освоению природно-ресурсного потенциала регионов и развитию в них отраслей промышленности предполагает необходимость выполнения экологических требований с учетом снижения угрозы уязвимости природных экосистем, а также параллельное развитие социальной инфраструктуры в целях создания благоприятных условий жизни населения. Следовательно, требуется принимать во внимание экологическое сопровождение инвестиционно-строительной деятельности в регионах. Для того, чтобы предотвратить возможность возникновения экологической напряженности в регионах, необходимо обеспечить согласование процессов разработки программ регионального экономического роста с процессом экологизации экономических отношений. Необходимость комплексного решения проблем обеспечения экономического роста во взаимосвязи с сохранением качества окружающей среды и рациональным использованием природно-ресурсной базы требует совершенствования организации экологической экспертизы инвестиционных проектов, государственного контроля и надзора за использованием природных ресурсов и мониторинга состояния экологической обстановки в регионах, а также увеличения объема финансирования на природоохранную деятельность. В программы экономического и социального развития регионов и отдельных территориальных образований, на наш взгляд, необходимо включить только экологически обоснованные инвестиционные проекты, предусматривающие использование инновационных технологий и полную утилизацию, как промышленных, так и бытовых отходов.

В целом, предлагаемые нами меры призваны способствовать оптимизацию социально-экономической политики в республике, устранить дисбаланс на уровне развития и создать условия для более эффективного использования природно-ресурсного потенциала регионов Таджикистана.

ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РЕАЛИЗАЦИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ТАДЖИКИСТАН – 2030

Майтдинова Гузель Майтдиновна
Доктор исторических наук,
профессор кафедры Зарубежного регионоведения и внешней политики
Российско-Таджикского (Славянского) университета
директор Центр геополитических исследований РТСУ
член-корреспондент Таджикской Академии архитектуры и строительства

Центральная Азия продолжительное время находилась на окраине мировой политики, и только в конце XX – начале XXI века она становится еще одним из важных регионов мира. Начавшиеся здесь модернизационные и интеграционные процессы в экономике и политике и укрепление государственности новых акторов все более выдвигают Центральную Азию на авансцену мировой политики. Спустя четверть века после обретения суверенитета новыми центральноазиатскими государствами в Центральной Азии появилась тенденция к более тесной экономической интеграции с государствами региона и к ускорению урегулирования застарелых этнотерриториальных и коммуникационных проблем. Активизировалось межгосударственное взаимодействие Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана по разрешению актуальных вопросов и налаживанию стратегического сотрудничества с учетом новых вызовов. Заметны существенные перемены в структуре внешнего воздействия на геополитические реалии в Центральной Азии. В середине второго десятилетия XXI века, несмотря на начало реализации новой обновленной стратегии партнерства Евросоюза в Центральной Азии, его влияние в регионе заметно сокращается на фоне еще большего усиления здесь геополитического веса России, США, Китая, имеющих стратегические геополитические интересы в регионе, а также активизируется политика Индии и Пакистана, отводящих региону важную роль в своей геополитике. По мере нарастания международной напряженности в Западной Азии, заметно ослабевает активность Ирана и Турции в Центральной Азии по сравнению с предыдущим периодом. В этих условиях постсоветские государства стремятся строить свои двусторонние отношения с внешнепо-

литическими игроками в соответствии со своими национальными интересами, моделями реализации стратегических целей и правилами игры на международной арене. В середине второго десятилетия XXI века мир вошел в полосу нестабильности и геополитических трансформаций. Наряду с глобализационными процессами идет формирование полицентричного мира. В этом контексте возрастают вызовы безопасности для новых государств в условиях реализации их национальных стратегий и в то же время усиливается роль и значение новых акторов в геополитической динамике Азии и в мире. Избрание Республики Казахстан непостоянным членом Совета Безопасности ООН на 2017-2018 годы и Председательство Казахстана в Совете безопасности ООН; принятие Генеральной Ассамблеей ООН в конце июня 2018 года резолюции "Укрепление регионального и международного сотрудничества по обеспечению мира, стабильности и устойчивого развития в Центральноазиатском регионе", разработанной по инициативе Узбекистана совместно с соседними государствами Центральной Азии, в которой впервые зафиксирована консолидированная позиция всех пяти государств Центральной Азии по основным проблемам региона; глобальные водные инициативы Таджикистана свидетельствуют о росте роли и значения этих государств в мире, об упрочении позиций новых государств Центральной Азии в мировом сообществе. Глобальная водная инициатива Таджикистана – об объявлении 2018-2028 гг. международным десятилетием «Вода для устойчивого развития», принятие соответствующей резолюции ООН еще более укрепляют позиции таджикского государства на мировом уровне, а водные инициативы будут способствовать устойчивому развитию планеты.

Новые государства Центральной Азии завершили этап становления государственности и взяли старт на модернизацию общества и экономики. Геополитическому сдвигу в Центральноазиатском регионе способствовало упрочение государственности новых акторов, более активная их роль в решении глобальных и региональных проблем, тесная интеграция в мировое сообщество, активизация региональных двусторонних и многосторонних отношений и, что очень важно, – *определение национальных стратегий развития новых государств*. Общим трендом регионального развития в 2018

году является стремление к более тесной региональной интеграции, исходя из понимания того, что реализация национальных стратегий постсоветских государств зависит от укрепления сотрудничества в регионе и предсказуемости развития региональной геополитической ситуации.

В 2016 году в Таджикистане была принята Национальная стратегия развития на период до 2030 года (НСР-2030) в соответствии с долгосрочными целями и приоритетами развития страны. Данный документ был подготовлен с учетом изменений, произошедших за последние годы в стране и в мире, и в особенности влияния мирового финансового и экономического кризиса 2007-2009 годов на национальную экономику. Кроме того, НСР-2030 учитывались международные обязательства Республики Таджикистан по Повестке дня на XXI век и Целям устойчивого развития (ЦУР), одобренном 70-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2015 года. Системность и последовательность в достижении целей НСР-2030 планируется обеспечить посредством реализации пятилетних Программ среднесрочного развития (целевых программ) на периоды 2016-2020, 2021-2025 и 2026-2030 годов, которые отражают этапы долгосрочного социального и экономического развития Таджикистана. В национальной стратегии Таджикистана определены три базовых принципа будущего развития страны: 1. превентивность, или упреждение (снижение) уязвимости будущего развития; 2. индустриальность, или повышение эффективности использования национальных ресурсов; 3. инновационность, или развитие на основе нововведений во всех сферах социально-экономической жизни страны. Высшими стратегическими целями Таджикистана на ближайшие 15 лет в стратегическом документе обозначены: обеспечение энергетической безопасности; выход из коммуникационного тупика и превращение страны в транзитную страну; обеспечение продовольственной безопасности и доступа населения к качественному питанию; расширение продуктивной занятости населения. При этом в НСР-2030 выделены основные приоритетные направления развития Таджикистана: повышение уровня образования и здравоохранения, обеспечение занятости населения, устранение гендерного неравенства, борьба с коррупцией, обеспечение продовольственной безопасности, достижение эффективности

управления, совершенствование социальной защиты населения, предотвращение потенциальных конфликтов, обеспечение надёжной энергетикой, обеспечение экологической безопасности и эффективное управление демографическими процессами. В НСР-2030 подчеркивается, что интенсивно изменяющаяся геополитическая, геоэкономическая и технологическая картина современного мира ставит перед Таджикистаном задачу превентивного и устойчивого экономического развития и реализации мер по обеспечению национальной безопасности[1]. Таджикистан обладает огромным гидроэнергетическим потенциалом. Пресная вода, плодородная почва, благоприятный климат и богатейшие природные ресурсы создают возможности для развития в рамках национальной экономической системы экспортоориентированных и импортозамещающих производств, создания современных секторов энергетической, добывающей и обрабатывающей промышленности, цветной и черной металлургии, развития экологически чистого агропромышленного комплекса. Уникальная природа Таджикистана является важным условием развития сферы туризма в стране. Ускоренное развитие гидроэнергетических мощностей и реализация международных и региональных транспортно-коммуникационных проектов позволят Таджикистану в ближайшем будущем стать региональным лидером в производстве и транзите дешевой и экологически чистой энергии, а также расширить транзитные возможности страны. Поэтому современная геополитика Республики Таджикистан направлена на снижение уязвимости экономики страны от потенциальных внешних угроз, поиск и разработку эффективных механизмов и внутренних источников устойчивого экономического развития, что позволит в перспективе перейти от аграрно-индустриальной к индустриально-аграрной экономике[2]. В результате реализации национальной стратегии Таджикистан может к 2030 году стать индустриально-аграрной страной**.** НСР-2030 планируется реализовать, как выше указано, в процессе трех среднесрочных пятилетних этапов:

[1] Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года. URL: http://www.gki.tj/nsr2030_ru.pdf

[2] Саидмуродов Л.Х. Стратегические ориентиры развития национальной экономики Таджикистана. URL: http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?I21DBN=LINK&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&2_S21P03=FILA=&2_S21STR=Nvdau_2017_24(3)__6

Первый этап – период перехода к новой модели экономического роста (2016-2020 гг.). На этом этапе должны получить развитие горнодобывающая отрасль, энергетика, транспорт, телекоммуникационная отрасль, пищевая и легкая промышленность, индустрия строительных материалов, туризм, а также финансовый сектор.

Второй этап – период ускоренного развития, основанного на инвестициях (2021-2025 гг.). На этом этапе в области гидроэнергетики будут завершены реформы, направленные на обеспечение условий для функционирования рыночных механизмов. Этот этап будет ключевым в полном завершении строительства Рогунской ГЭС и обеспечении энергетической безопасности страны. В угольной промышленности начнется ускорение выработки существующих месторождений, а в горно-металлургическом комплексе – начало эксплуатации вводимых в промышленный оборот месторождений. Этот этап также будет характеризоваться созданием агропромышленных кластеров и предприятий по полной переработке хлопка-волокна, кожсырья, коконов, винограда, фруктов и других видов продукции сельского хозяйства. Произойдет повышение индустриального уровня развития республики за счет развития традиционных для республики промышленных производств. На этом этапе развития Таджикистана будет решаться триединая государственная задача: политика импортозамещения в части товаров народного потребления, диверсификация экспорта и расширение инвестиционных возможностей национальной экономики. Будут завершены строительство и реконструкция намеченных транспортных коридоров, Таджикистан выйдет из железнодорожного тупика и будет налажена связь с южными и западными морскими путями.

Третий этап – период завершения ускоренной индустриализации и создания потенциала для развития на основе знаний и инноваций (2026-2030 гг.). В этот период основной акцент будет сделан на повышение качества жизни как в городах, так и в сельской местности. Реформы будут связаны с повышением уровня инновационности отраслей, формирующих человеческий капитал. Будет поощряться интеграция стадий инновационного цикла: фундаментальных и прикладных исследований, опытно-экспериментального производства, коммерциализация нововведений. Будут в основном за-

вершены аграрная и водная реформы, гидроэлектроэнергетика обеспечит расширение экспортных и транзитных

возможностей страны. Этот этап будет включать в себя реализацию мероприятий по стимулированию долгосрочного экспортоориентированного экономического роста за счет увеличения производства конечных товаров на предприятиях цветной металлургии, легкой и пищевой промышленности, индустрии строительных материалов и др. Развитие угольной промышленности будет основано на системе открытого и экологически приемлемого способа разработки угольных месторождений и глубокой переработки сырья. Экономический потенциал должен составить основу национальной безопасности Таджикистана[1]. По мнению таджикских экономистов, ускорителем модернизации национальной экономики может выступить активный рост промышленности, основу которого составят реконструкция и ввод в эксплуатацию новых мощностей по производству электроэнергии, расширение добычи ископаемых и угля, модернизация и рост секторов лёгкой и пищевой промышленности, формирование отечественной чёрной металлургии и дальнейшее развитие цветной металлургии в стране[2]. В перспективе цели внешней и внутренней политики Таджикистана будут направлены на создание благоприятных условий развития, укрепление устоев государственности, защиту прав и свобод, интересов и достоинств граждан страны, укрепление позиций государства на международной арене.

В ноябре 2018 года в своем обращении к парламенту Таджикистана Основоположник мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон констатировал, что за последние годы в результате строительства международных автомагистралей и присоединения Таджикистана к дорогам Китайской Народной Республики, Исламской Республики Афганистан, Кыргызской Республики, открытия железной дороги и 16 пограничных пунктов с Узбекистаном таджикское государство вышло из коммуникационного тупика, и тем самым страна *реализовала вторую геостратегическую цель.* Президент Таджикистана в

[1]Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года.
[2] Саидмуродов Л.Х. Стратегические ориентиры развития национальной экономики Таджикистана.

своем обращении объявил об ускоренной индустриализации страны, которую обозначил как четвертая национальная цель, при этом подчеркивая, что до 2030 года доля сферы промышленности в валовом внутреннем продукте должна увеличиться до 22 процентов[1].

Реализация национальной стратегии Таджикистана будет во многом зависеть не только от внутренних факторов в стране, но и геополитической динамики Центральной, Западной, Восточной и Южной Азии. В глобальном мире геополитические процессы в Евразии отражаются на развитии каждого из государств, и Таджикистан не исключение. В условиях регионализации и глобализации сохраняются и даже принимают еще большую остроту глобальные проблемы, которые возможно решать только общими усилиями: нехватка ресурсов, перенаселение, загрязнение окружающей среды, нераспространение оружия массового уничтожения, международный терроризм, организованная преступность, наркотрафик, трафик людей и т.п. Смертельную угрозу для человеческой цивилизации в целом представляет терроризм, прежде всего основанный на религиозном экстремизме. Все вышеперечисленные проблемы характерны и для Центральноазиатского региона и отражаются на темпах реализации национальных стратегий новых государств. Решение глобальных проблем поставил вопрос о необходимости поиска механизма взаимодействия[2]. В настоящее время в Центральной Азии усилился диалог центров силы – Китая, России и США по многим аспектам геополитических проблем региона. В структуре межгосударственных отношений заметна тенденция к координации действий по центральноазиатским проблемам России, Китая и США на фоне усиления новых глобальных угроз и вызовов. В изменяющихся геополитических реалиях существует тенденция к внешнеполитической активности Индии в Центральной Азии. В условиях дестабилизирующей деятельности ИГИЛ, талибан, частных военных компаний в Афганистане, Пакистан стремится более тесно сотрудничать с приграничными государствами по стабилиза-

[1] Послание Президента Республики Таджикистан Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 26.12.2018. URL: http://www.president.tj/ru/node/19089

[2] Лукин А. Постбиполярный мир: мирное сосуществование или хаос? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т.60, №1. С.27-28.

ции региональной ситуации[1]. Знаковым событием 2018 года является налаживание диалога Китая-России-Ирана-Пакистана по проблемам региональной безопасности и стабилизации Афганистана, исходя из понимания того, что стабильность Пакистана и Афганистана – путь к стабильности не только Центральной Азии, но и всей Евразии. Еще один формат сотрудничества формируется в Центральноазиатском регионе – Индия + новые государства Центральной Азии, о чем свидетельствует встреча в январе 2019 года министров иностранных дел вышеуказанных государств в Самарканде Республики Узбекистан.

В постсоветской Центральной Азии в первой половине 2018 года заметно активизировалось взаимодействие новых государств, приступивших к реализации своих национальных стратегий. Общим трендом стала актуализация внутрирегиональной интеграции. Геополитические перемены в начале 2018 года в региональных отношениях связаны, прежде всего, с началом разрешения застарелых этнополитических проблем, которые служили вызовом региональной стабильности. Внешнеполитические позиции двух ключевых государств Центральной Азии – Казахстана и Узбекистана оказывают заметное воздействие на региональную ситуацию. В начале 2018 года отмечается тенденция к повышению уровня казахско-узбекского взаимодействия для обсуждения актуальных проблем двусторонних и региональных отношений (состоялись серии встреч лидеров двух государств только в начале этого года). Новая политика открытости Узбекистана внешнему миру уже заметно влияет на геополитическую динамику в Центральноазиатском регионе. Активная позиция Узбекистана в решении своих внешнеполитических задач в регионе и региональные инициативы казахстанского лидера, видимо, повысят влияние Казахстана и Узбекистана на региональные процессы. Интенсификация реализации своей новой доктрины внутренней и внешней политики Узбекистаном, действенные меры, принятые президентом Узбекистана Ш.М.Мирзиеевым по решению застарелых проблем двусторонних отношений государств, граничащих с Республикой Узбекистан,

[1] Майтдинова Г. Геополитическая динамика Центральной Азии: новые подходы и стратегические ориентиры. Бишкек, 2018. С.19.

привели в 2018 году к «разрядке напряженности» в постсоветской Центральной Азии. Геополитическим прорывом можно считать налаживание конструктивного таджикско-узбекского диалога во время государственного визита президента Узбекистана Ш.М.Мирзиеева в Таджикистан, когда были подписаны 27 международно-правовых документов, регулирующих двусторонние отношения. Среди самых значимых соглашений между двумя республиками: изменение визового режима, открытие авиа- железнодорожного и автобусного сообщений, разминирование государственных границ, договоренности в сфере экономики, торговли, инвестиций, финансов, транспорта и транзита, сельского хозяйства, водно-энергетической отрасли, налогов, таможенного дела, туризма, образования и науки, здравоохранения, культуры, межрегионального сотрудничества, в области безопасности и противодействия преступности, а также был дан положительный отзыв Узбекистаном о строительстве Рогунской ГЭС[1].

В прошлом именно пограничные и минные проблемы создавали особую напряженность в двусторонних отношениях. До 2002 года Таджикистан и Узбекистан определили 84% линии границы. Протяженность таджикско-узбекской границы составляет 1332 км. Согласовано, подписано и ратифицировано соглашение о делимитации и демаркации общей границы протяженностью около 1330 км, то есть сторонами согласованы 99,99% ранее неделимитированных участков границ уже в 2018 году. Одним из основных спорных вопросов до недавнего времени являлись территория и принадлежность Фархадского гидроузла. Поэтому особенно важным для развития таджикско-узбекских отношений и региональной стабильности является ратификация таджикско-узбекского соглашения о совместном использовании спорного Фархадского гидроузла. В соответствии с двусторонним соглашением, территория, на которой расположена Фархадская ГЭС, признана территорией Таджикистана, а сам гидроэнергетический объект – собственностью Узбекистана. Согласно договоренностям, безопасность ГЭС будет обеспе-

[1] Гриценко А. Эргашев: Сближение Узбекистана и Таджикистана несет как выгоды и преимущества, так и риски и угрозы. URL: http://press-unity.com/analitika-stati/11144.html

чивать таджикская сторона, а эксплуатацию – узбекская[1]. Данный международно-правовой документ вступил в силу сроком на 49 лет в июне 2018 года. Историческим моментом для стабильности и развития Центральной Азии является ратификация Таджикистаном и Узбекистаном договора об отдельных участках узбекско-таджикской границы в первой половине 2018 года. Решение этой проблемы сняло еще один конфликтный узел в Центральной Азии – проблему Фархадской ГЭС. К настоящему времени начаты совместные работы саперов Таджикистана и Узбекистана по разминированию некогда спорных территорий.

Достаточно сложным остается решение спорных таджикско-кыргызских пограничных проблем. Из общей таджикско-кыргызской границы протяженностью 976 километров в настоящее время делимитировано и демаркировано 504 километра, а остальная часть границы, наиболее сложная, спорная, протяженностью в 472 километра требует своего решения. Кыргызская сторона ведет спор по пограничным проблемам, опираясь на карту 1989 года, Таджикистан же – на карту 1924 года. Несмотря на работу многолетних двусторонних комиссий, ситуация стала «патовой». В настоящее время только на границе районов Мастчо, Гончи, Бободжон Гафуров и Спитамен существует 145 200 гектаров спорных территорий, из которых 143 тысячи находятся под контролем Кыргызстана и лишь 2200 гектаров используются гражданами Таджикистана для выпаса скота[2]. Для сохранения стабильности Центральной Азии сейчас архиважным является пограничное урегулирование и решение проблем анклавов в Ферганской долине, где все чаще и чаще возникают конфликты между населением, проживающим в Ворухе, Сохе, Шахимардане. Эти не решенные этнотерриториальные проблемы будут осложнять кыргызско-узбекские, кыргызско-таджикские, таджикско-узбекские отношения и будут сказываться на темпах центральноазиатской интеграции и реализации национальных стратегий.

[1]Судьба Фархадской ГЭС: 49 лет в интересах Таджикистана и Узбекистана. URL: http://www.toptj.com/News/2018/04/08/sudba-farkhadskoy-ges-49-let-v-interesakh-tadzhikistana-i-uzbekistana

[2] Пограничники КР и РТ согласовали порядок охраны участка границы, где произошел конфликт. URL: http://rferl.c.goolara.net/Click.aspx?id=010107156276208497562

Еще в сентябре 2017 года в ходе визита президента Узбекистана в Кыргызстан был подписан промежуточный Договор о согласовании кыргызско-узбекистанской границы протяженностью 1170,53 км (84% от общей границы). Между тем, общая протяженность границы с Узбекистаном составляет 1378 км, и теперь еще необходимо согласовать 207,47 км общей границы, так как подписанный договор не затрагивает 35 наиболее спорных участков, где конфликтогенный потенциал наиболее высок. Неурегулированными остаются пока самые проблемные межгосударственные рубежи, связанные с анклавами (для одной стороны) и эксклавами (для другой). На спорных участках узбекистанско-кыргызстанской границы в начале 2018 года все чаще возникали этнотерриториальные конфликты с участием приграничного населения двух государств[1]. Пока удается держать под контролем ситуацию на приграничных территориях, но требуются более активные действия обоих государств для решения этих застарелых проблем. Факт подписания договора о согласовании границ дает возможность Узбекистану и Кыргызстану делимитировать 84% границы, что позволит снизить напряженность на границе в конфликтогенной Ферганской долине. Кроме того, в настоящее время приняты меры по усилению взаимодействия Кыргызстана и Узбекистана по развитию двусторонней торговли, ослаблению пропускного контроля на границе и начато форсирование проекта строительства железной и автомобильной дорог из Китая через территорию Кыргызстана в Узбекистан. Цель данного коммуникационного проекта – создание нового транспортного коридора, позволяющего доставлять грузы по железной дороге в страны Евросоюза по маршруту, который пройдет из Китая через Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан, Каспийское море и Южный Кавказ, где закончилось строительство железнодорожного коридора «Баку-Тбилиси-Карс». Реализация проекта железнодорожной и автомобильной дорог по маршруту «Китай-Кыргызстан-Узбекистан» станет составной частью большого транспортного коридора из Китая к портам Ближнего Востока и Южной Европы. И тогда, с учетом проектируемого коридора, будет создана сквозная

[1]Панфилова В. На границе Киргизии и Узбекистана опять стреляют. URL http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1523243760

транспортно-коммуникационная магистраль от Турции до морских портов Китая через государства Центральной Азии. Данный транспортный проект важен и для реализации национальной стратегии Таджикистана в контексте выхода к морским коммуникациям и для формирования в стране еще одной транзитной инфраструктуры.

Вносят перемены в геополитическую структуру региона активные контакты Узбекистана, по линии Туркменистан – Казахстан. Активизация взаимодействия Узбекистана-Казахстана-Туркменистана по укреплению экономического и политического сотрудничества, возможно, свидетельствует о формировании в регионе стратегического треугольника государств, обладающих запасами энергоресурсов, транзитными возможностями. Для Узбекистана важно взаимодействие с Туркменистаном и Казахстаном, обладающими ключами от морских портов в Каспийском море, для реализации альтернативных транспортных коридоров выхода к морским путям. Три государства, обладающие значительным геополитическим потенциалом, могут сформировать региональный центр силы, способный противостоять внешним вызовам.

Вместе с тем, четыре государства региона – Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан активизировали двустороннее и многостороннее сотрудничество по урегулированию актуальных межгосударственных проблем и взяли курс на налаживание стратегического сотрудничества в новых геополитических реалиях. В период празднования древнеземледельческого праздника Навруз в марте 2018 года в Астане состоялся неформальный саммит глав государств Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана и главы парламента Туркменистана, что является знаковым событием в региональной геополитике. Впервые в новом столетии лидеры новых центральноазиатских государств собрались на форум для обсуждения чисто региональных проблем: всеобщей безопасности, борьбы с наркотрафиком, нелегальной миграции, международной работорговли, трафика оружия, контрабанды, организованной преступности, терроризма и т.д. В регионе существуют проблемы, для обсуждения которых необходима политическая площадка: это проблемы регулирования пограничных вопросов, стандарты качества, образовательные стандарты и признание дипломов, водные и экологические проблемы, проблемы торговли и эко-

номического взаимодействия, гуманитарное сотрудничество и др. Для центральноазиатских государств астанинский формат необходим для снятия напряжения по наиболее острым региональным проблемам, и он будет служить гарантом региональной стабильности, что тоже важно для внешних союзников и партнеров государств Центральной Азии. Астанинский формат, видимо, сохранится в виде форума для сближения позиций и обсуждения региональных проблем. Но самое главное – прийти к необходимости разработки генеральной программы развития Центральной Азии, включающей в себя формирование рынка сбыта собственной продукции, координации развития основных отраслей промышленности с учетом наличия сырья и энергоресурсов, развитие инфраструктуры, энергетики и других направлений.

Следует отметить, что Таджикистан, в соответствии со своей Стратегией развития, взял курс на вторичную индустриализацию страны, и ему необходимы высокие технологии, качественная рабочая сила, морские и сухопутные коммуникации, но главное – нужна долговременная стабильность для развития. Вторичная индустриализация подразумевает в Таджикистане расширение отраслей промышленности с использованием своих сырьевых возможностей и превращение индустрии в основную производительную силу, урбанизацию населения, модернизацию сельского хозяйства, коренное обновление системы образования и науки. Таджикистан, приступая к вторичной индустриализации, имеет уже основы индустрии, образования и науки. Страна может выступить индустриальной моделью для индустриализации Афганистана, учитывая геополитическое соседство и тесную экономическую и политическую связь двух стран. Вторичная индустриализация Таджикистана будет делать акцент на ускоренное развитие электроэнергетики, производства стройматериалов, строительства, черной и цветной металлургии, химической промышленности, в том числе на производство минеральных удобрений. Уже в ближайшем будущем продукция этих отраслей не только будет восполнять потребности населения внутри страны, но и станет объектом экспорта как для стран Центральной Азии, так и Индии, Пакистана, Юго-Восточной Азии, Африки. Только рост выпуска цемента и стройматериалов в Таджикистане может увеличить торговлю ими в перспективе в

Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, Африке, а также и в России. С развитием черной металлургии в Таджикистане может быть связано повышение роли машиностроения, которое может быть направлено на производство экспортоориентированного оборудования для железных дорог, для сборки локомотивов и вагонов, их обслуживания, техники для использования на горных выработках и шахтах, оборудования для канатных дорог и фуникулеров для горных стран в сотрудничестве с Россией.

Препятствия на пути реализации конкретных проектов развития Таджикистана создают афганский фактор и существующие в регионе этнополитические проблемы. В настоящее время на первый план вышли угрозы терроризма и организованной преступности, политического и религиозного экстремизма, сепаратизма, межэтнических конфликтов, информационных войн, а также незаконного оборота оружия, наркотиков. Они представляют собой реальную угрозу стабильности и безопасности не только для Таджикистана, но и всего мирового сообщества. Эти факторы, ныне угрожающие международной и национальной безопасности, носят транснациональный и трансграничный характер. Реализация предлагаемых таджикской стороной проектов (таких как строительство железнодорожной ветки Туркменистан-Афганистан (Мазори Шариф) – Таджикистан, газопровода по данному маршруту, а также ускорение строительства энергетического проекта ЛЭП CASA-1000 и Рогун-Мазори-Шариф-Герат-Мешхед, которые могли бы соединить электрические сети Кыргызстана, Таджикистана, Афганистана и Пакистана) серьезно содействовали бы развитию Северного Афганистана, способствовали бы укреплению регионального взаимодействия и обеспечению безопасности, однако современная геополитическая динамика Афганистана не содействует эффективной реализации вышеуказанных проектов**.**

Учитывая, что в условиях нарастания новых угроз безопасности центральноазиатских государств необходимы консолидированные действия для недопущения дестабилизации обстановки в регионе, что уже имеются прецеденты, когда внешние силы вступают в острую конкурентную борьбу за ресурсы, за контроль над коммуникациями, рынками вооружений, испытывают новые вооружения

и ведут активную информационную атаку на отдаленных геополитических площадках, игнорируя интересы и права развивающихся государств, новые центральноазиатские государства выработали совместный подход по актуальным региональным проблемам и представили документ на рассмотрение в ООН. Генеральная Ассамблея ООН на пленарной сессии в конце июня 2018 года приняла резолюцию "Укрепление регионального и международного сотрудничества по обеспечению мира, стабильности и устойчивого развития в Центральноазиатском регионе". Данная резолюция является первым подобного рода документом, принятым ООН, в котором была зафиксирована консолидированная позиция постсоветских центральноазиатских государств по актуальным проблемам региона, начиная от вопросов, связанных с использованием воды, и заканчивая потенциальными угрозами со стороны международных террористов[1]. Особое значение в резолюции придается совместным усилиям центральноазиатских государств, направленным на содействие мирному процессу и социально-экономическому развитию в Афганистане, учитывая влияние афганского фактора на реализацию стратегических планов новых государств. Для новых государств Центральной Азии, не имеющих доступа к южным морским коммуникациям, крайне важен транзитный потенциал Афганистана и стабильное развитие этого государства.

В условиях формирования нового мирового порядка в начале второго десятилетия XXI века в мире происходит становление новых центров развития. В Таджикистане есть понимание того, что государствам Центральной Азии необходима более тесная интеграция, принимая во внимание начало модернизации национальных экономик, рост промышленного и сельскохозяйственного производства, которые потребуют широких рынков сбыта. Поэтому осознается необходимость формирования центральноазиатского рынка с учетом направлений приоритетного развития государств региона. Для этого в рамках Астанинского формата глав государств Центральной Азии нами предлагается идея целесообразности создания Комитета стратегического планирования экономического развития и интеграции для подготовки стратегических программ взаимодей-

[1] Панфилова В. Центральная Азия под зонтиком ООН. URL: http://zondnews.ru/material/4933

ствия и создания рынка сбыта промышленной и сельскохозяйственной продукции в будущем.

В государствах Центральной Азии есть интерес и к региональному, и к глобальному видению своего региона. Государства Центральной Азии заинтересованы в реализации китайской геоконцепции «Один пояс – один путь» в сопряжении с концепцией ЕАЭС и ОПОП, видя в данной инициативе значительный ресурс для реализации своих национальных стратегий. Укреплению российско-китайского сотрудничества, складыванию нового Евразийского экономического пространства на основе сотрудничества России, Китая, Индии, Пакистана, государств Центральной и Западной Азии фактически нет альтернативы. Страны Центральной Азии уже втянуты в глобализационные процессы, и в то же время здесь идет активный диалог по укреплению региональной интеграции. Объективно сами страны Центральной Азии заинтересованы и в глобализации, и в регионализации. Поэтому проявляют интерес и к проектам, ориентированным на глобализацию, и к проектам, ориентированным на регионализацию. Главным для государств Центральной Азии становится найти баланс между своими интересами к глобализации и регионализации при поддержке партнеров[1]. Сотрудничество новых государств с Китаем, Россией, США, Индией и др., опора на свои самобытные цивилизационные основы и на свой опыт исторической политической культуры, возможно, позволят центральноазиатским акторам найти стратегический баланс между регионализацией и глобализацией, необходимый для Центральной Азии.

Между тем, у южных рубежей постсоветской Азии, на таджикско-афганской, узбекско-афганской и туркмено-афганской границах усиливаются военные угрозы безопасности новым государствам. Наиболее тревожной тенденцией в 2019 г. является транзит членов ДАИШ из Ирака и Сирии в Афганистан по мере ограничения территории, подконтрольной этой террористической организации. Тревожным сигналом является усиление геополитического соперничества ведущих мировых и региональных держав в Афганистане, где каждая страна использует «Талибан» и другие террористические группы для реализации своих геополитических задач в

[1] Сафранчук И.А., Искандаров А.И. Глобализация и регионализация для Центральной Азии // Новые государства Центральной Азии в условиях формирования полицентричного мира: материалы междунар. конф. (г.Душанбе, 16.03.2017 г.). Душанбе, 2017. С.47.

Афганистане. На военную ситуацию в Афганистане в 2019 г. негативное влияние может оказать политический кризис в этой стране, отсутствие существенных сдвигов в её преобразовании[1]. Все вышеуказанные тенденции указывают на эскалацию военной напряженности в трансграничном Амударьинском регионе. США владение стратегическими преимуществами в Афганистане – центре Центральной Азии важно для сдерживания трех центров силы (Ирана, Китая и России), противодействия расширению не контролируемых ими интеграционных процессов – ШОС, ОДКБ, ЕАЭС и ограничения реализации геоконцепции «Экономический пояс Нового Шелкового пути». Очевидно, здесь реализуется стратегический план по установлению всеобъемлющего контроля над Центральноазиатским регионом. Реализация возможных силовых сценариев будет создавать прямые угрозы реализации национальных стратегий и безопасности всех постсоветских государств Центральной Азии. В этих условиях важны консолидированные усилия заинтересованных в центральноазиатской стабильности государств в рамках глобальной и региональных организаций, а также реальное укрепление интеграционных процессов. В середине второго десятилетия XXI века в Центральной Азии идет активный процесс сближения культур народов в связи с усилением глобализации, и коммуникационный фактор здесь играет важную роль в интеграционных процессах. Укрепление внутрирегионального политического взаимодействия Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана, Туркменистана, эффективная реализация национальных стратегий развития, усиление гуманитарного сотрудничества могут дать возможность Центральноазиатскому региону в стратегическом будущем стать одним из полюсов развития в формирующемся полицентричном мире.

[1] Искандаров К. Современная военно-политическая ситуация на севере Афганистана и перспективы ее развития в 2017 г. // Новые государства Центральной Азии в условиях формирования полицентричного мира: материалы междунар. конф. (г.Душанбе, 16.03.2017 г.). Душанбе, 2017. С.115.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРАЗИЯ: ОТ ЭПИЦЕНТРА К КЮВЕТУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Суюнбаев Мурат Насирдинович
Профессор кафедры международных отношений Кыргызско-Российского (Славянского) университета имени Бориса Ельцина, Академик Российской Академии естественных наук

При анализе Центральной Евразии, необходимо, в первую очередь, идентифицировать названия, которые редко являются нейтральными. Анализируемая нами территория до сих пор имеет идентификацию туземного характера: назвали ли эту территорию Туркестаном британцы, Средней Азией русские, или Центральной Азией американцы – и то, и другое – внешние определения и не всегда обоснованы.

Описываемый регион является не только центром материка, но и географическим центром планеты, потому что Евразия – самый большой континент Земли. Но регион, включающий в себя Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, до сих пор не имеет общепринятого научно обоснованного наименования.

Туркестан – название Центральной Евразии в 19 веке и начале 20 века. В научном обороте этот термин впервые появился в конце 18 века. Термин, заимствованный у персов, означает «страна тюрков» и применялся в Средние века к различным областям, в зависимости от миграций тюркских народов. Т.е. при гуннах Туркестан простирался от Монголии до Венгрии. Да и сейчас не меньше – от якутского побережья Северного Ледовитого океана до европейской части Стамбула. Уже в первой половине 19 в. этот термин утвердился на Западе в научной среде, а затем был воспринят и академическими кругами России[1]. То есть «восприимчивость» к сомнительным названиям имеет давние традиции!

Во второй половине 19 века большой регион нередко делился (достаточно условно) на Западный (Российский), Восточный (Китайский) и Афганский.

В середине 1920-х гг. термин «Туркестан» постепенно вышел из употребления и был заменён в советской географической традиции

[1]Алексеева Н.Н., Иванова И.С. Средняя или Центральная Азия. 2007. 27 дек. URL: ia-centr.ru

термином **«Средняя Азия»** несмотря на то, что в Среднюю Азию входит только юг Казахстана. Сделано это было в рамках борьбы с пантюркизмом. Следует отметить, что в 50-х гг. в Китае, в рамках борьбы с сепаратизмом, **Восточный Туркестан** был заменён термином «**Синьцзян».**

Позднее в советской литературе регион стал называться "**Средняя Азия и Казахстан**", отражая физико-географическую разницу между первой и вторым. Если Юг Казахстана (к югу от Арало-Иртышского водораздела) в природном отношении относится к Средней Азии, то Северный Казахстан относится к Южной Сибири – к бассейну Северного Ледовитого океана, т.е. не может относиться к Центральной Азии (бессточной по определению), Западный Казахстан (за рекой Эмба) не относится к Азии вообще, а к «Средней Азии» и «Центральной Азии» - тем более.

Происхождение терминов «Центральная Азия» и «Средняя Азия» связано с книгой немецкого путешественника А.Гумбольдта, посетившего районы Азии в 20-30-е гг. 19 в. В немецком издании (1844) его книга называлась "Mittel Asien" ("Средняя Азия"), а во французском -"L'Asie Centrale" ("Центральная Азия "). Из-за этого казуса и появился термин «Центральная Азия», имеющий по отношению к этому региону неадекватное содержание.

После распада СССР США выступили с предложением называть регион Центральной Азией. И лидеры стран региона в 1993 г, не особенно раздумывая, приняли новое название. В этой самоидентификации (так же как и в стремлении некоторых республик перейти на латинскую графику) отчасти просматривается нежелание новых государств считать себя частью российского (евразийского) цивилизационного региона. Потребовалось почти 4 года, чтобы, наконец, задуматься над тем, а есть ли она вообще эта «Центральная Азия»[1].

Понятие «Центральная Азия» в отношении анализируемого региона геополитически и цивилизационно абсурдно в силу следующих причин[2].

[1] Суюнбаев М. Геополитические векторы экономической интеграции Кыргызстана в мировую экономику // Управление государственным сектором в целях развития в переходный и постпереходный период: матер. конф. Бишкек, 1997.

[2] Суюнбаев М. Седьмое заблуждение // Слово Кыргызстана. 2006. 16 июня.

1. Регион географически расположен не только в Азии, но и в Европе (территория Казахстана западнее р. Эмба) – это сведения из учебника географии за 7 класс.
2. Центр Азии находится в Турфане – за пределами региона, «называемого» сейчас Центральной Азией. Никто же не называет НАФТА «Латиноамериканским Союзом». Хотя вроде и Америка, а Мексика – латиноамериканская страна. А здесь часть Казахстана – в Европе, центр Азии – в Синьцзяне, и вот вам: «Центральная Азия».
3. Страны региона находятся в европейских структурах – ОБСЕ, EuropeAID (TACIS), ЕБРР.
4. Страны региона находятся и в евразиатских структурах – СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС, ОИС, СВМДА, ЕЭП.
5. Страны региона не входят ни в одну чисто азиатскую структуру. В Азиатский банк развития входят Австралия, страны Океании и евразиатский Казахстан. В Исламский банк развития входят европейская Албания, исламские страны Африки, евразиатские Казахстан и Турция.
6. В культурологическом отношении народы региона представляют собой и Азию, и Европу: европейская система образования. Кто из жителей региона сомневается, пусть попробует с ходу назвать 5 великих китайских художников, 5 великих индийских писателей и 5 великих японских композиторов. Например, с немецкими композиторами, французскими писателями и итальянскими художниками у представителя местного населения проблем будет намного меньше.

Как видим, Кыргызстан, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан в физико-географическое понятие «ЦА» не входят**.** Таким образом, политическое содержание понятия «Центральная Азия» некорректно и неадкеватно физико-географическому содержанию региона[1].

Большая часть коренных народов региона называется тюрками, т.е. по имени потомков народов, вышедших с Алтая, а не по имени отцов. Правильнее было бы называть эти народы алтайскими.

[1]Суюнбаев М. Геополитические векторы экономической интеграции Кыргызстана в мировую экономику.

Д.И.Менделеев полагал, что «...отделение Европы от Азии во всех случаях искусственно и с течением времени непременно сгладится, вероятно, даже совсем пропадет»[1]. Понятия «части света», а следовательно и «Азия», и «Европа» являются рудиментами архаических грекоцентрических моделей мира. И опираться на них в 3-ем тысячелетии новой эры при определении того или иного региона более чем странно. Особенно в Евразии, где в отличие от, например, Африки и Австралии, содержание понятий «континент» и «часть света» не совпадают. Поэтому терминами на основе «Европа» и «Азия» пользоваться, строго говоря, не научно. Принимая искаженное название «Центральная Азия», регион может, в конечном итоге, потерять свою европейскую составляющую. И уже теряет. Потому что категория «Центральная Азия» является средством переориентации стран региона «от» Евразийского пространства. То, что эта категория несет в себе геополитический смысл, видно хотя бы из того, что в эту «Центральную Азию» упорно не включается изначальная «Центральная Азия» в понимании «основоположников» термина А.Гумбольдта и Ф.Рихтгофена (Монголия, провинции Ганьсу, Цинхай и автономные районы Синьцзян и Внутренняя Монголия КНР). Это похоже на то, как в 19 веке российские власти называли «киргизами» не самих кыргызов, а соседних казахов. Вследствие этого самих кыргызов одно время пришлось именовать «кара-киргизами» («кара» в данном случае в смысле «настоящий»). То, что названием «Центральная Азия» продолжают пользоваться постсоветские исследователи, вызывает удивление, т.к. является проявлением туземного менталитета. Правильно называть регион не «Центральная Азия», а «Центральная Евразия» (ЦЕА). Этот термин негативной реакции в России не вызывает, не будет вызывать и в странах региона[2], и в Китае. Аналитики США тоже пользуются этим термином для обозначения нашего региона (the Central Eurasia). И, самое главное, термин вполне научный – в его основе лежат не мифические «части света» и «востоки», он также соответствует культурно-цивилизационным и современным политическим

[1] К познанию России. 1907. С.143.

[2]Собянин А. Формула интеграции Центральной Евразии – сохраняя различия, двигаться вперед // ЦентрАзия. 2007. 06 июля. URL: http://www.centrasia.ru/news2.php4?st=1183714200

реалиям. Название «Центральная Евразия» пока еще не вошло в широкий обиход.

За последние два с половиной десятилетия страны Центральной Азии еще больше "размыли" центральноазиатский регион, и сейчас он больше соответствует определению "историческая провинция", нежели "регион". В силу этого статуса, "историческая провинция" не может предложить свое видение и свою стратегию. Она может только предложить свою стратегию преобразования.

Эволюция развития региона следующая: от эпицентра первого акта глобализации – Шелкового Пути – до зоны депрессивного развития.

В период «10 век–первая половина 15 века» регион ближе, чем когда-либо, находился к постиндустриальной стадии развития. Все, что в регионе включено в Фонд материального наследия ЮНЕСКО, создано именно в этот период. Период 10 век – первая половина 15 века можно считать «осевым временем» региона. Затем последовал цивилизационный надлом, в т.ч. крушение кочевых цивилизаций.

Во 2-й половине 20 века регион находился на индустриальной стадии развития, а в начале 21 века – на доиндустриальной… То есть, в отличие других стран, «цивилизационный эскалатор» у нас работает в обратном направлении… Так ЦЕА оказалась в кювете глобализации. И никакие экономические реформы дела не исправили и не исправят. Исправлять надо «эскалатор». Эволюция безопасности региона следующая: от эпицентра стабильности – до зоны религиозного экстремизма и международного наркотрафика и терроризма. Мы наблюдаем укрепление институциональных основ безопасности на фоне снижения уровня региональной безопасности. Институциональные основы есть, а безопасности – нет. И никакие институциональные реформы дела не исправили и не исправят. Исправлять надо экономику – материальную базу стабильности. Без экономики нет стабильности, а без стабильности нет экономики. Разорвать этот порочный круг может только возвращение в глобальный транзит.

Вопрос о строительстве железной дороги из Китая через Кыргызстан был поставлен почти четверть века назад. Однако он до сих пор весьма далек от решения.

Транспорт – это всегда не только торговая, но и стратегическая инфраструктура. Железная дорога во внутриконтинентальных условиях отсутствия морского транспорта самая стратегическая транспортная инфраструктура. Это не только самый дешевый транспорт, но и инструмент по проекции силы. Т.е. это вопрос компетенции не инженеров-путейщиков, а вопрос геоэкономики и геополитики.

Геополитические условия. Проект «Один пояс — Один путь» или Экономический пояс шелкового пути (ЭПШП), реализуется в условиях складывающейся многополярности, участия части стран ЦЕА в ОДКБ, ШОС и ЕАЭС.

Самые слабые звенья региона - Кыргызстан и Таджикистан. И именно они стоят на пути углеводородов из Ирана через Афганистан в Китай. А также на пути углеводородов из пакистанского порта Гвадар через Ваханский коридор Афганистана в Китай.

С точки зрения транспортных сообщений особенно рельефно просматривается геополитическая роль ЦЕА как имеющего все основания служить экономическим, культурным и гуманитарным связующим звеном между влиятельными силами региона: Китаем и Ираном, Россией (СНГ) и Индостаном. Собственно так и было тысячи лет существования Шелкового пути, до тех пор, пока империи не возвели понятие государственных границ. В Центре Евразии могут развертываться межнациональные, военные, экономические политические и идеологические отношения между государствами и обществами. В этом регионе понятие многополярности проявляется в виде множественности планов, в которых развертываются отношения между странами.

Главная внешнеполитическая программа Китая (ЭПШП) в первую очередь направлена на европейский рынок. И это естественное движение «главной фабрики мира в поиске нового глобального экономического партнера в условиях начатой президентом Трампом торговой «войны» против засилья китайской продукции на американском рынке.

Геоэкономические условия. В контексте выхода США из договоренностей по иранской ядерной программе, для Ирана, в условиях возможных новых американских санкций и даже военных ударов, тесные экономические и политические отношения с сильным

Китаем являются одним из серьезных направлений внешней политики[1]. Страны ЦЕА представляют для Китая сухопутный коридор к Туркменистану и Ирану. Создание такого коридора снизит уязвимость Китая при условии военно-морской блокады поставок углеводородов в Ормузском и Малаккском проливах. Четверть китайской нефти поступает из Ирана[2].

В конечном итоге примерно 95% объема перевозок по этой железной дороге ляжет на внешних участников: Китай, Иран, ЕС.

В 2017 году Китай стал главным экономическим партнером Германии, потеснив США. Объем торговли Германии с КНР составил €186,6 млрд в 2017 году по сравнению с €170,2 млрд в 2016-м. В Китае уже заявили, что «откроют двери шире» для германского бизнеса. Как отмечает агентство Reuters, для КНР предоставление новых возможностей для немецких фирм важно в контексте экономических отношений с США.

В то же время все игроки понимают, что без учета интересов России никакие проекты, особенно транспортные, в данном регионе планеты не будут успешными. Тем более что железная дорога, в том числе, касается и трех стран СНГ (Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан). А об особой чувствительности внешней политики России ко всему, что происходит в Афганистане, не приходится говорить. Тем более что ЦЕА является регионом как политического, так и экономического соперничества между Россией и Китаем. Поэтому любые инфраструктурные проекты, особенно транспортные, лучше проектировать и воплощать с учетом взаимных интересов.

В Китае, Иране и ЕС действует так называемый стефенсоновский железнодорожный стандарт коллеи – 1435 мм. А на постсоветском пространстве (а также Финляндии и МНР) – 1524 мм.

Железные дороги в европейской части России перегружены. Поэтому железная дорога на запад от Китая все равно должна пойти в конечном счете через Иран. Увеличение объемов торговли с КНР рано или поздно сделает стефенсоновский стандарт железнодорожной колеи более конкурентоспособным и популярным, чем российский. Это создаст риск разрыва единого железнодорожного про-

[1] https://news.rambler.ru/world/39949072/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
[2] Там же.

странства ЕАЭС и СНГ. Если в Кыргызстане и далее на постсоветском пространстве построить эту железную дорогу по российскому стандарту колеи, то это потребует строительства на относительно небольшом расстоянии друг от друга двух станций по смене колесных пар. Это будет задерживать грузопоток, создавая риски перемерзания жидких грузов. Чем меньше грузопоток – тем меньше плата за транзит в бюджет транзитеров. Кратчайший маршрут по стефенсоновскому стандарту: Иркештам – Карамык – Душанбе – Нижний Пяндж – Мазари-Шариф (Афганистан). Со стороны Ирана строится железная дорога через Герат на Мазари-Шариф. Из Мазари-Шарифа есть дорога на Хайратон и далее в Узбекистан. Это решает вопрос вовлеченности Узбекистана в маршрут. По этому маршруту можно будет возить нефтепродукты из Ирана в Китай. А в последующем построить нефте- и газопроводы.

В Узбекистан грузы из Китая могут пойти и через Таджикистан и через Кыргызстан, но уже по колее стандарта 1524 мм. Через Таджикистан – через существующий маршрут, а через Кыргызстан – по маршруту Сары-Таш – Ош, который надо построить. Если будет магистраль Китай – Иран – ЕС, то маршрут Сары-Таш – Ош по колее стандарта 1524 мм КНР не очень заинтересует. Но маршрут Сары-Таш – Ош может представлять интерес для других инвесторов: как часть магистрали Сибирь – Казахстан – Балыкчи – Ош – Сары-Таш – порт Гвадар (Пакистан), т.е. для РФ, РК и ИРП. Для Казахстана и примыкающей к нему Сибири (РФ) – это кратчайший выход к Индийскому океану. А для Пакистана – кратчайший выход к Казахстану, Сибири и КР. Для Китая интересна та часть этой магистрали, которая пойдет от Сары-Таша на юг: через ГБАО – Ваханский коридор Афганистана – Гилгит (Пакистан) и далее на Гвадар. Ваханский коридор – наиболее короткий (25 км) и наиболее безопасный маршрут через Афганистан. Высота перевала Барогиль в Ваханском коридоре - 3798 м - намного (на 857 м) меньше, чем перевала Хунджераб (Хунцилап) - 4655 м. В связи с этим предлагаемый нами маршрут легче и эффективней, чем через перевал Хунджераб по Каракорумскому шоссе.

Если Китаю удастся освоить через ЭПШП ЦЕА, то он выйдет на предметный альянс с Пакистаном и Ираном. Альянс с Ираном разделит Евразию на Север и Юг. Альянс с Пакистаном разделит Юж-

ную Евразию на восточную и западную части. Это позволит Китаю нарушить в Евразии сложившийся стратегический баланс во взаимоотношениях не только с Россией, но и с США. В таком сценарии есть и позитивные моменты для стран ЦЕА. Предметный альянс Китая с Пакистаном и Ираном способен окончательно решить афганскую проблему.

Участие в проекте железной дороги и Китая, и России меньше нарушает стратегический баланс в регионе, как в случае с участием только лишь Китая или России. Здесь надо заметить, что вполне вероятно, что проект исподволь тормозится извне именно потому, что он нарушает этот самый баланс.

Стандарт железной дороги зависит от маршрута, а маршрут – от масштаба региона. Чем крупнее рассматриваемый регион, тем проще найти инвесторов. Маршрут железной дороги «Китай – Кыргызстан – Узбекистан» прост (даже примитивен) для понимания. Вектор маршрута: ЮВ – СЗ. Кстати, «Узбекистан» здесь совершенно излишне, т.к. железнодорожное сообщение Кыргызстан – Узбекистан налажено более 100 лет назад. 104 года назад была введена в эксплуатацию ветка Гурунчмазар (Узбекистан – Джалал-Абад). Издержки маршрута «Китай – Кыргызстан (Узбекистан)» слишком высоки, чтобы попасть всего лишь в Кыргызстан (6 млн. чел.), Узбекистан (32 млн. чел.). Стандарт этого маршрута однозначно российский.

Если увеличить масштаб анализа и подключить в него Иран (80 млн. чел.), то стандарт этого маршрута неочевидно российский: интересы Китая (1450 млн. чел.) и Ирана (80 млн. чел.) против интересов Кыргызстана (6 млн. чел.), Узбекистана (32 млн. чел.). Хотя подключаются инвестиционные ресурсы Ирана. Вектор маршрута: В – З. Здесь подключается фактор (возможность) строительства трубопроводов из Ирана в Китай. И этот фактор требует идти более прямым путем: через Кыргызстан, Таджикистан и Афганистан.

Если же увеличить масштаб анализа, то в него подключаются, кроме Ирана, Пакистан (195 млн. чел.), РФ (145 млн. чел.) и Казахстан (18 млн. чел.). Вектора маршрута: В – З и С - Ю. Стандарты этого маршрута: стефенсоновский: (ветки В – З и южная часть вет-

ки С – Ю), а также российский: (северная часть ветки С – Ю до афгано-пакистанской границы).

Таким образом, предлагаемые нами маршруты комплексные и по факторам их выбора, и по ориентации (широтные и меридиональные), и по стандарту колеи, и по заинтересованным инвесторам.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ «ГИБРИДНЫХ ВОЙН» НА ПОСТСОВЕТСКОМ (ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ) ПРОСТРАНСТВЕ

Сангинов Нарзулло Наимович
Заместитель начальника Управления по изучению вопросов региональной безопасности Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан

Проблема «гибридных войн» за последнее время приобретает все большую актуальность. Современное положение международных отношений все более подталкивает к активизации и расширению географии «гибридных войн». Прежде всего следует отметить, что Устав ООН (статьи 2 и 3) запрещает ведение или развязывание глобальных/ традиционных войн. Под запретом находится также применение ядерного, химического, бактериологического и иного оружия.

Вместе с тем, анализ показывает, что процесс глобализации вынуждает мировые и региональные державы, исходя из их геополитических интересов в том или ином регионе, действовать неординарно, меняя периодически правила игры. В обход установленных запретов ими ведутся «гибридные войны», которые подразумевают использование военных и невоенных технологий/инструментов. Основной особенностью «гибридных войн» является то, что они реализуются на чужой территории, своими и чужими руками, при этом с отрицанием своей причастности ко всему происходящему. Об этом, очень много сказано в научных и экспертных кругах, и по существу имеются полярные мнения.

Касаясь вопроса перспектив прогнозирования «гибридных войн» на постсоветском (центральноазиатском) пространстве, следует отметить, что она опять же зависит от поведения мировых и региональных держав, их стратегии и тактике по мировому доминированию. Современный мир находится в состоянии неопределенности. Например, трудно было представить, что КНДР согласится на мирные переговоры со своими давнишними врагами США и Южной Кореей. Теперь неясно, как будут развиваться события на Корейском полуострове в перспективе. Обострилась обстановка на

Ближнем и Среднем Востоке, Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), Латинской Америке и других точках, где пересекаются интересы мировой и региональных держав. Все эти события оказывали и оказывают влияние на развитие военно-политической и экономической ситуации в постсоветском (центральноазиатском) пространстве.

Ясно одно: что мировые и региональные державы не откажутся от использования «гибридных войн», включая пространство Центральной Азии в будущем. Ни для кого не является каким-то открытием/сенсацией, что постсоветское (центральноазиатское) пространство, входящее в Евразийский материк, на протяжении более двадцати пяти лет с момента развала СССР превратилось в арену т. н. «Большой игры» мировой и региональных держав. Об этом еще в начале 90-х годов, когда Советский Союз перестал существовать, упоминал американский политолог и стратег З.Бжезинский[1].

Как известно, на региональную безопасность постсоветского (центральноазиатского) пространства негативное влияние оказывают ряд внешних и внутренних факторов.

К внешним факторам относятся: международный экстремизм и терроризм; незаконный оборот наркотиков; незаконная торговля людьми и оружием, другие виды транснациональной преступности, которые исходят извне, в основном из соседнего Афганистана.

Ведущими внутренними факторами являются: не до конца решенные пограничные вопросы; водно-энергетическая проблематика; религиозная ситуация; межэтнические отношения; нелегальная миграция; трудное социально-экономическое положение стран региона, экологические и демографические вопросы и т. д.

Любое противостояние на основе указанных факторов учеными и экспертами преподносятся через различные средства массовой информации, как разновидности «гибридной войны». Так, на данном пространстве получили распространение следующие виды «гибридных войн»: «информационные войны», «террористические войны», «опиумные войны», «кибервойны», «водные войны», «пограничные войны», «мигрантские войны», «этнические войны»,

[1] Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) / пер. О.Ю.Уральской. М.: Междунар. отношения, 1998. ISBN 5-7133-0967-3 Компьютерный набор: Сергей Петров, 09.11.00.

«транспортные, или воздушные, войны», «рельсовые войны» и другие. Из их названия, можно выяснить, какие факторы составляют основу указанных войн.

Афганский фактор, как всегда, составляет основу внешних факторов, т. к. именно оттуда исходили, исходят и в ближайшем десятилетии будут исходить угрозы международного экстремизма и терроризма, незаконного оборота наркотиков, незаконной торговли оружием, людьми и другие преступления трансграничного плана для государств Центральной Азии. Можно сказать, что в Афганистане идет настоящая «гибридная война». Интересы же мировой и региональных держав в Афганистане переплетены таким образом, что развязать их на ближайшую и будущую перспективу, практически невозможно.

На территории Афганистана на сегодняшний день ведут «террористическую войну» ряд международных террористических и экстремистских группировок, в рядах которых присутствуют боевики – выходцы из центральноазиатских стран. Это ИГИЛ/ИГ, Движение Талибан, ИДУ (Исламское Движение Узбекистана), «Хизб-у-Тахрир аль-Ислами», ТЭТ ПИВТ (Партия Исламского Возрождения Таджикистана), ИДВТ (Исламское Движение Восточного Туркестана), «Джабхат-ан-Нусра», «Ансоруллох». А их «спящие ячейки» на центральноазиатском пространстве представляют серьезную террористическую угрозу для стран региона. Так, террористические вылазки в Республике Таджикистан в 2010, 2014, 2015 гг., а также в Актобе Казахстана в 2016 году и другие, можно назвать «террористическими войнами» в рамках «гибридных войн» против Центральной Азии. Все указанные события подогревались непосредственно извне с использованием различных технологий/инструментов «гибридных войн».

Незаконный оборот наркотиков, торговля оружием и людьми также в последние годы приобрели большой размах и являются частью технологий/инструментов «гибридных войн». Такие войны в экспертных и научных кругах получили название «опиумные войны» («нарковойны»). В этой «опиумной войне» государства Центральной Азии являются транзитным маршрутом для последующей транспортировки наркотиков в другие страны СНГ и Европу.

Сегодня вокруг Афганистана развернута широкая «информационная война», которая как составляющая «гибридных войн» оказывает негативное влияние и на постсоветское (центральноазиатское) пространство. Например, уже сейчас отмечается сброс фейковых – дезинформационных сообщений об осложнении военно-политической обстановки в Афганистане, укреплении сил международного терроризма, экстремизма, незаконного оборота наркотиков, в частности, в связи с выходом террористических группировок в северные провинции Афганистана. Информационное пространство Центральной Азии превратилось в театр военных действий мировых и региональных держав, которые эффективно используют его в своих интересах.

Поэтому указанные внешние факторы как источники «гибридных угроз» для Центральной Азии сохранятся еще на многие годы, пока обстановка в этой стране не стабилизируется, поэтому Афганистан будет оставаться шахматной доской и будет служить плацдармом для ведения «гибридной войны» против государств Центральной Азии.

В условиях нового миропорядка все республики Центральной Азии сталкиваются с большими экономическими, водными, экологическими, этническими, демографическими и другими проблемами, которые составляют, как уже было сказано выше, внутренние факторы региональной безопасности. Так, в течение последних десятилетий предпринимались попытки дестабилизации обстановки в Центральной Азии на основе межэтнических, религиозных и других внутренних факторов (межэтнические узбекско-кыргызские столкновения 1990 и 2010 годов; Андижанские события 2005 года в Узбекистане и другие), которые получили известность как «этнические войны». В недалеком прошлом были отмечены «рельсовые войны» между Таджикистаном и Узбекистаном и другие.

Исходя из этого, можно предположить, что и в перспективе вышеперечисленные внешние и внутренние факторы будут благоприятной основой для реализации «гибридных войн» внешними силами на постсоветском (центральноазиатском) пространстве.

Как верно отмечает казахстанский эксперт Д.Сатпаев, «в течение долгого времени многие западные эксперты рассматривали регион как монолитное целое, хотя после распада Советского Союза

каждая из стран региона двигалась по своей траектории политического и экономического развития, имея разную степень открытости внешнему миру»[1].

Принимая во внимание данное обстоятельство, в зависимости от складывающейся обстановки в мире, в отношении каждого государства будут применены соответствующие технологии «гибридных войн».

В складывающейся обстановке сегодня ни одно государство самостоятельно не способно противостоять используемым технологиям «гибридных войн». В этой связи государствам Центральной Азии необходимо совместными усилиями противодействовать «гибридным войнам». В этом плане опять же возрастает роль региональных организаций СНГ, ОДКБ, ШОС, в которых предусмотрены защитные меры по противодействию «гибридным войнам».

[1] Сатпаев Досым. Перспективы Центральной Азии в новой «Большой игре» http://www.inozpress.kg/news/view/id/49558; http://www.ca-portal.ru/

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА: СПЕЦИФИКА, АКТОРЫ, ОСНОВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)

Комлева Наталья Александровна
Доктор политических наук
Профессор Уральского Федерального университета им. Б.Н. Ельцина
Директор Центр геополитического анализа Академии геополитических проблем РФ

В XXI веке войны приобрели новое качество: они стали гибридными. Гибридная война, на наш взгляд, представляет собой исключительно геополитическое явление, в своём полном объёме не определяемое в иных исследовательских парадигмах. С этой точки зрения гибридная война – это совокупность действий, направленных на разрушение всех основных геополитических пространств общества-соперника, то есть на его абсолютное сокрушение. При этом агрессия во всех основных типах геополитических пространств осуществляется одновременно. Основными геополитическими пространствами автор данной статьи полагает следующие: географическое, экономическое, информационно-идеологическое и информационно-кибернетическое. В каждом типе геополитического пространства способы ведения гибридной войны различаются в соответствии с природой данного типа пространства.

Основные способы ведения гибридной войны *в географическом пространстве*: локальные «традиционные» войны в ресурсных регионах страны-объекта агрессии, вовлечение данной страны в серию «конфликтов малой интенсивности» по периметру её границ; «цветные революции», то есть государственные перевороты в стране-объекте агрессии и в государствах, являющихся её геополитическими союзниками; поощрение сепаратизма и терроризма в стране-объекте агрессии.

Не вооруженные конфликты в Центральной Азии (ЦАР) могут возникнуть и периодически возникают по следующим причинам: 1) наличие пограничных споров между Таджикистаном, Кыргызстаном вследствие того, что сотни километров границ Кыргызстана, Таджикистана до сих пор не делимитированы и не демаркированы; 2) неравномерность распределения водных ресурсов в регионе обусловливает конфликт интересов ключевых поставщиков воды (Та-

джикистан и Киргизия) и ее основных потребителей (Узбекистан, Казахстан и Туркмения); Таджикистан вместе с Киргизией заинтересованы использовать водные ресурсы для выработки электроэнергии для удовлетворения собственных нужд и на экспорт в третьи страны, в свою очередь, Казахстан, Туркмения и Узбекистан настаивают на преимущественно ирригационном характере эксплуатации как существующих, так и планируемых новых ГЭС; 3) внутренняя политическая нестабильность и терроризм (гражданская война в Таджикистане в 1992-1997 гг.), «цветные революции» в Кыргызстане (2005, 2010 гг.) и массовые беспорядки в Узбекистане (г. Андижан, 2005 г.); 4) в странах региона существует разветвленная сеть исламистского подполья[1]; 5) за последние 10 лет Чуйская область Кыргызстана, Алматинская и Южно-Казахстанская области Казахстана не раз становились ареной межэтнических конфликтов, которые привели к человеческим жертвам и серьезному имущественному ущербу[2]. Однако необходимо подчеркнуть, что в настоящее время многие из перечисленных проблем находят своё решение.

Основные способы ведения гибридной войны *в экономическом пространстве*: 1) санкции против отдельных отраслей экономики страны-объекта агрессии, в том числе закрытие для неё международных рынков (или отдельных их сегментов) и блокирование доступа к определённым технологиям; 2) санкции против всех отраслей экономики страны-объекта агрессии в совокупности (экономическая блокада); 3) санкции против ключевых персоналий, определяющих содержание и ход экономических процессов в стране-объекте агрессии. Непосредственно против стран ЦАР никто экономических санкций не вводит, однако западные санкции против России оказывают большое влияние на экономику этих стран, поскольку российский рынок является крупнейшим в отношении сбыта товаров, производимых в странах ЦАР. Курс национальных валют стран ЦАР подвергся определённой корректировке, также

[1] Кулбараков Р.Д. Проблемы терроризма в Центральной Азии. URL: http://conference.antiterror.rsbi.kz/index.php/doklads/36-kylbarakov

[2] Данков А. Вооруженные конфликты в Центральной Азии: факторы влияния. URL: https://islam-today.ru/islam_v_mire/centralnaa-i-srednaa-azia/vooruzennye-konflikty-v-centralnoj-azii-faktory-vliania/

последствием антироссийских санкций стало снижение уровня доходов населения и ускорение инфляции[1].

Основные способы ведения гибридной войны *в информационно-идеологическом пространстве*: 1) замещение традиционных ценностей и/или доминирующих идеологических конструктов данного общества ценностями и/или доминирующими идеологическими конструктами другого общества; 2) фальсифицирование истории страны-объекта агрессии; 3) десакрализация пророков, основных персоналий и основных постулатов базовых религий страны-объекта агрессии; 4) имплантация и/или поощрение децивилизующих социальных практик: промискуитета, насилия в отношении слабых и беспомощных, наркомании, инцеста, бытовой и экономической преступности. Интенсивность ведения данной формы гибридной войны очень высока, в том числе и в странах ЦАР. В частности, различные западные правозащитные организации обвиняют страны ЦАР в отсутствии терпимого отношения к ЛГБТ-сообществу[2]. В 2016 г. в Таиланде (Бангкок) на XXVIII конференции Международной ассоциации лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров и интерсексуалов (англ. InternationalLesbian, Gay, Bisexual, TransandIntersexAssociation, сокр. ILGA) на одном из пленарных заседаний единогласно было принято решение о включении ЛГБТ-организаций и инициатив стран Центральной Азии в состав европейского филиала Ассоциации – ILGA Europe[3].

Основные способы ведения гибридной войны *в кибернетическом пространстве*: 1) вытеснение программного продукта и кибернетических технологий страны-объекта агрессии с мировых и/или региональных рынков; 2) хакерские атаки против экономических и политических институтов страны-объекта агрессии. В отно-

[1] Санкции Запада «против Центральной Азии». URL: http://www.stanradar.com/news/full/13777-sanktsii-zapada-protiv-tsentralnoj-azii.html

[2] Amnesty International опубликовала доклад по Кыргызстану. Что в нем? URL: https://kaktus.media/doc/370833_amnesty_international_opyblikovala_doklad_po_kyrgyzstany._chto_v_nem.html; Как в Казахстане относятся к геям? URL: https://camonitor.kz/28468-kak-v-kazahstane-otnosyatsya-k-geyam.html

[3] Включение ЛГБТ организаций стран Центральной Азии в состав европейского филиала Ассоциации. URL: http://indigo.kg/vvklyuchenie-lgbt-organizatsiy-stran-tsentralnoy-azii-v-sostav-evropeyskogo-filiala-assotsiatsii-ilga-europe.html

шении органов власти стран ЦАР давно и планомерно ведутся хакерские атаки[1].

Таким образом, против стран ЦАР, как и против России, активно ведётся гибридная война.

Акторами гибридной войны, по нашему мнению, являются государства, глобальные и транснациональные корпорации, межгосударственные и надгосударственные институты, а также НПО (неправительственные организации). Вышеперечисленные способы ведения гибридной войны фактически предполагают включение в состав комбатантов таких неконвенциональных структур, как частные военные компании, незаконные вооружённые формирования террористического характера, структуры организованной преступности (наркокартели, прежде всего), структуры внесистемной радикально-экстремистской оппозиции, подрывные СМИ, подрывные НКО и НПО.

Особенность гибридной войны в поведенческом плане состоит в том, что никаких сдерживающих факторов морального или правового порядка в этой войне для акторов-агрессоров нет. Главное – результат (разрушение геополитических пространств соперника), а не соблюдение моральных или правовых норм. Эту особенность выделяют почти все исследователи гибридной войны.

Основным геополитическим пространством в настоящее время является информационно-идеологическое. При наличии материальной, видимой угрозы существованию (т.наз. традиционная, или «горячая» война), нация за короткий период времени психологически мобилизуется на ее отражение, а инициатор войны получает имидж агрессора. Для овладения ресурсами общества, являющегося объектом атаки – при этом без ответного организованного и эффективного отпора – необходимо перенести агрессию из географического пространства в экономическое и информационно-идеологическое пространство, и прежде всего совершить операцию по изменению «настройки» ментального поля данного общества. Это означает изменение (переориентацию или уничтожение) его традиционных ценностей с тем, чтобы фактическая атака извне

[1]Самые яркие хакерские взломы в Центральной Азии. URL: https://kloop.kg/blog/2017/05/19/nash-ideal-dzhedaj-samye-yarkie-hakerskie-vzlomy-v-tsentralnoj-azii/

воспринималась данным обществом как ненасильственное поощрение к дальнейшему восходящему развитию. В данном случае тотальная внешняя агрессия в массовом сознании преобразуется в цивилизационный вызов общества, стоящего на более высокой ступени развития, причем в качестве стимула, а не угрозы.

Основным «оружием» информационно-идеологических войн является совокупность оценочных мировоззренческих, или идеологических, конструктов, целенаправленно созданных с целью оправдания экспансии данного геополитического актора и осуждения экспансии актора-противника (противников). Базой создания этого специфического оружия выступает официальная идеология соответствующего актора информационно-идеологической войны, т.е. ценностная мировоззренческая система, поддерживаемая государством. Государство курирует соответствующий тип идеологии потому, что данная ценностная мировоззренческая система концентрирует и выражает национальный интерес, т.е. определяет цели развития данного социума и способы их достижения, а тем самым – его экономические, социальные и культурные приоритеты, и в конечном счёте – место данного общества в историческом процессе: в рамках мейнстрима или «на обочине истории», а кроме того – обосновывает легитимность данной политической системы вообще и данного государства в частности. Отсутствие официальной идеологии приводит к неопределённости социального развития, хаотизации общественных процессов, а в итоге – к утрате данным обществом такого важного качества, как конкурентоспособность. Особенно фатальным отсутствие официальной идеологии становится в ситуации информационно-идеологической войны: агрессор в качестве оружия активно использует конструкты, сформированные в рамках его собственной доминирующей идеологии, а общество-жертва, провозгласившее «мировоззренческую нейтральность», лишается какой-либо возможности адекватного и скоординированного ответа на агрессию.

В последние годы некоторыми НПО (например, сообщество «Яркие», «The Brights») активно распространяется концепция «мировоззренческого нейтралитета государства». Мировоззренчески нейтральное государство трактуется как государство, принципиально не приемлющее никакое мировоззрение в качестве офици-

альной идеологии, обеспечивающее каждому возможность свободного мировоззренческого выбора и, разумеется, мировоззренческая нейтральность государства предполагает также равноудаленность от любых «мировоззренческих организаций». Но именно такая позиция юридически закреплена в странах ЦАР. Например, в Конституции Республики Таджикистан (ст.8): «В Таджикистане общественная жизнь развивается на основе политического и идеологического плюрализма. Идеология ни одной партии, общественного и религиозного объединения, движения или группы не может быть признана как государственная»[1]. Конституция Республики Узбекистан (ст. 12): «В Республике Узбекистан общественная жизнь развивается на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной»[2]. Конституция Республики Казахстан (ст. 5): «В Республике Казахстан признаются идеологическое и политическое многообразие»[3]. Конституция Туркменистана (ст. 19): «Идеология политических партий, религиозных организаций, общественных объединений и иных структур не может носить обязательный характер для граждан»[4]. Конституция Кыргызской Республики вообще обошла молчанием вопрос об идеологии (идеологиях)[5].

Однако, по образному выражению президента Республики Беларусь А.Г.Лукашенко, государство без идеологии – то же, что человек без мысли или организм без иммунитета. Важно также помнить так называемую максиму Лиддел-Гарта: «Цель войны – добиться лучшего, хотя бы только с вашей точки зрения, состояния мира после войны. Следовательно, ведя войну, важно постоянно помнить, какой мир вам нужен»[6].

Каким образом государство поддерживает официальную идеологию?

---

[1] Конституция Республики Таджикистан. URL: http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/112
[2] Конституция Республики Узбекистан. URL: http://constitution.uz/ru
[3] Конституция Республики Казахстан. URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution
[4] Конституция Туркменистана (новая редакция). URL: http://infoabad.com/zakonodatelstvo-turkmenistana/konstitucija-turkmenistana-novaja-redakcija.html
[5] Конституция Кыргызской республики. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913
[6] См.: Лиддел-Гарт Б. Стратегия непрямых действий. М.: Эксмо, 2008. 447 с.

Основным моментом здесь является наличие *системы образования*, социально-гуманитарная компонента которой включает в себя целенаправленную подготовку «комбатантов информационно-идеологической войны». Государство в данной сфере является ключевым игроком: необходима специальная политика министерства образования. Подчеркнём ещё раз: есть запрет на идеологию – нет системной подготовки специалистов в сфере обеспечения информационно-идеологической безопасности, в том числе профессионалов в области пропаганды и контрпропаганды. Ни в одном из государств ЦАР такой специализированной подготовки кадров для информационно-идеологической войны нет.

Важнейшим моментом является *степень развитости общественных наук*, особенно – политической науки. Академические свободы, отсутствие или минимальная степень бюрократизации процесса развития научного знания – вот основные формы поддержки государством этой сферы противостояния информационно-идеологической агрессии.

Системная и целенаправленная нейтрализация операций гибридной войны, прежде всего агрессии в информационно-идеологическом пространстве, требует, в том числе, создания *особой организационной структуры*, которую можно было бы назвать Бюро контргибридной войны. Подобная структура в США уже имеется. Это Бюро противодействия гибридной войне (HybridwarfareresistanceBureau), созданное в декабре 2015 г. и имеющее официальный статус общественной организации[1]. Любопытно, что собственного сайта в Интернете данная организация не имеет, размещая свою информацию исключительно в социальных сетях. В рамках информационно-идеологической войны Интернет и социальные сети составляют особую сферу деятельности, в настоящее время – сферу деятельности так называемого искусственного интеллекта, когда без непосредственного участия человека специальные компьютерные программы составляют тексты на нужную тему, фабрикуют фото или видео в пропагандистских или контрпропагандистских целях. Видео традиционно оказывает большее

[1] Бюро противодействия гибридной войне / HybridwarfareresistanceBureau. [ФБ-аккаунт] URL: https://www.facebook.com/hwrbureau/

влияние на аудиторию. В апреле 2018 года в Интернете было выложено видео, получившее название ObamaPeele, – по именам задействованных в нём людей: бывшего президента США и актёра. На видео Барак Обама произносит речь, но в действительности текст за кадром зачитывает актер. Специальная программа обработала игру актера так, что мимика Обамы полностью соответствует тексту. Применяются так называемые глубокие фейки – видеоизображения, где лицо одного человека присоединяется к телу другого человека. Такой способ клеветы на некоторых звёзд шоу-бизнеса был опробован в США. Впоследствии метод может быть использован для создания клипа политика, говорящего или делающего что-то возмутительное и неприемлемое. Искусственный интеллект может создавать исключительно правдоподобные фальшивки, которые не распознаются обычными способами. Так называемые генеративные состязательные сети, или GAN (generativeadversarialnetworks) позволяют создавать чрезвычайно реалистичные фальшивые образы. Целенаправленная подготовка кадров для ведения информационно-идеологической войны в киберпространстве является насущной задачей нашего времени – и это тоже функция государства. К сожалению, государства ЦАР не имеют специализированных структур противодействия информационно-идеологической агрессии, в том числе – идеологической агрессии в кибернетическом пространстве.

Гибридная война – это общая реальная угроза, угроза развитию и спокойному существованию государств ЦАР, поэтому и решать проблемы противодействия гибридной войне страны ЦАР также должны сообща.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

Дубовицкий Виктор Васильевич
Доктор исторических наук, профессор,
заведующий отделом истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Академии наук Республики Таджикистан

Геополитика, как синтетическая наука, включает в себя исследования по большому спектру проблем, связанных как с географической, так и политической, вернее, общественно-научной составляющей. Это дает большие возможности как для рассмотрения многих политологических вопросов, так и политологического прогнозирования. В частности, геополитический инструментарий дает новые возможности и для рассмотрения существовавших, существующих и перспективных интеграционных проектов в регионе ЦАР.

Автор рассматривает здесь только опыт интеграции пяти стран региона (Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана и Туркменистана) с подключением к процессу внешних региональных геополитических лидеров.

В «интеграционной терминологии» центральноазиатского региона единственно действенной и по-настоящему эффективной оказалась только «Средняя Азия» советского периода, обладавшая единой политической, энергетической и транспортной системой, взаимосвязанным комплексом мелиорации и многих, утерянных в 1991г. систем и инфраструктрурных элементов. Успешность названного элемента советского интеграционного проекта подвигла лидеров пяти государств нашего региона, начиная с 1992 г., создать нечто подобное. Первым из них можно считать созданное Казахстаном, Узбекистаном и Кыргызстаном в 1994г. *Центральноазиатское экономическое сообщество (ЦАЭС)*. Позже к нему присоединился и Таджикистан. Но глобального партнерства так и не случилось, что вполне объяснимо, ведь у такого союза немало глубинных преград, связанных с большим количеством внутренних региональных противоречий.

Так, эксперты не раз предполагали, что создание единого экономического пространства неминуемо повлечет за собой обострение проблемы неопределенности границ, особенно между Узбекистаном и Таджикистаном. Нельзя забывать и о том, что страны этого региона при всем разнообразии имеющихся у них ресурсов, являются конкурентами, ведь большинство из них поставляют сырье – природного и растительного происхождения. Провал в реализации большинства предпринимаемых интеграционных проектов связан и с долгим отсутствием региональной самоидентификации стран, когда большая часть из них никак не связывала свои перспективы с перспективами развития всего региона.

Следующей попыткой такого рода интеграции можно считать *Центрально-Азиатское сотрудничество (ЦАС) (англ. The Organization of Central Asian Cooperation (OCAC)* – международную организацию, созданную 28 февраля 2002 г., четырьмя из пяти центральноазиатских государств – бывших союзных республик (кроме Туркменистана): Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном. ЦАС было образовано путём преобразования из созданного в 1994 г. Центральноазиатского Экономического Сообщества (ЦАЭС). Среди заявленных им целей – взаимодействие в политической, экономической, научно-технической, природоохранной, культурно-гуманитарной сферах, оказание взаимной поддержки в вопросах предотвращения угрозы независимости и суверенитету, территориальной целостности государств-членов ЦАС, проведение согласованной политики в области пограничного и таможенного контроля, осуществление согласованных усилий в поэтапном формировании единого экономического пространства. Просуществовав до 2005г., Союз был ликвидирован в связи с объединением с Евразийским экономическим сообществом.

Последним из такого рода проектов можно считать *Центральноазиатский Союз* – нереализованный проект политико-экономического объединения, которое предложил создать президент Казахстана Нурсултан Назарбаев 26 апреля 2007 г. В состав Союза должны были войти Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

Реализация проекта не зашла дальше подписания «Договора о вечной дружбе» между Казахстаном, Узбекистаном и Кыргызстаном, а также планов об образовании зоны свободной торговли. Проект был свёрнут в связи с отсутствием поддержки со стороны президента Узбекистана Ислама Каримова.

Сторонники Союза планировали решить множество вопросов в сфере туризма, безопасности и визового режима в случае его успешного образования и создать альтернативу ОДКБ и китайско-российской Шанхайской организации сотрудничества. Президент Казахстана утверждал, что пять стран Средней Азии могут добиться создания нового единого рынка и единой валюты, а их объединение будет куда более тесным, чем объединение стран ЕС. Сторонники также отрицали факт навязываемого в Союзе лидерства Казахстана. Противники Союза считают, что интересы государств слишком различаются, чтобы позволить пяти странам объединиться, и никто не спешит делать первый шаг. В международных рейтингах по политической стабильности и экономическому благосостоянию страны занимают отнюдь не высокие позиции. В Таджикистане раскритиковали проект как неудачную попытку реанимации Центральноазиатского экономического сообщества. Таким образом, бывший геополитический элемент – Средняя Азия, ранее связанный с разрушенной к тому времени системой СССР, уже жил по другим геополитическим законам, что привело к краху все попытки функционирования всех трех организаций.

Основной причиной нежизненности названных проектов стали политические амбиции руководства новых независимых государств, два из которых – Узбекистан и Казахстан претендуют на роль региональных лидеров. Помимо этого свою роль сыграл разрыв экономических связей в пределах всего постсоветского пространства. В отдельных случаях, до настоящего времени дело доходит даже до транспортной блокады (прекращение ж/д движения на ветке Термез-Курган-Тюбе в 2010г.; казахско-кыргызская граница (2018г.); торговой войны и угрозы военных действий (конфликт между Узбекистаном и Таджикистаном из-за ресурсов Кайраккумского водохранилища (2012г.).

В этой связи можно выделить еще один принцип, который пытался использовать Узбекистан в попытках интегрировать постсо-

ветскую Среднюю Азию. Назовем его условно *принципом «географического и этнического доминирования»*. Находясь в центре региона, через который пересекаются все внутренние коммуникации, с титульной нацией, составляющей половину населения всего региона (представленной в виде многомиллионных диаспор в остальных четырех странах-соседях), Узбекистан в период 1992-2016гг. безуспешно пытался приобрести роль регионального лидера.

Вместе с перечисленными выше попытками региональной интеграции известны действия в данном направлении, основанные на других геополитических принципах. В данном случае среди распространенных интеграционных «скреп» следует назвать *культурно-языковую, этническую, религиозную близость.*

Наибольшие усилия в направлении такого рода интеграции проявили региональные геополитические лидеры Ближнего и Среднего Востока – Турция и Иран. Первая из названных держав имеет недавний опыт Османской империи и постоянно претендует в регионе на лидера объединителя тюркского мира. С 1992 г. по инициативе Турции проводится Саммит государств тюркских языков. 3 октября 2009 г. четыре из них подписали Нахичеванское соглашение об образовании *Тюркского Совета,* в который в настоящее время входят шесть государств, в том числе все среднеазиатские, кроме Таджикистана. Секретариат располагается в Стамбуле.

На наш взгляд, Турции удалось достичь наибольшего успеха в этом направлении в двух государствах региона – Азербайджане и Туркменистане. В первом из них – благодаря политической поддержке Баку в Карабахском конфликте, во второй (до 2006г.) – благодаря фантастическим историко-культурным проектам Сапармурада Ниязова по объединению двух народов.

В меньшей степени интеграция на языковой и культурно-исторической основе была использована ираноязычными странами региона. Пример тому – Персоязычный альянс, идея создания которого принадлежит бывшему президенту Афганистана Бархонуддину Рабани (1994г.). Последние пять лет этот проект заморожен.

Еще одним геополитическим объединением, в основе которого лежат латентные религиозные критерии объединения, на наш взгляд, является многопрофильный проект Ага-Хана по «развитию

горных территорий» Центральной Азии, включающий в себя экономическую и гуманитарную помощь исмаилитам Таджикистана, Афганистана, Пакистана, Китая, Индии.

Географические реалии региона выявляют еще два интеграционных принципа, до настоящего времени не примененных в процессе интеграции. *Первый* из них связан с природными условиями, а именно с рельефом местности, разделяющим страны региона на *стокообразующие* (Таджикистан и Кыргызстан) и *стокопотребляющие* (Казахстан, Узбекистан и Туркменистан). Таджикистан и Кыргызстан уже испытали на себе заметное политическое и экономическое давление по «водной проблеме» со стороны Узбекистана в период 1992-2016 гг. Планетарное потепление климата и связанный с этим острый недостаток воды в регионе, как питьевой, так и для орошения и иного рода хозяйственных нужд, выявляет новые интеграционные реалии.

Вторым мощным интеграционным принципом является общая опасность, исходящая от Афганистана, уже сорок лет пребывающего в состоянии перманентной войны. В период 2001-2014 гг. эта опасность для стран региона, была понижена из-за военного вмешательства Запада, но последние четыре года территория ИРА все более становится плацдармом для сил религиозного экстремизма и терроризма. Эта опасность касается, прежде всего, стран Средней Азии, непосредственно граничащих с Афганистаном: Таджикистана (1344 км. границы); Узбекистана (156 км.) и Туркменистана (760 км.), хотя в случае военного конфликта легко может перекинуться и на Казахстан и Кыргызстан. Однако, по нашему мнению, военный союз трех приграничных Афганистану и даже всех пяти государств региона не позволит эффективно противостоять названной опасности.

Выводы: Современные геополитические реалии показали, что регион «Средней Азии», являющийся важным элементом Среднего Востока, не имеет достаточно прочных «скреп» для локальной интеграции и потому нуждается во включенности в более широкие конструкции, подобные ОДКБ, ШОС, ЕАЭС.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПОТЕНЦИАЛ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

Дереникьян Андроник Седракович
Заместитель директора Сибирского института Евроазитского сотрудничества и развития

Большинство вызовов и угроз безопасности в Центральной Азии не являются чем-то статическим и естественным образом постоянно трансформируются. Как многократно отмечалось ранее, подобные трансформации в большей или меньшей степени связаны с общим контекстом глобальных процессов, так же находящихся в весьма динамичном состоянии. Последнее обстоятельство обусловлено глобальными кризисными явлениями и возникающими в связи с этим различными проектами крупных мировых игроков, стремящихся путем реализации подобных проектов или закрепить и сохранить статус-кво, или, наоборот, попытаться внести кардинальные изменения в существующий миропорядок. Как приходилось отмечать ранее, подобные тенденции стимулируют нарастание конкуренции как между различными предлагаемыми проектами, так и между государствами с их планами и моделями развития. Наглядным примером одного из таких проектов является предлагаемый Китаем проект Нового Большого Шелкового пути во всех его вариантах, напрямую затрагивающий и весь Центральноазиатский регион.

С учетом происходящих глобальных изменений, многие эксперты и аналитики отмечают, что в постсоветских странах Центральной Азии за последние 10 лет в значительной степени снизились прямые угрозы внутренней дестабилизации, в том числе исходившие от радикально настроенных групп и организаций. В значительной степени это обусловлено определенными экономическими успехами, снижением социально-экономической напряженности и рядом своевременных мер, предпринятых руководством этих стран. В то же время целесообразно отметить, что исходящие извне вызовы и угрозы, так же подвергающиеся определенным изменениям, продолжают оказывать серьезное влияние на ситуацию в регионе. Традиционно основным источником внешних угроз многие продолжают рассматривать Афганистан, в котором искусственно, на протяжении уже 40 лет, благодаря внешним воздействиям, сохра-

няется достаточно нестабильная военно-политическая ситуация. Однако представляется, что не менее опасными являются попытки ряда стран совокупного Запада дестабилизировать ситуацию в Пакистане и Иране или вызвать конфликт между Пакистаном и Индией. Не меньшую угрозу для стран региона представляют усилия ряда крупных мировых игроков сохранить регион в качестве сырьевого резервуара, не способного обеспечить собственное ускоренное техническое и технологическое развитие. Если это удастся осуществить, то регион в целом и каждая из стран, входящих в него, проиграют межстрановую и межрегиональную конкуренцию и обязательно станут объектом жесткого давления и хищнического интереса со стороны более развитых и сильных государств со всеми вытекающими отсюда последствиями. Будет правильным отметить, что все внерегиональные игроки продолжают внимательно изучать состояние дел в странах региона, в том числе с точки зрения анализа узких мест, включая сферу экономики. Для соответствующих интересантов не является секретом, что, несмотря на большие запасы углеводородного сырья, страны региона на данный момент не могут обеспечить себя многими постоянно необходимыми продуктами нефте- и газопереработки. Такая же ситуация наблюдается с обеспеченностью большинством видов металлопроката, авто- и сельхозшин, многих видов продовольствия. Регион в целом не обеспечил себе необходимую целостную энергонезависимость. Здесь весьма слабо развита фармацевтическая промышленность. В целом в регионе не сбалансирован рынок труда, в том числе по причине нехватки рабочих мест. По мнению многих представителей экспертно-аналитического сообщества, в странах региона имеются вполне реальные проблемы в системах образования (в том числе профессионально- технического), науки, культуры, здравоохранения. Видимо, не вполне благоприятная ситуация складывается (как и в целом в большинстве стран СНГ) по вопросам бережного отношения к старым и опытным кадрам, объективного подбора и выдвижения молодых и талантливых специалистов, борьбы с коррупцией, реального, а не коммерциализированного патриотизма. Региональные эксперты с объяснимой тревогой отмечают возрастающий отток «мозгов» во всех возрастных группах и из разных отраслей. По этим и ряду других причин регион в определенной

степени остается уязвимым в случае целенаправленных внешних воздействий, чем вполне, при благоприятных условиях, могут воспользоваться как далекие, так и некоторые близкие, достаточно сильные игроки. При этом стоит отметить, что действия таких игроков в ряде случаев могут оказаться на удивление скоординированными. Не случайно по каким- то причинам так называемые «торговые войны» между некоторыми из них в реальности в значительной мере укрепляют возможности и позиции обоих антагонистов. В связи с этим стоит внимательно и глубоко рассматривать все моменты, связанные с потенциалом всестороннего развития стран региона. Представляется, что каждая из них в отдельности не сможет в должной мере обеспечить необходимое комплексное и ускоренное развитие по причине ряда объективных природных (географических, климатических и иных) и демографических факторов. В то же время регион в целом располагает всеми необходимыми природными и людскими ресурсами для стабильного и динамичного развития с учетом требований времени. Для рационального и эффективного использования имеющихся ресурсов абсолютно необходимы скоординированные комплексные планы развития, согласованные всеми странами. Представляется, что было бы целесообразно рассматривать подобного рода планы в масштабах общего проекта развития на срок не менее 15-20 лет с разбивкой их на соответствующие взаимосогласованные пятилетние планы. Для разработки и осуществления подобного проекта и соответствующих планов объективные условия имеются, а существующие по субъективным причинам препятствия вполне преодолимы, если будут правильно оценены имеющиеся и перспективные вызовы и угрозы безопасности. И здесь весьма существенным и показательным моментом будет отношение более сильных стран региона к вопросу поддержки Кыргызстана и Таджикистана. По данному вопросу в последние годы появилось больше оптимизма в связи с весьма важными положительными изменениями в региональной политике Узбекистана и Казахстана. Целесообразно отметить, что эти изменения вызревали как минимум с 2011года и в частности, в Узбекистане были без ненужного шума внятно проартикулированы в 2013 году. Соответственно, была принята во многом новая, концепция

развития страны и соразвития региона. Конечно, её практическая широкомасштабная реализация началась уже при втором президенте Узбекистана, имеющем весьма значительный опыт управления экономикой.

Конкретные вопросы потенциала развития и реальных возможностей вполне естественно должны быть в центре постоянного внимания как госструктур стран региона, так и консолидированного экспертно-аналитического сообщества. Весьма важным представляется создание необходимых условий для профессионального анализа всех узловых и ключевых моментов, что во многом зависит от реального профессионализма представителей соответствующих государственных структур, которые, к сожалению, нередко грешат чрезмерным охранительным подходом, своеобразной обидчивостью и не стимулируют должного широкого и откровенного обсуждения всех актуальных проблем.

Представляется, что было бы весьма полезным, чтобы к созданию условий для ускоренного развития региона Центральной Азии более активно подключалась Российская Федерация. Но эффективным подобное участие может быть именно на основе координации соответствующих проектов и планов. С точки зрения объективных и неангажированных российских экспертов, ускоренное развитие стран Центральной Азии выгодно России как с точки зрения вопросов безопасности, так и с точки зрения создания условий для ее собственного, не декларируемого, а реального комплексного развития.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ С ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ В КОНТЕКСТЕ ОБСТАНОВКИ В АФГАНИСТАНЕ

Латифов Джура Латифович
Доктор исторических наук,
Профессор кафедры дипломатии и внешней политики Республики Таджикистан Таджикского национального университета

Генеральная Ассамблея ООН 22 июня 2018 г. приняла резолюцию «Укрепление регионального и международного сотрудничества по обеспечению стабильности и устойчивого развития в Центральноазиатском регионе».

Как известно, в настоящее время формируется политика ЕС и его новая стратегия по Восточной Европе и Центральной Азии и экспертный орган ЕС начал знакомиться с процессами реформ в государствах региона[1]. Цель – определение перспектив расширения сотрудничества в политической, торгово-экономической, инвестиционных сферах.

Разработка стратегии по совместному развитию с соседними странами в долгосрочной перспективе открывает новые возможности для укрепления их стабильности. Еще в 2013 г Европейский Союз запустил новый проект диалога по обсуждению проблем безопасности с учетом ситуации в Афганистане.

В связи с тем, что в настоящее время идет разработка рекомендаций для органов совета ЕС по сотрудничеству с государствами Центральной Азии, в данной статье дан анализ состояния взаимодействия государств региона между собой и с ЕС, дана оценка потенциальных возможностей их сотрудничества с Афганистаном, обстановка в котором сильно влияет на стабильность ситуации в регионе.

Еще в недалеком прошлом Совет Европы и Парламентская Ассамблея Совета Европы выступили за безусловное прекращение вмешательства во внутренние дела Афганистана и особенно эмбарго на ввоз оружия, что является важнейшей предпосылкой для урегулирования афганского конфликта. Совет Европы мог бы исполь-

[1] Народное слово. 2018. 24 мая. №106 (7034).

зовать потенциальные возможности государств региона в реализации своих проектов по постконфликтному восстановлению этой страны. В период переживаемых сложных трансформаций на пространстве Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе, когда государства региона сталкиваются с беспрецедентными трудностями, на первый план выступает задача налаживания интеграции государств ЦА не только с государствами Европейского Союза, но и между собой, а также с Афганистаном.

Известно, что сегодня в Афганистане не только активизируется сопротивление талибов присутствию иностранных сил, но растут и антиамериканские настроения вследствие безрезультативности их действий. И в случае завершения АТО и ухода сил коалиции из этой страны нет альтернативы тесному сотрудничеству Афганистана прежде всего с соседними государствами-партнерами и государствами-членами ЕС. Отношения Афганистана с государствами региона в большей мере формируются преимущественно по вопросам безопасности границ, водным проблемам и незаконному обороту наркотиков.

Учитывая принцип единого Евразийского континента, ЕС рассматривает Центральноазиатский регион в качестве «буферной зоны» и оказывает помощь государствам региона в нейтрализации таких угроз, как международный терроризм, религиозный экстремизм. В связи с этим налаживается сотрудничество в военно-технической сфере между ЕС и странами Центральной Азии.

Однако, Центральная Азия для Афганистана является чем-то большим, чем транзитный регион. В связи с недружественными отношениями Афганистана с Пакистаном граничащие с Афганистаном государства, а также примыкающий к ним Казахстан, играют значительную роль в предоставлении экономической и восстановительной помощи, в особенности северным провинциям страны. В этом направлении государства региона реализуют важные проекты. Благодаря Хайратонскому мосту на границе с Афганистаном, Узбекистан становится его ведущим торговым партнерам. Осуществляемый через Узбекистан транзит остается основным коридором для экспорта товаров в эту страну и из нее в другие. Содействие в перевозке грузов в Афганистан через северную распределительную сеть

способствует успешным действиям коалиции в борьбе с террористами группировок Талибан и ДАИШ.

В последнее время получил развитие транзит товаров в Афганистан и через Таджикистан. Этому во многом благоприятствуют построенные четыре и открытый на днях в Ишкашиме пятый по счету пограничный переход между соседними государствами. Таджикистан и Афганистан – две страны, чрезвычайно близкие по своему этническому составу и поддерживают достаточно свободный режим перемещения своих товаров и граждан. Повестка дня двусторонних, трёхсторонних и четырёхсторонних саммитов Таджикистана с Афганистаном, Ираном и Пакистаном, проходивших не раз, заключалась именно в этих вопросах. Поэтому многие таджикские предприниматели понимают выгоду от посредничества в торговле и начинают активно предлагать свои услуги с указанными государствами.

Реализация инициативы, связанной с созданием в Душанбе Международного Центра по улучшению транзитной транспортировки в Центральную Азию, отраженной в итоговой Декларации конференции ОБСЕ по перспективам развития трансазиатских и евроазиатских транзитных перевозок через ЦА, окажет благоприятное влияние на увеличение взаимной торговли и будет выгодным всем странам, в том числе Афганистану. Одним из таких проектов, позволяющих осуществить вывод Таджикистана из тупикового географического положения, является прокладка железной дороги из Туркменистана в Таджикистан через территорию Афганистана. Имеющиеся разногласия между указанными государствами по данному проекту урегулированы. Данный проект можно было бы финансировать за счет Инвестиционного Фонда для Центральной Азии или региональных проектов ЕС.

Пожалуй, наиболее значимой сферой сотрудничества Таджикистана с Афганистаном является подача электроэнергии северным провинциям этой страны. На основании подписанного в 2008 году договора ежегодно экспорт таджикского электричества составляет 200,000 МВт, оно поступает через единственную ЛЭП, связывающую Таджикистан с провинцией Кундуз Афганистана. В текущем

году поставка электроэнергии соседней стране по сравнению с прошлым 2017г выросла на 15%[1].

Расширение объемов инвестирования Рогунской, других каскадов средних и малых ГЭС на реках Пяндж и Вахш со стороны Европейского Банка Реконструкции и Развития позволило бы не только, увеличить поставку электроэнергии для нужд постконфликтного восстановления Афганистана, крупнейшего энергоемкого Айнакского медного и других производств, но и для орошения пустынных земель севера Афганистана. Учитывая судьбоносное значение указанных объектов для Таджикистана и Афганистана, их финансирование вполне соответствовало бы Многолетней индикативной программе ЕС на 2014-2020 годы для стран Центральной Азии.

Проект CASA-1000 предусматривает строительство высоковольтных линий электропередач из Кыргызстана и Таджикистана через Афганистан в Пакистан путем возведения ЛЭП 500 квт. с последующим перетоком таджикской электроэнергии в Пакистан. За счет транзита электроэнергии через Афганистан бюджет данного государства мог бы ежегодно пополняться почти на 200 млн. долл. Реализация указанных проектов при поддержке ЕБР позволит не только восполнить нехватку электроэнергии в регионе, но также даст возможность регулировать объем воды в этих реках.

Несмотря на отсутствие общей границы с Афганистаном, Казахстан – единственная центральноазиатская страна, опубликовавшая Программу поддержки реконструкции Афганистана, состоящую из проектов касательно воды, развития инфраструктуры и поставки строительных материалов. В связи с постигшей Афганистан засухой в 2018 г. около 20 провинций страны испытывают недостаток зерна. Казахстан, наряду с международной организацией «IFP», является основным экспортером зерна, покрывает 20% потребности этой страны в данной продукции.

Большинство отмеченных выше инфраструктурных проектов в Центральной Азии органично встроено в комплексную программу Комиссии Европейского Сообщества по созданию транспортной информационной магистрали ТРАСЕКА, (Европа-Кавказ-Азия),

[1] Иктисодчи. 2018. №1. С.12.

что закрепляет за ЕС особое место во взаимоотношениях с центральноазиатскими республиками.

К сожалению, в настоящее время, несмотря на начало реализации новой обновленной стратегии партнерства Евросоюза в Центральной Азии, его влияние в регионе заметно сокращается, т.к. его приоритеты во внешней политике все более сосредоточиваются на проблемах в самом Евросоюзе и геополитических процессах на Ближнем Востоке и африканском континенте.

В настоящее время США, Великобритания, Япония, Канада и другие государства через различные организации оказывают гуманитарную помощь населению Афганистана. Но объемы средств, выделяемых на эти цели, несоизмеримы с потребностями населения, около половины которого находится за чертой бедности. Исходя из принципов целевого выделения средств международными организациями («не для кормления, а для обучения их рыболовству») считаем целесообразным в рамках региональной программы БОМКА ЕС на перспективу приступить совместно с министерствами образования, труда и Занятости населения к подготовке в технических колледжах и лицеях государств Центральной Азии квалифицированных кадров из числа молодежи Афганистана для нужд постконфликтного восстановления этой страны. Все это вписывается в реализуемые Евросоюзом специальные программы, нацеленные на укрепление рыночно-демократических стандартов.

Известно, что пограничная торговля поддерживает местное население и приносит дополнительную прибыль. В Таджикистане создано несколько экономических зон с целью привлечения афганских и других предпринимателей на рынки сопредельных районов Таджикистана. Было бы полезным в будущих образовательных программах ОБСЕ «Эразмус Мундос» и «Темпус» предусмотреть совместное обучение молодежи сопредельных с Таджикистаном провинций Афганистана и районов нашей республики, где функционируют экономические зоны навыкам предпринимательства по тематике маркетинга, бухгалтерского учета, юридических аспектов бизнеса.

Во время состоявшегося в сентябре 2018 г. в Ташкенте официального визита Президента Таджикистана Э.Рахмона в Узбекистан было подписано соглашение о дальнейшем конструктивном со-

трудничестве в сфере использования водно-энергетических ресурсов. Межгосударственная комиссия указанных республик по торгово-экономическому сотрудничеству изучает вопрос использования пресной воды Сарезского озера для нужд обоих государств. Ибо ресурсы Сарезского озера потенциально могут обеспечить чистой водой 30-40 млн. населения Центральной Азии и Афганистана. В связи с этим предлагается в рамках Стратегии нового партнерства между Европейским Союзом и Центральной Азией изучить возможность создания регионального консорциума по совместному использованию ресурсов Сарезского озера. С этой целью предлагается весной 2019 г провести. в Душанбе международную научно-практическую конференцию под патронажем ЕС. Вероятно, здесь будут учитывать интересы Афганистана, разделяющего с центральноазиатскими соседями пограничную (реку Пяндж) Аму-Дарья. Было бы желательно эту проблему включить в проект ЕС «Наращивание потенциала в области планирования речных бассейнов для организаций по управлению водными ресурсами и совместными структурами речных бассейнов».

Известно, что через таджикско-афганскую границу пролегает так называемый «северный маршрут», по которому афганский героин и опий попадают на "черные рынки" Центральной Азии, а оттуда – в Россию и Европу. С учетом ключевой роли Таджикистана в регионе в деле борьбы с незаконным оборотом наркотиков, желательно ЕС в рамках программ БОМКА и КАДАП существенно увеличить финансовую и техническую помощь республике в укреплении таджикско-афганской границы. Трагические события, имевшие место в Таджикистане в сентябре 2010 г. и в сентябре 2015 г. свидетельствуют о том, что терроризм имеет поддержку извне[1], в частности из Афганистана.

В настоящее время наблюдается концентрация боевиков на таджикско-афганской границе в связи с разгромом группировки "Исламское государство" в Сирии и Ираке, среди которых много выходцев из стран Содружества. Не следует списывать и оставшихся, из 60 тысяч бежавших в годы гражданской войны в Афганистан наших соотечественников, часть которых также примкнули к радикальным террористическим группировкам.

[1] Сиесати хоричи. Душанбе, 2016. №1. С.110.

В связи с этим не исключена вероятность прорыва афганских беженцев через границу и выход на территории республик региона, как это наблюдалось в 1992-93 гг. на таджикско-афганской границе. Это может создать не только экономические и экологические трудности для этих государств, но и сопровождаться контрабандой оружия, наркотиков и радикальной идеологии на территорию Центральноазиатского региона. В качестве превентивных мер необходимо предусмотреть эффективные механизмы по реагированию на последствия эскалации военных действий на севере Афганистана. Предлагается в связи с эскалацией военных действий на приграничных с южными рубежами ОБСЕ вопросы, связанные с безопасностью приграничных государств, вынести на обсуждение ее специальной сессии. Война между афганцами – это признак фанатизма и невежества, что можно преодолеть только просвещением, культурой. Несмотря на усилия ЮНИСЕФ по укреплению инфраструктуры образования, тем не менее, доступ молодежи к учебе в сельских районах, где проживает до 75% населения страны, ограничен. Здесь масса проблем: трудности с отчуждением земель у частников, т.е. необходимо выкупать ее государству, у которого нет денег, отсутствие гарантии безопасности на пути до школ (особенно для девушек), нехватка учителей – женщин.

Между тем, в процессе реализации первого инновационного проекта Всемирного Банка по реформе образования европейские государства оказали существенную помощь в освоении учителями пилотных школ Таджикистана интерактивных методов обучения в лучших школах Великобритании, Нидерландов, Швеции, Венгрии, Литвы и других[1]. Поэтому ОБСЕ могла бы использовать достигнутый государствами Центральной Азии опыт решения образовательных программ для афганцев, имеющих с населением сопредельных государств общий язык, историю, культуру и религию. Место военных десантников должен занять десант учителей. Безусловно, разрешение конфликта в Афганистане при содействии международного сообщества, более активном вовлечении Евросоюзом стран Центральной Азии в этот процесс могло бы стать ключевой предпосылкой для достижения устойчивой безопасности и стабильности в данном регионе.

[1] Европейский Союз глазами ученых Таджикистана: материалы международной конференции (г.Душанбе, 20.10.2004г.). Душанбе, 2004. С.5.

РАДИКАЛЫ С ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИМИ КОРНЯМИ В «ГЛОБАЛЬНОМ ДЖИХАДЕ» И В ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Искандаров Акбаршо Искандарович
Доктор политических наук,
заведующий отделом политических проблем международных отношений Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова АН РТ

Сафранчук Иван Алексеевич
Ведущий научный сотрудник
Центра исследований проблем Центральной Азии и Афганистана
Доцент департамента международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Появление феномена «супертерроризма»[1], под которым понимают деятельность джихаджистских движений в глобальном масштабе, тем не менее, не должно оставлять в стороне понимание региональных корней таких движений. Традиционно террористическая деятельность была в большей степени связана с регионами Ближнего и Среднего Востока[2]. Однако в конце 20-го и в начале 21-го века в регионе Центральной Азии тоже появились экстремистские течения, которые внесли свой вклад в «глобальный джихад»[3]. Особый интерес в этой связи представляют группы с центральноазиатскими корнями, поскольку они были активны и в региональной экстремистской деятельности, и в «глобальном джихаде».

В конце 1980-х гг., на волне перестройки, в Узбекистан устремились сотни исламских имамов, заполняя образовавшийся идеологический и духовный вакуум. Они несли идеи ислама самого разнообразного толка: от фундаменталистского, салафитского, до умеренного – ханафитского, с его принципами терпимости, межнационального согласия в рамках веры и выживания ислама в неблагоприятных условиях. Последний, кстати, более характерен для жителей крупных городов, тогда как мусульмане сельской местности, с ее менее развитой социально-экономической инфраструктурой, низким уровнем образования и традиционным укладом, при-

[1] Степанова Е. Терроризм в асимметричном конфликте. М., 2010.
[2] Терроризм. Угроза человечеству в XXIвеке. М., 2003.
[3] Yakebov Oleg. The Pack of Wolves. The Blood trail of terror. M., 2000.

держивались более строгих форм ислама и были менее толерантны. Так, в Ферганской долине, по мнению ряда исследователей, всегда было много последователей ханбалитского мазхаба – самого радикального направления суннитского ислама, на постулатах которого базируется салафитская идеология, а также взятый на вооружение экстремистскими и воинствующими кругами «ваххабизм».

Имелся еще целый ряд причин, по которым усилия исламистских эмиссаров именно в Узбекистане пали на весьма благодатную почву. Во-первых, территория современного Узбекистана с множеством расположенных на ней особо почитаемых святынь ислама, с такими важнейшими религиозными центрами, как Бухара, Самарканд, Хорезм, с древних времен была «духовным оазисом» для мусульман всей Средней Азии. В советские времена Духовное управление мусульман, общее для всех среднеазиатских республик, находилось в Ташкенте, и, в основном, именно на территории Узбекской ССР готовились религиозные кадры для всей советской Средней Азии. Военные действия СССР в соседнем Афганистане в 1978-89 гг. также не могли не повлиять на религиозность населения Узбекистана, придав ей идейный вектор джихада (борьбы), который вели афганские моджахеды, в т.ч. единокровные узбеки и таджики, против советских «оккупантов».

Таким образом, в период распада СССР, с конца 1980-х – начала 1990 гг., на фоне «специфической» экономической и внутриполитической ситуации, а также предлагаемых исламистскими проповедниками простых решений наболевших проблем в республике началось возрождение религии. Активизировались исламские центры обучения, налаживая связи с радикальными религиозными кругами Саудовской Аравии, Египта, Ирана, Пакистана и Афганистана, одновременно набирали силу будущие лидеры и полевые командиры (они же зачастую – и религиозные проповедники, и духовные вожди) узбекских террористических организаций. В тот период на территории Узбекистана сформировалось несколько исламистских, в основном радикального толка, организаций. В 1991 г. Тахир Юлдаш (настоящее имя – Тахир Абдулхалилович Юлдашев), провозгласив себя эмиром, организовал и возглавил «Адолатуюшмаси» («Общество справедливости»), в тот же период принял ак-

тивное участие в создании другой экстремистской организации в Намангане «Ислом лашкорлари» («Воины ислама»), а также стал одним из основателей военизированной группировки «Товба» («Покаяние»), где сблизился с другим узбекским радикал-исламистом Джумой Намангани (настоящее имя – Джумабай Ахмаджанович Ходжиев).

Были созданы и другие организации: «Исламская партия возрождения», «Одамийлик ва инсон парварлик» («Человечность и милосердие»), «Нур» («Свет»), Общество по распространению веры «Таблих» и т.д., причем действовавшие на территории Узбекистана совершенно легально. Более того, на местах, в частности в Намангане (Ферганская долина), ставшем практически «вотчиной» исламистов-адолатовцев, ими предпринимались активные попытки создания властных структур, альтернативных государственным учреждениям.

Таким образом, когда в 1991 г. Узбекистан обрел независимость, для молодого неокрепшего государства было еще дилеммой – станет ли оно светским или теократическим – исламистским. И хотя президент независимого Узбекистана, до этого Первый секретарь коммунистической партии Узбекской ССР, Ислам Каримов прекрасно осознавал необходимость государственного контроля над религией, тем не менее, для того чтобы не вызвать взрыва недовольства верующих, делал он это предельно дипломатично и гибко, если не сказать попросту хитро. Во-первых, как альтернатива светской национал-демократической оппозиции властями активно использовалась популярная и предельно простая для понимания масс исламская модель. Во-вторых, власть «терпела» исламистов как некий, пусть специфический, инструмент для поддержания порядка в то неспокойное время. Например, поощрялось строительство новых мечетей, делались заявления о вековой приверженности Узбекистана исламскому миру. И.Каримов, так же, как и лидеры соседних независимых постсоветских государств, стремясь к скорейшей легитимизации своей власти, готов был к определенным компромиссам с религией. В самом конце 1991 г. под нажимом религиозных лидеров, в частности Т. Юлдаша, И. Каримов был вынужден лично принести клятву на Коране, что он введет в Конституцию нормы шариата.

Однако уже к концу 1992 г. ситуация резко изменилась. Укрепившемуся к этому времени режиму И.Каримова удалось значительно продвинуться в плане применения силовых методов для подавления инакомыслия: на внутриполитическом поле – в основном расправиться со светской оппозицией, а во внешнеполитическом пространстве – оказать военную поддержку Народному фронту соседнего Таджикистана в борьбе с Объединенной таджикской оппозицией (ОТО), состоящей из либерал-демократов и исламистов. В принятой 8 декабря 1992 г. Конституции Узбекистана четко и однозначно утверждался светский характер государства, запрещались и ставились вне закона политические партии, созданные по религиозному признаку, религиозная пропаганда, разжигание межрелигиозной розни. Созданному в том же году при кабинете министров Узбекистана Комитету по делам религий вменялось осуществлять строгий контроль над любой религиозной деятельностью, одновременно была проведена «зачистка» официального духовенства с заменой мулл на абсолютно лояльных режиму.

Таким образом, деятельность практически всех исламистских, в первую очередь радикальных, организаций на территории Узбекистана была прекращена, их печатные издания закрыты, лидеры арестованы или пропали без вести, а уцелевшие «выдавлены» на территорию Таджикистана, где в это время набирала обороты гражданская война, замешанная на межклановой вражде и религиозном фанатизме, и где лидеры узбекских исламистских организаций явно пришлись ко двору ОТО. Тогда же, в 1992-м, Дж.Намангани, Т.Юлдаш и более 30-ти их сподвижников(в основном выходцев из Намангана) покинули Узбекистан и присоединились к отрядам ОТО в Курган-Тюбинской области Таджикистана, создав военизированное формирование Наманганский Батальон (НБ) под командованием Дж.Намангани. С этого батальона началось формированию Исламского движения Узбекистана (ИДУ), а также целой сети военных баз и тренировочных лагерей исламистов.

История ИДУ неразрывно связана с гражданской войной в Таджикистане. Активно участвуя в боевых действиях на стороне ОТО, формирования ИДУ приобрели опыт ведения партизанской войны, организации и проведения террористических и диверсион-

ных акций. Ими отрабатывалась методика вербовки и подготовки рекрутов, основанная на идеологии исламского джихада. Кроме того, оба лидера ИДУ имели советский военный опыт (оба в конце 1980-х гг. выполняли интернациональный долг в Афганистане в составе советского контингента, Дж.Намангани служил в ВДВ). Благодаря успешным действиям в качестве полевых командиров и хорошим организаторским способностям, в сочетании с умением добывать финансовые средства для военно-тылового обеспечения и находить выходы даже из самых критических ситуаций, помноженным на идеологию воинствующего джихада, авторитет «отцов-основателей» ИДУ был непререкаем.

При формировании ИДУ в его состав вошли активисты и члены целого ряда исламистских организаций Узбекистана, о которых упоминалось выше и деятельность которых была запрещена И. Каримовым в 1992–1993 гг. В общей сложности в 90-е гг., после начала антиисламистской кампании и массовых репрессий, около двух тысяч граждан Узбекистана оказались за его пределами, многие из них примкнули к ИДУ и приняли участие в гражданской войне в Таджикистане на стороне ОТО. Надо сказать, что многие в Узбекистане, и не только этнические таджики, сочувствовали ОТО. Среди жителей Ферганской долины немало было тех, кто лично знал лидеров Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), в том числе и А.Нури, и были готовы им помогать. И эта помощь оказывалась: в мечетях собирались деньги для таджикских моджахедов, а десятки, если не сотни, молодых людей, обучавшихся в нелегальных медресе на территории Узбекистана (в основном в Ферганской долине) отправлялись в Таджикистан, чтобы пополнить ряды ОТО и участвовать в гражданской войне в формированиях ИДУ. Забегая вперед, надо сказать, что многие из них после окончания гражданской войны остались в ИДУ, сформировав костяк его военно-политической структуры.

Что касается высшего руководства ИДУ, провозгласившего своей главной целью не больше не меньше как создание исламского государства на территории Ферганской долины, то лидером его военного звена стал Дж. Намангани, авторитет которого в этой области достиг всех возможных высот, а политическое звено возглавил Т. Юлдаш, сыгравший особую роль в создании материальной базы

ИДУ. Так, в 1995 г. в Пешаваре (Пакистан) Т. Юлдаш при посредничестве высокопоставленных офицеров межведомственной разведки Пакистана провел переговоры с представителями исламистских организаций Пакистана, Турции и Саудовской Аравии о предоставлении финансовой помощи узбекским фундаменталистам.

Таким образом, ИДУ примерно к 1996 г. (который считается официальным годом его образования) из объединения полулегальных общественно-политических организаций трансформировалось в дисциплинированную военную структуру, способную не только на отдельные террористические акты, но и на достаточно масштабные боевые операции. К этому времени ИДУ усилилось узбекскими боевиками, прошедшими через горнило чеченской войны в отрядах Хаттаба. И совсем не удивительно, что боевые отряды ОТО, возглавляемые Дж. Намангани, успешно действуя против правительственных сил Таджикистана, весной 1997 г. приблизились к Душанбе. Полевые командиры Джумы уже утверждали план военной операции по его захвату, и, возможно, только отсутствие внутреннего единства в ОТО не позволило им добиться успеха. Не дождавшись «быстрой» победы и польстившись на предложения официального Таджикистана, руководство ОТО, в частности А.Нури, эти предложения приняло.

Надо отметить, что для заключения долгожданного мира потребовалось более трех лет (с апреля 1994-го);8 раундов межтаджикских переговоров под эгидой ООН и при участии стран-гарантов (России, Пакистана, Ирана, стран СНГ); более 20 официальных встреч между ОТО и представителями законного правительства Таджикистана, который к описываемому периоду был обессилен в ходе гражданской войны. Наконец, в июне 1997 г. в результате 8-го раунда переговоров под эгидой ООН и инициированных Россией, которой было совершенно ясно, какие катастрофические последствия имела бы победа джихадистов не только для Таджикистана, но и для всего региона в целом, было подписано Общее соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане, а также протокол о взаимопонимании.

На основе данного соглашения была сформирована Комиссия по национальному примирению (КНП), которую возглавил лидер ОТО А.Нури. Кроме того, оппозиции удалось добиться предоставления 30 процентов мест в правительстве. Одним из условий соглашения был также полный разрыв оппозиционеров с ИДУ с требованием к Т. Юлдашу и Дж. Намангани покинуть центральные районы Таджикистана. Т. Юлдаш обвинил ОТО в предательстве. «…ОТО ради нескольких кресел в правительстве предала наши идеалы», – говорил он в одном из своих обращений к мусульманам.

Это было первым, но далеко не последним серьезным «предательством» со стороны партнеров по борьбе за идеи радикального ислама, с которым столкнулись Т. Юлдаш и Дж. Намангани. Весной 1999 г. 17 боевиков, 11 из которых были из Хорезма, приняли решение покинуть ИДУ. Причиной этого, вероятнее всего, было то, что после окончания войны в Таджикистане и последовавшего за этим национального примирения ИДУ было вынуждено искать для себя новую нишу, т.к., в отличие от таджикской оппозиции, у движения не было никаких возможностей интегрироваться в какие-либо официальные государственные структуры. Подходящим местом мог стать Афганистан. Лидеры ИДУ вступили в переговоры с талибами и нашли понимание. С одной стороны, договоренности с Усамой бен Ладеном и лидерами «Талибана» о передислокации, а также о финансировании группировки еще больше упрочили авторитет Дж. Намангани и Т. Юлдаша. Но с другой – для некоторых сподвижников Джумы и Тахира конкретной целью и смыслом была именно война за справедливость в Узбекистане, а не джихад в соседней стране, и перспектива вынужденного перебазирования в Афганистан вызвала у них раздражение. В результате беглецы были пойманы и расстреляны на месте. Джума жестко подавил наметившийся бунт.

После процесса внутритаджикского урегулирования полевые командиры ИДУ отказались выполнять условия соглашения, подписанного между правительством и ОТО. Поэтому, несмотря на перемещение основных сил движения в Афганистан, это не помешало его боевикам в течение 1999-2001 гг. совершать террористические акты и военные операции на территории соседних государств. Так, 16 февраля 1999 г. произошло шесть взрывов в Таш-

кенте, включая взрывы у резиденции И. Каримова и у здания правительства, где он должен был в тот момент находиться. В августе был организован «Баткенский рейд» – переброска почти тысячи боевиков ИДУ с севера Таджикистана в готовую восстать Ферганскую долину, о «взрывоопасности» которой надо сказать особо. Существовавшее в XVIII-XIX вв. на территории долины единое Кокандское ханство оказалось после национально-государственного размежевания советской Средней Азии (1924-25 гг.) расчлененным между тремя республиками, а в дальнейшем (с начала 90-х) независимыми государствами – Узбекистаном, Таджикистаном и Кыргызстаном, рост сепаратистских настроений в которых всегда обеспечивался не только высокой степенью исламизации населения, но и его крайней бедностью, перенаселенностью долины, повальной безработицей и т.д. Не случайно практически все лидеры ИДУ – выходцы из Ферганской долины (а Т. Юлдаш, по некоторым сведениям, – отпрыск некогда правящего здесь ханского рода).

В августе 2000 г. боевики ИДУ снова вторглись на территорию Кыргызстана и Узбекистана. Лишь после двух месяцев ожесточенных столкновений с правительственными войсками обеих республик они были выбиты за границу. Попытка повторить аналогичный рейд была предпринята и в 2001 г. В декабре 2002 г. движение организовало теракт в Бишкеке, в мае 2003-го – в Оше.

За этот период существенно возросла поддержка движения зарубежными исламистами, предположительно за счет расширения связей с «Аль-Каидой». В то же время лидеры движения постоянно совершенствовали систему рекрутирования и подготовки диверсионных контингентов с целью переброски их в страны Центральной Азии для создания подполья, готового к любым видам подрывной деятельности – от пропагандистской до террористической. Финансирование, помимо прямых поступлений от «Аль-Каиды» и других зарубежных международных террористических центров, осуществлялось за счет вливаний средств от старой узбекской эмиграции из Саудовской Аравии.

Создание теократического государства – исламского халифата, наподобие Афганистана, живущего по законам шариата, на терри-

тории сначала Ферганской долины, а затем всей постсоветской Центральной Азии, а также и на той части территории Китая, где проживают уйгуры, было мечтой не только главарей, но и абсолютного большинства боевиков, оказавшихся на чужой земле. «Благородные» цели, поставленные перед Т. Юлдашем и Дж. Намангани их новыми финансовыми донорами, заставили последних в конце 2000 г. переименовать ИДУ в Исламское Движение Туркестана (ИДТ). Теперь движение открыло себя всем выходцам из стран Центральной Азии, Афганистана и Турции.

Одной из важнейших вех ИДТ можно считать назначение Дж. Намангани командующим разрозненными террористическими группировками, базировавшимися на территории Афганистана. Такое решение было принято в начале мая 2001 г. лидером «Талибан» Муллой Омаром. Назначение узбека командиром «ЛИВО» было подсказано У. бен Ладеном. Костяком ЛИВО стали отряды ИДТ, численность бойцов которых превысила 3000 человек. Не подчинившиеся решению муллы Омара бандформирования были уничтожены.

Ситуация резко изменилась после сентября 2011 г. Хотя в Кабуле еще до 11 сентября готовились к наступлению американцев и объединение множества террористических группировок (с общей численностью боевиков до 40 тыс.) должно было, по мнению лидеров «Талибана» и «Аль-Каиды», оказать достойное сопротивление «кяфирам», тем не менее в результате мощных ударов войск США террористы сразу понесли серьезные потери. В ноябре 2001 г. при обороне Кундуза американской ракетой был уничтожен командующий ЛИВО и лидер ИДТ Дж. Намангани. По мнению некоторых экспертов, на джип, в котором находился Джума, с беспилотника была наведена ракета, не без помощи одного из телохранителей Намангани.

В первые же месяцы американской операции ИДТ оказалось ослаблено, и не только потерей людей, но и внутренним расколом. Вообще, чем больше деятельность движения удалялась от Узбекистана и чем глобальнее становились его цели, тем больше оно ослабевало и теряло людей. От него стали откалываться недовольные этим активисты, которые упрекали Т. Юлдаша в отсутствии активных действий на территории Узбекистана.

В результате в 2002 г. полевыми командирами Джалоловым и Бурановым при поддержке Усама бен Ладена была создана самостоятельно действующая группировка, сегодня известная как «Союз исламского джихада» (СИД).

Но вот интересный факт. Все лидеры и боевики СИД, мечтавшие о Халифате в Туркестане, постепенно, в течение достаточно короткого периода, были уничтожены с помощью кого-то наведенными ракетами с американских беспилотников. Методика уничтожения враждебных американцам полевых командиров стандартна. И каждая последующая ликвидация наиболее авторитетных лидеров регулярно приводила к отпадению мелких отрядов и группировок. Постепенно на смену таким лидерам, как Намангани, Джалолов, Буранов, пришли командиры, для которых главное – джихад, пусть на любой территории, но за деньги.

Что касается Т. Юлдаша, то он остался лидером сильно потрепанных в зимних боях 2001 г. отрядов ИДТ. Харизматичность Т. Юлдаша, близость его к «Аль-Каиде», серьезная финансовая поддержка от разных исламских фондов, знание ислама, мечты о возвращении на родину с «карающим мечом» джихада позволили лидеру ИДТ по-прежнему оставаться любимчиком своих боевиков.

Однако война есть война, в конце августа 2009 г. Т.Юлдаш был уничтожен американской ракетой. Вновь избранный глава Движения Р.Обидхонов был убит в июле 2011 г., а новый командир, 42-летний А.Валиев по кличке Усмон Гази сильно уступал по своим лидерским качествам создателям ИДТ.

К весне 2011 г. движение столкнулось с серьезными проблемами. Ликвидация У. бен Ладена резко сократила финансовые потоки в кассу ИДТ, т.к. поход боевиков на Север теперь не представлял для арабов особого интереса. Это была мечта бен Ладена, но не Аймана аль-Завахири (лидера «Аль-Каиды» с мая 2011-го). Главный приоритет для нынешнего руководства «Аль-Каиды» – Сирия. Финансовые потоки в кассу ИДТ полностью не иссякли лишь потому, что некоторые боевики Движения рекрутируются в группировки, оказывающие активное вооруженное сопротивление сирийской армии.

Сегодня главный источник финансирования ИДТ – «Тахрик-э Толебон-э Покистон» из Пешавара, чьи лидеры с середины 2012 г. ставят перед У. Гази цели, связанные с насущными проблемами талибов в Пакистане. Стычки с армейскими подразделениями пакистанской армии в зоне племен, сопровождение различных караванов, в том числе с наркотиками, расширение деятельности медресе «Абдулло Ибн Зубайр», расположенного в населенном пункте Мирали Северного Вазиристана (одного из основных источников распространения радикального ислама, а также рекрутов, пополняющих отряды боевиков), из громких дел – нападение узбекских боевиков ИДТ в 2014 г. на аэропорт Карачи в Пакистане, –это то, за счет чего пополняется касса ИДТ.

У боевиков, помнящих и уважавших Д. Намангани и Т. Юлдаша (а таких осталось немного), воевавших не только ради денег, но и за идею Халифата, сегодня нет никаких перспектив. Наверное, поэтому начавшийся с 2011 г. отток наиболее опытных боевиков ИДТ в СИД, пакистанский «Талибан» и другие формирования, дислоцированные в районе афгано-пакистанской границы, логичен – за деньги воевать лучше там, где больше платят.

Еще одной проблемой для У.Гази является эмиссарская сеть ИДТ, умело расставленная и действующая во многих странах еще с начала 2000-х гг., которая начала давать сбои. Тому есть свои причины.

Во-первых, У.Гази опасается, что с новичками, завербованными московским или питерским «джамоатами», в лагеря подготовки боевиков проникнут агенты спецслужб стран СНГ. Поэтому всех без исключения рекрутов подвергают жесточайшим проверкам, включающим в себя обязательное пребывание в зиндане, физическое давление, запрещение контактов с земляками. Такое жесткое обращение отпугивает часть рекрутов.

Во-вторых, прошедшие через «испытание» новоявленные боевики неожиданно сталкиваются с идеологическими проблемами. Основатели ИДТ в основном исповедовали ислам салафитского толка, так же и рекруты, решившие стать моджахедами и примкнуть к движению. Они попадали под влияние салафитской литературы еще в региональных «джамоатах». Соответственно, вся идеологическая и пропагандистская машина была построена на

принципах «чистого» ислама. Однако сегодня в ИДТ ислам салафитского толка не в почете. Более того, в острой конфронтации с нынешними лидерами ИДТ оказался даже Муфтий Абузар Аззам, гражданин Пакистана, главный идеолог ИДТ, знаток Корана, которого в свое время привлек в движение за глубокое знание ислама сам Т. Юлдаш. В начале 2012 г. муфтий был строго наказан лишь за то, что сделал замечание У. Гази о неверном толковании аятов Корана. Как следствие, в начале лета 2012 г. А. Аззам обратился к мулло Омару с просьбой разрешить ему покинуть ИДТ с еще несколькими полевыми командирами, не согласными с У. Гази. Не желая усиления конфликта внутри движения, мулло Омар и лидеры «Талибана» (как и 12 лет назад У. бен Ладен), предварительно договорившись с У. Гази, предложили А.Аззаму создать самостоятельный «джамоат» из преданных ему боевиков. Одновременно ему была поставлена задача по переброске вставших на путь джихада молодых мусульман из Центральной Азии для обучения их в реальных боевых условиях в зоне сирийского конфликта – более «актуальной» на сегодняшний день, чем Афганистан.

В-третьих, ИДТ настолько ослаблено в многочисленных боевых действиях, что не в состоянии даже «переварить» прибывающих новобранцев, количество которых не так уж мало. К примеру, из России в 2012 г. прибыло 150 рекрутов. Правда, большинство из них впоследствии примкнуло к СИД или «Талибану», в которых, в отличие от ИДТ, не ощущается нехватки в современных видах стрелкового оружия, боеприпасах, медикаментах, продуктах питания. Да и денежное довольствие в СИД неизмеримо лучше, чем в ИДТ.

Ослабление ИДТ отразилось, естественно, и на результатах деятельности эмиссаров-вербовщиков, действующих в России. Многие из них, столкнувшись с многочисленными организационными, и особенно финансовыми, проблемами движения, перешли на более прибыльную вербовку рекрутов для СИД. Как результат, наблюдается снижение в 2013 г. – примерно 60 новобранцев, в начале 2014-го – чуть более 20, что резонансно вызвало еще большее сокращение финансовых потоков в «байтулмол» («общак») ИДТ.

На сегодняшний день количество опытных боевиков в базовых лагерях ИДТ вряд ли превышает 500 человек. Раздражение главарей ИДТ, вызванное всеми этими факторами, легко прослеживается в материалах отдела «пропаганды» на сайте движения. А вот приведет ли это к какому-либо открытому конфликту «на кухне» террористических формирований, возможно покажет ближайшее будущее.

А пока необходимо обратить внимание еще на несколько важных моментов.

1. Рекрутов, направляемых для участия в боевых действиях в Сирии, условно можно разделить на две группы: опытные боевики, участвовавшие во многих вооруженных столкновениях против сил объединенной коалиции или пакистанской армии, и новички, завербованные в России и прошедшие лишь краткий курс обучения в лагерях ИДТ, шейха А. Аззама и особенно СИД.

2. Фиксируется обучение и тех и других боевым действиям в условиях города, ограниченного и замкнутого пространства.

3. Ротация бойцов проходит каждые шесть–семь месяцев. Прошедшие специфический боевой опыт члены ИДТ, СИД и «джамоата» А. Аззама, в том числе и раненые, направляются на лечение и реабилитацию в Турцию. Такая тенденция прослеживалась в 2012–2013 гг. и сохранилась в этом году.

4. Из Турции боевики, воевавшие в Сирии, в базовые лагеря трех террористических группировок, расположенные в Северном Вазиристане, не возвращаются. По некоторым сведениям, из воюющих в Сирии боевиков только узбеков почти 400, включая полевых командиров. Сколько из них сегодня осело в Турции, можно только гадать.

В результате не лишено оснований предположение, что прошедшие сирийский фронт бойцы, в том числе из отрядов ИДТ, СИД и шейха А. Аззама, ожидают часа «Х». Во многих региональных раскладах аргумент в виде более тысячи специально подготовленных боевиков-джихадистов может оказаться достаточно сильным. Но вот куда они будут направлены? В СУАР Китая, российский Северный Кавказ или даже Крым, Центральную Азию, Пакистан или какую-то из африканских стран? Вопрос пока остается открытым, но желательность этих вариантов, а стало быть и их вероятность для менеджеров глобального джихада не одинакова.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА (ПНЕ) АФГАНИСТАНА: ЦЕЛЫ, ПОДХОДЫ, ВЕКТОРЫ

Саидов Хамид Саидович
Доктор политических наук,
профессор кафедры международных отношений и дипломатии
Российско-Таджикского (Славянского) университета

14 июня 2014г. в Афганистане прошли президентские выборы (второй тур). Несмотря на то, что процесс президентских выборов сопровождался масштабными фальсификациями, не имеющими аналогов в мировой практике, тем не менее в итоге страна приобрела президента.

Главным результатом выборов стало создание Правительства национального единства (ПНЕ). То, что президентом страны станет Ашраф Гани Ахмадзай, было легко предвидеть. Однако формирование правительства национального единства и приход к власти группы Абдулло Абдулло и его команды свидетельствовало о провале американской политики в Афганистане, поскольку в американском сценарии не было предусмотрено столь высокое место команды Абдулло Абдулло. Скорее всего, американцы были готовы привести к власти группу Ахмадзая и связанных с ним некоторых афганских технократов пуштунского происхождения.

Выборы президента показали, что в Афганистане у "моджахедов" еще есть шансы серьезно влиять на внутреннюю и внешнюю политику. Сам факт раздела власти между бывшими моджахедами и нынешними афганскими западными технократами – это и есть большая победа афганского народа.

В целом же, несмотря на все проблемы, фальсификации и затяжные противоречия, прошедшие выборы представляли собой демократическую смену власти и привели к формированию правительства национального единства и новой внешней политики.

В новых условиях ПНЕ приступила к реализации своих внешнеполитических задач. Актуальной становится разработка доктрины внешней политики страны. Это была попытка научно обоснованно

осмыслить и дать прогноз на принципы, интересы и приоритеты внешнеполитической деятельности афганского государства как полноправного субъекта мировой политики.

Отметим, что «Внешнеполитическая доктрина Афганистана» (содержащая 11 пунктов) была разработана еще в 2008 г. под руководством тогдашнего главы афганского МИД Рангина Дадфара Спанта[1]. Доктрина получила дальнейшее развитие в новой редакции. Руководство ПНЕ, несмотря на сложную внутриполитическую обстановку, правильно определило важнейшие национальные приоритеты и основные направления своей внешней политики. Теоретическая постановка вопроса приводит нас к осмыслению тезиса о том, что внешняя политика каждого государства базируется на его государственных и национальных интересах и нацелена на то, чтобы цели, задачи и направления этой политики были созвучны требованиям текущей геополитической и геоэкономической обстановки. А изменения геополитического мирового ландшафта и интенсивное развитие международных процессов стали причиной подготовки и принятия новой доктрины внешней политики Афганистана. Безусловно, принятие данного путеводного документа не означает внесение кардинальных или фундаментальных изменений во внешнюю политику Афганистана, напротив, представляет собой продолжение существующих ценностей, основных принципов, целей и проверенных направлений прежней политики, а также предусматривает обновление и усовершенствование задач, путей и механизмов ее реализации в чувствительных условиях современного мира. Доктрина внешней политики представляет собой систему взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешнеполитической деятельности государства. А правовую основу доктрины составляют конституция государства, законы и нормативные правовые акты, регулирующие деятельность государственных органов страны в сфере внешней политики, международно-правовые акты, признанные ИГА.

По замыслу авторов, новая доктрина внешней политики затрагивает следующий круг вопросов в сфере внешнеполитической деятельности афганского государства на мировой арене:

[1]Афганистан представил проект «внешнеполитической доктрины». URL: http://afghanistan.ru/doc/12025.html

- во-первых, отношения Афганистана с «соседними странами и странами региона»;
- во-вторых, отношения Афганистана с «исламским миром»;
- в-третьих, взаимодействие афганского государства с «друзьям и международным союзникам во всем мире»[1].

Доктрина внешней политики ПНЕ была подготовлено крупными афганскими специалистами в области международных отношений под руководством заместителя министра МИД ИГА по политическим вопросам Джавада Лудина (2014-2015). По замыслу авторов, она должна соответствовать основным положениям «Стратегического плана МИД ИРА»[2], которые существовали до принятия доктрины.

Основные положения доктрины были сформулированы в 20 тезисах и комментариях к данным тезисам. В основу доктрины легли: учёт национальных интересов и национальное согласие в стране на основе исторического опыта афганского государства; национальные идеи, которые определяют будущее афганского народа; национальные ценности и традиции, принадлежащие культуре народов этого государства и др.

Если рассматривать доктрину путем применения метода контент-анализа, то становится ясно, что внешняя политика Афганистана прежде всего носит многовекторный характер. А с учетом развитие ситуация в Афганистане, многослойная внешняя политика имеет выраженное глобальное и региональное измерения. Деятельность по реализации доктрины должна была структурироваться по девяти уровням:

1. Отношения с соседями.
2. Отношения с крупными государствами региона.
3. Отношения с исламским миром.
4. Отношения с международными союзниками.
5. Права человека.
6. Региональное сотрудничество.
7. Национальная безопасность.

[1] Афганистан дар сипехри хамкорихои минтакаи (Афганистан в контексте регионального сотрудничества) / под ред. д-ра Фаромурза Таманно; ЦСИ МИД ИРА. Кабул, 1393 (2015). С.18 (на яз. дари).
[2] Там же. С.18.

8. Достижение экономического благополучия.
9. Развитие культуры, образования и народной дипломатии[1].

В доктрине отмечается, что Афганистан намерен придерживаться «политики невмешательства»; страна будет стараться придерживаться нейтралитета; Афганистан будет придерживаться идеи сохранения и развития «традиционно хороших отношений» с соседними странами; двусторонние отношения с соседними государствами должны строиться на взаимном уважении к суверенитету и территориальной целостности стран; Афганистан выступает против распространения оружия массового поражения во всем мире и особенно в регионе.

Как известно, Афганистан по своему географическому расположению, геополитической позиции и экономическим интересам входит в несколько политических субрегионов. И это было особо учтено при разработке новой доктрины внешней политики страны.

Данная доктрина была рассчитана на 3-5 лет и подлежит пересмотру по завершении указанного срока. В 2019 году завершается первый этап реализации доктрины внешней политики Афганистана. А на фоне того, что в июне этого года намечены новые президентские выборы, следует указать на некоторые аспекты внешней политики ПНЕ. Пока что можно подвести некоторые итоги.

Основные внутри- и внешнеполитические ориентиры ПНЕ получили отражение в инаугурационной речи А.Гани. Это решение актуальных социально-экономических задач, проблем безопасности и налаживание переговоров с талибами, обеспечение эффективной борьбы с терроризмом производством наркотиков и др.

Обращая внимание на место и роль афганского фактора в международных отношениях, отметим, что в геополитическом контексте ситуация в Афганистане затрагивает безопасность более широкого региона, включающего Южную Азию (ЮА), Средний и Ближний Восток, СНГ и Китай. Поэтому Афганистан продолжает оставаться в центре внимания всего мира; к нему постоянно прикованы взоры Пакистана, Индии, Ирана, постсоветских стран ЦА, КНР и России.

[1] Афганистан дар сипехри хамкорихои минтакаи (Афганистан в контексте регионального сотрудничества)

Характеризуя современное состояние Афганистана в этом контексте, становится очевидно, что, несмотря на хорошие намерения, нерешеными пока остаются актуальные социально-экономические и общественно-политические проблемы в стране. В частности, переговорный процесс с вооруженными оппонентами; часть территории страны находится в руках талибов; интенсивно расширяется присутствие в Афганистане боевиков ИГИЛ; опасность распространения с территории ИРА наркотиков и терроризма в соседние государства и др. Подразделения же сил безопасности ИРА (армия – 190 тыс. человек и полиция – 160 тыс.) остаются неэффективными. В последние годы руководство ПНЕ упорно стремится к тому, чтобы Афганистан как можно скорее решил вопрос о получении статуса полноправного члена ШОС. Это нашло отражение в Декларации саммита ШОС 8-9 июня 2017 г. в Астане.

Важным событием в жизни Афганистана стало проведение международной конференции в Лондоне в конце 2014 г., где были рассмотрены актуальные вопросы внешней и внутренней политики Афганистана. Продолжением Лондонского процесса стала и очередная представительная международная конференция (более 100 государств и международных организаций, включая ООН), прошедшая в Брюсселе в начале октября 2016 г. под эгидой ЕС. Ее лейтмотивом стало подтверждение поддержки деятельности ПНЕ во всех сферах жизни афганского общества. Основным итогом конференции стало обязательство о выделении Афганистану до 2020 г. очередных 15,2 млрд. долл.[1]

Первым актом в области внешней политики НПЕ стало то, что и Гани, и Абдулло поддержали подписание соглашения между Афганистаном и США о сотрудничестве в сфере безопасности. Этим было обусловлено и продолжение финансовой помощи со стороны США. Американцам соглашение дает правовую основу для дальнейшего военного присутствия в Афганистане. Для Афганистана же это можно считать своего рода гарантией минимальной безопасности.

[1]Brussels Conference on Afghanistan (2016) Communique, 4-5 October. URL: http://mfa.gov.af/Content/Media/Documents/joint.communique.pdf

Во внешнеполитической части программы правительства ИРА не провозглашается открыто тезис об опоре на США и Запад. В Декларации саммита НАТО 2016 г. в Варшаве отмечалось намерение продлить миссию Альянса, предоставлять финансовое содействие Афганской национальной армии (АНА) до 2020 г. с последующим продлением до 2024 г. Но всё-таки основной упор был сделан на США. А новая стратегия США в отношении Афганистана была озвучена администрацией Д.Трампа в августе 2017 г. При этом акцентировались логистическое содействие национальным силам безопасности и отказ от прямого вмешательства в государственное строительство. Кроме того, в мае 2017 года на саммите НАТО было принято решение о расширении учебно-тренировочной миссии под названием «Решительная поддержка», где были предусмотрены подготовка и консультативные услуги национальным силам безопасности ИРА и дополнительное содействии афганским ВВС. На другом саммите НАТО в Брюсселе (июль 2018 г.) была подтверждена готовность стран-членов этого союза продолжить финансирование правоохранительных структуры ИРА до 2024 года.

Как утверждают эксперты, «в основу позиции США легли разработки одного из мозговых центров – «РЭНД корпорэйшн». Стратегия американцев по «пуштунизации» афганской власти состоит из двух элементов: прежде всего захватить или ликвидировать наиболее одиозных представителей антизападной коалиции, в которую входят как талибы, так и другие радикальные группировки, состоящие, в основном, из пуштунов, а затем пустить во власть «умеренных» талибов – пуштунских боевиков, чьим мотивом является этнический национализм, а не религиозный фундаментализм»[1].

В последние годы чаще всего говорят о создании в Афганистане так называемого «государства децентрализованной демократии», как одного из приемлемых вариантов для США. По замыслу авторов данной концепции, правительство в Кабуле сохраняет контроль над внешней политикой, право объявлять войну и применять законы, касающиеся наркотиков, таможенной службы и горнодобыва-

[1]Лаумулин М. Безопасность Центральной Азии в контексте ситуации в Афганистане после 2014 года // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т.16. Вып.3. С.11.

ющей отрасли, а также ограниченные полномочия по контролю над торговлей между провинциями. Таким подходом можно считать новую американскую «дорожную карту» в отношении Афганистана, которая вызвала среди афганцев неоднозначную реакцию. В частности, обращалось внимание на необходимость сотрудничества Вашингтона с другими государствами, прежде всего с Китаем и Пакистаном, а также с Россией в интересах продвижения мирного процесса и для стратегического ослабления «Талибан».

В числе соседних стран во внешнеполитической концепции ПНЕ выделялись Китай и Индия. Можно сказать, что в последние годы китайский вектор превратился в один из ключевых не только в региональной, но и в международной политике ИРА. А КНР получила статус «стратегического партнера» как США.

В программной речи А. Гани осенью 2014 г. Россия не была упомянута ни в каком контексте, что можно понимать как то, что отношения с ней не имеют особого значения для руководства ПНЕ ИРА. В то время у России есть намерение вернуться в Афганистан по разным причинам. Как отмечает А.Конаровский, «во-первых, по соображениям безопасности и геополитики, в частности, из стремления участвовать в решении проблем наркопроизводства и непосредственно наблюдать за действиями Вашингтона. Во-вторых, налаживая отношения с Кабулом, Россия, так же, как и все остальные «игроки», преследует экономические интересы; в первую очередь она нуждается в рынке сбыта своей военной продукции и в дополнительных источниках природных ресурсов»[1].

Ближайшие северные соседи Афганистана – государства Центральной Азии с оптимизмом следят за направленностью эволюции обстановки в этой стране, продолжая развивать экономические и политические связи с Кабулом в различных форматах.

В конце 2014г. было заключено трехстороннее соглашение с Афганистаном и Таджикистаном о совместном приграничном патрулировании в районе Ваханского коридора афганской провинции Бадахшан. Однако в силу обострения ситуации в этом районе из-за активизации боевых действий талибов эта договоренность реализо-

[1]Конаровский М.А. Афганистан: К некоторым итогам 2018 года. Ч.1 // Афганистан.Ру.

вана не была. Осенью 2016 г. на таджикской территории прошли двусторонние антитеррористические учения с Китаем.

В начале 2017 г. на двусторонних переговорах между правительствами Узбекистана и Афганистана был подписан ряд важнейших документов о развитии сотрудничества между странами, среди них двусторонняя торгово-экономическая «дорожная карта», реализация которой позволит в кратчайшие сроки довести показатели товарооборота до $1,5 млрд., протокол о намерениях по дальнейшему развитию взаимодействия в сфере транспортной инфраструктуры, предусматривающий участие узбекской стороны в совместных железнодорожных и автодорожных проектах, протокол о намерениях по созданию Совместной комиссии по вопросам безопасности[1].

Можно утверждать, что к настоящему время сотрудничество ИГА с соседними государства продолжает развиваться по следующим направлениям: продолжение Стамбульского процесса (Стамбульская декларация 2011г.) или Сердца Азия путем укрепления доверия; расширение торгово-экономической дипломатии; устранение кризисных ситуаций в формате двусторонних переговоров; диверсификация региональной политики; активизация дипломатии в отношение протекающих приграничных вод и близких (к Афганистану) водных ресурсов с соседями; приглашение к сотрудничеству по обеспечению мирного процесса в Афганистане; достойное, добровольное и поэтапное возвращение мигрантов и др.[2] Исламская Республика Пакистан рассматривает афганскую проблему с точки зрения соперничества великих и региональных держав (описание ситуации в терминах «Большой игры») как главный игрок; недвусмысленно высказывает опасения по поводу возможного усиления в регионе позиций Китая, Индии и США. Основное беспокойство Пакистана относительно дальнейшего развития ситуации в Афганистане связано с позициями Ирана и Индии.

Пакистан заинтересован в том, чтобы план по восстановлению и стабилизации Афганистана был инициирован и осуществлен им самим. Кроме того, предлагается привлечь к переговорному про-

[1]Адилходжаева С.М. Обострение ситуации в Афганистане: новые угрозы миру и пути их предотвращения // Сравнительная политика. 2017. Т.8. №4. С.75.

[2] Афғонистон дар сипехри хамкорихои минтакаи (Афганистан в контексте регионального сотрудничества).

цессу ОИК и Саудовскую Аравию, а о таких заинтересованных «игроках», как Китай, Россия, ШОС и ЕС, не упоминается вообще. По мнению пакистанских экспертов, США не должны настаивать на неизменности системы государственного устройства Афганистана, созданной в рамках Боннских соглашений. ПНЕ в рамках «стратегического партнерства» с Индией в качестве противодействия Пакистану проводило целенаправленную линию на дальнейшее расширение политических и экономических связей с Дели.

В последнее время ведется активная работа в рамках трехсторонних договоренностей Кабула, ИРИ и Индии о сооружении порта Чабахар в Персидском заливе[1]. Афганская сторона рассчитывает иметь там собственный морской терминал, что позволило бы ей существенно ослабить транзитную зависимость от Пакистана. Проявлением развития афгано-индийских связей стало и открытие осенью 2016 г. консульства ИРА в Хайдарабаде[2]. В свою очередь, Индия максимально заинтересована в выстраивании собственных механизмов влияния на афганскую ситуацию. Однако на этом пути она неизбежно столкнется с трудностями: как считают некоторые эксперты, Исламабад намеренно стремится сохранить сложную обстановку в пуштунской среде на случай нового индийско-пакистанского военного конфликта.

Как просматривается ситуация в начале 2019 года, однозначно можно сказать, что в силу своего географического положения, сложной внутриполитической ситуации, этноконфессиональной мозаичности и глубокой вовлеченности в теневую мировую экономику, Афганистан и по сей день остается в центре сложного переплетения интересов многих государств и различных сил. Невыполненными остается Соглашение (из 28 статей), подписанное между Гани и Абдулло при формирование ПНЕ. По утверждению Ашрафа Ганиво время пресс-конференции на Всемирном экономическом форуме в Давосе (информация «Тулу ньюс» от 25.01.2019г.), за последние 4-5 лет Афганистан покинули более 100 тысяч иностранных военнослужащих. А потери силовых структур власти в борьбе с террористами состав-

[1] Конаровский М.А. Указ.раб.
[2] Там же.

ляют 45 тыс. человек. За годы правления ПНЕ в стране были убиты 75 иностранных военных.

Перед президентскими выборами активизировал свою деятельность спецпредставитель США по делам Афганистана Залмай Халилзод с целью включения талибов в переговорный процесс с государствам.

Социально-экономическая ситуация вызывает не меньшую тревогу. Большинство населения Афганистана (53%) живет за чертой бедности, уровень грамотности не превышает 20%, более 40% населения не имеет постоянной работы. Социальная инфраструктура требует скорейшего восстановления. В афганских семьях рождаются в среднем по 7-9 детей. По прогнозам численность населения в этой стране к 2060 году может увеличиться до 90 миллионов человек. По данным продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН ФАО, Афганистан относится к числу стран, в которой проблема голода и недоедания стоит наиболее остро. Всемирная продовольственная программа ООН вместе с партнёрскими организациями опубликовали совместное исследование, согласно которому число жителей Исламской Республики Афганистан (ИРА), страдающих от серьёзного недостатка продовольствия, за последний год возросло с 4,7 до 5,9% населения страны, это более 1,5 млн. человек. Ещё 7,3 млн. афганцев находятся на грани голода[1].

Один год присутствия военного контингента обходится США в 8 млрд. долл., один военнослужащий обходится американскому бюджету в 1 млн. долл. США в год. Интерес США в Афганистане объясняется, во-первых, упрочением своего присутствия в Центральноазиатском регионе – стратегически важнейшем регионе мира. Во-вторых, энергетическим интересом. По оценкам специалистов в Афганистане нашли богатые залежи энергоресурсов – 4,5 млрд. баррелей нефти и 140 млрд. кубометров газа[2].

Как известно, к настоящему времени, по разным оценкам, вне реального контроля правительства находится почти от 40 до 60% территории страны.

---

[1]Бобкин Н.Н. От Сирии до Афганистана у США одно лекало // fondsk.ru. URL: http://www.fondsk.ru/news/2015/09/21/ot-sirii-do-afganistana-u-ssha-odno-lekalo-35530.htm

[2]Адилходжаева С.М. Указ. раб. С.76.

Движение «Талибан» финансируется некоторыми политическими силами Саудовской Аравии. А группировка ИГ финансируется представителями газового бизнеса Катара, которые выступают против газопровода из Туркменистана в сторону Восточной и Юго-Восточной Азии, так как сами являются главным поставщиком сжиженного газа в Пакистан, Индию и Китай. Они не заинтересованы в реализации газопровода ТАПИ (Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия), так как опасаются, что могут лишиться монополии на экспорт газа в вышеуказанные страны. Такие геополитические противоречия – путь к тупику.

Изучение ситуации в Афганистане позволяет сделать вывод, что коалиционные войска США и НАТО в Афганистане фактически взяли под контроль наркоплантации, производство и реализацию наркотиков. По данным таджикской разведки, в Афганистане действует до 400 лабораторий по производству героина, причем 80 из них находятся прямо вдоль афганской границы с Таджикистаном. Большинство наблюдателей склонно полагать, что наркотрафик на территории Афганистана контролируется напрямую Вашингтоном, а «продукция покидает страну на борту американских самолетов»[1].

Тем не менее, Афганистан остается привлекательной страной, обладая богатыми природными ресурсами. Как сообщается на сайте Australia-news.ru. (09.09.2014), одно из беднейших государств мира Афганистан, вполне возможно, обладает месторождениями редчайших минералов, которые могут сделать страну богатой и процветающей.

Геологическая служба США (USGS) ещё в 2004 г. начала проверку гипотезы об афганских месторождениях. А позднее в 2016 г. американцы повторно провели гравитационные, магнитные и гиперспектральные наблюдения над территорией Афганистана. Полученные данные позволили исследователям составить полноценную карту, на которой были запечатлены 70% территории Афганистана. Выяснилось, что в стране может быть 60 млн. тонн меди, 2,2 млрд. тонн железной руды и 1,4 млн. тонн редкоземельных элементов – лантана, церия и неодима, залежи алюминия, серебра, золота,

[1] Афганский наркотрафик без границ // Военное обозрение. URL: https://topwar.ru/139375-afganskiy-narkotrafik-bez-granic.html

ртути, цинка и лития. Например, залежи карбонатита в провинции Гильменд, предположительно, стоят 89 млрд. долл.

На том же сайте Джек Медлин, ведущий автор исследования, отмечает: «Афганистан – страна, очень богатая минеральными ресурсами. Мы определили потенциал, по крайней мере, 24 месторождений полезных ископаемых мирового класса». Специалисты оценили ресурсы Афганистана в 908 млрд. долл. Эти ресурсы обеспечат потенциал для Афганистана, что позволит стране развивать экономику, создавать рабочие места и строить современную инфраструктуру. Такие богатые природные ресурсы позволят мирному населению дать достойный отпор террористам и избавиться от их влияния навсегда!».

21 января 2019г. в Кабуле завершилась процедура регистрации кандидатов на пост президента Афганистана. Как ранее отметили в Независимой (Центральной) избирательной комиссии (НИК) страны, необходимые для регистрации документы получили свыше 80 человек. Однако заявления на регистрацию в качестве кандидата в президенты подали лишь 18 претендентов.

Независимая избирательная комиссия (НИК) обещает опубликовать официальный предварительный список кандидатов 5 февраля. Окончательный список кандидатов в президенты Афганистана будет оглашен после одобрения Комиссией по жалобам.

В заключение можно отметить, что за период нахождения у власти Правительства национального единства Афганистан так и не стал более безопасным для проживающих в нем граждан. Хотя «правительство национального единства показало себя как «проект неэффективных реформ», однако вряд ли можно согласится с некоторыми экспертами, что нынешнему правительству не удалось продвинуться в борьбе с коррупцией, сохранении гражданских и политических свобод, укреплении вертикали власти и либерализации афганского общества. При детальном анализе можно увидеть много положительного. Представляется, что суть развития современных политических процессов в Афганистане можно свести к тому, что внутри страны происходят конфликты, а о внешней сфере – сдвиги. Афганистан в полном состоянии стать членом цивилизованного мирового сообщества, если появится на это политическая воля руководства страны после избрания нового президента.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ И ПРОБЛЕМЫ МИССИИ ЗАЛМАЯ ХАЛИЛЗОДАПО ВЫВОДУ МИРНОГО ПРОЦЕССА ИЗ ТУПИКА

Искандаров Косимшо

Доктор исторических наук
Главный Ученый секретарь Академии наук Республики Таджикистан

Ситуация в Афганистане продолжает оставаться очень сложной. Террористические организации «Талибан» и Исламское государство (ИГ) усиливают террористическую деятельность, в результате которой ежедневно погибают десятки мирных жителей. Одной из особенностей террористической активности можно считать изменение тактики и направленность террористической деятельности, что может иметь более тяжёлые последствия. Речь идет о том, что террористические акты приобретают все более отчетливый межконфессиональный характер. Нападение на церемонии празднования дня рождения Пророка Мухаммада в одном из отелей 20 ноября 2018 г., в результате которого погибли более 43 и ранены 83 ученых богословов и религиозных деятелей, принявших участие в празднике, было самым кровавым актом в отношении суннитских религиозных деятелей[1].

Подобная акция, безусловно, направлена на раскол мусульманского общества, на нарушение единства мусульман разных конфессий. Вслед за этим 24 ноября в Кабуле неизвестные вооруженные люди застрелили суннитского религиозного деятеля, председателя Совета духовенства Кабула Абдул Басира Хаккани. Хаккани выпустил фетву, согласно которой террористические акты с использованием смертников являются «харамом» («недозволенным)». Он решительно осудил террористический акт против участников церемонии празднования дня рождения Пророка в ресторане гостиницы и заявил, что это дело рук тех, кто выступает за раскол мусульманской общины и разжигание межконфессиональной розни[2]. За эти

[1] Более 120 погибших и раненых в результате действий террориста-смертника на мероприятии, посвященном празднованию дня рождения Пророка в Кабуле. URL: https://fa.shafaqna.com/news/664194

[2] Спецпредставитель США провел переговоры с талибами. URL: https://www.golos-am eriki.ru/a/halilzad-talivban-talks-doha/4611628.html

высказывания он поплатился жизнью. Такой же характера имело нападение на мечеть в провинции Хост на востоке Афганистана 23 ноября 2018 г. Смертник привел в действие взрывное устройство в здании мечети, расположенной на территории военной части, где военнослужащие афганской национальной армии собрались на пятничный намаз. По сообщениям СМИ, по меньшей мере 26 человек погибли, еще около 50 получили ранения[1].

Следует отметить, что в Афганистане с появлением террористической организации «Велаяте Хорасан» – филиала террористической организации Исламское государство (ИГ) и раньше наблюдались террористические акты. Однако они были направлены против шиитов и шиитских религиозных церемоний. Например, 21 ноября 2016 г. взрыв произошел в мечети в районе Дар уль-Аман (Dar-ul-Aman) в Кабуле. В результате погибли 32 человека и более 50 получили ранения. Террорист-смертник привел в действие взрывное устройство внутри мечети. Целью террориста стали члены шиитского мусульманского сообщества страны. 11 октября 2016 г. в афганской столице на усыпальницу Сахи напали трое боевиков, переодетых полицейскими. Они обстреляли паломников, а один из них подорвал себя. При нападении погибли 18 человек[2] [7].

25 августа 2017 г. несколько боевиков совершили нападение на шиитскую мечеть имама Замана в Кабуле. Боевики убили охранников и ворвались в здание, один из боевиков подорвался рядом с мечетью. В результате нападения более 30 человек погибли, более 80 получили ранения[3].

24 июля 2017 г. смертник на автомобиле подорвал себя в Кабуле. Взрыв прогремел неподалеку от дома второго замглавы исполнительной власти Афганистана Мохаммада Мохакика (хазарейца-шиита), а 21 марта 2018 г. в Кабуле в районе Али Абад перед входом в университет произошел теракт. Смертник подорвал себя в толпе людей, которые направлялись к шиитскому мавзолею в связи с празднованием жителями страны праздника наступления весны и нового года – Навруза. Не менее 29 человек погибли, еще 52 по-

[1] Там же.
[2] Некоторые аспекты мира в Афганистане, ставшие известны на встрече в Абу-Даби. URL: https://www.ariaye.com/akhbar.html
[3] Там же.

страдали[1]. 9 марта этого же года в районе Кабула, где проживают хазарейцы, исповедующие ислам шиитского толка, произошел взрыв. Взрыв устроил террорист-смертник. Жертвами стали девять человек, еще 18 получили ранения[2]. 15 августа 2018 г. в шиитском квартале Дашти Барчи смертник подорвал себя в одном из образовательных учреждений. В результате погибли более 50 и ранены 70 человек[3]. Таких примеров много, и ответственность за все эти террористические акты берет на себя террористическая организация ИГ. Хотя многие эксперты убеждены, что к осуществлению этих террористических акций причастна не только террористическая организация ИГ. Пресс-секретарь президента ИРА Харун Чахонсури в ходе пресс-конференции заявил, что «между террористической атакой на мечеть воинской части в Хосте и атакой на штаб Военного корпуса 209 «Шахин» на севере Афганистана в 2017 г., в результате которой погибли сотни военнослужащих, имеются связи»[4]. Как известно, ответственность за нападение на штаб корпуса во время молитвы в армейской мечети взяло на себя движение «Талибан». Анализ террористической деятельности в последние годы показывает, что существует раздел функциональных обязанностей между террористическими организациями в ходе подготовки и осуществления террористических акций. В 2017 г. начальник Главного управления национальной безопасности Афганистана Масум Станакзай, после террора против рабочих в одной из шахт в провинции Баглан, выступая в парламенте страны, заявил, что существует интересная связь между террористами ИГ, «Талибан», Сетью Хакани и «Аль-Каида». Он добавил: «Если посмотреть на детали любой террористической акции, мы видим, что в каждой из них «Талибан» обеспечивает все необходимые средства для террориста, «Аль-Каида» выступает как разработчик плана и программы, непосредственно террористический акт осуществляется со стороны «Сети

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Залмай Халилзод: и США и Россия выиграют от урегулирования афганского конфликта. URL: https://www.golos-ameriki.ru/a/zalmay-khalilzad-russia-afghanistan/4690856.html
[4] Спецпредставитель США провел переговоры с талибами. URL: https://www.golos-am eriki.ru/a/halilzad-talivban-talks-doha/4611628.html

Хаккани», а в результате ответственность, как правило, берет на себя ИГ»[1].

Таким образом, в конце 2018 г. мы наблюдаем уже обратный процесс – жертвами террористических атак становятся суннитское духовенство и суннитские религиозные церемонии. В том и другом случае ответственность берут на себя те же террористические организации.

К сожалению, развитие событий в Афганистане все явнее показывает тенденцию усиления межконфессиональной розни. Хотя в последние четыре десятилетия, в течение которых продолжается война в Афганистане, конфликты никогда не носили межконфессиональный характер. Никогда не было суннитско-шиитского противостояния. Последователи всех конфессий отвергали межконфессиональную рознь.

Одним из важнейших факторов, обеспечивающих победу афганского народа над британскими захватчиками и Советской Армией, было именно этнорелигиозная единство народа. По этой причине зарубежные доноры терроризма теперь стремятся разжечь религиозную, межконфессиональную войну в Афганистане. Эксперты считают, что это явление пришло извне, т.е. оно «импортное». Сначала оно появилось в Пакистане, когда террористические акты совершались против шиитов и шиитских религиозных церемоний. В настоящее время заинтересованные силы пытаются распространить этот вид терроризма в Афганистане, и очень трудно выявить истинных спонсоров террористических акций среди экспертов и специалистов существуют различные мнения. В недавних террористических нападениях на религиозные церемонии и убийствах улемов в Афганистане некоторые эксперты усматривают возможное участие иностранных спецслужб. После вторжения Советской армии в Афганистан в конце 70-х годов прошлого столетия Афганистан превратился в центр деятельности спецслужб многих стран мира, которые создали широкие агентурные связи и пытаются, разными способами, в том числе посредством организации террористических атак, защитить интересы своих государств в этой стране. Не-

[1] Спецпредставитель США провел переговоры с талибами. URL: https://www.golos-am eriki.ru/a/halilzad-talivban-talks-doha/4611628.html

которые страны не заинтересованы в тенденции развития событий в Афганистане, включая появление определенного просвета в мирном решении афганского конфликта, так как, возможно, это противоречит их интересам. Террор против религиозных деятелей, последователей самого умеренного в исламе течения ханафитского толка происходит в условиях, когда они, т.е. улемы, усилили сопротивление против распространения идеологии салафизма в Афганистане. Как известно, еще в годы войны с просоветским режимом и Советской армией некоторые влиятельные исламистские круги пытались распространить ваххабизм в Афганистане, однако не достигли в этой цели полной мере.

В этой сложной и весьма запутанной ситуации активизируется стремление некоторых государств, таких как Россия, Узбекистан, страны Персидского залива, сдвинуть с мертвой точки переговорный процесс.

Как известно, 27 марта 2018 г. Ташкент стал местом международной конференции по поиску путей мирного решения афганского конфликта. В работе конференции приняли участие представители 23 государств, а также нескольких международных организаций – ООН, Евросоюза, НАТО и ОДКБ, президенты Узбекистана и Афганистана Ш.Мирзияев и Мухаммад Ашраф Гани. По итогам конференции стороны приняли декларацию, в которой признали процесс примирения, наряду с антитеррористическими и антинаркотическими операциями, необходимым условием восстановления мира и благополучия в Афганистане и регионе в целом[1].

9 ноября 2018 г. состоялись Московские консультации по Афганистану. Впервые в них приняли участие представители «Талибан». Однако официальный Кабул воздержался от отправки в Москву официальных представителей. Туда прибыли представители «Высшего совета мира».

В конце сентября 2018 г. Администрация США назначила специального представителя в ранге советника Государственного департамента по примирению в Афганистане Залмая Халилзада.

[1] Страны-участницы Ташкентской конференции приняли декларацию по мирному процессу. URL: http://afghanistan.ru/doc/119584.html

Залмай Халилзод – опытный американский дипломат афганского происхождения, член Республиканской партии США, имеет большой опыт по налаживанию переговоров между различными политическими силами и принятию конкретных решений проблем как в Афганистане, так в Ираке, будучи послом в этих странах.

Некоторые эксперты уверены, что до назначения его представителем по ведению переговоров Залмай Халилзод тайно встречался с представителями «Талибан» в Катаре и Объединенных Арабских Эмиратах[1], затем 31 сентября 2018 г. был назначен специальным послом США для ведения официальных переговоров с талибами.

После назначения на этот пост он посетил Афганистан, Пакистан, Саудовскую Аравию, Катар и Объединенные Арабские Эмираты. Талибы официально подтвердили факт встречи и переговоры, состоявшиеся 13 октября 2018 г. с Залмаем Халилзодом[2]. После многочисленных встреч и переговоров он вернулся в Афганистан и предоставил афганскому правительству результаты поездки для дальнейших действий. В Кабуле он встречался с президентом Мухаммадом Ашрафом Гани и премьер-министром (Исполнительный председатель) Абдуллой Абдуллой, с лидером партии Исламского призыва (Даават-е исламе) Абдулом Рабом Расулом Сайяфом, руководителем Исламской партии Афганистана Гулбуддином Хекматияром, а также имел отдельные встречи с другими влиятельными политиками, которые особо не афишировались. В интервью средствам массовой информации Залмай Халилзод заявлял, что будет использовать все свои знания и опыт для достижения мира в Афганистане, а также призвал правительство Афганистана и талибов назначить своих представителей для ведения переговоров.

После поездки Залмая Халилзода в Пакистан правительство этой страны как жест доброй воли и в целях содействия мирному процессу освободил из тюрьмы одного из влиятельных лидеров «Талибан» Мулла Абдул Гани Барадара, который 8 лет содержался в пакистанской тюрьме.

---

[1] Глава МИД Туркменистана и спецпредставитель США обсудили ситуацию вокруг Афганистана. URL: https://sng.today/ashkhabad/8594-glava-mid-turkmenistana-i-specpredstavitel-ssha-obsudili-situaciju-vokrug-afganistana.html

[2] Страны-участницы Ташкентской конференции приняли декларацию по мирному процессу. URL: http://afghanistan.ru/doc/119584.html

После месячного перерыва 10 ноября началась вторая рабочая поездка Залмая Халилзода в Афганистан. В тот же день он встретился с президентом Афганистана, а затем продолжил свои встречи с влиятельными политиками страны, стремясь заручится их поддержкой в мирном урегулировании конфликта. В частности, Залмай Халилзод встретился с Атой Мохаммадом Нуром-Председателем исполнительного комитета партии «Исламское общество Афганистана» (ИОА), лидером Национального исламского движения Афганистана» (НИДА), первым вице-президентом ИРА генералом Абдулом Рашидом Дустумом, с влиятельным полевым командиром ИОА в годы джихада, а затем министром энергетики и водных ресурсов Афганистана Мухаммадом Исмаилом Ханом и другими.

В центре внимания Залмая Халилзода во время этих встреч был вопрос мирного процесса и перспективы мирных переговоров с представителями «Талибан». Из интервью З. Халилзода после каждой встречи создается впечатление, что в Афганистане как никогда появились шансы для прекращения войны.

Свой второй визит Залмай Халилзод совершает после московских консультаций, которые состоялись 9 ноября 2018 г., с участием представителей «Талибан». Как известно, талибы в Москве подтвердили свою прежнюю позицию: это вывод иностранных войск из Афганистана, прямые переговоры с Соединенными Штатами, отказ вести переговоры с Правительством национального единства. Вместе с тем представители «Талибан» заявили, что готовы взаимодействовать с влиятельными афганскими партиями вместо правительства.

После встреч и бесед Залмая Халилзода с представителями «Талибан» и ряда стран в политических кругах Афганистана бурно обсуждаются возможности переноса президентских выборов, намеченных на 20 апреля 2019 г., и возможности формирования временного правительства с участием «Талибан». Позиции политических сил разные, но многие выражают свое согласие на формирование Временного правительства при условии, что оно будет предназначено для лучшей подготовки и проведения выборов, а не передачи власти талибам, а также сохранения достижений 17-летнего посталибовского периода развития Афганистана.

Специальный представитель США по афганскому примирению Залмай Халилзод, понимая важность позиции России и соседних стран в мирном урегулировании конфликта в Афганистане, 7 декабря посетил Москву и встретился с директором Второго департамента Азии МИД России Замиром Кабуловым и заместителем российского министра иностранных дел Игорем Моргуловым[1]. Стороны обсудили вопросы, связанные с выводом из тупика мирного процесса в Афганистане.

Залмай Халилзод 10 декабря вел также переговоры в Ташкенте с министром иностранных дел Узбекистана Абдулазизом Камиловым и президентом Шавкатом Мирзияевым. Стороны подтвердили приверженность позиции, что афганская проблема не имеет военного решения, и отметили значимость международных усилий по содействию политическому разрешению многолетнего конфликта. При этом они высоко оценили результаты Ташкентской конференции по Афганистану, состоявшейся в марте 2018 г.[2]

11 декабря Залмай Халилзод и министр иностранных дел Туркменистана Рашид Мередов обсудили в Ашхабаде ситуацию вокруг Афганистана. Особое внимание они уделили готовности президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова предоставить политико-дипломатическое пространство для подготовки налаживания мирного процесса в соседнем Афганистане[3]. В связи с этим напрашивается вопрос, почему З.Халилзод не приехал в Таджикистан, который имеет уникальный опыт мирного решения вооруженного конфликта 1992-1997 гг.? Кроме того, Таджикистан имеет самую протяженную границу с Афганистаном, а Президент Таджикистана – Лидер нации Эмомали Рахмон больше всех руководителей Центральной Азии выступает с призывами и инициативами по мирному решению афганского конфликта. Нам представляется, что опыт межтаджикского переговорного процесса и личный опыт Президента Республики Таджикистан будут весьма полезными для Афганистана.

---

[1] Залмай Халилзод обсудил с узбекским руководством вопросы афганского примирения. URL: http://afghanistan.ru/doc/125369.html

[2] Крупные теракты в Афганистане в 2016-2018 годах. По материалам, подготовленным на основе информации РИА Новости. URL: https://ria.ru/spravka/20180422/1519161521.html

[3] ДАИШ взяла ответственность за нападение на Образовательный центр в Кабуле. URL: http://af.farsnews.com/politics/news/13970525000642

После серии встреч и переговоров Залмая Халилзода в общественных и политических кругах Афганистана появилась надежда, что ему удастся при содействии стран, имеющих влияние на талибан, посадить их за стол переговоров с представителями официального Кабула.

Президент Афганистана Ашраф Гани так же объявил о формировании комиссии из 12 человек во главе с начальником Администрации президента Абдусаломом Рахими для ведения переговоров с талибами. Тем не менее, представители «Талибан» пока остаются при своем мнении и придерживаются прежних условий: полный вывод иностранных войск, исключения представителей «Талибан» из черного списка ООН, освобождение из тюрем талибов и т.д. Хотя в СМИ появились сообщения о том, что талибы готовы пойти на уступки и войти во временное правительство, но никаких признаков смягчения их позиций не наблюдается. Между тем, США торопятся достичь какого-то успеха и сдвинуть с мертвой точки мирный процесс. Агентство INTERFAX со ссылкой на американскую газету Wall Street Journal сообщило, что президент США Дональд Трамп отдал распоряжение о выводе из Афганистана части американских военных[1] [12]. Сообщается, что будет выведено 7 тысяч военнослужащих, половина 14-тысячного американского военного контингента в этой стране. Однако не понятно, насколько этот шаг президента США удовлетворит талибов. Как известно, президент Афганистана Гани готов идти на большие уступки вплоть до изменения конституции и легализации «Талибан» как политической партии и т.д. Это было заявлено в ходе международной конференции «Кабульский процесс-2» 28 февраля 2018 г. Однако талибы пока не сделали ни одного шага навстречу правительству Афганистана и мировому сообществу.

Кабул надеялся, что в переговорах в Абу-Даби смогут принять участие представители афганского правительства. Возможно, Залмай Халилзод давал определенные обещания Ашрафу Гани. Переговоры состоялись 17 декабря 2018 г. с участием представителей Пакистана, Саудовской Аравии, ОАЭ, «Талибан» и США. Три

[1] Трамп приказал сократить численность американских войск в Афганистане. URL: https://www.interfax.ru/world/643401

страны в свое время официально признали Исламский Эмират «Талибан», а США совместно с другими странами оказали содействие процессу формирования этого движения. Делегация Афганистана поехала в Абу-Даби, однако талибы не согласились сесть за стол переговоров с посланцами Ашрафа Гани. Это обстоятельство, конечно, не могло не расстроить официальный Кабул. Пресс-секретарь президента ИРА Харун Чахонсури заявил, что «группа «Талибан» своим поведением в Абу-Даби показала, что не имеет никакого стремления к установлению мира и преследует свои военные цели в регионе»[1].

В то же время пресс-секретарь движения «Талибан» Забеуллах Моджахед после встречи в Абу-Даби на своей странице в социальной сети написал, что не было необходимости участия делегации официального Кабула на этих переговорах, так как обсуждались вопросы, касающиеся внешних аспектов конфликта в Афганистане, прежде всего вывода американских войск. По его словам, США являются стороной войны в Афганистане и кабульский режим является частью американской стороны. Кабульский режим, по его мнению, существует благодаря помощи США. Он добавил, что если все же правительство Афганистана желает вступить в переговоры с Эмиратом «Талибан», оно должно немедленно денонсировать «Договор о безопасности» со США, потребовать от американцев, чтобы они покинули Афганистан, и начать расследование преступлений, совершенных ими. В таком случае появится условие для ведения переговоров[2].

Таким образом, несмотря на определенный оптимизм, все же путь к миру в Афганистане представляется нелегким. Если руководство «Талибан» действительно желает мира и стабильности в Афганистане, оно должно сделать встречные шаги, продемонстрировать политическую волю. Полный вывод американских войск без обеспечения относительного мира и согласия между противоборствующими сторонами повлечет за собой непредвиденные последствия. В Афганистане и за пределами этой страны хорошо помнят опыт Советского Союза и последствия вывода войск для правительства Наджибуллы в 1992 году.

[1] С усилением террористических атак в Афганистане ситуация с безопасностью становится более запутанной. URL: https://www.ariaye.com/akhbar.html
[2] Там же.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ РАДИКАЛЬНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА НА ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

Абулов Гаджиахмед Шабанович
Заместитель председателя Международный Союз городов героев, член Совета "Конгресса азербайджанцев мира" (КАМ)

Говоря о проникновении террористов из стран Ближнего Востока и Афганистана на территорию постсоветских государств, мы упускаем два очень важных аспекта. Первый аспект. Быстрое и серьёзное повышение военного искусства и военной мощи глобального терроризма. Второй аспект. Отсутствие системной культурной патриотической воспитательной работы со здоровым большинством мусульманской молодёжи.

Боевики не только оттуда едут в постсоветское пространство, но и обратно едут туда. При этом отсюда уже едет часто не фанатик-боевик, а дисциплинированный, идеологически мотивированный, получивший обучение по высоким советским военным стандартам, не боящийся бомб и ракет регулярной армии солдат глобальной антимусульманской по своему духу террористической армии. К этому надо всем нам отнестись серьёзно. Нынешнее геополитическое давление глобального терроризма на страны Кавказа и Центральной Азии не будет результативным, если мы правильно поймём стратегическую цель управляемого американцами и Западом глобального терроризма и отстроим национальные и общеевразийские защитные щиты.

Да, часто указываемые геополитические цели США на Каспии и в Центральной Азии – нефть, газ и другие полезные ископаемые — таковыми являются. Однако конечные геостратегические цели намного серьёзнее и для нас опаснее, чем просто вывоз стратегического сырья. Глобальный терроризм действительно является глобальным, но в разных регионах и странах мира он проявляется поразному, хотя нити управления в одних руках – в руках США.

В странах Евросоюза ближней видимой задачей глобального терроризма является ускорение прихода к власти нацистских партий. В случае Федеративной Республики Германии такой партией является партия AfD, Alternative fur Deutschland, "Альтернатива для

Германии". В случае Венгрии, Франции, Австрии, Чехии и других стран это быстро дрейфующие от националистической позиции к нацистской политические партии, при этом их лозунги, позиции, зачастую и тактика политической борьбы совпадают с таковыми у "Альтернативы для Германии". Везде исламский терроризм является лишь понятным обществу и элите основанием к идеологическому развороту от либерализма к нацизму. А вот конечная геостратегическая американская задача в Европе – формирование нацистского германо-европейского военного кулака. Без глобальных террористов этого не достичь.

В случае наших евразийских стран геостратегической целью американцев и управляемого ими глобального терроризма является уничтожение самих нынешних наших государств Кавказа и Центральной Азии, а в случае такого мощного в военном отношении государства, как Россия, хотя бы ослабление по всей южной границе российской географии, выбивание на Кавказе и в Центральной Азии целых стран из числа союзников России.

Речь необязательно идёт о геополитическом развороте кавказских или центральноазиатских стран, речь может идти и о создании постоянного управляемого извне хаоса гражданского противостояния, скрытой и открытой гражданской войны. Глобальный терроризм с упомянутой выше хорошей военной подготовкой и высоким военным искусством является самым эффективным военно-политическим оружием для достижения этой стратегической цели уничтожения государств.

Второй аспект ещё более важен. Аспект ценностный, идеологический. Помимо военных, офицеров и сотрудников спецслужб и других правоохранительных органов щит должен держаться на исламской мусульманской молодёжи. На одной лишь патриотической пропаганде достичь этого невозможно. Это задача и национальная для каждой страны, и общая евразийская. А также, по своему содержанию, светская образовательная, мусульманская просветительская, народная воспитательная с привлечением аксакалов и авторитетных для молодёжи лидеров мнений. И, безусловно, это задача идеологическая. Надо быстро и кардинально пересмотреть взгляд на транслируемую молодёжи и народу картину мира, систему ценностей.

Сегодняшняя ситуация – это следствие упущений и ошибок 1980-1990-х годов, а также допущение тогда в наши общества чужой картины мира, чуждой системы ценностей, слепой и наивной позиции старой политической элиты в отношении к собственным народам.

На этот счет ещё в 12-м веке великий азербайджанский поэт, философ и мыслитель Низами Гянджеви предупреждал все народы:

Ранний весенний ветер может тепло предвещать,

Но потушит, не стоит его с огоньком в руке встречать.

Мы наивно встретили в 1990-е ветер западной демократии, и он потушил огонь, тепло нашего очага. Давайте прислушаемся к учению великого мыслителя. Давайте спасём нашу географию от навязанной нам беды! Все ныне страдающие от этой страшной беды народы верят нам и возлагают надежду, что мы как и не раз прежде одержим триумфальную победу. Западные державы стараются скрыть свою военную экспансию через управляемый ими глобальный терроризм различными методами, выдавая за правду за свою ложь.

Великий Низами на этот счёт сказал:

Только тот достоин вечной славы, кто добра

Людям хочет, ценит правду выше серебра!

ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТАДЖИКИСТАНА УГРОЗЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В РЯДЫ РАДИКАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Мирвайсов Мамуржон Суфиевич
Старший научный сотрудник
Руководитель отдела международных связей
Академии наук Республики Таджикистан

Актуальность проблемы, обозначенной в названии доклада, обусловлена современной геополитической обстановкой, ростом числа радикальных организаций в регионах мира и использованием современных информационно-коммуникативных средств и технологий по привлечению молодежи в свои ряды. Все вышеуказанные обстоятельства, а также нарастание террористической угрозы в Центральной Азии вызывает острую необходимость выработки эффективных мер по противодействию радикализации молодежи. Использование современных информационно-коммуникативных средств стало основой для создания всемирной сетевой структуры радикальных организаций, что в свою очередь, увеличивает их потенциала в нынешних условиях.

Следует отметить, что Интернет превратился в неотъемлемую часть жизни молодежи, тем самым предлагая широкий спектр новых возможностей для общения, развлечений и образования. Однако для террористов, экстремистов и приверженцев радикальных организаций Интернет стал основным средством пропаганды, средством вербовки и подготовки «новобранцев», а также платформой для создания глобальных онлайн-сообществ, целью которых является распространение радикальных взглядов[1].

Возможности глобальной сети широко используются практически всеми крупными международными террористическими структурами для информационно-пропагандистских целей с учетом ее доступности и популярности среди молодежи.

[1] Формы и методы противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи. Роль и задачи образовательных организаций: материалы научно-практической конференции (Москва, 26-27 ноября 2015 г.). М., 2015.

Согласно проведенного зарубежными специалистами анализу использования террористическими и экстремистскими организациями ресурсов глобальной сети Интернет, в 1998 году террористические структуры поддерживали в развивающейся на тот момент «всемирной паутине» всего 12 сайтов. Уже к 2005 году их насчитывалось около 4800, а в настоящее время, по оценкам экспертов, – около 10 тысяч. Кроме того, в сети функционирует большое количество новостных агентств и сайтов напрямую не связанных с террористическими организациями, но разделяющих их идеологию и оказывающих террористам поддержку в различных формах. Многие сайты специально постоянно меняют свой адрес, а в структуры экстремистских и террористических объединений все чаще входят специалисты, как правило, из числа молодых программистов, владеющие навыками компьютерного взлома и т.п.[1]

По мнению экспертов, террористические и радикальные организации также используют возможности активных интернет-блогеров, которые за свои услуги получают большие деньги.

Имеются данные о том, что на пространстве стран СНГ вербовкой занимаются почти 97 тысяч вербовщиков, более 5 тысяч вербовщиков работают на русском языке. А сайтов, которые проводят информационно-пропагандистскую и экстремистскую деятельность и информационную пропаганду на пространстве СНГ, более 57 тысяч, из которых удалось закрыть лишь 50 тысяч. Вербовка, в том числе, осуществляется посредством специальных сайтов, а также сотовых телефонов на фейсбуке, одноклассниках, твиттере и других блогах и сайтах[2].

По данным журнала «Мусульманский мир», для реализации информационной политики радикальных и террористических организаций в различные годы были созданы развитые медиа-структуры: в 2006 г. – «Аль-Фуркан» (ИГИЛ и «Аль-Каида»), в 2013 г. – «Айнад» и «Итисаам» (ИГИЛ), в 2014 г. – «Аль-Хайят» (ИГИЛ), которые производят и распространяют контент на арабском, англий-

[1] Попова В.В. Методические рекомендации по совершенствованию пропагандистской работы в сфере противодействия распространению идеологии терроризма в субъектах Российской Федерации. М., 2013. 46 с.
[2] Рахмонова А.С. Интервью корреспонденту «Медиа-клуба «Согдиана». Душанбе, 2017. URL: http://sogdiana.tj/main/8701-o-sovremennyh-radikalnyh-ekstremistskih-i-terroristicheskih-organi-zaciyah-o-ih-vliyanii-na-bezopasnost-i-stabilnost-respubliki-tadzhikistan-i-centralnoy-azii.html

ском, немецком, русском и французском языках. Производимая ими медиапродукция (видео, аудио и печатные материалы) нацелена на привлечение новых участников в террористическую группировку из западных и восточных стран. Специалистами, привлеченными в террористические организации, создаются также аккаунты на различных языках в наиболее популярных социальных сетях: Facebook, Twitter, Instagram, Friendica и др., через которые распространяют необходимую информацию, ведут пропаганду и вербуют новых сторонников.

Эксперты отмечают феномен «самовербовки», когда мышление пользователей глобальной сети в результате фиксированной обработки человеческого подсознания радикализуется, в результате чего они сначала симпатизируют, далее активно ищут контакты с представителями экстремистских и террористических структур.

Противодействия, пресечение, профилактика и блокировка экстремистских сайтов затруднены по той причине, что хостинг и размещение почти всех электронных ресурсов физически находятся за пределами территории стран Центральноазиатского региона. Общеизвестно, что, кроме радикальных группировок, террористических и экстремистских организаций, есть заинтересованные силы, которые содействуют этим организациям в предоставлении хостинга, домена и сервиса, и это означает, что далеко не всегда субъектом подобной подрывной деятельности выступают медиаресурсы радикальных и террористических организаций. Анализ показывает, что в отношении государств региона и партнеров ведется открытая информационная война, а радикализация наших граждан во многом является прямым результатом внешнего воздействия.

На данный момент можно уверенно говорить об экстремизме и терроризме как о политически и социально взаимосвязанных явлениях, направленных на дестабилизацию целых государств и регионов.

В Таджикистане в настоящее время насчитывается около трех миллионов пользователей Интернета, из которых свыше 80% вольно или невольно получают доступ к материалам экстремистского характера. Некоторые молодые люди в недалёком прошлом имели свободный доступ для беседы на таджикском языке с участниками боев в Сирии из Таджикистана. Некоторые вербуемые из нашей

республики как раз попали к ним через эти сайты и телефонные звонки.

Республика Таджикистан последовательно реализует долгосрочную стратегию, направленную на искоренение радикализма и экстремизма в рамках «Национальной стратегии по борьбе с терроризмом и экстремизмом на 2016-2020 гг.». Стратегия нацелена на тщательный анализ факторов и тенденций в сфере экстремизма и радикализации в обществе, ведущих к терроризму на территории страны.

На первом этапе ответственными государственными структурами разработан справочник об экстремистских и террористических организациях, включая их полный перечень, идейные платформы, описание различных методов вербовки и примеры организованных ими терактов.

В рамках Национальной концепции выпущены брошюры, создано несколько интернет-сайтов на таджикском и русском языках, посвященных вопросам предупреждения и борьбы с радикализмом и экстремизмом. Разработаны и распространены бесплатные информационные пособия, постоянно ведутся просветительские лекции и семинары на тему "Ислам против террора", освещающие гуманистические идеи Корана и Сунны. Одним из основных пунктов является предупреждение экстремизма и формирование культуры толерантности в религиозной среде.

Проводятся определенные работы по выявлению и блокировке сайтов, распространяющих экстремистские материалы усиливаются работы по созданию антиэкстремистских веб-сайтов.

Стратегия предполагает совместную работу всех ветвей власти, неправительственных организаций, экспертов и преподавателей с населением и всеми слоями общества, а также усиление международного и регионального сотрудничества в области борьбы с терроризмом.

Решением Верховного Суда Республики Таджикистан от 15 апреля 2015 г. 16 организаций признаны террористическими и экстремистскими и их деятельность на территории Республики Таджикистан запрещена: «Хизбут-тахрир», «Аль-Каида», «Исламское движение Восточного Туркестана», «Исламская партия Узбекиста-

на», «Талибан», «Братья-мусульмане», «Армия Тайиба», «Исламское общество Пакистан», «Джамъияти Таблигот», Религиозно-миссионерская организация «Созмони Таблигот», «Тоджикистони Озод», «Джамаат Ансарулах», «Салафия», «Группа 24», «Исламское государство», «Джабхат ан-Нусра» и ПИВТ.

МВД и ГКНБ РТ являются основными субъектами противодействия экстремистской деятельности, на которых возложены функции по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений экстремистской направленности. На базе подразделений по борьбе с организованной преступностью созданы подразделения по противодействию экстремизму.

Руководство Таджикистана осознает всю опасность деятельности экстремистских и террористических организаций, в том числе и вербовки новых членов, и в связи с этим реализует комплексные мероприятия различного уровня по борьбе с ней.

Выступая в мае 2018 г. на международной конференции «Противодействие терроризму и насильственному экстремизму» в г.Душанбе, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон подчеркнул: «Одним из факторов развития экстремизма и терроризма является широкое использование террористическими организациями современных информационных технологий, в особенности интернет-сетей, в целях пропаганды экстремизма, привлечения в свои ряды новых членов, их подготовки и стимулирования к разрушительным действиям. Исходя из этих соображений, укрепление международного и регионального сотрудничества, в том числе обмен информацией по действенным методам и способам прослеживания подобных сайтов, их удаление из сети Интернета и оказание взаимной помощи в этом направлении, является важным условием успеха в борьбе с киберпреступностью»[1].

В настоящее время в Республике Таджикистан применяется многоуровневая система противодействия терроризму и вовлечению молодежи в радикальные организации.

Первый уровень реализуется за счет принятия новых и внесения изменений в уже существующие нормативные правовые акты.

[1] Рахмон Э. Выступление на Международной конференции “Противостояние терроризму и насильственному экстремизму”, г.Душанбе. 2018 г. URL: http://www.president.tj/ru/node/17565

Правовую основу общегосударственной системы противодействия терроризму составляют: Конституция Республики Таджикистан, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Республики Таджикистан, конституционные законы, нормативные правовые акты, Стратегия национальной безопасности Республики Таджикистан до 2020 года, Концепция внешней политики Республики Таджикистан, Военная доктрина Республики Таджикистан, Концепция противодействия терроризму, а также нормативные правовые акты РТ, направленные на совершенствование деятельности в данной области.

Так, в Республике Таджикистан разработаны и приняты следующие основополагающие нормативные акты, регулирующие деятельность государственных структур в борьбе с терроризмом, экстремизмом и радикальными организациями:

- Закон Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом», был утвержден Президентом Республики Таджикистан 16 ноября 1999 г.
- За историю существования Закона Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом» в него вносились изменения и дополнения в соответствии с меняющейся внутренней и международной ситуацией, а именно в 2005, в 2007, в 2008, в 2012, в 2013, в 2014, в 2015 гг. и в последний раз в 2018 г.;
- Закон Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом», утвержден 8 декабря 2003 г.;
- Закон Республики Таджикистан «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», утвержден 25 марта 2011 г.;

Следующие имеющиеся соответствующие статьи УПК РТ и внесенные изменения и дополнения в нем касаются правонарушений с использованием информационных технологий:

- за вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению с использованием сети Интернета предусмотрено наказание от 10 до 15 лет лишения свободы (Статья 179);

- за публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя РТ с использованием интернета предусмотрено наказание от 8 до 15 лет лишения свободы (Статья 307);
- за организацию или участие в деятельности экстремистской организации с использованием Интернета предусмотрено от 5 до 8 лет лишения свободы (Статья 307);
- за подготовку или планирование агрессивной войны с использованием Интернета предусмотрено наказание: от 5 до 10 лет лишения свободы (Статья 395).

Второй уровень – выявление и раскрытие преступлений экстремистского характера в сети Интернет и привлечение к административной и уголовной ответственности лиц, совершающих эти правонарушения. Эти меры так же являются эффективным направлением противодействия вовлечению молодежи в радикальные организации посредством Интернета, позволяющий сократить количество материалов экстремистской направленности в сети и привлечь к ответственности наиболее активных радикалов и рекрутёров.

Третий уровень предусматривает проведение на базе образовательных организаций среднего и высшего образования профилактических работ, лекций и семинаров с населением, по противодействию экстремизму с участием сотрудников правоохранительных органов совместно с представителями Министерства образования и науки, Академии наук и других государственных учреждений Республики Таджикистан.

На этом фоне, по мнению экспертов, необходимо объективно исследовать причины и факторы, способствующие совершению такого рода тяжких преступлений. Предлагается наряду с применением уголовно-правовых мер улучшить и социально-экономические условия с учетом решения вопросов, связанных с безработицей, вовлечением граждан в обсуждение реальных проблем и особенно поддержки гражданских инициатив.

По статистике в Таджикистане в Интернете сидит, в основном, молодое поколение – от 15 то 30 лет. Несовершеннолетние могут ставить лайк или делиться постами, даже не зная сути публикации и не подозревая, что это противозаконно. В этой связи, наряду с уголовным преследованием, активно ведутся разъяснительные ра-

боты среди различных социальных категорий таджикского общества. Учителя и профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, активисты общественных организаций совместно с представителями правоохранительных органов в рамках социального партнерства ведут существенную работу в обществе, особенно среди детей, подростков и молодёжи.

Четвертый уровень – блокировка интернет-ресурсов, содержащих экстремистские материалы. Этот правовой механизм реализуется на основании Закона Республики Таджикистан «Об информации» (в редакции Закона РТ от 03.07.2012г.№848).

Статья 37. Недопустимость злоупотребления правом на информацию.

Запрещается использование информации против основ конституционного строя и государственной безопасности, против информационной безопасности в целях разжигания расовой, национальной розни, местничества, религиозной и языковой розни, войны, информации, призывающей к насилию, террористической и экстремистской деятельности, социальной вражде, посягательству на личность, права и свободы человека и гражданина, запрещается пропаганда и реклама безнравственного и аморального образа жизни (порнографии) (в редакции Закона РТ от 03.07.2012г.№848).

Пятый уровень – применение механизма прощения лиц, примкнувших к радикальным организациям, но не совершивших тяжких преступлений. Опираясь на миротворческий опыт нашей страны, который положительно оценен мировым сообществом, наряду с беспощадной борьбой против терроризма и экстремизма, активно применяется механизм мирных способов и методов решений указанной проблематики. В результате совершенствования информационно-психологических, в том числе пропагандистских, мер по профилактике терроризма и экстремизма, по некоторым данным, с 2010 года наша страна вернула более 3000 граждан страны, обучавшихся в религиозных вузах за рубежом. Сотни лиц, выехавших неосознанно в зарубежные страны и примкнувших к радикальным организациям, были возвращены на Родину и в отношении указанного контингента применена амнистия.

Необходимо активизировать деятельность по противодействию терроризму и экстремизму в следующих направлениях:

1. Систематизация и унификация религиозного образования. Организация подготовки кадров мусульманского духовенства на территории РТ, которые могли бы объяснить верующим суть еретических течений в исламе. Представляется необходимым использование потенциала духовенства в противодействии религиозно-экстремистским проявлениям.

2. Усиленная работа научных организаций по усовершенствованию надлежащих методических и аналитических пособий по противодействию экстремизму.

3. Анализ и контроль процесса временного нахождения наших жителей в государствах с нестабильной военно-политической обстановкой, на постоянной основе правоохранительными органами.

4. Вводить в программу обучения во высших учебных заведениях, отдельные курсы по противодействию экстремизму и терроризму.

5. В региональном масштабе проводить ряд крупных студенческих и преподавательских образовательных и конкурсных мероприятий и программ во время зимних и летних каникул с целью нахождения оптимальных форм и методов противодействия современным нетрадиционным угрозам и вызовам безопасности среди студенческой молодёжи и учащихся старших классов образовательных учреждений.

6. Применить на практике опыт Республики Таджикистан по возвращению и прощению лиц, примкнувших к радикальным организациям и обманным путем вывезенных в конфликтные зоны, но осознавшим свои ошибки.

Всё сказанное приводит к мысли, что ни одно государство в ближайшие годы не может стабильно развиваться, обеспечивая собственную безопасность, если не находится в составе единого регионального пространства и более масштабного интеграционного объединения и союза, обеспечивающих единую систему коллективной безопасности.

В этом плане опора на коллективные меры и действенное сотрудничество с проверенными и надежными стратегическими партнерами, как и прежде, будет составлять основное содержание внешней политики Республики Таджикистана.

СЕТЕВЫЕ УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ХАРАКТЕР, ИНСТРУМЕНТЫ И СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Майтдинова Гузель Майтдиновна
Доктор исторических наук,
Профессор кафедры Зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского (Славянского) университета
Директор Центр геополитических исследований РТСУ

В условиях глобализации вся политическая, экономическая, гуманитарная структура Центральной Азии пронизана информационными каналами, которые и составляют сеть, интегрированную в мировые каналы связи, транснациональные корпорации, масс-медиа, конфессиональные организации, НПО, партии, спецслужбы, международные организации и т.д. Содержание информационного давления зависит от характера конкретной структуры сети. Сетевые структуры включают банки, политические структуры государств, телевизионные каналы, рынки ценных бумаг, криминальные группировки и т.д. Целью информационного прессинга является людской разум. Все активнее экстремистские, террористические организации и группы используют потенциал глобальных информационно-коммуникационных сетей, чтобы пропагандировать свою идеологию, вербовать и обучать единомышленников, поддерживать связи и финансировать себе подобные формирования. «Появление радикальных организаций, имеющих легкий доступ к мировым компьютерным сетям для обмена информацией или координации политического давления на национальном или глобальном уровне подразумевает, что не только правительства могут участвовать в информационной войне»[1]. В этих условиях в Центральной Азии, как и во всем мире, на передний план выступает новая элита – специалисты «информационного фронта».

Сетевое давление охватывает три сферы: физическую, информационную и когнитивную (разум) – и состоит из трех основных ти-

[1] Mann III E. Thunder and lightning: Desert Storm and the Airpower Debates // Air University Press. Maxwell AFB. Ala., 1995. P.35-36.

пов действий: во-первых, это совершенствование традиционного военного потенциала; во-вторых, она включает разнообразный набор действий, включающих гуманитарную помощь, специальные операции и конфликты малой интенсивности, антинаркотические операции, мирные операции и операции, направленные на предотвращение распространения оружия; в-третьих, рождается уникальная для информационной эпохи форма войны[1], где главным является интеллект. Зависимость центральноазиатских государств от информационных систем требует защиты собственных национальных информационных средств и возможности влиять на оппонента. Современные геополитические реалии Центральной Азии в условиях сетевого противоборства диктуют крайнюю необходимость формирования высокопрофессиональных специалистов не только в области компьютерных технологий, но и этнопсихологов, антропологов, историков, политологов и др., специализирующихся в области регионоведения, обладающих навыками противодействия информационной агрессии.

В последнее десятилетие в геополитических реалиях Центральной Азии усиливаются влияние социальных сетей и блогов на политические процессы, зависимость от информационных потоков и коммуникаций, а также уязвимость компьютерных систем и комплексов. Проблема обеспечения безопасности в данном направлении является насущно необходимой с точки зрения национальной стабильности государств региона. В геополитической динамике Центральной Азии особую озабоченность вызывает использование всемирной сети различными транснациональными организованными преступными группировками наркотрафика, нелегальной миграции, международной работорговли, трафика оружия, контрабанды, организованной преступности, экстремизма, терроризма и т.д. Очевидно, что не только суверенные государства могут вести информационную агрессивную политику, но в них могут принимать участие политические, сепаратистские этнические и экстремистские религиозные группы; организованная преступность; международные и транснациональные организации и даже отдельные лица,

[1] Stein G. Information War – Cyberwar – Netwar // Airpower Magazine. URL: http://www.airpower.au.af.mil/airchronicles/battle/chp6.html

оснащенные информационными технологиями, способные организовывать информационные атаки и строить информационные стратегии для достижения своих целей. Кроме того, в современных условиях, когда неправительственные акторы влияют на экономику, политику, а подчас достигают смены государственных режимов, актуальными остаются и вопросы трансформации городских группировок в сетевые кланы и организации. Сети управляют потоками информации, знаний и коммуникациями, и небольшие криминальные группировки потенциально могут превратиться в высокоорганизованные по сетевому принципу картели, триады и террористические группы.

Учитывая все вышеизложенное, в условиях нарастания новых угроз безопасности центральноазиатских государств необходимы консолидированные действия для недопущения дестабилизации обстановки в регионе с использованием возможностей кибероружия. В центральноазиатском пространстве идет и информационное противоборство, и информационная война. По определению руководителя российской Ассоциации «Инфоспецназ» профессора И.Н.Панарина, «информационное противоборство – это форма борьбы сторон, заключающаяся в воздействии на информационную среду противостоящей стороны и защите собственной от негативных информационных воздействий..., а информационная война производится более активно, с использованием диверсионных и террористических методов». И.Н.Панарин выделяет два вида информационного противоборства (борьбы): информационно-техническое и информационно-психологическое. При информационно-техническом противоборстве главные объекты воздействия и защиты – информационно-технические системы: системы передачи данных (СПД), системы защиты информации (СЗИ) и так далее. При информационно-психологическом противоборстве главными объектами воздействия и защиты являются: 1. Система принятия политических и экономических решений; 2. Система формирования общественного сознания; 3. Система формирования общественного мнения; 4. Психика политической элиты и населения противостоящих сторон. Как известно, информационное противоборство включает три составные части: первая – стратегический анализ; вторая –

информационное воздействие; третья – информационное противодействие. Очевидно, что информационное противодействие новым угрозам и вызовам требует новых средств борьбы и специалистов нового поколения в различных областях, знающих принципы противодействия сетевым информационным вызовам.

Если сделать экскурс в период становления категориального аппарата сети и сетевых возможностей, то он оформился сравнительно недавно. Как известно, еще в 1991 г. в результате широких дискуссий появились такие термины, как кибервойна, высокосовременная война (HighModern War), война космической эры, гиперсовременная война, война эпохи умных машин, информационная война и т.д. Новая парадигма войны рассматривалась не только с узкоутилитарной позиции, но и в связи с философией, культурной антропологией, психологией и социологией. Полковник ВВС США Джон Уорден разработал системный подход к сетевым действиям, назвав его «операции на основе эффектов»[1]. Концепция ООЭ была построена на уникальной модели современного государства-нации, представляющей собой структуру из пяти концентрических колец. Центральное кольцо, или круг, которое представляло национальных лидеров, наиболее критически важный элемент в военно-сетевой терминологии, было окружено и защищено четырьмя остальными. Вторым кольцом являлось производство, включая различные фабрики, электростанции, нефтезаводы и т.д., которое во время боевых действий является жизненно необходимым для национальной мощи. Государственная инфраструктура – автомобильные шоссе, железные дороги, энергетические линии составляли третье кольцо. Четвертым кольцом было народонаселение. А последним, пятым внешним кольцом являлись вооруженные силы[2]. От целей противника и зависит, в каком «кольце» необходимо добиться «паралича» объектов. Следует обратить внимание на существование основных способов сетевого воздействия: 1) вытеснение программного продукта и кибернетических технологий страны-объекта агрессии с мировых и/или региональных рынков; 2) хакерские ата-

[1] О принятии Генассамблеей ООН российской резолюции по международной информационной безопасности. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3437775

[2] Савин Л.В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С.12-13.

ки против экономических и политических институтов страны-объекта агрессии. Например, известно, что в отношении органов власти стран ЦАР давно и планомерно ведутся хакерские атаки[1].

Для центральноазиатских государств стратегически важно обеспечение безопасности электроэнергетических объектов, так как от их функционирования зависит жизнедеятельность государства, например, деятельность финансовых структур, государственных учреждений и промышленных объектов, образовательных и научных учреждений и др. Разрушение энергетической системы будет подрывать стратегические основы функционирования государств Центральной Азии. Архиважной задачей государств Центральной Азии является акцентирование внимания на укреплении безопасности энергетической системы, особенно тогда, когда создается объединенная энергетическая система государств Центральной Азии.

В Республике Таджикистане принимаются определенные меры по обеспечению информационной безопасности. Еще в 2003 г. Таджикистан первым из государств Центральной Азии принял свою национальную Концепцию информационной безопасности. В Указе Президента Республики Таджикистан от 7 ноября 2003 года, № 1175 «О Концепции информационной безопасности Республики Таджикистан» нашли своё отражение конкретные цели, задачи, принципы и важнейшие направления обеспечения информационной безопасности таджикского государства. Согласно её содержанию, на основании национальных интересов Республики Таджикистан формируются её стратегические и текущие цели внутренней и внешней политики. Более того, акцентируется внимание на защите информационного потенциала страны от несанкционированного доступа к нему, а обеспечение безопасности строящихся и сдающихся в эксплуатацию информационных и телекоммуникационных систем на территории республики в рамках данной Концепции определено как одна из четырех составляющих национальных интересов Таджикистана. В этой цепи важнейшей задачей обеспечения информационной безопасности Республики Таджикистан вы-

[1] Комлева Н.А. Гибридная война: специфика, акторы, основные технологии (на примере Центральной Азии) // Стратегические ориентиры государств Центральной Евразии в условиях глобализации и регионализации: сб. статей. – Душанбе, 2019. Самые яркие хакерские взломы в Центральной Азии. URL: https://kloop.kg/blog/2017/05/19/nash-ideal-dzhedaj-samye-yarkie-hakerskie-vzlomy-v-tsentralnoj-azii/

ступает охрана государственной тайны. Концепция государственной информационной политики Республики Таджикистан базируется на законах «О защите информации», «Об информации», «Концепции информационной безопасности Республики Таджикистан», «Об информатизации», «Об электрической связи», «Об электронном документе», «Об электронно-цифровой подписи» и др. Таджикистан сотрудничает с государствами Центральной Азии по обеспечению информационной безопасности в рамках ОДКБ, ШОС, СНГ. ШОС стала одной из тех площадок, где с участием центральноазиатских государств началось интенсивное решение проблем, связанных с международной информационной безопасностью (МИБ), членами которой являются также и центральноазиатские государства. В 2006 г. в рамках ШОС впервые в повестке дня были обозначены вопросы информационной безопасности, и в 2008 г. было принято «Заявление глав государств-членов ШОС по международной информационной безопасности»[1], где было акцентировано внимание на том, что на нынешнем этапе развития некоторыми государствами мира информационно-компьютерные технологии используются в преступных, террористических и военно-политических целях, и это является реальной угрозой международной безопасности, а также может дестабилизировать ситуацию внутри стран. Другой практической мерой противостояния информационным угрозам стала озвученная в Узбекистане в 2007 г. инициатива создания единого информационного пространства Организации, что должно было способствовать становлению общих нравственно-культурных ценностей у всех граждан стран-участниц. Для этой цели предполагалось унифицировать правовое регулирование отношений в информационной сфере, а также средства поиска, сбора, хранения, анализа и защиты информации в государствах, входящих в состав Организации. Видимо, следует еще раз акцентировать внимание на этой инициативе. Не менее важными задачами на пути создания единого информационного пространства ШОС рассматривались формирование и реализация согласованной политики в области развития СМИ и интернет-коммуникаций. Однако в

[1] Заявление глав государств-членов ШОС по международной информационной безопасности. URL: http://infoshos.ru/ru/?id=94

государствах-членах Организации уже сформировались различные модели информационного пространства, причем зачастую используются диаметрально противоположные методы и инструменты развития сферы ИКТ, различаются культурно-ценностные ориентиры, пропагандируемые в СМИ, национальные подходы к вопросам информационной безопасности и управлению интернетом. В силу этих причин, формирование единого информационного пространства в рамках ШОС представляется длительным сложным процессом.

Генеральная Ассамблея ООН 5 декабря 2018 года приняла резолюцию по международной информационной безопасности (МИБ) «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», в которой дан первоначальный свод из 13 правил, норм и принципов ответственного поведения государств в информпространстве. По сути, это первые в истории «правила дорожного движения» в цифровой сфере. Их смысл – заложить основу мирного взаимодействия государств в ней, обеспечить предотвращение войн, конфронтации и любых агрессивных действий. Речь идет о таких принципиально важных положениях как обязательства использовать информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) исключительно в мирных целях, соблюдать в информпространстве принцип государственного суверенитета, сотрудничать в борьбе с применением ИКТ в преступных и террористических целях, предотвращать распространение скрытых вредоносных функций в ИТ-продукции[1]. Данной резолюцией закладываются основные принципы регулирования взаимодействия акторов в киберпространстве.

Проблема информационной безопасности Центральной Азии сравнима с борьбой против наркотрафика, экстремизма, организованной преступности и пр., поэтому информационное противодействие требует коллективных усилий государств Центральной Азии. Создание системы коллективной информационной безопасности в том или ином аспекте уже решается на региональном уровне. Важно было бы в государствах Центральной Азии усилить финансирова-

[1] О принятии Генассамблеей ООН российской резолюции по международной информационной безопасности. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3437775

ние программ информационного противоборства, и именно меры информационного противодействия должны финансироваться по принципу одного из главных приоритетов государства. Сетевые войны – уже фактор современной, который формирует общественное сознание, это целый комплекс информационно-идеологических мероприятий по воздействию на политическую элиту, на психику и поведение граждан страны, а также меры противодействия этим влияниям, используя политические, экономические, дипломатические, научные средства, СМИ, кино для воздействия на информационную среду оппонента и защиты национальных интересов государств Центральной Азии. В центральноазиатских государствах до сих пор не ведется системная подготовка специалистов в сфере обеспечения информационно-идеологической безопасности, в том числе профессионалов в области пропаганды и контрпропаганды[1]. В Центральной Азии необходима целенаправленная подготовка кадров для ведения информационно-идеологической войны в киберпространстве. В регионе назрела необходимость создания специального учреждения для подготовки специалистов по ведению информационно-идеологического противодействия – Центральноазиатской Академии информационной безопасности.

[1] Комлева Н.А. Указ.раб.

НОВАЯ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МИГРАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В ТАДЖИКИСТАНЕ

Ульмасов Рахмон

Доктор экономических наук,
профессор кафедры международных отношений и дипломатии
Российско-Таджикский (Славянский) университет

31 октября 2018 года Президент РФ Владимир Путин утвердил новую редакцию национальной Концепции государственной миграционной политики на 2019-2025 годы[1]. По словам президента, цель документа – формирование более комфортных условий для переселения россиян из-за рубежа на постоянное место жительства в РФ. Глава государства подчеркнул, что многие бюрократические барьеры в этой области сняты и власти продолжат двигаться в данном направлении. При этом российский лидер признался, что проблем в миграционной сфере ещё очень много, и призвал объединить усилия для их решения. По словам главы государства, новая редакция КГМП направлена на формирование более комфортных условий для переселения в Россию на постоянное место жительства соотечественников из-за рубежа. Кроме того, она будет способствовать созданию чётких правил въезда в страну, а также получения права на проживание, работу и российское гражданство. Об этом еще раз напомнил во время ежегодной Пресс – конференции 20 декабря 2018 г.

Буквально за считанные дни Интернет-пространство заполнилось материалами, содержащими разнополюсные мнения относительно Концепции. Вот только название этих материалов: "Системный подход". Политолог о новой концепции миграционной политики РФ, СМИ назвали приоритет новой миграционной политики России (Ведомости 31 октября). Зачем России новая концепция ми-

[1] Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 гг.». URL: kremlin.ru

грационной политики? (Еженедельник "Аргументы и Факты" № 45 07/11/2018), «Число желающих вернуться на Родину растёт»: Путин подписал новую концепцию государственной миграционной политики (https://ru.rt.com/c7b8) Комментарий: Миграционная политика земли и крови (Автор Иван Преображенский. https://p.dw.com/p/37VjN) Эксперт объяснил отличия новой миграционной стратегии от предыдущей. (Взгляд. Деловая газета.31 октября 2018) Владимир Путин о миграционной политике: Я не понаслышке знаю, что проблем здесь еще очень-очень много. (Комсомольская правда. 31 октября 2018) Путин определился с ролью мигрантов в жизни России (МИА «Фергана» Фергана. РУ 2 декабря) К чему приведет рост числа мигрантов в России. Дни.ру 21деабря) и др.

Сиюминутная реакция СМИ, политологов и экспертов говорит о том, что миграция затрагивает все слои общества. Концепция представляет собой 17-страничный документ и состоит из 27 глав. В указе говорится, что определять миграционную политику будет президент. Этот подход свидетельствует о важности миграционных проблем для России. Обе палаты парламента законодательно обеспечат ее реализацию, а правительству поручается координировать деятельность федеральных органов власти и ежегодно отчитываться перед главой государства о выполнении поставленных задач.

Для целей настоящей Концепции используются следующие основные понятия: 1. Стабилизация и увеличение численности населения. 2. Обеспечение потребности экономики в рабочей силе. 3. Содействие модернизации, инновационному подходу. 4. Развитие и повышение конкурентоспособности отечественной экономики.5. Обеспечение национальной безопасности.

Следует выделить основные принципы государственной миграционной политики:

- права и свободы человека;
- недопустимость любых форм дискриминации;
- соблюдение норм национального и международного права;
- гармонизация интересов личности, общества и государства;
- взаимодействие органов государственной власти, местного самоуправления;

- развитие институтов социального партнерства и гражданского общества;
- защита национального рынка труда;
- учет особенностей регионального развития;
- открытость и доступность информации о миграционных процессах;
- научная обоснованность принимаемых решений

Источники газеты "Коммерсант" бодро, но анонимно уверяют, что по программе ожидается приезд "миллионов людей". Решение Кремля анонсируется как революционное. Мол, грядут большие перемены и теперь-то соотечественники толпами устремятся в Россию. Момент опять же подходящий – все крупные страны сейчас задумались об изменении своей миграционной политики. Дональд Трамп хочет лишить американского гражданства детей, рождающихся на территории США. Германия, напротив, планирует открыть свой рынок труда для всех квалифицированных иностранцев, грозя превратиться в эдакую "европейскую Канаду". Акции протестов "желтых жилетов" во Франции не утихают. Начальные причины протестов заключались в том, что власть сообщила о повышении цены на топливо, теперь в 23 требованиях заметное место занимает миграция, где записано: «Остановить поток мигрантов, на принятие и интеграцию которых у Франции нет средств».

Россия, впрочем, как обычно идет своим путем. Но польза для экономики от прибытия мигрантов состоит не только в том, что это рабочие руки, "закрывшие" пустовавшие места. Это еще и армия новых потребителей. Это очень небогатые люди, которые приехали в чужую страну и которым нужно все: от еды до крыши над головой. Это десятки миллионов человек, которые не только работают, но отдают заработанные деньги государству, бизнесу, отдельным гражданам за продукты, одежду, аренду жилья. Каждый по отдельности – не так уж и много. Все вместе – колоссальные суммы. И все это – стимул для развития разных рынков, бизнесов, экономики в целом. И для повышения благосостояния отдельных людей – граждан России. «Вклад трудовых мигрантов из Таджикистана в ВВП России за 2016 год составил около 1 триллиона рублей, или 1,2% ВВП России», – говорится в исследовании управления анализа со-

циальных проблем Центра стратегических исследований при президенте РТ. Проведенные российскими экспертами опросы работодателей показывают, что их не на шутку беспокоит дефицит рабочих рук – как квалифицированных, так и неквалифицированных.

Концепция предусматривает и привлечение тех, кто «готов приносить пользу себе и российскому обществу», но не желает становиться гражданином России. Речь идет о выпускниках вузов с отличием и высококвалифицированных специалистах.

Из Концепции: Организованное привлечение иностранной рабочей силы (иностранных работников) – деятельность государства или уполномоченных негосударственных структур по организации перемещений иностранных работников в Российскую Федерацию, включающая организованный набор необходимых работников в стране происхождения, их довыездную подготовку, прием и трудоустройство на законных основаниях на заранее выделенные рабочие места.

Важными элементами государственной миграционной политики Российской Федерации являются создание условий для адаптации и интеграции мигрантов. Из нововведений отмечу два момента. В Концепции прописано, что внимание будет уделяться вопросам адаптации мигрантов и тех, кто приехал в страну по учебе (Концепция, в частности, говорит, что одной из задач миграционной политики является создание благоприятного режима для свободного перемещения обучающихся, научных и педагогических работников в целях развития науки. – Прим. автора). До этого в РФ не обращали внимание на адаптацию и интеграцию. Конечно, еще предстоит принять соответствующий закон, но уже в Концепции вопрос необходимости адаптации мигрантов, изучения русского языка, знания правовых норм зафиксирован яснее и последовательнее. «Важными элементами государственной миграционной политики РФ являются создание условий для адаптации и интеграции мигрантов, защита их прав и свобод, обеспечение социальной защищенности». Кроме того, миграционная политика направлена на формирование механизмов социокультурной адаптации иностранных граждан, принятие мер, препятствующих формированию этнических анклавов, на создание благоприятных условий для внутренней миграции и сни-

жение диспропорции в размещении населения, а также на развитие государственной политики в области занятости населения.

Другая очень важная новизна – это «содействие образовательной миграции и поддержка академической мобильности», предоставление иностранным студентам, обучающимся в Российской Федерации, права заниматься трудовой деятельностью в период обучения на тех же основаниях, что и российским студентам. Особое внимание уделено науке. В частности, записано: «Научная обоснованность принимаемых решений». Результаты научных исследований в области миграции могут ощутимо повлиять на ситуацию. Концентрация усилий исследователей миграции стала более актуальной в последние годы, с использованием механизма профессиональной оценки (peer review). В этом вопросе в Таджикистане сделано немало. Студенты и магистранты пишут дипломные работы, защищают диссертации, издают монографии. Реальная жизнь требует создания Научно-исследовательского института, налаживания подготовки миграциологов.

Если предыдущую Концепцию принимали на двенадцать лет, то эту – только на шесть, то есть это не стратегия развития миграционной политики, а пути решения текущих проблем в области миграции. Такое мнение высказали многие эксперты. Властям нужна не идеология, а возможность реагировать на конкретные вызовы. Председатель думского комитета по делам СНГ Леонид Калашников заявил «Коммерсанту», что целью Концепции является «привлечение трудовых ресурсов». Миграция требует системного подхода, в этом случае изменения пойдут только на пользу отправляющих и принимающих стран.

"Мы будем рады и тем, кто захочет приехать к нам на временной основе, и тем, кто примет решение о получении гражданства или о постоянном жительстве в России. А тем, кого беззаконно преследуют, кому угрожает опасность, будем делать все для того, чтобы обеспечить их защиту и предоставить убежище", – заявил Президент РФ. Необходимо присмотреться, как миграционные органы будут реагировать на положения Концепции. Самое главное — навести порядок в этой сфере, взять под контроль миграционные потоки и обеспечить защиту прав и интересов граждан России. В то

же время отправляющие страны обязаны регулировать этот очень важный, тонкий процесс. Целью миграционной политики на ближайшие семь лет Президент называет «социально-экономическое и демографическое развитие, повышение качества жизни, обеспечение безопасности и поддержание межнационального и межрелигиозного мира и согласия». Проще говоря, зазывать в Россию мигрантов никто не собирается. А те, кто приехал, не должны навязывать чужие традиции и занимать рабочие места россиян. Мигранты смогут работать там, где нужны дополнительные руки. Примеры упорядочения миграционного потока уже есть. Недавно об этом РФ договорилась с Узбекистаном. На очереди подобные соглашения с другими странами. Работа с трудовыми мигрантами показывает, что миграционные правила надо упрощать, они должны быть понятными не только для граждан с юридическим образованием. Представительство МОМ в Таджикистане должно заботиться об этом, переводить на таджикский язык необходимые материалы, создать доступные видеоролики, готовить специальные передачи в помощь мигрантам. В президентском «миграционном» указе мало конкретики – правительство должно разработать практические меры в течение трех месяцев, однако эксперты ожидают позитивных изменений. Несмотря на то, что в Концепции подчеркивается, что миграция — «вспомогательное средство» для решения демографических проблем, директор Института демографии НИУ ВШЭ Анатолий Вишневский в интервью «Газете.Ru» отмечал, что мигранты в России выполняют роль основного прироста населения России, и эта тенденция, вероятно, сохранится в будущем. «Только чтобы перекрыть неизбежную естественную убыль населения и избежать сокращения населения России, может понадобится принимать 500 тыс. мигрантов в год, а то и более», - говорил эксперт. В противном случае, по его словам, «придется смириться с сокращением численности населения России». «В гражданство РФ принято более миллиона человек, из них 525 тысяч – в рамках Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом», - сообщается в КГМП. Концепция закрепляет принципы осуществления международного сотрудничества в сфере миграции, включая заключение и реализацию международных соглашений, взаимодействие с ино-

странными государствами и обмен опытом по управлению миграционными процессами. План мероприятий по реализации КГМП в 2019-2025 годах должен быть утверждён в трёхмесячный срок – до 31 января 2019 года.

В российской миграционной политике две противоречивые тенденции: 1) привлечь русских и русскоязычных из постсоветского пространства и помочь им освоиться в России, 2) не дать волне незаконной миграции захлестнуть страну. И к обеим тенденциям у общества масса претензий: то российский паспорт получить слишком тяжело, то отсутствие визового режима несет опасность. В новой редакции Концепции миграционной политики на 2019 – 2025 годы власти попытались достичь этого труднодостижимого баланса. Но главный принцип оговорен сразу: «основным источником восполнения населения России должно оставаться его естественное воспроизводство. Миграция – вспомогательное средство для решения демографических и экономических проблем». Мне думается, что в ближайшие 20-30 лет естественное воспроизводство вряд ли получится.

Из Концепции убран тезис о том, что с помощью миграции будут решаться демографические проблемы России (как это было в предыдущей концепции). Теперь говорится, что демографические проблемы страна будет решать путем «естественного воспроизводства». Эксперты считают, если читать между срок, миграция теперь особенно и не нужна. Усилен акцент на соотечественников.

В Концепции прописано, что задачами миграционной политики является «добровольное переселение в Россию на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, а также иных лиц, которые способны успешно интегрироваться в российское общество». Это означает, что число желающих поехать через Программу переселения из Таджикистана увеличивается в разы. Кроме того, серьезное ужесточение миграционного законодательства в Концепции обозначено как «усовершенствование инструментов правового регулирования в сфере миграции». Хотя по факту перекосы в этих «усовершенствованиях» иногда не поддаются никакой критике. В какой еще стране иностранцу могут закрыть въезд

в страну или депортировать за две неправильных парковки или за неоплату проезда в общественном транспорте?

В Концепции прописано "обеспечение простоты, прозрачности процедур и понятности условий въезда в Российскую Федерацию, получения права на пребывание (проживание) в Российской Федерации, в том числе в целях осуществления трудовой деятельности". Иными словами, приехать в Россию трудовым мигрантам будет даже проще, чем в прошлые годы.

Итак, можно сделать следующие выводы. Ученые, чиновники говорят о том, что трудовые мигранты нужны российской экономике, на бытовом – что они якобы "отбирают" рабочие места у россиян. Некоторые дилетанты заявляют, что мигранты у граждан России "отобрали" места дворников, уборщиков, подсобных рабочих, укладчиков брусчатки и асфальта, грузчиков, горничных, торговцев в маленьких уличных киосках? Скорее, необходимость в работниках на этих местах обусловлена тем, что россияне не хотят на них идти. И второе. Наплыв мигрантов негативно влияет на сохранение русской культуры, языка, уклада жизни? В новой Концепции государственной миграционной политики особо прописаны меры по бережному отношению и к культуре, и к языку – чего, кстати, не было в предыдущей Концепции за 2012-2017 годы. Опыт США, Канады, Австралии показывает: открытость любой страны для тех, кто хочет честно и законно в ней работать, государству идет только на пользу.

Анализируя Концепцию, можно предложить следующие варианты для решения миграционных проблем:

Первое. В Таджикистане необходимо сформировать большой штат государственных менеджеров в области миграции, которые сумеют работать гибко, по-современному, будут понимать и реагировать на запросы мигранта, на его боль и страдания. В этой связи на базе НИИ труда необходимо создать Центр подготовки руководящих кадров, который может стать хорошей площадкой не только для повышения квалификации, но и обмена опытом, для выработки новых идей, для налаживания горизонтальных связей между представителями диаспор, регионами России.

Второе. Считаю целесообразным создать в каждом районе, городе, в каждой области Таджикистана специальные штабы – про-

ектные офисы, которые станут своего рода местом для обращения мигрантов, где их обеспечат всеми необходимыми информационно-пропагандистскими материалами, консультацией, организуют курсы русского языка, ознакомят с механизмом адаптации на новом месте.

Третье. Одна из главных проблем миграции в Таджикистане кроется в нас самих. Поэтому нам необходимо посмотреть, как работают существующие законы в сфере миграции, и провести их инвентаризацию.

Четвертое. Нам необходимо постоянно вести непрерывный мониторинг этнических, бытовых и религиозных конфликтов в местах проживания трудовых мигрантов в России, владеть методологией их пресечения и мирного решения конфликтов.

Пятое. Многократно увеличить число культурных инициатив, выставок, концертов, фестивалей, таджикских праздников в России. Помните, в советские времена раньше были поезда дружбы? Почему бы не создать «информационный спецназ»?

Шестое. Сегодня большинство трудовых мигрантов активно пользуются интернетом, в том числе в мобильных телефонах и устройствах. Я убежден – пришло время создать справочно-информационный Портал по миграции и трудовой миграции для граждан Таджикистана и своевременно вносить в него изменения. Как это сделали киргизские коллеги. Пользу от такого информационного центра ощутят сотни тысяч людей.

Седьмое. Таджикистану требуются специалисты, способные профессионально анализировать миграционные процессы и влиять на них. Для этого в университетах республики необходимо ввести программу «Миграционные исследования».

КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР ВОСПИТАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Аслиддин Низами

Доктор искусствоведения,
Руководитель отдела искусствознания Академии наук Республики Таджикистан

Ровно двести лет прошло с того времени, когда великий немецкий поэт и мыслитель Иоганн Вольфганг Гете создал свое уникальное и поистине знаковое произведение под названием "Западно-восточный диван". Известно, что он и до создания данного произведения часто обращался к прошлому и при этом призывал общество ценить античность, классические правила и каноны. В частности, он писал, что " национальная литература сейчас мало что значит, на очереди эпоха всемирной литературы, и каждый должен содействовать скорейшему ее наступлению»[1].

Нужно полагать, что данный призыв великого поэта оказался результатом его очень тщательного освоения всемирного наследия прошлого, в том числе и поэзии великих классиков таджикско-персидской литературы. Как мы знаем, Гете хорошо знал творчество Хафиза, Фирдоуси, Саади, Руми и Джами. При этом, как всякий подлинный талант, Гете весьма скромным образом признавался, что ему до уровня поэзии Хафиза очень далеко.

Примечательно, что призыв Гете о наступлении "эпохи всемирной литературы" был творчески воспринят многими представителями художественной культуры западного мира, в результате чего общечеловеческие ценности, мудрые изречения выдающихся личностей всего мира заполнили духовный мир западного читателя. Достаточно вспомнить, что великий немецкий композитор Людвиг Ван Бетховен (современник Гете) в своей "9-й симфонии" ("Ода радости" на слова Шиллера) выдвинул своего рода "звуковой символ" того же призыва Гете об объединении миллионов, всего человеческого рода.

[1] Конрад Карл Отто. Гёте. Жизнь и творчество. Т. 2. Итог жизни.

Сегодня воочию можно убедиться, что культура Запада своим поистине глобальным расцветом в 19-20 вв. наверняка должна быть благодарна этим и другим великим корифеям философии, литературы и искусства. Культура Запада уже тогда глубоко восприняла уроки толерантности, основанной на практике уважения к общемировым художественным канонам, их освоения в повседневной духовной жизни общества. Еще задолго до первых лозунгов об объединении Европы, задолго до "союзов угля и стали" в культуру западного мира был внедрен клич об объединении людского рода средствами культуры и искусства, т.е. через ценности исключительно духовного плана.

На всем протяжении 20-го столетия вследствие масштабных конфликтов – мировых войн, процессов деколонизации, невиданного размаха имперского мышления и т.д. в сознании общества возникли и укрепились конфликты теперь уже и интеллектуального характера. Именно поэтому во главу угла в один момент встал вопрос о толерантности.

Еще в 1995 году Всемирной организацией ЮНЕСКО была принята декларация принципов толерантности, в которой говорится о необходимости укрепления духа терпимости и формирования отношения открытости, уважения и правильного понимания богатого многообразия культур, форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Очевидно, что сегодня даже цивилизованная Европа стала нуждаться в толерантности.

Что касается культуры нашего региона, то в течение многих столетий после падения государства Саманидов из-за географических условий она страдала нехваткой именно такого эликсира – приобщения к тайнам общемировой культуры (прежде всего к культуре Запада). Например, великих среднеазиатских умов – Фараби, Ибн Сино, Хорезми, Бируни или же великих поэтов – Фирдоуси, Хайяма, Саади, Джами, Навои на Западе переводили давно, читали и наслаждались их творениями. Даже учение Зороастра – первого основателя единобожия было знакомо европейцу уже очень давно. В то же время в Средней Азии Шекспира, Моцарта, Бетховена, Гете, Пушкина узнали лишь в первой половине 20-го века.

Вспомним общеизвестные факты из истории русской музыки 19 века, когда великий русский композитор Михаил Глинка включал подлинные персидские мелодии в контекст своей оперы "Руслан и Людмила", сочинял "Арагонскую хоту" (на испанские темы), "Ночь в Мадриде", Николай Римский-Корсаков создал грандиозную симфонию "Шахерезада" и "Испанское каприччио", а Александр Бородин симфоническую поэму под названием "В Средней Азии". Таким образом, нашу культуру уже давно пристальным взглядом изучали многие корифеи мировой цивилизации, но только мы почти не имели представления о западном мире.

Однако, как уже было сказано, в начале 20-го столетия наступает новая эра, череда революционных событий, начинаются процессы "разрушения старого" и построения "нового мира". Тогда всем показалось, что культура 20-го века, образование нового государства советов, глобальные политические изменения внесут в содержание духовного мира народов Центральной Азии тот самый "эликсир" общемирового значения духовности. Но парадоксально, что именно в 20 веке происходит своего рода смена парадигм во всей системе культуры – как на уровне Союза ССР, так и на уровне республик Центральной Азии. Постепенно классическая, просветительская культура и искусство уступают место культуре, смешанной с идеологией, большей частью развлекательной или порой излишне политизированной. Уже во второй половине века в том числе и на территории Средней Азии наступает эра распространения т.н. "массовой культуры".

Время показало, что в то время вследствие образования сугубо политизированных полиэтнических республик в регионе Центральной Азии в сознание каждого отдельного общества политиками внедрялись совершенно новые идеи об исключительной "самобытности" национальных культур в Средней Азии. Естественно, что в данном случае понятие "национальная культура" тогда трактовалась как культура именно титульной нации той или иной страны.

Вот по этой простой причине в одно историческое мгновение единое культурное пространство и уникальные общие духовные ценности, выработанные на огромном пространстве Центральной Азии в течение нескольких тысячелетий (!), были попросту разделены по очертаниям новых границ. Но в конце прошлого столетия,

после распада СССР, появились политические, настоящие границы со всеми атрибутами. Однако и здесь реальность была такова, что народы региона жили в одном культурном пространстве, сохраняя при этом общие традиции, ментальность, религию и другие свои исторические духовные ценности. Вполне понятно, что просто так, одним махом разделить или уничтожить такое наследие было невозможно, ибо это было единое культурное пространство, образованное в течение многих тысячелетий. На наш взгляд, сегодня именно из этого нужно исходить при развертывания процесса дальнейшего расширения региональной интеграции, для укрепления взаимопонимания между народами. Именно такой шаг может укрепить общую ментальность или ощущение толерантности.

Таким образом, после распада СССР и обустройства уже настоящих политических границ, на стыке двух столетий в странах Центральной Азии, начался активный процесс переоценки как материальных, так и духовных ценностей, в первую очередь переосмысление событий исторического прошлого. Впервые в многовековой нашей истории начался своего рода "межнациональный" дележ общего культурного наследия.. Переориентация общества на духовное наследие, на богатые традиции прошлого стали тогда ключевым моментом в деле понимания сути происходящих изменений в художественной культуре на рубеже веков. Следует признать, что художественное наследие и, более шире, – нематериальное культурное наследие народов Центральной Азии представляет собой огромную историческую и художественную ценность мирового значения. Именно в них на протяжении многих веков не только отшлифовались совершенные образцы – продукт художественного творчества народов, но и апробировались наиболее эффективные подходы к решению многих творческих проблем – таких как, например, проблемы формирования человека, его духовного мира или же проблемы развития гуманитаризма и т.д.

Итак, на рубеже нового тысячелетия общие в прошлом духовные ценности – поэзия, музыка, литература, научное наследие, практика градостроительства, богатый и разнообразный мир обрядов и обычаев, традиции празднования и многое другое – все то, что веками создавалось сообща и силами представителей всех

народов и племен, проживающих в регионе, порою стало выступать в качестве предметов спора, и даже межэтнических раздоров. Вследствие этого в регионе мгновенно возникла существенная и острая необходимость создания новых процессов, направленных на установлении активного диалога культур. Как известно, диалог культур в полиэтнической культурной среде становится возможным лишь тогда, когда каждый из ее субъектов, осознавая свою самобытность, видит, понимает, уважает и принимает культурные и духовные ценности другого партнера в этом диалоге. Если же этого не происходит, то непременно возникают явления такого плана, как этноцентризм или, культурный национализм, а также культурный тоталитаризм.

В данной ситуации возникает необходимость проявления и укрепления толерантности в общественном сознании, и принципов известней Декларации ЮНЕСКО: "уважение и правильное понимание богатого многообразия культур, форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности"[1].

Да, культура Центральной Азии многообразна, богата, в ней можно обнаружить древнейшие художественные коды, многочисленные символы восприятия, самовыражения и познания окружающего пространства. От Алтая до Каспия и от Гималаев до Эльбруса здесь, на этой территории, жили разные народы, говорили на разных языках, вели разный образ жизнедеятельности. Но истина заключается в том, они создавали очень много уникальных артефактов общего характера, у этих народов с давних времен бытовали универсальные сюжеты в их эпосе, в песнях, легендах[2]. В течение практически всего периода исламизации народы Средней Азии (за небольшим исключением) следовали мазхабу "ханафия", что, конечно, во многом их объединяло. Бухара была центром исламской науки, здесь создавались энциклопедические труды по самым разным наукам: философии, медицине, математике, астрономии, географии, музыке и т.д. Позже культурные центры под воздействием исторических и политических событий перемещались в Самарканд, Герат, Балх, Мерв, Худжанд, Хиву, Фергану и Ташкент.

[1] Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года. ...Провозглашена и подписана 16 ноября 1995 года.
[2] См. об этом: Таджикская музыка. Душанбе, 2003.

Следует признать, что Центральной Азии в этом смысле не очень повезло. И вот почему. Со времен вышеприведенного призыва Гете, то есть в течение уже более двух столетий, вся культура стран Центральной Азии и соседних регионов (Китая, Индии, Ирана, арабских стран) во всем своем богатстве и разнообразии изучается в стенах западных университетов. Наука, философия, литература, живопись, музыка и другие явления культурного наследия народов Центральной Азии прочно вошли в интеллектуальный багаж западного человека. Запад просвещался, осваивал мировое наследие, в том числе и труды восточных мудрецов. Здесь, на Западе, на этом фоне вырабатывался тот самый иммунитет толерантности (кстати, "толерантность" в медицинском смысле и означает "иммунитет").

Не вдаваясь в политический аспект данного вопроса, отметим следующий общеизвестный факт современной мировой истории, который касается сегодняшнего процесса активизации передвижения мигрантов в Западную Европу. Если вычеркнуть всю "околоорбитную" (или, по выражению В.И.Вернадского, "меональную" ее сферу)[1] и порой весьма нечистоплотную информацию из СМИ об этом довольно грустном явлении, то можно смело утверждать, что без огромного базиса культурной толерантности, без великих традиций гуманитарной практики, которые ранее были выработаны на Западе веками (в том числе и силами представителей творческих профессий), западный мир не смог бы так гармонично принять такое огромное количество беженцев из другого континента, которое наблюдается в настоящее время. Что бы сегодня об этом ни писали в СМИ, мигранты из стран Ближнего и Среднего Востока на Западе живут и прижились в целом весьма комфортно, т. е в данном случае срабатывает тот самый принцип выражения гуманизма и толерантности. Ведь там, на этом Западе, великий Бетховен два столетия назад выдвинул клич "обнимитесь, миллионы!" Там же великий Шекспир на примере печальной истории любви "Ромео и Джульетты" призывал не делить людей на расы, роды, классы и т.д.

Теперь попробуем ответить на следующий вопрос: хватает ли нам, нашему региону, сегодня толерантности, сможем ли мы про-

[1] Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука, 1988. 336 с.

должить тот самый уникальный созидательный процесс развития культуры и духовности в условиях новых, резко изменившихся политических, экономических, социальных реалий?

Мировая практика или, как выражаются поэты, сама "матушка история" подсказывают нам, что без соблюдения вышеназванных правил развития толерантности никакой прогресс просто невозможен. Ведь нам, странам Центральной Азии, в будущем нужно по-настоящему (а не в декларациях) установить крепкий региональный союз. Конечно, и политический, но хотя бы в первую очередь экономический и культурный. Весь мир сегодня на этом строится. Европейцы уже доказали, что региональное сотрудничество является основным фактором общественного прогресса. Но для установления и укрепления любых форм регионального сотрудничества в первую очередь требуется духовная база, простое познание и понимание, узнавание друг друга. А это уже относится к сфере духовности, культуры в целом.

Возникает такой вопрос: что же мы унаследовали от далекого и недалекого прошлого и как мы собираемся внести свежую струю в это наследство? Какую роль может сыграть возрождение ценнейших образцов художественной культуры в Центральной Азии? Повторяем: все политологи сегодня едины во мнении, что региональные формы кооперации – это единственный путь развития экономики и культуры в Центральной Азии.

Мы говорим сегодня о тех уникальных художественных явлениях, которые составляют предмет гордости всех народов Центральной Азии. Теоретический аспект вопроса заключается в том, что столетиями процесс самоидентификации и самовыражения народов Центральной Азии проходил именно через общие духовные ценности. Это в первую очередь относится к классической поэзии, которая вбирала в себя все лучшее из мира духовности тогдашнего общества, это, конечно, и многочисленные образцы народного эпоса (Гуруглы, Манас, Алпамыш), музыка Шашмакома, а также наши общие обряды и обычаи.

В учениях великих суфиев, которые "внешне как бы находились в русле общих правил" проживания, а в своих эзотерических, порой внешне мистических изречениях, свободно (под покровом художественных символов) выражали самые смелые, самые полезные для

жизнедеятельности людей идеи и мысли[1]. Идеи суфийских авторитетов проникали в интеллектуальную, художественную и философскую среду как таджиков, так и всех других тюркоязычных народов региона (вспомним основоположника тюркского суфизма Ахмада Яссави).В связи с этим хотелось бы вспомнить еще раз слова одного из самых авторитетных культурологов Ю.М.Лотмана, который утверждал, что "культура всегда подразумевает сохранение предшествующего опыта"[2]. Другими словами, культура – это некая суммарность унаследованных символов, канонов, традиций, обычаев и т.д. Точно также и по мнению М.С.Кагана, только художественная культура соединяет в себе познавательную, оценочную и коммуникативную функции, потому что одновременно отражает действительность и творит особую искусственную реальность, в которой индивидуум может формировать собственные представления о социуме.

В таком случае возникает следующий вопрос: каков уровень информированности, скажем, современной молодежи или же творческой интеллигенции в странах Центральной Азии о художественных достижениях народов соседних стран? Ведь общеизвестно, что в нашем сообществе сегодня на первый план выходит именно стихийная форма социализации индивидуума. Это связано и с интернетом, и с работой СМИ, и с распространением т.н. "массовой культуры". Всего каких-то два-три десятилетия назад старшее поколение нашего общества, для того, чтобы получить нужную информацию – художественную, научную, техническую и т.д., обращались прежде всего к книге. А сегодня без особого усилия можно получить любую информацию и в любом количестве, по любому вопросу в сетях интернета.

Кроме того, поколение 70-х годов еще со школы, наряду с Айни, Рудаки, Хафиза, Фирдоуси, хорошо знало и Пушкина, и Драйзера, Абая, Абдулло Кодири, Берди Карбобоева, Тараса Шевченко, Чингиза Айтматова, Нодара Думбадзе, Василия Шукшина и т.д. Это не преувеличение. Это было тогда нормой, каноном тогдашней куль-

[1] См. Низамов А. Суфизм в контексте музыкальной культуры народов Центральной Азии. Душанбе, 2000.
[2] Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С.4.

туры. А что происходит сегодня в этом плане, думаю, не требует комментариев.

Грустно, что сегодняшняя молодежь, которой предстоит в будущем построить это самое здание регионального сотрудничества и проявить великий пример толерантности, о культурных достижениях даже соседних народов практически мало знает. Ведь это все наше общее! Здесь не только общие сюжеты, исторические события и персонажи. Здесь отражена ментальная суть, сама жизнь наших общих предков. Как можно, не зная наше общее прошлое, построить наше будущее?

Используя такие широкие возможности, все коммуникационные каналы, сегодня пора подумать и о возрождении единого созидательного механизма в культурном пространстве региона. Такой именно созидательный механизм можно создать только при соблюдении следующих условий. Например, процесс глобализации, сегодня навязываемый Западом исключительно по своим образцам, на рубеже тысячелетий вызывает ситуацию, когда встречные цивилизации (в том числе и в Центральной Азии) противопоставляют выработанные веками свои традиции, свою культурную память, свои моральные, философские, эстетические и религиозные нормы и каноны. Именно так нужно представить сегодня сложность решения глобальных проблем всем странам государственной Центральной Азии.

Шаблонный формат (по советскому образцу) подготовки кадров сферы художественного творчества приводил к шаблонному отношению к духовному наследию. Обратите внимание: многие годы, вплоть до начала 80-х годов, ни в одном учебном заведении культуры и искусства в Средней Азии традиционная музыка коренных народов не преподавалась, таких кадров просто не готовили, хотя они были востребованы повсеместно. Да и сегодня можно констатировать факт, что до сих пор не создан более или менее объемный труд по истории культуры и искусства народов Центральной Азии. Имеется в виду общая история, а не так, чтобы каждая республика по-своему трактовала тот или иной артефакт из общей истории.

Таких фактов можно привести предостаточно. Но современная реальность, бурные социально-политические события, стремление всех стран региона к созидательности и сотрудничеству в первую

очередь требуют, чтобы этому всему была найдена надежная духовная, интеллектуальная опора. Во-первых, конечно, следует всячески сохранять и развивать существующее многообразие в культуре народов региона. При этом нельзя упускать из виду, что на этой древней земле веками продолжался активный процесс диалога культур, и важно то, что таджикская культура (классическая поэзия, музыка Шашмакома, живопись Бехзода, эпические повествования о народных богатырях, достижения прикладного искусства, научная мысль, комментарии к Корану и многое другое) постоянно становилась достоянием всех других народов региона. В свою очередь тюркский (в том числе и узбекский) сегмент культуры находил свою достойную нишу в общем контексте художественного творчества региона.

Сегодняшняя ситуация, когда единое культурное пространство Центральной Азии вновь и подчас перманентно подвергается "разделению" уже по политическим границам, нам нужно подумать о том, что данный фактор может существенно тормозить именно те благие намерения всех государств, которые направлены на консолидацию региона, и стать преградой на пути осуществления грандиозных планов на будущее.

Вот почему ныне возникает острая необходимость начать разговор о защите культуры нашего региона от разрушительного воздействия раскола. Однажды Ницше, называя культуру "тонкой яблочной кожурой над раскаленным морем хаоса", высказал тонкое предостережение, напоминание о хрупкости культуры, о необходимости ее активной защиты[1]. Нельзя забывать о том, что при всем многообразии характера культуры в Средней Азии, мы – все народы региона – столетиями проходили самоидентификацию через общие коды нашей цивилизации. А коды, они очень интересные и во многом весьма поучительные. Именно поэтому сегодня, по всей вероятности, следует признать, что, к великому сожалению, эта сама тонкая "яблочная кожура" культуры в Центральной Азии становится все тоньше и более хрупкой.

[1] Ницше. Соч. Т.1. М., 1990. С.767.

Это происходит перманентно, незаметно в условиях нашей бурной жизни. И это должно нас беспокоить, ибо на культурном фронте сегодня в мире идет ожесточенная борьба, мировые лидеры начинают менять методы и способы расширения сфер своего влияния и установления господства. Так что на извечный вопрос "что делать" в такой ситуации, можно ответить, в том числе, и словами великого Мухаммада Икбола из поэмы "Послание из Востока" (ответ великому Гете):

"Ҳарду ханҳар, субҳханд, ойинафом,
Ӯ бараҳна, ман ҳанӯз андар ниём"...
Ӯ зи шухӣ дар тањи Қулзум тапид,
То гиребони садафро бардарид,
Ман дар оғуши садаф тобам ҳанӯз,
Дар замири баҳр ноёбам ҳанӯз".

"Мы оба сабли, с блеском рассвета,
Он обнажен, но я еще в ножнах.
Он весело плывет в морских недрах,
И рассекает раковины, доставая жемчуги.
Я все еще как жемчуг в раковине дна,
Жду открывателя своего».

(перевод подстрочный)

Думается, что эти строки Мухаммада Икбола, написанные как ответ "Западно-восточному дивану" Гете, содержат частичку ответа на извечный вопрос "что делать" в наши дни.

УСКОРЕННОЕ РАЗВИТИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НОВЫХ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК КЛЮЧЕВОЕ УСЛОВИЕ ИХ УСПЕХА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ксенц Александр Степанович
Директор Сибирского института евроазиатского научно-образовательного сотрудничества и развития при Томском государственном педагогическом университете

Общепризнано, что уровень развития и доступность образования, кадровый потенциал системы исследовательского и научно-технического обеспечения экономики, управления, гуманитарной сферы и оборонного комплекса любой страны относятся к числу определяющих характеристик при оценке перспектив её положения в системе международных отношений. В то же время, с учётом происходящей ускоренной трансформации всей системы межгосударственных и межрегиональных связей, формирования полицентричной геополитической картины мира, неоднозначной динамики вызовов и угроз в области безопасности, считаю важным акцентированно рассмотреть ряд концептуальных вопросов, сущностно важных для развития кадрового потенциала новых государств Центральной Азии.

Имеющийся опыт поисковой организационно-методической работы в области развития международного научно-образовательного сотрудничества в рассматриваемом регионе позволяет выделить следующее:

1. Уровень работы и темпы развития системы образования, исследовательской и научно-проектной деятельности – один из ключевых аспектов обеспечения необходимого уровня общей национальной безопасности (совокупно включающей в себя безопасность экономическую, гуманитарную, военную, социальную и т.д.). Соответственно, научно-образовательное развитие является необходимым условием успешного, независимого и перспективного существования любого государства.

Этот, казалось бы, очевидный тезис в конкретных условиях управленческой практики постсоветских стран Центральной Азии приобретает ряд новых оттенков, связанных с необходимостью динамично решать очень непростые задачи постоянного поиска ба-

ланса между «горящими» потребностями сегодняшнего дня и затратами на получение отдаленно перспективных результатов в условиях напряженной бюджетной ситуации. При этом в большинстве случаев реализуемое на практике зарубежное образовательное и научное содействие не предусматривает формирование в странах региона конкурентоспособных (хотя бы по отдельным значимым направлениям) целостных научно-образовательных систем и кадрового потенциала, позволяющих минимизировать технологическую зависимость от внешних партнёров.

Очевидно, что в современной ситуации всё нарастающей скорости изменений собственно технических факторов развития (иначе говоря, сегодня лозунг «Техника решает всё!» уходит на задний план) в повестке дня государств Центральной Азии стоит новое прочтение известного призыва «Кадры решают всё!». С учётом современных реалий задача перехода на качественно новый уровень формирования кадрового потенциала национального развития – острейший вызов в первую очередь для систем государственного управления. К счастью, все постсоветские страны имеют уникальный богатейший и успешный опыт решения этих проблем, основанный на тонком сочетании как собственных возможностей и традиций, так и партнерских и дружественных связей в рассматриваемой сфере. Его адаптация для дня сегодняшнего, развитие и умелое последующее использование – залог успеха.

2. В мире нарастают темпы развития эффективных комплексных систем в области образования, науки, технологий и научно-предпринимательской деятельности. Быстро увеличивается число стран, обладающих университетами, институтами и технологическими центрами с хорошим мировым уровнем преподавания, исследований и разработок. Формируются всё новые международные коллаборации, работающие над сложными проблемами.

В такой ситуации постоянной «гонки» нарастают и риски не просто «замораживания» стратегического технологического отставания и потери возможностей равноправного участия в формировании трендов научно-технологического развития, но, что ещё хуже, даже и самой возможности использования последних технологических достижений в экономической и социальной практике. Существует лишь один рецепт снижения этих рисков – опережающая

подготовка кадров в соответствии с научно оцененными ключевыми перспективами развития конкретной страны.

При этом сегодня уже ни одна страна не может одновременно обеспечить высокий уровень подготовки специалистов (по крайней мере – в значимом количестве) по всем перспективным направлениям цивилизационного развития. Это не под силу даже тем из них, которые задают тон в современной мировой научной, образовательной и технологической «повестке». И это обстоятельство «работает на руку» странам, не относящимся к числу ведущих в рассматриваемом отношении, поскольку позволяет с полным основанием и при правильном подходе очень эффективно использовать принцип «многовекторности». Подготовка специалистов по конкретным направлениям развития в странах-лидерах образования в той или иной сфере позволяет в очень короткие сроки обеспечить развитие эффективности соответствующей работы или даже сформировать интеллектуальную элиту в данной сфере практически «с нуля». Тем более это облегчается большим опытом использования данных алгоритмов как в Российской империи, так и в Советском Союзе. Очевидно, что большинство новых государств Центральной Азии уже вступили на данный путь и, несомненно, имеют все возможности успешного продвижения по нему.

Разумеется, в этом плане существует ряд диалектически взаимосвязанных моментов, облегчающих либо затрудняющих соответствующую работу.

В частности, высокие темпы прироста населения и, соответственно, высокая доля молодёжи в структуре населения дают повышенные возможности отбора и целевого направления наиболее способных ребят для подготовки по приоритетным направлениям социально-экономического развития (например, в российских вузах, обеспечивающих наиболее высокий в мире уровень подготовки специалистов в области информатики и смежных дисциплинах могло бы обучаться по данному важнейшему направлению гораздо большее количество ребят из Центральной Азии, но в настоящее время эта возможность ограничена прежде всего недостаточностью контингента молодёжи, имеющей уровень подготовки для результативного обучения на соответствующих «трудных» факультетах).

С другой стороны, демографический фактор серьёзно затрудняет как быстрое повышение уровня подготовки достаточно больших контингентов старшеклассников и бакалавров к эффективному обучению в ведущих университетах мира, так и их последующий возврат в родную страну на высокооплачиваемые перспективные места. Однако, разумеется, все эти проблемы вполне решаемы в рамках целевых государственных программ, реализующихся совместно с партнерами из зарубежных стран.

Очевидно, на пути поиска эффективных решений в области образования и науки управленческой элитой стран региона будут найдены сбалансированные, во многом новаторские организационные решения, которые займут очень достойное место в копилке мирового опыта.

3. К числу важнейших относится и то обстоятельство, что усилия по наращиванию потенциала страны в научно-образовательной сфере имеют отсроченный кумулятивный эффект. Эта особенность требует заметных постоянных опережающих организационных, методических, кадровых, технологических, материальных и иных вложений в научно-образовательную сферу, результаты которых будут в сколько-нибудь заметном виде видны не менее чем через 10-15 лет. В условиях модернизации экономики, сложной международной обстановки, бюджетной напряженности, текущей кадровой ситуации, целом ряде других обстоятельств решение обозначенной проблемы для новых государств Центральной Азии потребует очень значительных и, главное, - системных усилий.

4. На фоне очевидного понимания руководством новых государств Центральной Азии особой роли образования и науки для обеспечения независимого и успешного развития своих стран особого подхода требует реализация всего спектра международного сотрудничества в данной области. На этом пути существует ряд препятствий, причины возникновения которых носят как субъективный, так и объективный характер. Из их числа имеющийся у нас опыт позволяет выделить для современного этапа следующие:

- уже упоминавшееся несоответствие подготовки молодежи стран региона требуемому в ведущих зарубежных университетах стартовому уровню по ряду ключевых естественнонаучных и

технических направлений. Очевидно, на общегосударственном уровне должны быть задействованы дополнительные целевые механизмы по устранению этого противоречия. В частности, могут быть расширены форматы взаимодействия с зарубежными партнерами по линии олимпиадного движения, интенсифицированы контакты по линии Советов молодых ученых и другие. При этом, на наш взгляд, основное внимание должно быть уделено усилению подготовки в области математики, физики и других естественнонаучных дисциплин, что требует значительных системных организационно-методических многолетних усилий, в идеале реализуемых совместно с зарубежными партнёрскими организациями. В то же время повышение уровня общеязыковой подготовки (о чём почти исключительно и говорят) требует в значительной степени более простых, во многих случаях просто «количественных» усилий, реализующихся прежде всего на повышении соответствующей мотивировки молодёжи;

- известно, что научно-образовательные системы в стране могут развиваться только в условиях их активно-целенаправленного комплексного формирования. Комплексность при этом является обязательным элементом. К примеру, невозможно достичь требуемого даже на современном технологическом этапе (и, тем более, востребованного наступающей сменой технологического уклада) необходимо высокого уровня технического образования без одновременного развития работ как в области широкого спектра естественных наук и математики, так и гуманитарных направлений. Естественный соблазн «сэкономить» в «неочевидно нужных» областях знания, отложить их «на потом» не позволит достичь успехов и в более утилитарных направлениях (к примеру, в России неустойчивость этого баланса «актуальности-неактуальности» хорошо видна на динамике развития палеонтологии, эволюционной биологии, ряда направлений физики и химии и мн. др.). Разумеется, жизнь вносит свои жесткие коррективы, но проблема – как пройти в рассматриваемом отношении между Сциллой необходимо-комплексного развития научно-образовательного комплекса и Харибдой дефицита ресурсов в непростой для Центральной Азии ситуации неизбежно потребует му-

чительного поиска оптимальных компромиссных управленческих решений. К сожалению, имеющийся мировой опыт в этом отношении очень противоречив и не может дать сколько-нибудь серьезных «подсказок»;

- недоучёт (точнее – не совсем верное использование в современной динамичной ситуации) особенностей своего исторического пути. Нам всем есть чему поучиться в этом отношении друг у друга, и нет ничего более опасного, чем попытки перенести на свою почву неадаптированные организационные формы и механизмы организации работы из других стран. Более того, своеобразие стран при правильной его оценке и использовании позволяет получить значительные конкурентные преимущества – подобные тем, что развивают индийские коллеги в подготовке программистов массовых квалификаций и др. Поэтому поиску своих исторически обусловленных конкурентных преимуществ для дальнейшей модернизации научно-образовательных систем должна быть посвящена заметная часть организационно-методических усилий.

5. Существует значительное число особенностей, динамично характеризующих отношения новых государств Центральной Азии с зарубежными странами в научно-образовательной сфере. Они могут как способствовать, так и препятствовать развитию данного направления сотрудничества, иметь как объективную, так и субъективную основу. Если говорить об «обиходно-повседневных» факторах, затрудняющих развитие научно-образовательного взаимодействия научно-образовательных комплексов стран региона с российскими организациями, то среди прочих хотелось бы обратить внимание на существенное взаимное непонимание и незнание университетскими сообществами современной ситуации в образовательных системах стран-партнёров. В частности, ни руководители, ни широкие слои работников российских вузов и научных институтов не представляют себе, какой громадный путь по установлению отношений сотрудничества с зарубежными странами в области образования сделали за последние годы новые государства Центральной Азии, какие новые организационные возможности для этого они получили и каков современный уровень конкуренции со сторо-

ны зарубежных организаций на местных рынках образовательных услуг.

В то же время мы видим, что те молодые люди из центральноазиатских государств, которые хотят учиться в России, крайне мало знают о современном российском образовании. В результате они продолжают стремиться в находящиеся «на слуху» вузы Москвы и Санкт-Петербурга, при том, что в России есть немало комплексных образовательных центров, в университетах которых качество подготовки не уступает таковому «в столицах», а условия проживания и уровень развития инфраструктуры зачастую их значительно превосходят. Это и расположенные в европейской части России Нижегородский и Казанский научно-образовательные центры, и уральский Екатеринбургский, и сибирские Томский и Красноярский, и дальневосточный во Владивостоке.

На данном направлении взаимного узнавания в новой ситуации сегодняшнего дня предстоит ещё очень многое сделать.

6. Подводя итоги и исходя из нашего опыта, мы считаем важным в качестве ключевых определить ряд моментов, учёт которых позволит в наиболее полной мере обеспечить ускоренное развитие кадрового потенциала новых государств Центральной Азии в качестве необходимого условия их успеха в развивающейся геополитической ситуации. В качестве таковых нам хотелось бы отметить следующее:

- ускоренное совершенствование научно-образовательных и научно-технологических систем – одно из ключевых условий независимого и максимально безопасного развития государств, не исключая и новые государства Центральной Азии;
- эффективное развитие сферы образования, науки и технологий требует не только активного международного сотрудничества, но и целевой разработки и реализации совместных с зарубежными странами проектов, в равной мере соответствующих интересам всех участников. Принципиально важно, что эти проекты должны быть взаимоувязаны между собой и носить системный характер. Кроме того, они в обязательном порядке должны базироваться на равноправной и взаимовыгодной основе – в широком смысле этого слова;

• для сбалансированного и сопряженного развития научно-образовательных систем в странах Центральной Евразии необходимо уделить дополнительное внимание подготовке молодёжи в области математики, естественных наук, информатики с параллельной реализацией специальных языковых программ. Эта, казалось бы, частная задача в случае её поэтапного решения позволит резко продвинуться в деле ускоренного включения на новом уровне интеллектуальной элиты региона в современное мировое научно-образовательное пространство;

• главное: в основу выстраивания новой конфигурации всей системы развития кадрового потенциала новых государств Центральной Азии во взаимодействиях со странами-лидерами в области образования, науки и технологий должен быть положен принцип соразвития. На наш взгляд, эпоха примитивного однонаправленного «перетаскивания мозгов» из менее развитых в технологическом отношении стран в более развитые должна уйти в прошлое. Ситуация, когда университеты стран, более мощных сегодня в области науки и образования, просто безвозвратно «черпают» из стран Центральной Азии наиболее способную и активную молодёжь и исследователей, особо не задумываясь над вопросами воспроизводства научной мысли и развития образования в данных странах, – это анахронизм, прикрывающийся знаменем «всемирности научного познания». Анахронизм, в конечном итоге не выгодный как донорам, так и реципиентам. Не выгодный странам-донорам, которые всё более обескровливаются в рассматриваемом отношении. А с другой стороны – и страны-реципиенты в итоге достаточно быстро теряют саму возможность привлекать к себе из региона подготовленную на отвечающем современным требованиям уровне молодёжь из-за недостаточно быстрых темпов развития образовательных систем «на местах» вследствие непрерывной «утечки мозгов».

Поэтому, как нам представляется, будущее – за формированием кадрового потенциала устойчивого развития новых государств Центральной Азии на основе системных взаимодействий с зарубежными партнёрами в области образования, науки и технологий, целенаправленно регулируемых с позиций интересов равноправного и взаимовыгодного развития всех сторон.

КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ: ИСЛАМ И СОВЕТСКИЕ ПРИНЦИПЫ СВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Тешебаева Айгуль Абдырахмановна
Председатель Фонда культурного развития народов «Кочевник» вице-президент по международным проектам и народной дипломатии Фонда поддержки культуры и искусства (Бишкек).

Культура, ощущение благополучия которой чувствуется в Таджикистане, и является тем важнейшим фактором, который позволяет с оптимизмом смотреть на мировое развитие Ислама, всей мировой Уммы и её части в евразийских странах, а также на светские и советские принципы управления обществом и государством. Кроме того, именно аспект развития национальных и народных культур и позволяет говорить о советских идеологических и технологических принципах госуправления отдельно от более общего понятия светского устройства общества в странах с преобладанием мусульманского населения, а Республика Таджикистан является в этом смысле просто полностью мусульманским государством[1].

У всех мусульман мира российские и евразийские мусульмане, которые по своей численности составляют очень небольшую часть мировой Уммы, вызывают особое уважение и доверие. Это уважение базируется на историческом опыте последних столетий, на том, что русское продвижение в 15-19 веках и советское в 20 веке шло вместе с мусульманскими политическими, военными и духовными

[1] Александр Собянин: Геостратегия Исламского мира и интересы России. Монография Клуба Aurora Expertum "Ислам как субъект глобальной политики". URL: http://conjuncture.ru/sobianin_26-06-2012_geostrategy_of_islam_and_russia; Бушков В.И., Мажаров И.В., Собянин А.Д. Россия в Средней Азии: как преодолеть негативные тенденции. Понять вынужденное, определить желаемое // НГ-Содружество. 2001. №1, 31 янв. С.14. URL: http://conjuncture.ru/central_asia_2001/ ; Бушков В.И., Поляков С.П., Селиванец А.А., Собянин А.Д. Таджикистан: образ российского стратегического союзника в СМИ // Профи. 2001. № 1-2. С. 67-72. URL: http://conjuncture.ru/profi_01-02-2001/ ; В сокращенном виде и с искажением смысла опубликовано: Зеркало не должно быть кривым. Центральная Азия в освещении российских СМИ // Независимая газета. 2001. 19 сент. URL: http://www.ng.ru/cis/2001-09-19/5_mirror.html; Забелло Я.Ю., Алексеев И.Л., Переслегин С.Б., Собянин А.Д. Цивилизационный выбор России. Ислам на постсоветской карте // Отечественные записки. 2003. №5(14), окт. URL: http://conjuncture.ru/islam_post-soviet_map_2003/ ; http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1071128880; Отношения России с оппозицией Центральной Азии: Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, Казахстан. С Александром Собяниным беседовал Андрей Рябченко / Центральноазиатский телеканал. URL: http://conjuncture.ru/catv-news-11-07-2015/; Стоит ли Памир русских денег и сил? Да, стоит! 74 статьи: Предельно важный Бадахшан – для России / ЖЖ Собянин (sobiainnen). URL: http://sobiainnen.livejournal.com/52038.html; http://conjuncture.ru/sobianin_25-07-2012/

вождями и лидерами[1]. Именно муллы, шейхи, пиры, миры, хазраты, кади, кази, другие представители мусульманских религиозных общин и составили, наряду с представителями воинских родов и сословий среднеазиатских народов, основной костяк местной администрации при Российской империи и во время советизации 1920-1930-х годов в СССР.

Такое русское и советское продвижение всегда улучшало экономический уровень развития мусульманских территорий, повышало культурный образовательный уровень мусульманских народов. На праздновании 225-летия Оренбургского духовного управления мусульман данный тезис озвучил Президент России Владимир Владимирович Путин.

В регионе Средней Азии, в понимании русской советской науки отделяемом от более широкого понятия Центральной Азии (the Middle Asia – formerly Soviet newly independent CIS republics, the Central Asia – the whole region with Mongolia, Afghanistan, Chinese Xinjang), фактор взаимодействия местных культур с приходящими из севера и востока крупными потоками военной и экономической мощи государств имперского типа, является исторически постоянным, т.е. географически детерминированным. И если смотреть в ретроспективе последних тысячелетий, то для культур среднеазиатских мусульманских народов русский советский фактор является преемственным по отношению к пришлому фактору народов алтайской языковой семьи, к имперским государствам тюрко-монгольской воинской управленческой элиты. Если брать этнический или исторический принципы, то одни и те же народы населяют разные берега Пянджа – Аму-Дарьи, пространств исторических Хорасана и Мавераннахра. Но если брать фактор внешних для региона влияний имперского типа, то можно говорить о таджиках, узбеках, туркменах и других двух разных пространств по берегам Аму-Дарьи. И в этом смысле очень корректно разделять понятия пространств Турана и Ирана, Турана как Среднеазиатского пространства русской географической науки и Ирана, входящего в

[1] Александр Собянин: Геостратегия Исламского мира и интересы России. Монография Клуба Aurora Expertum "Ислам как субъект глобальной политики". URL: http://conjuncture.ru/sobianin_26-06-2012_geostrategy_of_islam_and_russia; Россия в Средней Азии и на Кавказе: "центр силы" постсоветского пространства (исследование 2001 года) / под общ. ред. А.Д.Собянина. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. 104 с. URL: http://conjuncture.ru/book_sobianin-2001/

большое географическое понятие Центральноазиатского пространства вместе с Афганистаном, северо-западными регионами Китая и Монголией, о чём очень содержательно, основательно и, я бы сказала, увлекательно изложено в книге профессоров Шарифа и Рустама Шукуровых «Центральная Азия (опыт истории духа)»[1]. Профессора Института востоковедения РАН и Московского государственного университета братья Шукуровы, сыновья таджикского просветителя, учёного-филолога, философа, великого борца за чистоту и богатство таджикского языка Мухаммаджона Шакури, в этой книге и в других своих трудах осветили фактор внешнего влияния в регионе Средней и Центральной Азии в исторической ретроспективе, во время государств Чингизидов, во время Российской империи, СССР и в постсоветское время.

Традиционно много говорится о роли народной дипломатии и мягкой силы гражданского общества в продвижении интересов российских компаний и России. Нельзя относить ислам к частной теме «мягкой силы». Наша мусульманская вера – тотальная, всеобъемлющая, не позволяющая разделять в человеке светское и духовное, личное и общественное. Я бы отнесла ислам не к мягкой силе, а к основной силе евразийской цивилизации[2]. Туда, где находятся понятия народ, государство, вера, культура. Мировой Ислам, во всей полноте народов и культур мировой Уммы, в историческом процессе, в военном и экономическом продвижении продолжает развиваться, укрепляться, становиться полноценным цивилизационным фактором Человечества.

Это крупное историческое становление Ислама часто затеняется актуальной злобой дня, текущими политическими и финансово-экономическими, межстрановыми и межнациональными конфликтами, инициированными американскими и западными спецслужба-

[1] Рецензия: Шукуров Ш.М., Шукуров Р.М. "Центральная Азия (опыт истории духа) / Центр стратегической конъюнктуры. URL: http://conjuncture.ru/sobianin_04-09-2013/; Стоит ли Памир русских денег и сил? Да, стоит! 74 статьи: Предельно важный Бадахшан – для России / ЖЖ Собянин (sobiainnen). URL: http://sobiainnen.livejournal.com/52038.html ; http://conjuncture.ru/sobianin_25-07-2012/

[2] Тешебаева Айгуль. Мощный заряд сакральной энергии и сил – моя родная гора Сулейманка! / Фейсбук Айгюн Ханум. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2040236472964241&id=100009337253945; Ислам не мягкая сила, а основная сила русской евразийской цивилизации. Выступление Айгуль Тешебаевой на научно-практическом семинаре по теме «Россия и Турция: восприятие друг друга и пути преодоления стереотипов» (11 сентября 2018 г., г.Москва) / Институт стран СНГ. URL: https://sobiainnen.livejournal.com/221241.html ; http://materik.ru/rubric/detail.php?ID=46562

ми[1], а также спецслужбами ряда богатых исламских государств, мировой террористической войной, проводимой радикальными глобальными и местными страновыми и региональными исламистскими террористическими группами и организациями. Ислам как фактор мирового цивилизационного развития, фактор развития Исламской цивилизации и цивилизаций исламских народов, состоится для блага всего Человечества, при самом благожелательном, добром и активном участии немусульманских стран, немусульманских народов.

Кому как не нам, мусульманам среднеазиатских государств и России находить общий язык и не убеждать других мусульман в тех странах и на тех территориях, куда приходит евразийский геоэкономический интерес, где решается судьба геополитического интереса России и Евразийского Союза?! Где, по сути дела, решается судьба всего будущего мироустройства. Без узбеков, таджиков, кыргызов никогда не состоится масштабного экономического сотрудничества со странами Ислама, масштабного по мировым меркам. Высшее руководство Российской Федерации хорошо это понимает и поэтому наряду с участием государства и государственных структур в Организации Исламское Сотрудничество (ОИС), в Исламском банке развития (ИБР), других исламских международных организациях создало Группу стратегического видения «Россия – исламский мир». В рамках этой стратегической группы нарабатываются и реализуются культурные, образовательные, общественные и другие гуманитарные инициативы, которые содействуют экономическому сотрудничеству со странами исламского мира, политическому и человеческому сближению России с мусульманскими странами и народами. Фонд культурного развития народов «Кочевник» активно взаимодействует с российскими и международными исламскими организациями, участвует в целом ряде пер-

[1] Глущенко Ю.Н., Собянин А.Д. Исламский фактор во внешней политике США / Транскаспийский проект. http://conjuncture.ru/transcaspian-ru-20-06-2001/ ; http://sobiainnen.livejournal.com/136643.html; Собянин А.Д. Американцы в Евразии: опереться на исламистов, повстанцев и реваншистов [Комментарий к статье: Peters R. Blood borders. How a better Middle East would look] // RELGA. 2006. №14 (136), 01 авг. URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1103 ; http://conjuncture.ru/sobianin_01-08-2006/; Экс-агент ЦРУ в Пакистане М.Сейджман прочел в Москве лекцию о лично ему знакомых лидерах исламских террористов. Александр Собянин о лекции Марка Сейджмана в "Президент-Отеле" в рамках международной программы "Русские чтения" / ЦентрАзия.ру. URL: http://conjuncture.ru/centrasia-ru-27-01-2005/ ; http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1106855820

спективных проектов. В частности, в имеющем не только актуальное значение для данного выступления, но и для будущего развития нашего Среднеазиатского региона и всего мира Международном научно-издательском картографическом проекте «Атлас Ислама»[1]. Следует отметить, что наши проекты сотрудничества России, постсоветских государств и стран Большой Азии активно поддерживаются в Москве этническими таджиками, узбеками, казахами, кыргызами, азербайджанцами и турками, азербайджанцы в высшей степени заинтересованы в своём участии в строительстве Евразийского Союза, а турки хорошо понимают, что, несмотря на все понятные сложности взаимоотношений с Россией и евразийскими странами, именно мы, евразийские народы и государства являемся главным решающим фактором самого будущего существования Республики Турция в её нынешних географических и национально-культурных границах.

Наша православная мусульманская советская по своей истории и ценностям цивилизация – единая эффективная, неразделимая в любой важной внешней задаче[2]. Мы не можем сказать: «эта ГЭС или этот горнорудный комбинат построены православными славянами, а эти – мусульманами азиатами», - но ровно обратное, вся опорная система народнохозяйственных объектов, пространственной транспортной и энергетической инфраструктуры построена совместно, общим советским государственным планированием, общей работой, дружбой, любовью людей и народов. Мы сейчас, находимся на важном историческом этапе, во время самого начала, самых первых шагов и действий «Третьего возвращения России в

[1] Заквасин Алексей. Россия – единственный союзник ислама. В мусульманском мире у РФ должен быть имидж не колонизатора и покорителя, а державы-миротворца / KM.RU. URL: http://www.km.ru/v-rossii/2016/04/07/siriiskii-krizis/774690-rossiya-edinstvennyi-soyuznik-islama; О проекте «Атлас Ислама». Выступление руководителя проекта Константина Недельчука (11 сентября 2018 г., г.Москва) / Институт стран СНГ. URL: http://materik.ru/rubric/detail.php?ID=47084; Семинар в Институте Наследия. "АТЛАС ИСЛАМА: цивилизационная необходимость и политическая актуальность" / Центр стратегической конъюнктуры. URL: http://conjuncture.ru/atlas-islam-06-04-2016/ ; http://sobiainnen.livejournal.com/168861.html; Сергей Воробьев. Группа стратегического видения «Россия – Исламский мир» готовит к изданию мировой «Атлас ислама» / Rusisworld.com. URL: http://rusisworld.com/novosti-gruppy/gsv-rossiya-islamskiy-mir-gotovit-k-izdaniyu-mirovoy-atlas-islama/; Сергей Фролов. В России издадут не имеющий аналогов в мире "Атлас Ислама" / Совершенно секретно. http://www.sovsekretno.ru/news/id/9230/; Стартовал проект "Атлас Ислама в России" / Ислам.Ру. URL: http://www.islam.ru/news/2016-04-11/46823

[2] Ислам не мягкая сила, а основная сила русской евразийской цивилизации. Выступление Айгуль Тешебаевой на научно-практическом семинаре по теме «Россия и Турция: восприятие друг друга и пути преодоления стереотипов» (11 сентября 2018 г., г.Москва) / Институт стран СНГ. URL: https://sobiainnen.livejournal.com/221241.html ; http://materik.ru/rubric/detail.php?ID=46562

Среднюю Азию», о чём достаточно фундаментально и развёрнуто изложено в книге группы учёных и аналитиков под общей редакцией политического директора нашего Фонда культурного развития народов «Кочевник» Александра Собянина «Россия в Средней Азии и на Кавказе: «центр силы» постсоветского пространства»[1]. На этом начальном этапе большого исторического действия мы несём гораздо большую ответственность за будущее, чем те, у кого на сегодня в руках ресурсы военного, политического, финансового, экономического влияния.

Советские принципы управления обществом и государством являются философски и идеологически социалистическими, по историческому генезису преемственными религиозным и народным принципам управления обществом, по основному содержанию полностью базирующимися на фундаменте светской науки, на единстве светской образовательной системы от младшей школы до университетов и академических институтов и центров. При этом, будучи изначально атеистической антирелигиозной, советская идеология через бури и испытания 20-го и начала 21-го веков прошла большую трансформацию и уже давно непротиворечиво взаимодействует с традиционными для нашего пространства и народов религиями, сочетая научный светский принцип познания и религиозный духовный путь. Эта справедливая единая культурная сила нашей советской евразийской цивилизации хорошо принимается всей большой Азией, и не только мусульманской Азией.

[1] Россия в Средней Азии и на Кавказе: "центр силы" постсоветского пространства (исследование 2001 года) / под общ. ред. А.Д.Собянина. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. 104 с. URL: http://conjuncture.ru/book_sobianin-2001/

ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЕВРАЗИЙСКИХ СТРАН: ПРОСВЕЩЕНИЕ МОЛОДЕЖИ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕДИЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Аляутдинов Ринат
Руководитель первого мультимедийного образовательного интернет-проекта по изучению ислама IMEDRESE, президент Фонда поддержки инноваций "Инносфера" (г. Москва, РФ)

На протяжении веков идет противостояние добра и зла, тьмы и света за души людские. И в этой борьбе человек не может не выбрать какую-либо сторону, остаться безучастным. Ведь равнодушие по отношению ко злу – это уже соучастие в нем.

Мы ежедневно сталкиваемся с этим выбором – между добром и злом. Как писал величайший ученый, исламский мыслитель Мухаммад аль-Газали, «развитие личности невозможно без противостояния злу» (книга «Эликсир счастья»). Нет очищения без грязи. История человечества доказывает, что зло невозможно уничтожить, истребить.

Мы, дети Советского Союза, думали, что фашизм был уничтожен. Для назидания будущим поколениям были сооружены огромные памятники, написаны многомиллионными тиражами книги и учебники, сняты тысячи фильмов об этой трагедии человечества, об ужасе и стольких человеческих жертвах, убитых в бессмысленном противостоянии человека и человека. Самые лучшие умы Америки, Европы и Азии, да и всего мира, были вовлечены в борьбу с нацистской идеологией, фашизмом. Телевидение и радио работали над созиданием, народы – над строительством и творчеством, за мир и дружбу выступали наши страны. Развитие информационных технологий в 20 веке принесло огромную пользу для разных сфер общества. Я помню радиоточки в каждой квартире и доме, помню, как телевизоры манили детей и взрослых, как свет мотыльков.

Наверное, все помнят, как проходил парад Победы союзнических войск в Берлине 7 сентября 1945 г. Почти в тот же день возникло соперничество в вооружении. Каждая страна продолжала превозносить свои идеалы, демонстрировать свои таланты, успехи и достижения. Началась демонстрация превосходства наций –американца в

Америке, советского человека в СССР, а европейца в Европе. Снова борьба за души. Каждый хотел расширить сферы своего влияния в мире. За 20 с лишним лет я лично стал свидетелем того, как появляются одни и исчезают другие страны, видел, как был разрушен такой гигант, как Советский Союз.

Наступила эра информационных технологий – когда нет преград в пространстве, когда даны одинаковые возможности как отдельному человеку, так и целым государствам. Невероятное в реальности. Я вижу, как некоторые страны пытаются отгородиться от Интернета, стремясь защитить свой внутриполитический стандарт от чужой информации, выбирают методы запрета и наказания своих же граждан, внушая страх перед западным миром или терроризмом. Используя те же информационные технологии, выбирая себе оправдание, что все меры направлены только на защиту прав и свобод своего народа.

Наступили времена, когда изоляция может лишь усугубит ситуацию. Оказавшиеся между условными западом и востоком умные люди должны смотреть гораздо шире, дальше. Как говорится в Коране, благочестие не в том, что обращаете вы лица на запад и восток (Коран 2:177). И, на мой взгляд, Евразия – хранительница очага человечества, где на протяжении многих веков оберегались устои гуманизма. Кто видит путь, тот и должен указать на него. Это не привилегия, а ответственность. Страх перед глобализацией возникает у тех, кто не доверяет своим силам и не готов понять, что свет на его стороне, шансы же даны всем одинаково справедливо. Каждый из нас должен сделать свой выбор – на какой он стороне. Не нужно принимать решение ни за население, ни за граждан своей страны или своего аула, а сначала нужно решить для себя лично. Каждый разумный человек понимает, что ни территории, ни национальность, ни цвет кожи и языки наши не определяют, кто мы в душе! То, чем мы живем, наше поведение, поступки и есть выражение нашей сути.

Защита общественной безопасности наших стран заключается в том, чтобы осознавшие глобальность этого вопроса руководители регионов призвали все свои силы и принимали самое активное участие в решении поставленных задач в международном масштабе, расширяя тем самым свои возможности. Под силами я имею в виду,

в первую очередь, просветительские, все, что освещает – информационные, медийные технологии, направленные на воспитание в человеке созидательных, добрых качеств. Для того, чтобы вырваться вперед, нужно делать самые правильные шаги. Создавать новые связи и использовать старые для увеличения интереса к этому движению со стороны большего числа молодежных, общественных организаций и просто граждан неравнодушных к судьбе своего общества.

Приоритетной задачей сегодня, на мой взгляд, является устремление добрых сил на реализацию самых перспективных проектов. Наша цель – совместное участие в информационной защите и пропаганде общечеловеческих ценностей. Наши усилия и такого рода объединения, проекты должны поддерживаться на всех уровнях. Ибо наша деятельность направлена на сохранение института семьи, защиту общественной безопасности, воспитание достойного молодого поколения, образование, просвещение.

У евразийских народов есть все, чтобы повести остальное человечество к новому уровню развития, что очень важно, не обожествляя при этом свой опыт и стандарты. Нам нужно объединить потенциал наших народов для улучшения жизни каждого, для заботы об общем доме, о мире, в котором мы живем. Хотят или нет этого старшие, в любом случае, молодое поколение изменит мир. Так как мир останется им. Тот, кто сталкивается со смертью и выживает, больше ценит свою жизнь. Оказавшись перед угрозой, человек осознает необходимость защиты. Общество, не принимающее меры по сохранению своих ценностей, обречено стать носителем чужой культуры, идеи.

Проблема не в *профессионализме* того или иного чиновника, руководителя, а порой в элементарном *воспитании*. Тупик или лучше «болезнь системы» возникли не мгновенно. Есть университеты, институты, море учебных заведений, курсов экономики и политики и т д., но нет обучения нравственности. Вирус безнравственности проникает во все сферы жизнедеятельности любого общества, где за деньги можно купить всё, такое общество уже можно считать больным раковыми опухолями.

Безнравственность – это оружие, которое уничтожает в человеке совесть и внедряется через наши же информационные ресурсы в сознание наших детей. Посмотрите любые художественные фильмы, даже детские мультфильмы, особенно, выпущенные после 90-х: они полны жестокости и безнравственных сцен. Когда на Западе создавали американскую мечту, капитализм, у нас ковали коммунизм. Нормы морали сохраняли, однако на глобальном уровне внедрялся научный атеизм. Почти все образовательные учреждения постсоветского пространства и по сей день учат детей, что люди произошли от обезьяны.

То, откуда наши предки веками черпали свою человечность, получили научное и цивилизационное развитие, сегодня нам преподнесли как опасность и угрозу, связав нашу религию – ислам – с терроризмом. «Кто-то» веками усердно пытается нас обезбожить, заставляя противостоять собственным же ценностям.

В мире продолжается масштабный процесс глобализации, диктуемый уже не только Западом. Речь не идет об оккупации территорий, хотя и это, как мы видим, не исключается. Процесс больше несет виртуальный –цифровой характер. Идет переход на цифровую экономику, цифровое правительство, виртуализация образования, автоматизация медицины и других структур и систем жизнеобеспечения обществ. Каждый человек станет частью одного глобального мира. Цифровое пространство предлагает постоянно обновляющуюся систему защиты как общественного, так и частного порядка. Как говорят: «Мир един, и человечество должно быть едино»! Цифровой мир подошел так близко, проникает в нашу жизнь с такой скоростью, и мы с такой легкостью привыкаем к его условиям, что все это кажется естественным явлением. Каждому человеку и каждой стране придется принять это решение, но, в любом случае, это неизбежность, если мы хотим оставаться среди людей. Ведь речь идет об объединении человечества. И Евразийские страны не имеют право оставаться в стороне. Но как ориентироваться в таких условиях, есть ли другой, альтернативный путь решения? Скептики пугают нас тем, что каждый человек будет под контролем электронной системы. Не станет ли этот глобальный мир глобальной тюрьмой? Вопрос остается открытым.

Все, что накопило человечество за все свое время обитания на земле, имеет не только светлую окраску. Как же быть с теми же пороками и слабостями, присутствием отрицательной и вредной информации? Новые так называемые информационные технологии – это лишь средство. А мы должны заполнить его содержанием. Никто не освобождает нас от выбора между добром и злом, если даже будет запущен виртуальный мир, над которым усердно работает господин Цукерберг. Глобализация — это лишь стадия, процесс формирования единого мира. Если мы считаем, что мы хранители добрых нравов и устоев человечности, то должны явить миру эти ценности в цифровом формате, да и *в любом формате, если это потребуется.*

Решения должны быть направлены на создание *евразийской международной информационной биржи*, которая поможет охватить сразу все сферы жизни наших народов. Мы должны предлагать проекты не только для решения кризисной ситуации, но и для ускорения существующих, работающих проектов. Жизнь должна была уже научить нас, что важным является не цель, а сам процесс, направленный к лучшему, к постоянному обновлению всех сфер жизни общества.

Одним из приоритетных направлений на сегодня я считаю воспитание молодежи. Наша задача – научить её стать полезным себе, своим родным, своему государству и человечеству. Это подготовка не только управленцев, но создание современнейших площадок для созидателей. Для этого мы должны выбирать самые удобные пути воплощения в жизнь самых нужных проектов. Так, в 2014 г. мы запустили образовательный проект imedrese. Это автономная русскоязычная образовательная платформа дистанционного обучения основам ислама, где получают знания жители почти всех регионов. Мы работаем над его развитием и ищем возможности еще большего расширения.

Если мы мусульмане, значит мы сами обязаны обучать своих детей и молодежь исламу. Это святая обязанность, возложенная на нас самих. Должны быть закрыты все пути проникновения инфовирусов, для этого, мы должны предлагать для своей молодёжи исламские медиа-продукты лучшего, конкурентно способного в меж-

дународном уровне качества. Нужно произвести срочное техническое обновление, прежде всего работы духовенства, наших мечетей и медресе, наладить систему трудоустройства выпускников религиозных учебных заведений. Они должны быть востребованы в современном обществе. Нужно помнить, что за упущение всегда приходится платить. Те, кто призваны просвещать молодежь, должны находиться под опекой государства.

Под техническим обновлением я имею ввиду производство цифрового контента. В мечетях наших стран организация видеозаписи проповедей составляет менее 1%, а говорить о трансляциях проповедей и вовсе не приходится. Не хватает мотивационных программ для духовенства, нужно показать примеры деятельности успешных религиозных организаций или просто научить как это делать. Есть граждане, которые не всегда или по какой-либо другой причине не могут посещать мечети, медресе, но также нуждаются в правильном исламском наставлении. Это люди, находящиеся в исправительных заведениях, инвалиды и т д. Кто за это ответит? Представьте, если, к примеру, в каждой из 3500 мечетей Таджикистана проповеди будут записываться на видео, то только за один месяц получим более 42 000 единиц медиапродукта (в форматах видео, аудио, текст). Это шах и мат всему экстремистскому информационному потоку в интернете.

Настали времена, когда религиозные услуги, должны быть более открыты и доступны населению. Для решения этой задачи в 2013 году мы запустили в России Интернет-проект iMulla.ru. Это удобный сайт, где одним кликом, можно пригласить муллу для проведения религиозных обрядов и мероприятий. Благодаря этому сервису наши муллы стали ближе к народу, стали доступны там, где нет мечетей и медресе. Теперь каждый может пригласить муллу на iMulla.ru. Правильный контент – и есть лучшее средство защиты общественной безопасности.

ФОРМИРОВАНИЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Шерали Ризоён

Кандидат политических наук,
Старший научный сотрудник отдела СНГ Института по изучению проблем государств Азии и Европы Академии наук Республики Таджикистан

В современных условиях вопросы формирования концепции «мягкой силы» и инструментов ее реализации во внешней политике приобретают особую актуальность. Данный дискурс прежде всего связан с поиском новых путей и подходов к защите национальных интересов. Актуальность данного дискурса можно обозначить с двух позиций, т.е. как внутренние естественные потребности и внешняя политическая среда.

Под внутренними условиями понимаются существующие потребности и возможности расширения инструментов внешней политики для укрепления и развития государственного суверенитета.

Внешняя сторона вопроса актуализируется тем, что в условиях глобализации и укрепления информационного общества появляются новые вызовы и угрозы, для решения которых используются как военные, так и невоенные методы. Концепция «мягкой силы» (в последующих разработках «умной силы»), начиная с конца 90-х годов XX века, предоставляет практические инструменты для реализации национальных интересов. Для наращивания своего геополитического влияния на различные регионы и страны мира акторы современных международных отношений применяют концептуально обоснованные инструменты «мягкой силы». Сегодня «мягкая сила» реализуется со стороны целого ряда государственных институтов и неправительственных организаций с целью формирования и укрепления необходимого общественного мнения, которые создают платформу для будущих геополитических и идейных действий/противодействий.

На примере Центральноазиатского региона можно констатировать, что после обретения независимости начался процесс форми-

рования и укрепления национальной государственности. Все страны, без исключения, были заняты решением своих внутренних проблем и формированием «собственной» стратегии национального развития. В начале третьего десятилетия государственной независимости страны Центральной Азии приближаются к завершающей фазе национального строительства. В этом ключе одной из малоизученных проблем, которая может комплексно влиять на политические процессы и уровень активности стран региона в международных отношениях является «мягкая сила» внешних игроков.

Теоретико-методологическое исследование «мягкой силы» выступает в качестве важного сегмента реализации национальных интересов и формирования позитивного имиджа государства на международной арене. Сегодня культурно-гуманитарный аспект играет значимую роль как в обеспечении стабильности и безопасности, так и в устойчивом развитии экономики и предоставляет возможности для наращивания человеческого потенциала. Этот дискурс наиболее актуален для стран Центральной Азии, в том числе Таджикистана, с учетом того, что сегодня «мягкая сила» используется различными государствами вне зависимости от их военно-политического и экономического потенциала в глобальной политике. Век информации и «информационного общества» предоставляет странам возможность защищать свои национальные интересы во внешней политике невоенными способами. Возможности «мягкой силы» широко используются при планировании и реализации внешнеполитических мероприятий. В этом контексте Таджикистан может использовать существующие природные богатства для формирования положительного имиджа республики, что необходимо для привлечения иностранных инвестиций и реализации туристического потенциала.

Значимость проблемы формирования концепции «мягкой силы» во внешней политике обусловлена следующими основными факторами.

Во-первых, государства Центральной Азии на протяжении более двух десятков лет являются объектом мягкой силы глобальных и региональных держав. Анализируя протекающие процессы в регионе, можно обозначить различные аспекты результатов реализации мягкой силы внешними игроками, такие как: 1) политические

(формирование необходимого общественного мнения с целью кооперации с отдельными государствами); 2) экономические (формирование различных площадок для поддержки экономических инициатив); 3) культурные (переформатирование политических ценностей (в том числе, идентичности) и их изменение с учетом использования практики других внерегиональных игроков – в данном случае прецедент направлен на формирование широкой цивилизационной общности); 4) конфессиональные (рост нетрадиционных для региона религиозных течений, вследствие которого в годы независимости наблюдается всплеск экстремистских идей; миссионерская деятельность исламских и неисламских религиозных течений) и т.д. Для формирования необходимого общественного мнения граждан по всем вышеназванным аспектам в страны региона направлены мощные информационные ресурсы, культурно-информационные центры, образовательные программы и т.д. Сегодня в Центральноазиатском регионе наблюдаются инструменты мягкой силы более 10 стран, которые находятся на разном уровне по степени влияния.

Во-вторых, существование различных интеграционных проектов, направленных на страны Центральной Азии со стороны внерегиональных игроков, может способствовать как реализации национальных интересов стран региона, так и играть сдерживающую роль в тесной внутрирегиональной кооперации. Политические и экономические проекты, которые предлагаются со стороны Российской Федерации и Казахстана (ЕАЭС), КНР (Экономический пояс Великого шелкового пути или «Один пояс и один путь»), а также другие форматы взаимодействия, как, например, США (С5 +1), Японии (Диалог «Центральная Азия + Япония»), Республики Корея (Форум «Республика Корея – Центральная Азия») и других стран, прежде всего направлены на обеспечение стратегических интересов страны-инициатора и вовлечение государств ЦАР, в том числе Таджикистана, в решение существующих проблем и определение дорожной карты совместного развития. Страны-инициаторы для реализации своих проектов активно используют инструменты мягкой силы, и изучение данного процесса отвечает интересам обеспечения национальной безопасности всех государств Центральной Азии.

В-третьих, с учетом вышеназванных факторов проблематика наращивания собственной мягкой силы стран Центральной Азии для сопровождения внешнеполитических акций: от привлечения инвестиций до иностранных туристов – приобретает особую практическую значимость.

Следует подчеркнуть, что в государствах региона наблюдается процесс использования «мягкой силы» как для формирования позитивного имиджа, так и для решения внутренних проблем. В качестве примера следует отметить, что в «Концепции внешней политики Республики Таджикистан» в подпунктах «3.5. Культурно-гуманитарная дипломатия» и «3.6. Информационная дипломатия» обосновано использование «мягкой силы» для достижения приоритетных задач[1]. Поэтому одним из важных условий реализации национальных интересов Таджикистана во внешней политике с целью формирования положительного имиджа страны на региональном и международном уровне можно назвать активное использование «мягкой силы».

В чем заключается важность формирования концепции «мягкой силы» во внешней политике Таджикистана?

Поиск ответа на поставленный вопрос требует широкого рассмотрения проблематики реализации национальных интересов страны, так как постоянно совершенствующаяся и конкурентоспособная внешняя политика во многом определяет эффективность реализуемых мер по обеспечению национальной стратегии развития.

Так, *первой* необходимостью выступает формирование положительного имиджа Таджикистана на региональном и международном уровне. Данный подход требует серьёзного концептуального обоснования, финансовых ресурсов и привлечения внимания политической и интеллектуальной элиты. Основным трендом четвертого десятилетия суверенитета для Таджикистана будет вопрос имиджа и концептуализации внешней стороны восприятия страны как участника международных отношений.

Второй необходимостью является наращивание собственной «мягкой силы» для сопровождения внешнеполитических акций: от

[1] См.: Концепция внешней политики Республики Таджикистан. Утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 27 января 2015 года № 332.

привлечения инвестиций в реальный сектор экономики до иностранных туристов. В целом, в контексте поиска места Таджикистана в мировом разделении труда можно отметить, что сфера сервиса предоставляет нам существенные возможности для реализации нашего внутреннего потенциала. Поэтому для повышения инвестиционной привлекательности следует активно использовать инструменты мягкой силы. Другими словами, активное использование данного дискурса может привести к гармоничному восприятию как внутренней политики, так и стратегии государства в сфере привлечения инвестиций со стороны внешних акторов.

Третьей необходимостью является использование инструментов «мягкой силы» для реализации гидроэнергетического потенциала страны, что существенным образом меняет положение Таджикистана в региональном и международном восприятии. Сегодня из-за глобальных экологических угроз особую актуальность приобретают подходы, которые направлены на использование зеленой экономики. В этом контексте при правильном и обоснованном планировании привлечения инвестиций в сферу гидроэнергетики можно извлечь реальную выгоду. Данный подход тесно связан с сопровождением внешней политики в этом направлении.

Известно, что водная дипломатия Таджикистана находится в активной фазе формирования и имеются значимые успехи на примере глобальных инициатив политического руководства страны по рациональному использованию чистой воды и переформатированию данного фактора от дискурса соперничества к сотрудничеству на примере политических процессов в Центральноазиатском регионе.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Бабаджанова Мунзифа Мирзоена
Кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Российско-Таджикского (Славянского) университета, заведующая кафедрой ЮНЕСКО при РТСУ

Осваивая ценности окружающего мира, мы опираемся на устоявшиеся в нашей культуре традиции, нормы, обычаи. Духовный, культурный, экономический и социальный капитал невозместимой ценности – это культурное наследие. Наравне с природными богатствами это главное основание для национального самоуважения и признания мировым сообществом. Культурное наследие – понятие широкое и многоплановое: сюда входит как духовная, так и материальная культура. Понятие «культурное наследие» связано с целым рядом других категорий теории культуры (культурные ценности, традиции, новаторство и др.), но имеет свой собственный объем, содержание и значение. Так как развитие идет от прошлого к настоящему и от настоящего к будущему, поэтому в обществе всегда, с одной стороны, живут традиции, в которых сконцентрирован опыт предшествующих поколений, а с другой – происходит рождение новых традиций, представляющих собой опыт, из которого будут черпать знания будущие поколения.

В каждой культуре складывается своя система ценностей, отражающая ее специфическое положение в мире. Культура Таджикистана – не только древняя, но и богатая, всесторонняя, охватывающая практически все ее направления и виды.

Концепция культурного наследия народов представляет собой логическое отображение на национальном уровне концепции всемирного культурного наследия, закрепленной в современном международном праве. Важнейшими документами в области охраны всемирного культурного наследия являются «Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия», принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО на семнадцатой сессии (Париж,

16 ноября 1972 г.), и Рекомендация по сохранению исторических ансамблей (1976 г.)[1].

Конвенция касается памятников, культурных и природных объектов, имеющих исключительную ценность для всего человечества. Республика Таджикистан ратифицировала данную Конвенцию, стала ее членом. Комитетом всемирного культурного и природного наследия при ЮНЕСКО в Список всемирного наследия были внесены и некоторые памятники культуры Таджикистана: Саразм – первый в Таджикистане памятник Всемирного наследия – древнейшее поселение (IV-II тысячелетие до н. э.), имеющее историю свыше 5500 лет (внесен в 2010 г.); Национальный парк Таджикистана, который имеет уникальный природный ландшафт (внесен в 2013 г.). Впервые за много лет на Карте всемирного наследия ЮНЕСКО появились и памятники культурного и природного наследия таджикского народа.

Внесение памятника культуры в Список всемирного наследия означает, что он становится объектом особой защиты и в случае необходимости могут быть организованы международные акции по его сохранению, оказана первоочередная помощь в его изучении, предоставлены эксперты, сложное оборудование и т.д.

Современная тенденция переосмысления роли и значения культурного наследия состоит в стремлении не только сохранить его в первозданном виде, но и активно включить в основу современной жизни. То есть сам процесс истории художественной культуры выступает здесь не только как процесс сохранения прошлого и накопления культурных ценностей, но и как процесс открытия нового в старом.

В ноябре 2003 г. ЮНЕСКО провозгласила «Музыку Шашмаком – Таджикистана и Узбекистана – Шедевром устного нематериального культурного наследия человечества»[2]. В сентябре 2009 г. праздник Навруз был включен в репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО, и в конце

[1] Продвижение и выполнение конвенций по сохранению культурного наследия в Центральной Азии // Материалы субрегиональной встречи по продвижению культурного наследия в Центральной Азии (Душанбе, Таджикистан, 19-20 января 2007 г.). Душанбе, 2007. С.42-51; www.unesco.org

[2] Бабаджанова М.М. Еще раз о Шашмакоме. // Вестник Международного института Центральноазиатских исследований. Самарканд, 2007. Вып.5. С.12-16; Бабаджанова М.М. Калейдоскоп культур. Душанбе: Статус, 2007. С.49.

февраля 2010 года 64-я сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций объявила 21 марта Международным днем Навруза[1]. А 29 ноября текущего года искусство вышивания Чакан – культурное наследие таджиков – ЮНЕСКО включило в репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества[2].

Культурное наследие несет в самом себе и функцию подлинно современного явления культуры. Лучшие произведения искусства не только продолжают участвовать в жизни человечества, но в них художественная культура не знает старения.

Важно понимать преемственность художественных ценностей не как механическое использование культурного наследия прошлых поколений. Хранить наследство еще не значит ограничиваться этим наследством. Необходимо изучать это наследство и активно включать его в современную социокультурную ситуацию. «Культура есть память. Поэтому она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества. И поэтому, когда мы говорим о культуре нашей, современной, мы, может быть, сами того не подозревая, говорим и об огромном пути, который эта культура прошла. Путь этот насчитывает тысячелетия, перешагивает границы исторических эпох, национальных культур и погружает нас в одну культуру – культуру человечества»[3].

В тесном сотрудничестве с ЮНЕСКО работает Международный совет по вопросам сохранения исторических мест и исторических памятников – ИКОМОС. Эта организация, основанная в 1965 году и объединяющая специалистов из 88 стран, строит свою деятельность на охране культурно-исторических ценностей, их реставрации и консервации. ИКОМОС также занимается подготовкой специалистов и вопросами законодательства. Огромное значение в деле сохранения культурного наследия получила Венецианская Хартия (Венеция, май 1964 г.)[4]. Согласно Хартии, историческими па-

[1] www.unesco.org; www.un.org; Masterpiece of intangible cultural heritage of Tajikistan. Promotion of Safeguarding Intangible Cultural Heritage // Final Report of the 2004 ACCU Regional meeting in Asia and the Pacific. – Osaka, Japan, 2004. 26 February – 1 March. P.168-170.
[2] www.unesco.org
[3] Радугин А.А. Культурология. М.: Инфра-М., 2007. С.266.
[4] www.unesco.org

мятниками считаются отдельные архитектурные сооружения, комплексы городской и сельской постройки, которые сложились исторически и связаны с культурными процессами или историческими событиями. В Таджикистане немало таких комплексов. К примеру, Куляб и Истаравшан, Душанбе и Гиссар и многие другие. В 2006 г. мы отмечали 2700-летие города Куляба, который был включен в список юбилейных дат ЮНЕСКО. В сентябре 2009 г., в ходе своего официального визита в Республику Таджикистан Президент Индии Пратибха Патил посетила г. Куляб. В знак уважения к таджикскому народу, его истории и культуре она посетила мавзолей Мир Саид Али Хамадони и подарила специально подготовленное покрывало ручной работы с полудрагоценными камнями Индии на его гробницу. Истаравшан признан ровесником Рима и его юбилей праздновался под эгидой ЮНЕСКО. Город Душанбе в сентябре 2004 года в г. Барселоне (Испания) получил Премию ЮНЕСКО «Город мира». В номинации были освещены вопросы: 1. Толерантность как основа культуры мира; 2. Навруз – сотрудничество, единение и мир; 3. Сохранение культурного наследия – История города Душанбе и 4. Зеленое кольцо столицы[1].

В октябре 2015 г. мы отметили 3000-летие Гиссара, также включенного в юбилейный список ЮНЕСКО.

По инициативе ИКОМОС принят ряд документов по совершенствованию охранного дела в мире. Среди них – Флорентийская международная Хартия по охране исторических садов (1981 г.), Международная Хартия по охране исторических мест (1987 г.), Международная Хартия по охране и использованию археологического наследия (1990 г.)[2].

Международный центр исследований в области консервации и реставрации культурных ценностей, получивший название Римского центра – ИККРОМ, особо выделяется среди негосударственных организаций, занимающихся вопросами всемирного историко-культурного наследия. Членами ИККРОМ являются представители 80 стран. Данный центр изучает и распространяет документацию, координирует научные исследования, оказывает помощь и дает ре-

[1] Бабаджанова М.М. Калейдоскоп культур. Душанбе: Статус, 2007. С.40-43; www.unesco.org
[2] www.unesco.org

комендации по вопросам охраны и реставрации памятников, организации подготовки специалистов.

Все более общественно-политический, идеологический характер приобретает отношение к культурному наследию. Острота постановки проблемы обусловлена тем, что развитие культуры рассматривается в контексте тех изменений, которые происходят в политической жизни государства. На сегодняшний день накоплен существенный опыт по возрождению и сохранению культурно-исторического наследия, расширен диапазон работ различных учреждений и организаций по выявлению, восстановлению и использованию памятников истории и культуры. Все большее значение приобретает включение в эту деятельность широких слоев населения.

Человечество в каждую историческую эпоху критически взвешивает доставшиеся ему в наследство культурные ценности и дополняет, развивает, обогащает их в свете новых возможностей и новых задач, встающих перед обществом, в соответствии с потребностями определенных социальных сил, решающих эти задачи в плане как научно-технического, так и социального прогресса. Культурное наследие не есть нечто неизменное: культура любой исторической эпохи всегда не только включает культурное наследие, но и творит его.

Большую роль в защите, сохранении и развитии культурного наследия в стране играют Министерство культуры Республики Таджикистан, Институт истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Академии наук Таджикистана и другие. В Таджикистане функции охраны историко-культурного наследия выполняет Общество охраны памятников истории и культуры Республики Таджикистан.

Следует отметить деятельность частных клубов и объединений республики, которые проводят работу по сохранению, защите и развитию культурного наследия – это клуб «Мино» (руководитель С.Ходжиева), «Хафт пайкар» (руководитель М.Каюмова), «Музей музыкальных инструментов Гурминджа Завкибекова» (руководитель И.Завкибеков). Музей был основан в 1990 г. на базе частной коллекции народного артиста Республики Таджикистан Гурминджа Завкибекова. На Востоке музыкальные инструменты всегда были

средством озвучивания творений поэзии. Инструмент выражал душу певца – хафиза, затрагивал самые тонкие струны и глубокие чувства автора. Инструмент олицетворял человека с его переживаниями и радостями, молодостью и старостью, добром и злом. Музей насчитывает в своих фондах свыше 200 экспонатов со всех стран Азии. Можно привести много примеров того, как в Таджикистане защищают, сохраняют и развивают наше богатое культурное наследие.

Вот лишь несколько примеров культурного наследия таджиков, которые заслуживают и должны быть известны всему миру, которые заслужено должны быть внесены в Список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО и признаны Шедеврами нематериального наследия человечества: Хульбук и Аджина-Теппа; музыка долины Зеравшана и памирские танцы; сюзане, читгари, гулбаст и многие другие.

Учитывая богатое культурное наследие таджиков, государству и обществу, ученым и специалистам, организациям, в функции которых напрямую входят обязанности по защите, сохранению и распространению культурного наследия, необходимо сделать все возможное, чтобы не утратить его.

В международных документах отмечается, что «культурное наследие народа включает произведения его художников, архитекторов, музыкантов, писателей, ученых, а также работы неизвестных мастеров народного творчества и всю совокупность ценностей, дающих смысл существованию человека. Оно охватывает как материальные, так и нематериальные, выражающие творчество народа, его язык, обычаи, верования; оно включает исторические места и памятники, литературу, произведения искусства, архивы и библиотеки»[1].

Невосполнимы и необратимы утраты культурных ценностей. Любые потери наследия неизбежно отразятся на всех областях жизни нынешнего и будущих поколений, приведут к духовному оскудению, разрывам исторической памяти, обеднению общества в целом. Утрата культурных ценностей не может быть компенсиро-

[1] Декларация Мехико по политике в области культуры // Культуры: Диалог народов мира / ЮНЕСКО. 1984. № 3. С.77.

вана ни развитием современной культуры, ни созданием новых значительных произведений. Накопление и сохранение культурных ценностей – основа развития цивилизации.

В культуре народов Средней Азии много общего, которое проявляется в психологии народов, их давних связях, взаимообусловленности.

Поэтому следует особо подчеркнуть, что со времен Шелкового пути до сегодняшних дней проходил и проходит интенсивный обмен культурными ценностями между народами региона и другими ближними и дальними странами на пересечении этого великого пути.

С незапамятных времен Центральная Азия находится на стыке культур и религий. Благодаря своему географическому положению и богатому историческому наследию, этот регион всегда играл существенную роль в распространении культурных, научных и религиозных идей между Востоком и Западом, севером и югом.

Уникальность нашего региона заключается не только в том, что на протяжении всей своей истории он находится на стыке восточной и западной культур и цивилизаций, занимая особое место в их взаимном диалоге. Как известно, в Центральной Азии синтезировались элементы разных культур и цивилизаций: кочевой и земледельческой, греческой и тюркской, иранской и арабской, христианской и исламской.

В наше время, когда глобализационные процессы все больше угрожают культурной самобытности, национальному самосознанию, все больше наблюдается интерес к своей истории, культуре, вкладу своих предков в мировую культуру.

Сегодня очень важно определить соотношение глобализационных процессов и культуры отдельных народов и регионов. Необходимо учитывать общемировые тенденции развития культуры и сохранение самобытности национальных культур.

В условиях глобализации особую актуальность приобретают распространение культурных стандартов, сохранение этнокультурного многообразия и самобытных традиций в сочетании с развитием диалога и контактов.

Во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии подчеркивается, что именно культура должна рассматриваться как

совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков – духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных – и что помимо искусства и литературы оно охватывает «образ жизни», т.е. «умение жить вместе», системы ценностей и верований[1].

Культурное разнообразие постоянно обогащает нашу жизнь. Культурное разнообразие – это результат многих тысячелетий. И наша задача не просто распространять знания о культурном разнообразии, но и помочь молодому поколению понять основные положения Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии, умении пользоваться благами культурного разнообразия и своими действиями помогать сохранять его для будущих поколений.

[1] www.unesco.org

ПРИОРИТЕТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В СИСТЕМЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Шарапов Отабек Муродович
Кандидат политических наук,
Заведующий кафедрой Зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского (Славянского) университета

Республика Таджикистан стала полноправным членом СНГ 25 декабря 1991 г. после ратификации учредительных документов данной организации. Прочные связи Таджикистана с СНГ были предопределены политическими, социальными и культурными узами[1]. В этой связи необходимо отметить, что наступившее после распада СССР состояние неопределенности и нестабильности поставило перед руководством Таджикистана сложную задачу по адаптации страны к новой геополитической ситуации и выработке внешнеполитических приоритетов, которые соответствовали бы новым региональным и глобальным политическим, экономическим и духовно-культурным условиям. При формировании своей внешней политики, Таджикистан, наряду с налаживанием приоритетных отношений со странами СНГ, уделил серьёзное внимание развитию и расширению связей и с другими государствами мира и объявил, что двери республики открыты для всех стран, которые намерены поддерживать плодотворные и доброжелательные отношения с нашим государством. В подтверждение этих слов уместно привести фундаментальные концептуальные положения внешней политики, которые были озвучены Лидером нации Эмомали Рахмоном 28 декабря 1993 г.: «Во время разработки концепции внешней политики нашей страны мы должны учесть, что Республика Таджикистан с точки зрения географического расположения, геополитического положения и своих экономических интересов входит в пять политических сегментов:

[1] Сабуров А., Саидов З. Таджикистан: внешняя политика и массовая информация (1993-1995 гг.). Душанбе: «Шарки озод», 1997. С.6.

Первый сегмент – Содружество Независимых Государств, которое, несмотря на трудности первых лет своего формирования, содержит в себе тенденцию к укреплению всесторонних связей.

Второй сегмент – Центральная Азия, которая в настоящее время стремится к экономическому и политическому единству.

Третий сегмент – пространство жизнедеятельности соседних персоязычных государств, которые, хотя пока ещё и не пришли к какому-либо единому политическому или экономическому союзу, тем не менее, притягиваются друг к другу не только историческим единством и культурными истоками, но и реальными перспективами национального развития.

Четвёртый сегмент – широкий круг населённых мусульманами стран Востока, которые связаны друг с другом не только единством обычаев и духовных традиций, но также возможностями и потребностями национального развития.

Наконец, пятый сегмент – это мировое сообщество, которое как никогда ранее проявляет свою внешнюю и внутреннюю сплочённость и медленно, но последовательно движется в направлении единой общечеловеческой цивилизации»[1].

В рамках СНГ Таджикистан сразу же решил взять курс на сближение и интеграцию, что было продиктовано, прежде всего, национальными интересами страны[2]. Отличительными особенностями СНГ являются организация взаимодействия во всех сферах межгосударственного общения, гибкость механизмов и форматов коллективного сотрудничества. В соответствии со статьей 4 Соглашения о создании СНГ его государства-участники развивают «сотрудничество в области политики, экономики, культуры, образования, здравоохранения, охраны окружающей среды, науки, торговли, в гуманитарной и иных областях»[3]. Принятые 5 октября 2007 г. в столице Таджикистана городе Душанбе Концепция дальнейшего развития СНГ и План основных мероприятий по ее реализации стали основными документами для всех участников СНГ на ближайшую и

[1] Сайидзода З. Внешняя политика Таджикистана в период его становления как суверенного независимого государства (1992-2004 гг.). Душанбе: «Контраст», 2010. С.11.
[2] Саидов З.Ш. Внешняя политика Президента Рахмонова. – Душанбе: «Авасто», 2001. – С.216, 35.
[3] Соглашение о создании Содружества Независимых Государств // Назриев Д., Саттаров И. Республика Таджикистан: история независимости. Год 1992-й (хроника событий). Т. II. Душанбе, 2005. С.632.

среднесрочную перспективу. Поэтому предусмотренные данной Концепцией задачи по повышению эффективности СНГ и развитию экономического сотрудничества, вопросы безопасности и сотрудничества в борьбе с незаконным оборотом наркотиков, регулирования миграционных процессов, развития молодежной политики и инновационных программ, расширения культурно-образовательного пространства и развития сети транспортных коридоров являются приоритетными направлениями внешней политики Таджикистана в формате СНГ[1].

Анализируя ход развития внешней политики Таджикистана за 27 лет независимости, можно отметить, что вопросы деятельности СНГ и обеспечения его жизнеспособности постоянно находятся в центре внимания Правительства страны. Внутренние импульсы к развитию интеграции, консолидации экономического потенциала государств-участников воспринимаются в Таджикистане как естественный процесс и рассматриваются как результат стремления стран СНГ к более тесной интеграции по основным вопросам многостороннего взаимодействия. В этом контексте таджикской стороной были всесторонне изучены предложения Республики Казахстан по реорганизации органов управления СНГ. По данному вопросу была выработана позиция Правительства страны, заключавшаяся в том, что поспешная ликвидация некоторых органов может нанести серьёзный урон СНГ. Поэтому таджикская сторона рекомендовала провести глубокий анализ работы органов СНГ с участием экспертов из всех стран Содружества и только после этого внести изменения. Таджикистан является сторонником сохранения и совершенствования СНГ с учетом современных реалий и опыта других объединений, добившихся успеха. Таджикистан придерживается позиции, что СНГ не использует весь свой потенциал и возможности. Другим важным направлением в данном вопросе является необходимость выработки более четких механизмов реализации принимаемых решений. По мнению таджикской стороны, общим наиболее уязвимым местом в деятельности СНГ остается слабое выполнение либо невыполнение принятых решений.

[1] Дипломатия Таджикистана: вчера и сегодня. Т.1. / под ред. Х.Зарифи. Душанбе: Ирфон, 2009. С.100.

В своих выступлениях на заседаниях Совета глав государств СНГ Президент Республики Таджикистан Э.Рахмон подчеркивал, что приоритеты в многостороннем сотрудничестве в рамках СНГ должны быть отданы экономической сфере. Таджикистан придерживается позиции, согласно которой сотрудничество в области экономики углубится, если, прежде всего, заработает зона свободной торговли на всем пространстве Содружества. К позитивным результатам экономического сотрудничества стран СНГ следует отнести укрепление национальных экономик, проведение социально-экономических реформ, свободное перемещение граждан на пространстве СНГ, вступление государств в систему международных экономических отношений. Эти результаты были достигнуты за счет восстановления и развития экономических связей, функционирования безвизового режима, установления правил трудовой миграции, расширения взаимных инвестиций. Вместе с тем ряд проблем не получил приемлемого разрешения в рамках СНГ. По-прежнему не удалось сформировать единое экономическое пространство, объемы и темпы роста инвестиций недостаточны, низки затраты на инновации, сохраняется необходимость проведения ряда взаимосогласованных институциональных и структурных реформ[1].

Учитывая значение укрепления безопасности на постсоветском пространстве, Таджикистан неуклонно проводит и реализует политическую линию на углубление сотрудничества в рамках таких региональных организаций, как СНГ и ОДКБ. По мнению киргизского политолога О.Молдалиева, распад СССР и завершение двухполюсной борьбы за мировое господство изменили понятие безопасности, которое воспринималось ранее лишь с военной точки зрения – как возможность развязать новую мировую войну с применением оружия массового уничтожения. При формировании нового мира на международной арене появились нетрадиционные угрозы безопасности, которые в годы «холодной войны» могли стать искрой для термоядерного пожара и в этой связи подавлялись риском возникновения глобального конфликта. В 90-е гг. XX в. произошел переход от «жестких» военных вызовов безопасности к

[1] Стратегия экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года // Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ. URL: www.cis.minsk.by

«мягким», носящим преимущественно гуманитарный характер[1]. По мнению автора, указанные угрозы, вызовы и риски безопасности затрагивают не только страны Центральной Азии, но и СНГ в целом. Как известно, эти угрозы безопасности ни одно государство не в состоянии преодолеть собственными усилиями.

Тем самым можно отметить, что в Таджикистане вопросы безопасности носят актуальный характер. Республика Таджикистан является сторонником коллективной системы обеспечения безопасности и выступала за принятие Договора о коллективной безопасности и его адаптацию к современным реалиям. Механизмы, заложенные в данном договоре, позволяют использовать возможности и силы коллективной обороны и создают прочную нормативную базу для реализации коллективных усилий по противодействию нетрадиционным угрозам безопасности. Следует отметить, что военно-политические отношения со странами СНГ являются приоритетными для Таджикистана. Более того, Таджикистан выступает за достижение более высокого уровня военно-политического сотрудничества в формате СНГ. Являясь соавтором инициативы по созданию Антитеррористического центра СНГ, Таджикистан хотел бы придать этой структуре функции координатора в деле борьбы против терроризма и экстремизма на постсоветском пространстве.

В последнее время большую опасность для всех стран СНГ стал представлять незаконный оборот наркотиков. В связи с этим Таджикистан отмечает важность поиска путей совместного противодействия международному наркобизнесу и обращает внимание и на другую важную проблему–внутригосударственный конфликт в Афганистане. Пока не будет закончена война в Афганистане, нельзя быть уверенным, что безопасность стран СНГ может быть обеспечена. Безусловно, решение проблем обеспечения безопасности в этом соседнем со странами СНГ государстве - важная задача, которую необходимо последовательно и целенаправленно решать государствам-участникам СНГ. Касаясь проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков, Президент Республики Таджикистан Э.Рахмон отмечал, что с этим глобальным злом на пространстве СНГ каждый борется в одиночку, тогда как преступность не знает

[1] Молдалиев О. Вызовы нового времени // Центральная Азия и Кавказ. 2001. №1 (13). С.32.

национальных границ[1]. По инициативе Таджикистана в рамках СНГ было принято Совместное Коммюнике глав государств Содружества Независимых Государств по борьбе против наркотических веществ.

В целом, таджикская сторона считает, что укрепление партнерства в деле борьбы с новыми вызовами и угрозами по-прежнему является актуальным вопросом современной повестки дня. В связи с этим взаимодействие правоохранительных органов рассматривается как одно из приоритетных направлений сотрудничества Таджикистана со странами СНГ.

Важным элементом взаимодействия, который позволяет в полной мере задействовать человеческий фактор в межгосударственных отношениях на постсоветском пространстве, является гуманитарное сотрудничество. Большую роль в реализации основных направлений гуманитарного сотрудничества играет русский язык как фактор межнационального общения наших народов. В области гуманитарного сотрудничества в формате СНГ Таджикистан считает необходимым сосредоточить усилия стран на реализации и координации действий в области науки и образования, массовых коммуникаций, здравоохранения, наполнении качественно новым содержанием работы с молодежью, расширении спортивных и туристических связей, принятии совместных мер по повышению квалификации преподавателей общеобразовательных учреждений. Большое значение Таджикистан придает принятию Межгосударственной программы инновационного сотрудничества на период до 2020 г. В реализации указанных задач необходима поддержка Совета по гуманитарному сотрудничеству и Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества, а также других органов отраслевого сотрудничества СНГ.

Важной инициативой Таджикистана в области гуманитарного сотрудничества является предложение об объявлении 2008 г. – Годом литературы и чтения на пространстве СНГ. В 2008 г. по предложению Таджикистана в рамках празднования 1150-летия поэта А.Рудаки, был организован Третий Форум интеллигенции, учёных

[1] Шарифзода А., Сироджов З. Эмомали Рахмон: год Рудаки (внутренняя и внешняя политика Президента Таджикистана в 2008 году). Душанбе: «Деваштич», 2009. С.161.

и творческих личностей СНГ. Данный форум был посвящён теме «Развитие диалога культур в масштабах Содружества» и прошёл под девизом «Через диалог культур и прозрачность – к взаимному обогащению и прогрессу народов Содружества»[1]. По мнению автора, гуманитарное сотрудничество остается одним из успешных и эффективных в сравнении с другими сферами взаимодействия в СНГ. Однако интенсификации гуманитарного сотрудничества на постсоветском пространстве могли бы способствовать активизация ресурсов и инструментов народной дипломатии, вовлечение в гуманитарное сотрудничество широкого круга потенциальных партнеров, включая бизнес-круги и НПО.

В заключение приведем некоторые выводы. Республика Таджикистан, являясь сторонником укрепления взаимодействия в рамках региональных организаций, придерживается твердого намерения, несмотря на все трудности, идти дальше по пути углубления сотрудничества между странами СНГ. Таджикистан готов развивать всесторонние отношения со всеми бывшими союзными республиками как в двустороннем, так и в многостороннем формате. Сотрудничество Таджикистана с государствами-участниками СНГ как на двусторонней, так и на многосторонней основе отвечает национальным интересам республики и является приоритетным направлением внешней политики. Подтверждением этому является активное участие Таджикистана, помимо СНГ, и в других интеграционных структурах на постсоветском пространстве, а также последовательное развитие двустороннего сотрудничества со странами СНГ.

[1] Шарифзода А., Сироджов З. Указ. раб.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Коваленко Глеб Васильевич
Кандидат политических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин филиала Московского Государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе

Государства Центральной Азии и внерегиональные акторы играют важную роль в региональной системе международных отношений расширяющейся большой Центральной Азии. Находясь в контактной зоне, постсоветские государства способствуют устойчивости международных отношений на двустороннем, региональном и межрегиональном уровнях. Нарушение этого баланса и разрушение общей системы геополитической ориентации вызывает дестабилизацию одной или более региональных систем. Кроме того, учитывая все возрастающую глобальную взаимозависимость регионов и стран, конфликты в контактных зонах, имеющих мировое коммуникационное и экономическое значение, могут привести к обострению противоречий уже на мировом геополитическом уровне. Контактные зоны часто являются источниками дестабилизации межгосударственных отношений и в силу особенностей своего культурно-исторического формирования, когда при определенных социально-политических и культурных подвижках здесь актуализируются прежние противоречия. Причем конфликт вполне реально уже существующих или возникающих новых интересов, как правило, сопровождается конфликтом ценностей соответствующих групп населения, представляющих различные этнические и религиозные культуры.

Геополитическое положение территорий контактных зон могла определять их подчиненность региональным центрам силы. Так, судьба народов, проживающих в зоне контакта, часто решалась региональными и великими державами. Но со второй половины XX в. политическая активность этих народов резко возросла. И они стремятся сами определить свое место в региональной и мировой политике. То есть проблема сопряжения региональных систем решается

теперь в значительной степени в зависимости от уровня организации политических процессов непосредственно в контактной зоне, в частности и от того, как народы и государства, представляющие контактную зону, могут продуктивно ответить на внешние вызовы или использовать свое геополитическое положение в собственных интересах.

Если же говорить о стратегии безопасности Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана как малых государств, то она основана на нескольких принципах:

- осознания национальных интересов своих государств в отношениях с государствами – центрами силы регионального и мирового уровней;
- умения политиков и дипломатов отстаивать эти национальные интересы;
- умения предлагать свое посредничество и выступать как посредник;
- использования возможности двусторонних и многосторонних связей, а также международных организаций с целью нейтрализации внешних угроз и компенсации ограниченности своих ресурсов.

Малые государства особенно озабочены своей безопасностью в контексте их отношений с региональными центрами силы. Следует учитывать, что безопасность малых государств зависит от того, какое место они занимают в региональной и мировой геополитической системе, и усилий своей дипломатии по формированию баланса интересов с ближними и дальними государствами. Соответственно, Кыргызстан и Таджикистан развивают связи и с внерегиональными центрами силы – США, Китаем и Россией, тем самым выстраивая определенный баланс отношений с прежде всего с Узбекистаном и Казахстаном. Одновременно Кыргызстан и Таджикистан входят во многие евразийские интеграционные структуры и ШОС. Исследователи отмечают, что им "непросто находить компромисс, оптимальное, удовлетворяющее намерениям сторон решение практически любых вопросов, особенно в экономической сфере, что нередко ведет к осложнению отношений".

Геополитические характеристики Кыргызстана и его дипломатии определяются тем, что страна расположена на крайней юго-

восточной периферии Центральной Азии и является частью евроазиатских трансконтинентальной коммуникации, которая вошла в историю под названием Шелковый путь. В настоящее время через территорию Кыргызстана проходят дороги Восток-Запад и Юг-Север. Шоссейная дорога «Бишкек – Ош» является одной из важнейших магистралей в регионе и азиатской системе коммуникаций. На юге эта магистраль имеет выход в Китай, а по Каракумскому шоссе выходит на Пакистан и Индию и достигает порта Карачи. На севере названная трасса обеспечивает выход, соответственно, в Узбекистан, Казахстан и Россию, то есть евразийскую систему коммуникаций и далее в Европу. Решением Экономической комиссии ООН по странам Азии и Бассейна Тихого океана три основные магистрали Кыргызстана были включены в сеть Трансазиатской шоссейной дороги с выходом в Юго-Восточную Азию и был признан их международно-экономический статус[1].

Кыргызстан обладает рядом природных ресурсов стратегического значения, что в перспективе дает национальной экономике возможность потенциально занять свою нишу в мировой экономике. Особое значение для повышения роли Кыргызстана в региональной и даже мировой экономике могли бы сыграть водные ресурсы как в плане решения проблемы дефицита питьевой и промышленной воды в большинстве стран региона, так и поставок электроэнергии соседним странам. Все это потенциально создает благоприятные предпосылки для развития двустороннего и многостороннего сотрудничества на различных направлениях. Но это же обуславливает проблемы, требуя проведения гибкой дипломатии на региональном и мировом уровнях, чтобы отстаивать национальные интересы.

В своей дипломатии Кыргызстан особое внимание уделяет своему непосредственному соседу – Узбекистану и как одному из ведущих государств в региональной центральноазиатской системе.

На уровне региональных отношений в Центральной Азии руководство Кыргызстана также активно сотрудничает с руководителями Казахстана и другими государствами региона. При том, что Центральноазиатский регион для Кыргызстана является приоритетным с точки зрения обеспечения безопасности, экономического и

[1] Парамонов В. Политика России и Китая в Центральной Азии 2010 г. URL: http://ia-centr.ru/expert

культурного развития, в то же время он также является сторонником укрепления и развития двусторонних и многосторонних отношений в рамках СНГ.

Дипломатия страны развивает связи с различными государствами. Инициируя концепцию Шелкового пути, Кыргызстан стремится стать одним из активных участников мировых интеграционных процессов и способствовать сближению народов и стран Центральной Азии как со странами и народами Востока, так и Запада. При этом признается лидирующая роль России на постсоветском пространстве.

Вместе с тем, для Кыргызстана и Таджикистана существует ряд геополитических проблем регионального уровня, которые необходимо решать дипломатической службе. Это:

- внутриконтинентальное положение региона в целом и, соответственно Кыргызстана. То есть отсутствие непосредственных выходов к мировым коммуникациям и зависимость от стран транзита предполагает переговоры с ними;
- отдаленность от мировых центров экономики предполагает поиск и привлечение инвестиций;
- близость к нестабильным районам Азии (Западный Китай и Южная Азия), и особенно непосредственное соседство с политически нестабильным Афганистаном;
- негативные последствия может иметь и возрастающий интерес региональных и мировых держав и ТНК к энергосодержащему и стратегическому сырью в Центральной Азии.

Сложный процесс формирования гражданского общества еще только в самом начале. Поэтому, учитывая связи ряда этнических и религиозных групп со своей культурной метрополией, нельзя исключать возможности возникновения внешних угроз, вызванных как экстремистскими всплесками, так и общей динамикой межгосударственных и межэтнических отношений на региональном уровне. В этом отношении положение государства усугубляется отсутствием у него достаточной оборонной обеспеченности, которая предопределяет в определенных случаях или внешнее вмешательство, или обращение за внешней помощью[1].

[1] Официальный сайт Министерства коммерции Казахстана. URL: www.mofcom.gov.cn

Неблагоприятным условием геополитического характера можно считать экономический, демографический и военный дисбаланс Кыргызстана и Таджикистана с соседним Узбекистаном и зависимость от него в поставках газа. Соответственно, дипломатия этих малых государств задействована в урегулировании межэтнических конфликтов в Ферганской долине и разрешении пограничных вопросов.

Существует проблема проникновения в Кыргызстан исламского экстремизма из соседних стран и международных исламистских центров. Наиболее уязвимы в этом отношении южные районы.

Геополитическое положение Таджикистана в регионе определяется его периферийностью и непосредственной близостью к Афганистану. Внутренний конфликт в Афганистане имеет свое продолжение уже на уровне региональных международных отношений и затрагивает по ряду моментов Таджикистан. Большое влияние на политическую и экономическую жизнь страны оказывает афганский конфликт. Предлагая на 52 сессии Генеральной Ассамблеи ООН провести специальную сессию, посвященную проблеме наркотиков, Президент Таджикистана подчеркнул кровную заинтересованность таджиков в урегулировании внутриафганского конфликта. Его прекращение привело бы к:

- уменьшению перетока оружия и наркотиков через таджикско-афганскую границу;
- ограничению распространения дестабилизирующих волн терроризма и экстремизма;
- стабилизации региона в целом;
- снятию с повестки дня угрозы реванша исламистских группировок внутри Таджикистана, который смог бы самостоятельно контролировать весь периметр границ республики.

Еще в 1998 г. на двадцатой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН Таджикистан предложил создать вокруг Афганистана «пояс безопасности». Эти предложения не были реализованы, в результате чего нестабильный Афганистан превратился в очаг международного терроризма.

Таким образом, все внешние стороны афганского конфликта соответствующим образом обусловливают особенности геополитиче-

ского положения Таджикистана в системе международных отношений Центральной Азии. С другой стороны, дипломатия Таджикистана, опираясь на внешние центры силы и, соответственно, маневрируя между ними, утверждает свою суверенность и одновременно стремится реализовать свои экономические интересы. Это предполагает членство в СНГ и тесные политические, военные и финансово-экономические связи с Россией, а также политическую и дипломатическую поддержку Ирана. Таким образом, близость Таджикистана к Афганистану придает этому государству особый геополитический статус и тем самым усиливает его дипломатический ресурс в регионе уже «большой» Центральной Азии.

В региональном плане внешняя политика Таджикистана стремится поддерживать сбалансированные отношения с Узбекистаном и Афганистаном. Здесь, как и в Кыргызстане, имеют место проблемы межэтнического порядка. Так, в Согдийской области Таджикистана исторически культурно и политически доминирует этническое узбекское население. Последнее, с одной стороны, ориентируется на Узбекистан, а с другой – политически и дипломатически поддерживается соседней страной. Периодически дипломатам Кыргызстана и Таджикистана приходится урегулировать возникающие те или иные проблемы[1]. Кроме того, внутриафганское противостояние имеет и свои таджикские и узбекские этнические корни. Соответственно, дипломатия обоих государств стремится поддерживать связи с таджикскими и узбекскими политически элитами Афганистана. В последнее время дипломатии Таджикистана и Кыргызстана приходится решать проблему со своими гражданами, работающими в России.

Еще одним вариантом стратегии государств Центральной Азии является политика и дипломатия Туркменистана. Туркменская политическая элита весьма трезво осознала свой статус в иерархии бывших среднеазиатских республик, сложившейся за советский период. В Туркменистане признают, что с советского времени в национальном политическом сознании страны сформировался "своеобразный комплекс аутсайдера, комплекс окраины, сырьевого придатка". В постсоветское время Ашхабад, прагматично оценив

[1] Официальный сайт МИД Туркменистана. URL: www.mfa.gov.tm

свое геополитическое положение и большой сырьевой потенциал, взяв за модель развития опыт некоторых богатых энергетическим сырьем арабских стран Персидского залива, провозгласил свой особый курс регионального нейтралитета, основанного на существующем балансе сил. Тем самым свои слабости Туркменистан превращает в свои преимущества. Статус Туркменистана как нейтрального государства официально был подтвержден резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 12 декабря 1995 г. Избранный стратегический курс на нейтралитет лег в основу туркменской дипломатии, которая стремится оптимизировать свои отношения с соседними государствами, какими бы эти государства ни были. В частности, Туркменистану удалось дистанцироваться от сторон афганского конфликта. Более того, Туркменистан развивает экономическое сотрудничество со своим южным соседом. В то же время речь шла не об изоляции страны от региональных проблем[1].Так, следует отметить особую роль туркменской дипломатии в урегулировании внутреннего конфликта в Таджикистане и роль посредника в афганском конфликте, что обуславливается позицией именно позитивного нейтралитета. В 1995-1996 гг. в Ашхабаде прошло несколько раундов межтаджикских переговоров. Туркменистан осуществлял в период конфликта гуманитарную помощь таджикскому населению и принимал у себя беженцев.

Безусловно, основной ставкой во внешнеполитической стратегии Туркменистана является газ и потенциал выхода в мировой океан. Но потенциальные преимущества еще надо реализовать. Так, на севере Афганистана действуют боевики «Талибана» и других экстремистских движений. Это препятствует реализации южных транспортных маршрутов, а именно строительству железной дороги из Китая через Кыргызстан, Таджикистан, Афганистан в Иран и второй ветки железнодорожной магистрали Таджикистан-Афганистан-Туркменистан, а также прокладке газопровода из Афганистана в Таджикистан и строительству ЛЭП-1000 с целью поставок электроэнергии из Таджикистана и Кыргызстана в Афганистан и далее в Пакистан. При том, что существуют определенные трудности, но малые государства Центральной Азии, во-первых,

[1] Лузянин С.Г Большой Восток и Большой Запад // Независимая газета. 2002. 201.14.

заинтересованы в укреплении безопасности на своих границах, а во-вторых – в развитии своих связей с Афганистаном. Последнему же необходима поддержка своих северных соседей, которые рассматриваются им как ему сопоставимые. Более того, Кабул не прочь "развернуть вектор внешней политики от США на страны региона хотя бы для геополитического баланса. Особенно это проявилось после переговоров Хамида Карзая с российским президентом Владимиром Путиным в Бишкеке"[1].

Процессы, происходящие в Афганистане, с точки зрения региональной безопасности всей расширяющейся Центральной Азии, имеют важное значение для всех государств региона и присутствующих здесь Китая, России и США, а также Пакистана, Индии и Ирана. При всех разногласиях по решению афганской проблемы и противоречиях между этими странами в целом, они понимают (вынуждены/понимать), что сотрудничество между ними неизбежно. В этом случае следует учитывать, что территории и народы постсоветской Центральной Азии и Афганистана, Ирана и Пакистана исторически никогда не были изолированы друг от друга. Этнические, культурные и экономические связи имеют многовековые традиции.

Исторически тесно связаны между собой народы и страны Средней Азии и Афганистана. На протяжении многих веков они входили различные средневековые государственные образования. В то же время на хозяйственном и культурном уровнях они взаимодействовали друг с другом. Этому способствовала общая система коммуникаций, а также фактор одной религии в средневековье. Причем известный русский востоковед В.В.Бартольд считал, что для населения Афганистана и Средней Азии этнолингвистический фактор являлся вторичным в сравнении с религиозным. Это нашло свое отражение даже в работах лидера реформаторского младоафганского движения Махмуда Тарзи (1865-1933), который считал, что только религия может быть объединяющей силой многонационального народа Афганистана. Эта идея единства проистекала из учения Джамалад-Дина Афгани – одного из идеологов панисламизма. Джамалад-Дин Афгани утверждал, что все исламские наро-

[1] Ходжаев А. О центральноазиатской политике КНР // Центральная Азия и Кавказ. 2007. №___.

ды представляют собой единое целое. Таким образом и в данном случае конфессиональный фактор выходит на первый план. Причем здесь сказалась еще одна особенность ислама. В нем с самого начала была заложена идея государственности как общности религиозной. Подобное имело место в Османской империи, где "общность людей на основе веры, позволила оправдывать консолидацию этнически разнородных групп населения в пределах одной империи"[1].

В силу отмеченного, если иметь в виду историческое мировоззрение населения Афганистана, население Средней Азии представляет собой часть мусульманской целостности. Соответственно, исламский ренессанс в центральноазиатских республиках есть естественный процесс восстановления этой целостности. Распад биполярного миропорядка и глобализация положили начало этому процессу. А неизбежность восстановления целостности – еще одно проявление процессов самоорганизации пространства как такового. И в этом процессе участвуют и будут в дальнейшем участвовать государства и народы расширяющейся Центральной Азии и соседних регионов. В перспективе следует ожидать «встречи» и «сопряжения» Центральной Азии и Ближнего Востока.

На ближайшую перспективу и на субъективном уровне внешней политики государств стоит проблема нейтрализации тех негативных процессов, которые ожидаются в связи с предстоящим выводом контингента войск США и союзников из Афганистана и в целом с непредсказуемостью развития ситуации в регионе. Государства, имеющее общую границу с Афганистаном, безусловно, осознают неизбежность своего участия в предстоящих процессах вместе с другими региональными акторами как и акторы мирового уровня.

В заключение следует отметить, что все государства Центральной Азии стремятся развивать региональные внутренние и внешние связи. В плане среднесрочных перспектив следует рассматривать пространство постсоветской Центральной Азии в контексте глобальных процессов. В этой связи переориентация центральноазиатских государств на «дальнее зарубежье», развивающаяся по многим

[1] Чжао Хуашен. Китай, Россия, США: интересы, позиции, взаимоотношения в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2004. №___.

направлениям, вполне естественна и подчинена процессам объективного характера, которые активизировались после крушения «железного занавеса» и «берлинской стены». Открывающиеся границы государств и появление новых акторов международных процессов, рост разнообразия еще раз свидетельствуют, что пространство самоорганизуется и становление политического порядка просто невозможно осуществить только за счет целенаправленных усилий, без учета и использования действующих закономерностей процессов развития системы. Среди этих процессов наибольшей значимостью как для упорядочения, так и для слома форм самоорганизации обладают: необратимость движения системы к более вероятному состоянию, это состояние соответствует максимуму вероятности; установление упорядоченности через флуктуации – случайные отклонения; наличие множества возможных путей развития системы, здесь возникают точки бифуркации, характеризующиеся множественным расслоением последствий, наступающих в результате того или иного события или действия; признание конструктивной роли хаоса, который рассматривается не только как предел неупорядоченности и сугубо нежелательное для управления и бытия системы состояние, порог, за которым начинается ее разрушение, но и как толчок, движение к новому порядку, новому равновесному состоянию.

Речь уже идет о формировании новой структуры мира. И эти процессы определяются законами развития. В политической терминологии появляются такие категории, как Большой Ближний Восток, Большая Центральная Азия и Большой Восток и т.д. и т.п. Термин «Большом Восток» ввел заместитель директора Института Дальнего Востока РФ С. Г. Лузянин. По мнению исследователя, "Большой Восток для России сегодня – это 44 государства и государственных образований в Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Ближнем и Среднем Востоке, в Южной и Центральной Азии, связанных с ней различными отношениями. Индивидуальная роль каждого для России далеко не равнозначна"[1]. Речь идет не о появлении каких-то новых регионоведческих и геополитических терминов, обозначающих в превосходной степени пространство или

[1] Лузянин С.Г Большой Восток и Большой Запад // Независимая газета. 2002. 201.14.

внешнеполитические инициативы тех или иных государств, а о новых формах самоорганизации мира. Открывающиеся границы государств и регионов, появление новых акторов международных процессов – рост разнообразия еще раз свидетельствуют, что планетарное пространство самоорганизуется и становление нового политического миропорядка невозможно осуществить только за счет целенаправленных усилий того или иного государства или ряда государств, без учета и использования действующих закономерностей смены форм самоорганизации пространств.

ТАДЖИКСКО-УЗБЕКСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НОВОМ АСПЕКТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Курбонова Зульфия Махманабиевна
Кандидат политических наук,
заведующая кафедрой мировой экономики и международных отношений
Таджикского государственного университета коммерции

Дипломатические отношения между Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан установлены 22 октября 1992 года. С 1995 года в Ташкенте функционирует Посольство Республики Таджикистан. Республика Таджикистан, с учетом перспектив своего экономического развития, географического и геополитического расположения, а также общности корней и исторически сложившихся связей между народами двух соседних стран, уделяет внимание дальнейшему развитию и углублению широкого спектра взаимовыгодного сотрудничества с Республикой Узбекистан. Договорно-правовая база двусторонних таджикско-узбекских отношений составляет более 100 соглашений и договоров, подписанных на межгосударственном, межправительственном и межведомственном уровнях в период с 1992 по настоящее время.

Принятые между двумя странами документы охватывают все ключевые направления сотрудничества двух стран и обеспечивают правовую базу для дальнейшего укрепления двустороннего сотрудничества Таджикистана и Узбекистана в политической, торгово-экономической и других сферах.

Основными документами, регулирующими главные направления отношений Таджикистана с Узбекистаном, по праву считаются Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РТ и РУ, подписанный 4 января 1993 года в Ташкенте, и Договор о вечной дружбе между РТ и РУ от 15 июня 2000 года. В этих документах сторонами определены основные принципы двусторонних отношений – взаимное уважение независимости и государственного суверенитета, равноправие, невмешательство во внутренние дела друг друга, обоюдное стремление к установлению взаимовыгодных

партнерских экономических связей как на государственном уровне, так и на уровне хозяйствующих субъектов.

4 января 1998 года по приглашению Президента РУ И.Каримова Республику Узбекистан с официальным визитом посетил Президент РТ Эмомали Рахмон. Данный визит придал значительный импульс процессу активизации таджикско-узбекских двусторонних отношений. 4 февраля этого же года Душанбе посетил Премьер-министр Республики Узбекистан У.С.Султанов.

Значимым событием в истории таджикско-узбекских двусторонних отношений стал первый официальный визит Президента РУ И.Каримова в Душанбе в июне 2000 года. В конце 2001 года состоялся рабочий визит Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в Республику Узбекистан. В совместном Заявлении, принятом по итогам данного визита, зафиксированы и намечены пути конструктивного решения всего спектра проблем, существующих в таджикско-узбекских отношениях. 5 октября 2002 года был подписан Договор между Таджикистаном и Узбекистаном о таджикско-узбекской государственной границе. В настоящее время окончательно согласована таджикско-узбекская граница.

23 августа 2002 года в г.Душанбе состоялось первое заседание таджикско-узбекской Межправительственной комиссии по вопросам торгово-экономического сотрудничества, которое стало значимым событием в двусторонних таджикско-узбекских отношениях. 18 февраля 2009 года в городе Душанбе состоялись очередные заседания Межправительственных комиссий по торгово-экономическому сотрудничеству и делимитации госграницы. В период с 2010 года встречи на межправительственных уровнях проходят на постоянной основе: 27 апреля 2010 года в Ташкенте состоялась встреча заместителя Премьер-министра РТ М.Алимардона с первым заместителем Премьер-министра РУ Р.Азимовым, 22 мая 2010 года в Ташкенте – встреча министра иностранных дел РТ Х.Зарифи с министром иностранных дел РУ В.Норовым, 11 июня 2010 года в Ташкенте – двусторонние переговоры Президента РТ Э.Рахмона и Президента РУ И.Каримова, 5 января 2012 года в Ташкенте состоялась встреча заместителя Премьер-министра РТ М.Алимардона с первым заместителем Премьер-министра РУ

Р.Азимовым, 17-18 февраля 2012 года в Ташкенте состоялись встречи министра образования РТ Н.Саидова с министром общего образования РУ Ш.Темировым и министром высшего и среднего специального образования Б.Ходиевым, 4-6 июня 2012 года состоялась встреча Председателя Государственного Комитета национальной безопасности РТ С.Ятимова с Председателем Службы национальной безопасности РУ Р. Иноятовым[1].

В период существования СССР республики Таджикистан и Узбекистан входили в состав одной великой страны, и их разделяла всего лишь административная граница. После распада СССР и обретения республиками независимости возник вопрос о необходимости определения линии государственной границы. В связи с этим в 2000 году обеими сторонами были созданы правительственные Комиссии по вопросам делимитации и демаркации государственной границы.

Согласно межправительственному соглашению между двумя государствами от 2002 года, на ней существуют 16 пунктов пропуска. Из них девять имеют международный статус, остальные семь – двусторонний. Четыре пункта пропуска являются железнодорожными. 12 пунктов пропуска расположены в Согдийской области, остальные четыре – в Хатлонской области и в Турсунзадевском районе. Одна из главных шоссейных дорог и железнодорожная ветка, идущие из западных регионов Узбекистана в восточные и далее в Кыргызстан, проходят через территорию Таджикистана.

В настоящее время для передвижения граждан и частичного передвижения транспортных средств открыты два пункта пропуска с международным статусом: «Дусти» – в Турсунзадевском районе и «Фотехобод» – в Матчинском районе Согдийской области РТ[2].

Переговорные процессы по таджикско-узбекской границе начались в 2000 году и велись правительственными комиссиями по вопросам делимитации и демаркации государственной границы. До 2002 года стороны определили прохождение 86% этого совместного участка внешних рубежей Узбекистана и Таджикистана, подписав в том же году Договор о государственной границе.

---

[1] Текущий архив МИД РТ. URL: www.mfa.tj

[2] Ларин Иван. Водораздел узбекско-таджикской границы. URL: http://mirperemen.net/2017/06/vodorazdel-uzbeksko-tadzhikskoj-granicy

Стоит отметить, что отношения между Душанбе и Ташкентом с той поры складывались не самым лучшим образом. Негатив во взаимоотношениях проявлялся в различных сферах, начиная с минирования узбекской стороной границы в период вторжения отрядов ИДУ в Центральноазиатский регион в 2000 году. По официальным данным таджикской стороны, за последние годы от взрывов мин на таджикско-узбекской границе пострадали сотни людей. Жертвами мин, в основном, становились простые жители приграничных районов. Ситуация усугублялась тем, что таджикская сторона не имела точных данных о расположении и протяженности границы, где заложены мины. Экономические проблемы заставляли людей переходить границу в неустановленных местах.[1].

Проблемы визового режима и анклавов (на территории Таджикистана расположены несколько узбекских анклавов, а на территории Узбекистана – один таджикский) так же играли главенствующую роль в похолодании отношений между двумя странами, заканчивая разным пониманием водной проблемы. Географическое расположение Узбекистана дает возможность абсолютного контроля над железной и автомобильной дорогами, ведущими в Таджикистан через территорию Узбекистана. Наблюдатели полагают, что именно такая позиция Ташкента заставила таджикские власти всерьез задуматься о строительстве альтернативных железных и автомобильных дорог, способных избавить страну от коммуникационной зависимости. Некоторые из задуманных проектов сейчас успешно реализуются[2].

На фоне потепления отношений между Узбекистаном и Таджикистаном такие масштабные проекты, как Рогунская ГЭС и восстановление авиа- и железнодорожного сообщения, не являются единственными точками соприкосновения взаимных интересов Душанбе и Ташкента.Значимым поводом для межгосударственного диалога могут стать вопросы безопасности и расширения приграничной торговли. Анализ внешней торговли показывает, что Таджикистан и Узбекистан имеют необходимый для развития взаимовыгодного сотрудничества потенциал, а также большие неис-

[1] Текущий архив МИД РТ. URL: www.mfa.tj
[2] Ларин Иван. Указ.раб.

пользованные возможности и резервы, которые необходимо задействовать.

Имея огромное культурно-гуманитарное пространство, общие границы и развитые коммуникации, стороны могут обеспечить свободное перемещение населения, товаров и услуг, содействовать более эффективному развитию многих отраслей экономик двух стран и полнее использовать транзитный потенциал друг друга для выхода на другие рынки.

История, общие культурные и духовные ценности, а также многовековые традиции взаимоуважения и добрососедства заложили прочный фундамент и основополагающие принципы взаимоотношений между Таджикистаном и Узбекистаном.

Придя к власти в декабре 2016 года, нынешний глава Узбекистана Шавкат Мирзияев твердо заявил, что намерен налаживать отношения с соседями. И президент свое слово сдержал. В ноябре 2017 года в МИД Узбекистана заявили о "глубинных изменениях в таджикско-узбекских отношениях".

Так, в 2017 году было возобновлено прерванное авиасообщение между Таджикистаном и Узбекистаном, продолжили работу межправкомиссии по торгово-экономическому сотрудничеству и по вопросам делимитации и демаркации межгосударственной границы.

С начала 2018 года на границе двух стран открылись более 10 КПП, а Узбекистан восстановил железнодорожную ветку Галаба – Амузанг.

Сам Шавкат Мирзиёев 9-10 марта и в осенью сего года посетил Душанбе с официальными визитами. Выступая с речью, Эмомали Рахмон отметил, что народы Таджикистана и Узбекистана всегда стремились сохранять традиции дружбы. В свою очередь, Шавкат Мирзияев пригласил Эмомали Рахмона посетить Узбекистан с ответным визитом.

Сейчас уже видно, что договоренности, принятые на этих визитах, работают. Республики отменили визы, наладили полеты и углубляют торгово-экономическое сотрудничество.

Визит Рахмона в Ташкент так же считается продуктивным. Ведь после стольких "холодных" лет соседям еще есть над чем поработать[1].

Потепление отношений между двумя странами, скорее всего, вызвано активной внешнеполитической деятельностью, в первую очередь на центральноазиатском поле, которую проводит руководство Узбекистана с того момента, как пост президента страны занял Шавкат Мирзияев. Предложенный им проект «Стратегии развития страны на 2017-2021 годы», постепенно начал реализовываться.

После потепления двусторонних отношений Узбекистан начал поставлять в Таджикистан природный газ, минеральные и химические удобрения. Узбекская сторона уже начала поставлять косметические средства, легковые и грузовые автомобили, сельскохозяйственную технику, продукты питания, текстиль, строительные материалы, оборудование и технику. Таджикистан, в свою очередь, готов торговать с соседями алюминием (львиная доля экспорта), пищевыми и техническими химикатами (соль, известь), текстильной продукцией.

Кроме того, страны могут активизировать сотрудничество в сфере логистики, учитывая территориальную близость с Китаем, Россией и Ираном.

Стремление двух республик "разморозить" после многолетнего застоя межгосударственный диалог, безусловно, внушает оптимизм.

[1]Как менялись отношения Таджикистана и Узбекистана. URL: https://ru.sputnik-tj.com/analytics/20180816/1026404040/tajikistan-uzbekistan-otnosheniya.html

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИНДИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЯ В КИНЕМАТОГРАФЕ (ОПЫТ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)

Арабова Шарофат
Кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Отдела искусствознания Академии наук Республики Таджикистан, режиссер Государственного учреждения «Таджикфильм»

Существует более полувековой опыт взаимодействия между Таджикистаном и Индией в области кино и использование данного опыта в области кинематографа дал бы новый позитивный импульс для развития национального киноискусства. Кинематографическое сотрудничество между Индией и Таджикской ССР в сфере кинопроизводства относится к 1970-м годам и его нельзя не упомянуть, так как именно киноискусство содействовало еще большему сближению политических курсов этих стран. В истории таджикско-индийских кинематографических связей существовала только одна совместная постановка – двухсерийный игровой фильм «Восход над Гангом» (1975). О содержании картины дает рекламная рецензия на фильм, представленная в англоязычном советском журнале «Soviet land»[1]. Созданию этого фильма, предшествовала публикация накануне 50-летия Великой Октябрьской революции поэмы «От Ганга до Кремля» таджикского писателя и поэта Мирзо Турсунзаде в газете «Правда». В поэме описывалась история молодого индийца, который преодолевает множество препятствий для того, чтобы лично встретиться с В.Лениным в Москве. Кроме того, М.Турсунзаде посвятил Индии стихотворный цикл. А за вклад в развитие дружбы между двумя странами он был награжден Советской международной премией им. Джавахарлала Неру в 1967 г. Как было отмечено в упомянутой рецензии на фильм, М.Турсунзаде создал в поэме живые персонажи, чье экранное воплощение явилось естественной необходимостью. В ней также подчеркивалось, что данный фильм был создан многонациональным коллективом и, представлявшим Индию, и советские республики: поэма написана таджикским писателем М.Турсунзаде, постановщиком фильма вы-

[1] Repinskaya G. Day-break over the Ganges // Soviet Land. 1976. 15, August. P.46-47.

ступил узбекский режиссер Латиф Файзиев, роль главного героя Чандра исполнялась молдавским актером Виктором Войническу-Соцким. О фильме остается судить лишь по рецензиям и воспоминаниям кинематографистов, которые были вовлечены в его производство, поскольку оригинал фильма продолжает храниться на кинопленке и еще не оцифрован.

Индийская сторона в производстве данного фильма была представлена бомбейской кинокомпанией «EAGLE FILMS», возглавляемой индийским кинорежиссером и продюсером Ф. С. Мехра. Компания «EAGLE FILMS» длительное время сотрудничала с «Совэкспортфильмом» и занималась приобретением индийских кинофильмов для СССР. В её собственности находились два лучших кинотеатра в Бомбее и Дели. Компанией было заключено соглашение с «Совэкспортфильмом» о прокате советских фильмов в индийских кинотеатрах. Изначально существовала договоренность с продюсером из Мадраса о совместной постановке фильма «Восход над Гангом», однако когда Л. Файзиев и съемочная группа приехали в Индию, им пришлось искать нового сопродюсера. В свою очередь представитель «Совэкспортфильма» попросил Ф. С. Мехру, с которым уже были налажены деловые отношения, помочь советским кинематографистам в Индии и выступить сопродюсером фильма.[1]

Данная картина была полностью создана за счет киностудии «Таджикфильм» и, будучи малобюджетной, снималась за короткий срок. Индийские натурные съемки были выполнены в г.Бангалор. Несмотря на то, что фильм вышел в прокат только в Таджикистане, он стал участником нескольких фестивалей и смотров, в частности Международного Кинофестиваля стран Азии, Африки и Латинской Америки в Ташкенте, кинопоказов в рамках мероприятий, посвященных XVIII Съезду Компартии Таджикской ССР в Душанбе, XXV Съезду КПСС в Москве, в Союзе кинематографистов Узбекской ССР в Ташкенте[2].

Распад биполярной системы международных отношений совпал с началом успешных экономических реформ в Индии в 1991 г., которые вызвали серьезные дискуссии о месте и роли этой страны в

[1] Личное интервью Ш.Арабовой с Умеш Мехрой. 02.02.15
[2] Арабова Ш. История таджикского кинематографа. Душанбе, 2014. С.164, 184.

мире. По мере успешного развития государства в международном научном сообществе начала крепнуть точка зрения о том, что Нью-Дели станет значимым фактором в мировой политике. Большую популярность данный взгляд приобрел и в самой Индии, где предпочитают уточнять, что она лишь вернет себе те позиции, которые всегда занимала в качестве центра мировой цивилизации и культуры на протяжении своей истории. Главная цель, которую видит Индия сегодня, – это в первую очередь поддержание высоких темпов экономического роста и модернизация экономики, что позволит в будущем решить многочисленные проблемы, стоящие перед страной, прежде всего создание рабочих мест и устранение крайней бедности. Ключом к пониманию политики Дели на сегодняшний день является провозглашенный внешнеполитический курс на поддержание «стратегической автономности». Несмотря на то, что новое правительство Н.Моди из-за внутриполитических конъюнктурных причин отказалось от использования данного термина в своей риторике, внешнеполитический императив по сохранению равноудаленности от основных центров мировой политики и принципа «свободы рук» продолжает довлеть над индийским руководством. За данными терминами кроется не что иное, как провозглашение политики балансирования между КНР и США при активном взаимодействии с другими центрами силы (Россией, ЕС, Австралией, Японией, странами АСЕАН). Параллельно Индия вынуждена искать ресурсы во внешней среде для реализации масштабной программы Н.Моди «Делай в Индии» («Make in India»), ставшей ключевым приоритетом внутренней политики нового правительства. Главной целью программы являются превращение Индии в промышленный центр мирового производства и создание за счет этого миллионов рабочих мест для растущего населения.

Таким образом, сегодня внешнеполитическая стратегия Индии на всех векторах нацелена на поиск содействия ей в собственном экономическом развитии, а также усиление потенциала и укрепление позиций в рамках «треугольника», который сложился в отношениях между США, Индией и КНР. Особо активно Индия развивает, в соответствии с вышеизложенной логикой, отношения с дру-

гими крупными державами, в том числе и с Россией[1]. Индия традиционно стремилась избегать резких перемен во внешней политике, в чем проявляются такие качества индийской цивилизации, как хранение преемственности, интеллектуальная трезвость, уважение к прошлому. «Внешняя политика не меняется со сменой правительства», - говорит Сушма Сварадж, нынешний министр иностранных дел Индии.[2] В конце пребывания на посту премьер-министра Индии, в ноябре 2013 г., М.Сингх официально объявил пять принципов внешней политики Индии, суть которых можно свести к следующему:

- приоритет внутренних задач развития государства при формировании внешнеполитического курса;
- необходимость более глубокой интеграции Индии в мировую экономику;
- поддержание стабильных и долгосрочных отношений со всеми ключевыми игроками на международной арене;
- важность стимулирования дальнейшего развития интеграции в Южной Азии;
- построение внешнеполитического курса не только на основе национальных интересов, но и ценностей.

Нынешний премьер-министр Н.Моди, как и его предшественник некогда, выстраивает внешнеполитический курс своей администрации в рамках национальных интересов Индии, последняя редакция которых была сформулирована после начала либеральных экономических реформ в Индии и распада биполярной системы в 1991 году.

В начале 2012 года обширный коллектив авторитетных индийских ученых во главе с действующим на то время советником по национальной безопасности Ш.Мененом опубликовал весьма интересный документ под названием «Неприсоединение 2.0: Внешнеполитическая стратегия Индии в XXI веке». Участие в подготовке доклада одной из ключевых фигур в сфере принятия внешнеполитических решений Ш.Менона, а также катастрофическое отсут-

[1] Ленчук Ростислав. Цели и задачи внешнеполитической стратегии Индии на современном этапе. URL: https://interaffairs.ru/news/show/14989

[2] Володин Андрей. Внешняя политика Индии в треугольнике Дели – Пекин – Вашингтон. URL: https://www.fondsk.ru/news/2014/11/13/vneshnjaja-politika-indii-v-treugolnike-deli-pekin-vashington-30393.html

ствие хоть каких-то серьезных официальных внешнеполитических доктрин в Индии сделали его, как минимум, полуофициальным документом. Доклад получился весьма объемным и охватывал различные сферы внешней политики как по территориальному, так и функциональному делению, тем не менее основную суть концепции «Неприсоединения 2.0» можно проиллюстрировать следующими пунктами:

1. Мир стоит на грани нового биполярного противостояния между двумя сверхдержавами – США и КНР. Однако, по мнению авторов доклада, в отличие от XX века новое противостояние в XXI веке не будет иметь такого всеобъемлющего значения, как холодная война между СССР и США. Оно станет ограниченно влиять в связи с наличием на планете других региональных центров силы.

2. Индия не должна быть втянута в противостояние двух ведущих игроков современных международных отношений, так как это помешает ей реализовать цели экономического развития, а также значительно ухудшит ситуацию в сфере национальной безопасности, учитывая, что КНР имеет непосредственные границы с Индией и неразрешенные территориальные споры, которые и сами по себе могут спровоцировать серьезный конфликт.

3. Индия не только не должна уйти в самоизоляцию, но вести активную внешнюю политику с целью создания сложной системы коалиций и договоренностей с другими центрами силы (скорее всего имеются в виду страны АСЕАН, Япония, ЕС, Австралия, а также Россия), чтобы ни одно государство (в первую очередь США и КНР) не смогло оказывать на нее нежелательное влияние или вынудить ее действовать вопреки собственным интересам.

Ключевое изменение произошло в сфере внутренней политики, что было обусловлено не только тем, что страна значительно снизила темпы экономического роста, но и перестала создавать рабочие места. В условиях пополнения рынка труда 10 млн. рабочих рук ежегодно это практически катастрофа. Ответ новой администрации не заставил себя ждать. В августе 2014 года премьер-министр Индии Н.Моди, выступая по случаю Дня независимости, объявил о запуске программы «Делай в Индии».

По замыслу разработчиков, программа «Делай в Индии» послужит превращению страны в одну из лидирующих мировых про-

мышленных держав. Достигнуть этой цели правительство предполагает за счет привлечения инвестиций в 25 ключевых отраслей экономики. При этом в некоторых сферах иностранным инвесторам предоставляется возможность стать 100-процентным собственником.[1]

Правительство Н.Моди видит прямую связь между модернизацией индийской экономики (сейчас в Дели популярна идеологема «всеобъемлющей национальной мощи» – comprehensive national strength) и активностью индийской дипломатии. Создание прочных основ «справедливого общества» в ходе реализации «повестки развития» - такова главная установка правительства Н.Моди и для внутренней, и для внешней политики[2].

Ведущий международный специалист по внешней политике Индии Си Раджа Мохан разделил всю внешнюю политику Индии на три стратегических кольца:

- в пределах первого кольца, охватывающего ее непосредственных соседей, Дели добивается первенства и права вето на вмешательство со стороны третьих стран;
- в границах второго кольца, которое включает в себя так называемое расширенное соседство в Азии и вдоль побережья Индийского океана, Индия стремится уравновешивать влияние других держав и не позволять им ущемлять ее интересы;
- в третьем кольце, представляющем собой всю мировую арену, Индия пытается занять место одной из великих держав, ключевого игрока в вопросах международного мира и безопасности.

Концепция Си Раджи Мохана вносит географический аспект во внешнеполитическую стратегию Индии и помогает определить примерную шкалу региональных приоритетов Нью-Дели.[3]

Эволюция индийского кино на современном этапе представлена не только всемирно известной продукцией Болливуда, которая по своему техническому уровню уже не уступает голливудским фильмам, сохраняя верность индийским ценностям и эстетике в современной форме, но также и артхаусному кино, которое продолжает

[1] Ленчук Ростислав. Указ.раб.
[2] Володин Андрей. Указ.раб.
[3] Ленчук Ростислав. Указ.раб.

традиции пионеров индийской Новой волны. Одной из заметных фигур в современном артхаусном кино Индии сейчас являются режиссер Амит Датта и Пушпендра Сингх. Очень часто современные индийские фильмы, которые получают международное признание на кинофестивалях, созданы на грани авторского и коммерческого кино и называются полукоммерческими. Например, «Суд» (2014) реж.Чайтаньи Тамхане, «Ланчбокс» (2013) реж. Ритеша Батры, «Легенда об одиноком призраке» (2013) реж. Анупа Сингха и др.

Концепцию премьер-министра Н.Моди «Сделай в Индии» пытаются реализовать в кино молодые кинематографисты Болливуда. Например, кинопроект «Ваах Зиндаги» режиссера Динеша Ядава. Замысел фильма призван отразить концепции «Make In India». «В фильме будут показаны три этапа из жизни главного героя, то есть детства, его личной жизни и его борьбы против Китая. Именно любовь главного героя к героине заставляет бороться против китайской компании, управляющей индийским рынком, что, в свою очередь, помогает герою вернуть воду в свою деревню, откуда он был изгнан. Фильм подкреплен очень сильным посланием о концепции «Сделай в Индии». Автор данного кинопроекта, как упомянуто в его интервью, верит, что этот фильм поможет людям лучше понять концепцию Н.Моди «Сделай в Индии»».[1] В русле официального политического курса и своего рода агитационных акций, в 2016-2018 гг. появилось несколько коммерческих фильмов, таких «Padman» и «Туалет».

На только что завершившемся Международном кинофестивале в Пусане было показано не менее 10 индийских фильмов, большинство из которых имели свои мировые премьеры в Южной Корее. Критик и журналист Наман Рамачандран, который был там, говорит, что представительство Индии на международных фестивалях за эти годы выросло в геометрической прогрессии.

Планирование стратегии: после премьеры Мукти Бхавана на Венецианском кинофестивале в 2016 году, где им было назначено PR-агентство, Бхутиани и его команде потребовалось несколько месяцев, чтобы построить свою стратегию продвижения индийского

[1] Plabita Borthakur to be seen as a love interest of Naveen Kasturia? URL: https://timesofindia.indiatimes.com/ entertainment/hindi/bollywood/news/plabita-borthakur-to-be-seen-as-a-love-interest-of-naveen-kasturia/articleshow/66498051.cms

фильма. У них есть торговый агент из Великобритании, который специализируется на дистрибуции, и к тому времени, когда они участвовали в европейском кинорынке в Берлине, в феврале 2017 года они потратили деньги («мы инвестировали чуть более 60 000 долларов») на PR и рекламу. «Мукти Бхаван был в журналах, таких как Variety и Screen International, в социальных сетях были блоги, Twitter и Facebook, было организовано множество встреч и просмотров». Это помогло им подписать более 50-60 стран и показать более 70 фестивалей.

Путь вперед: то, что сейчас имеет тенденцию и очень помогает на международных рынках, – это совместное производство. По мнению Бхутиани, совместное производство на международном уровне сейчас должно осуществляться с европейскими, американскими и юго-восточными азиатскими производителями (как правило, от двух до трех), чтобы использовать их сильные стороны и их знакомство с рынком.

«При наличии более 4000 кинофестивалей по всему миру – аккредитованных и не аккредитованных – кинематографисты должны принимать обоснованные решения относительно того, где их работа скорее всего будет оценена, и находить покупателей», - говорит продюсер Самир Саркар из Magic Hour Films, чья Нирвана Inn нашла покупателя в Пусане. Его выбор кинофестивалей, которые хорошо подходят для индийских проектов следующий: 1) Каннский кинофестиваль: безусловно, крупнейший и самый известный кинофестиваль и рынок в мире. Отбор в любую из категорий дает толчок фильму и облегчает его продажу. 2) Международный кинофестиваль в Торонто: крупнейший кинофестиваль в Северной Америке, TIFF неизменно проявляет интерес к индийскому кино. Руководители программ лично заинтересованы в индийском кино и имеют большое значение, будучи инклюзивными. 3) Берлинский международный кинофестиваль: первый крупный кинофестиваль года, Берлинале имеет несколько разделов на выбор для разных жанров фильмов. Это также держит важный рынок, чтобы покупать и продавать фильмы. Их интерес к кино из Южной Азии острый. 4) Венецианский кинофестиваль: фестиваль с 75-летне историей, это самый старый кинофестиваль в мире. Хотя это он не имеет рынка,

показ индийского фильма в Венеции имеет престиж и ценность. 5) Международный кинофестиваль в Роттердаме, Международный кинофестиваль в Пусане, Международный кинофестиваль в Локарно и Кинофестиваль Sundance - вот некоторые другие престижные кинофестивали, на которых то и дело появляются индийские фильмы[1]. Региональный художественный фильм «Деревенские рок-звезды» (2017) режиссера Рима Дас из Ассама является официальным номинантом Индии на Оскар в 2019 году.

На данном этапе почти перед всеми кинематографиями, особенно тех стран, в которых не развит или отсутствует кинопрокат, стоит проблема преодоления своей изолированности. В связи с этим все большую актуальность приобретает международное сотрудничестве в сфере создания кинопродукции, которое подразумевает также расширение дистрибьюционных возможностей того или иного фильма, если в его производстве задействовано несколько стран. Увеличение роли международной коопродукции связано с тем, что в некоторых развитых странах Запада, таких как Германия, Нидерланды, Франция, Швейнария и др., существует конкурсная система «квот» для стран из списка Комитета содействия развитию (DAC list) Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которая подразумевает частичную финансовую помощь в кинопроизводстве (на стадии написания сценария, непосредственного производства или постпродакшна) для стран с самым низким уровнем дохода. Данные «квоты» предусматривают поддержку странам бывшего доминиона и представителям меньшинств, в том числе национальным, проживающим на территории грантодателя, а также, что прослеживается все чаще, кинематографистам из актуальных «горячих точек» на карте геополитики. Однако право подачи на данные гранты часто закреплено именно за местной киностудией и продюсером и при условии, что некий процент участников кинопроизводства тоже будут гражданами страны-грантодателя.

В настоящее время кинематографисты по всему миру сталкиваются с дилеммой создания фильмов, рассчитанных на внутреннюю

[1] Charmy Harikrishnan, Shephali Bhatt. How women film-makers like Meghna Gulzar, Rima Das, Anjali Menon & Nandita Das are changing the face of Indian cinema. URL: https://economictimes.indiatimes.com/magazines/panache/how-a-wave-of-women-filmmakers-is-changing-indian-cinema/articleshow/66297171.cms

аудиторию кинозрителей, и фильмов для международного кинорынка, которые могут получить дистрибьюцию за рубежом, включая успех на международных кинофестивалях, выпуск картины на DVD и онлайн видеоплатформах (Netflix и др.). Кино, рассчитанное на международного зрителя, неминуемо апеллирует к универсальным ценностям и глобальным проблемам общества. Именно к такому кино, в котором присутствуют точки соприкосновения с его собственным существованием, зритель не останется равнодушным. К примеру, известные европейские гранты на написание киносценариев, как уже было упомянуто, предусматривают участие европейских кинематографистов (соавторов сценариев и сценарных консультантов, т.н. «сценарного доктора»). Данный факт имеет не только экономическую основу долевого участия в международном кинопроекте, но и идейную составляющую: европейский партнер должен помочь адаптировать сценарий к мировоззрению западного зрителя и сделать фильм понятным ему. Однако встает вопрос: не апеллирует ли такое кино не столько к глобальным ценностям, сколько к ценностям западного мира? Таким образом, можно констатировать, что нередко появляются фильмы национальные по форме и западные по содержанию.

Международные кинофестивали являются палкой о двух концах. С одной стороны, они стремятся пропагандировать высокохудожественные и новаторские поиски в кино, поощряют эксперименты, заинтересованы в открытии новых авторов и нередко относятся к кинокартинам как к произведениям искусства. С другой стороны, они часто зависят от своих зрителей, которым решать, приобретать билет на данный киносеанс или нет. Поэтому нередко выбор делается в пользу фильмов, созданных на грани авторского и коммерческого кино. Немаловажную роль играет спектр актуальных проблем, с которыми сталкивается человечество: войны, терроризм, геноцид, миграция, гендерные права, идентичность, свобода самовыражения и т.п. Подобная тематика фильмов, нередко дополненная экзотичностью киноматериала, рассчитанная на международную дистрибьюцию, формирует определенный взгляд кинозрителя (как западного, так и восточного) на те или иные мировые проблемы, т.е. создает для него «картину мира». И рядовой посетитель

международного кинофестиваля может с легкостью окунуться в жизнь и атмосферу любой страны, представившей свои фильмы к показу. Таким образом, перед кинематографистами Индии, как и любой другой азиатской страны, стоит проблема балансирования между собственными традиционными ценностями и вызовами международного кинорынка.

В политических мерах того или иного государства существуют такие понятия, как «мягкая сила», «жесткая сила» и «умная сила». Так, «мягкая сила» подразумевает создание благоприятного привлекательного имиджа страны. На примере кинопродукции Болливуда проанализирован механизм, который способствует продвижению ее системы ценностей (патриотизм, героизм, культ семьи, патриархальность, жертвенность, успех, физическая красота, молодость и т.д.), этических и эстетических понятий, и то какую роль сыграл кинематограф в культурной политике страны в историческом контексте. Как показали результаты исследования, кинематограф, наряду с йогой, индийской кухней, музыкой, играет одну из ведущих ролей в создании привлекательного образа Индии в мире. Причем индийское кино можно разделить на две группы: для внутреннего потребления и внешнего рынка. К последней группе относятся фильмы, выдвигаемые государственной комиссией на соискание Премии Оскар, или же фильмы, которые рассчитаны преимущественно на западный фестивальный рынок, часто авторского жанра. Задачи, которые преследует кинопродукция обеих групп, отличаются.

Ключевые фильмы периода с 1991 по 2018 гг. отражают основные принципы внешней политики Индии и международный фон, являясь как бы ответом страны в произведении искусства – манифесте. Так, показательно творчество болливудского кинорежиссера Мани Ратнама, автора известного фильма «Dil se», пользовавшегося в прокате популярностью на фоне разразившихся террористических атак 90-х гг. Кинопродукция этого периода, как и современная, рассчитана и на внутреннего потребителя, преследуя цель сгладить конфессиональные, языковые и культурные различия разных индийский штатов. Она также призвана сплотить индийские диаспоры в мире вокруг традиционных индийских ценностей, таких как, например, семья, родина, единство, исключительность ин-

дийской цивилизации. Довольно успешно в зарубежной киноиндустрии продолжают свою деятельность кинорежиссеры Мира Наир, Тарсем Сингх, Найт Шьямалан, Дипа Мехта, актеры индийского происхождения Дев Пател, Фрида Пинто и др. В целом их творчество содействует популяризации индийской культуры.

Традиции индийского кинематографа уже сегодня отражаются в современном кино государств Центральной Азии. Этому способствуют и сохранившаяся историческая память сотрудничества кинематографий в XX веке. Было бы полезным реанимирование этого опыта на современном этапе в таких направлениях, как совместное кинопроизводство, предоставление технических услуг в индийских постпродакшн-студиях, подготовка кадров, знакомство с практикой ведения современного кинопроизводства, кинопрокат и освоение кинорынка. На примере развития болливудского кинематографа целесообразно выстроить модель развития центральноазиатского киноискусства, которое бы способствовало продвижению «мягкой силы» стран.

ВЛИЯНИЕ РОССИИ И КИТАЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ПОРЯДКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Хидоятзода Комрони Джамолидин

Магистр политических наук,
Заместитель начальника Управления по изучению проблем региональной безопасности Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан

Распад Советского Союза и самороспуск Варшавского Договора в 1991 году ознаменовали собой начало новой эпохи в международных отношениях конца XX – начала XXI вв. Существующий мировой порядок, при котором мир контролировали социалистический и капиталистический центры силы, рухнул в одночасье. Несмотря на то, что Россия является правопреемницей Советского Союза, на тот период социально-экономическое и военно-политическое положение не позволяло России продолжить политику сверхдержавности СССР. Напротив, Соединенные Штаты начали заметно укреплять свои позиции в качестве единственной глобальной державы, утвердив тем самым, мировой порядок, поставив во главу угла собственные национальные интересы, игнорируя права остальных на проведение независимой военно-политической и экономической политики.

Безусловно, как справедливо отмечает Е.М.Примаков – теоретик концепции многополярного мира, однополярная модель развития приводит к подавлению независимых политических и экономических центров (в том числе и с применением военной силы), которые взаимодействуют с мировым сообществом не через единый центр, а самостоятельно. Многополярное мироустройство является ареной различных мировых акторов, которые могут через диалог в рамках международных формальных и неформальных организаций (ООН, «Группа двадцати» (G20) и др.) согласовывать свою внешнюю политику.

Альтернативой концепции многополярного мира выступает доктрина однополярного мира. Как считал Е.М.Примаков, главными

идеологами однополярного мира выступают американские неоконы (неоконсерваторы), которые разработали доктрину американского унилатерализма. Согласно этой доктрине, США после окончания холодной войны берут на себя право определять, какие государства угрожают мировому сообществу, и без решения Совета Безопасности ООН, а также без согласования с союзниками по блоку НАТО могут применять против таких государств вооруженную силу[1].

По убеждениям Е.М.Примакова, в становлении многополярного мира особая роль отводится российско-китайскому стратегическому партнерству. Будучи министром иностранных дел и директором СВР, Е.М. Примаков заложил основы дальнейшего укрепления и всестороннего развития стратегического партнерства между двумя странами[2].

Генри Киссинджер в новом труде «Мировой порядок» объясняет нынешнее состояние мирового порядка следующим образом:

«Мировая арена пребывает в «естественном состоянии» и представляет собой анархию, поскольку нет мирового суверена, который бы гарантировал безопасность всему миру, да и сотворить такового не имеется практической возможности. Следовательно, каждому государству необходимо ставить собственные национальные интересы превыше всего – в мире, где власть является первостепенным фактором»[3].

Соответственно, чтобы каждое государство могло реализовать свои национальные интересы, и для обеспечения устойчивого развития мирового сообщества новый мировой порядок должен быть многополярным. Без соблюдения такого права не представляется возможным направить международные отношения в русло мирного сосуществования и сотрудничества.

С началом нового тысячелетия мировое сообщество испытывает воздействие резкого ухудшения международного военно-политического климата, главным образом из-за усиленного противостояния возвышающихся мировых и региональных держав за слом глобального господства Запада, которое выражается в военно-

[1] Горохов А.А. Евгений Максимович Примаков о многополярном мире XXI века // Русская политология. 2016. №1. С.7.
[2] Барский К. «Восточный вектор» начертил Примаков // Международная жизнь. 2016. окт. С.46.
[3] Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2015.

политической, экономической и информационно-психологической борьбе. По сути, сейчас мы являемся свидетелями подлинной гибридной войны между противоборствующими сторонами, которая позволяет использовать все имеющиеся ресурсы. Нарастание конфронтации США с Россией, Китаем, Ираном и другими странами на Ближнем Востоке и в Центральной Азии ставит под угрозу устойчивое развитие, военно-политическое и экономическое будущее Центральноазиатского региона, который является одним из важнейших для России и Китая регионов. Причину такой конфронтации можно объяснить стремлением развивающихся и возвышающихся стран пересмотреть систему поведения на международной арене, в которой до настоящего времени США насаждали мировому сообществу свои ценности. Соответственно, противники такого подхода на мировой политической и финансово-экономической арене являются для США главными военно-политическими врагами, а правительства этих стран, объявляются диктаторскими режимами и изгоями[1].

Говоря об однополярности, мы должны понимать, что речь не идет только о единоличной гегемонии Соединенных Штатов, а именно о коллективном Западе во главе с США и при второстепенной роли Великобритании, Франции, Германии, которые объединены общей целью распространения собственных ценностей и идеологии для сохранения своих ведущих позиций в мире. После того, как Россия потеряла контроль над некоторыми постсоветскими странами в Восточной Европе, Вашингтон счел нужным расширение своего военного присутствия в этом регионе посредством включения восточноевропейских стран в НАТО, тем самым создавая угрозу национальной безопасности России. Таким же образом Запад действовал на Украине, что стало причиной раздора между двумя близкими странами. США пытались утвердить свое господствующее положение в непосредственной близости к исторической зоне российских интересов.

Однако реальность заключается в том, что Запад утратил свою позицию мощной силы в мультиполярном мире. Это определило снижение влияния США и их союзников, так как мир двинулся в

[1] Кожевников О. Новый мировой порядок. Россия и Китай. URL: https://berni777.livejournal.com/199397.html

направлении новой геополитической ситуации. Возвышение России как одного из реальных центров мировой политики и Китая в качестве глобальной экономической державы, а также стремительный экономический подъем региональных держав на разных континентах привели к тому, что стратегии гегемонизма США на мировой политико-экономической арене пришел ожидаемый конец. Однако, как показывает практика, Вашингтон категорически отрицает данное явление и право других народов на реализацию своих национальных интересов, что породило формирование нового мирового порядка с множеством центров силы в разных регионах. Как отмечают эксперты, на наших глазах происходит сближение России и Китая. Острая фаза конфронтации между США и Россией, а также начавшаяся торговая война между Китаем и США положительно отразились на российско-китайском сближении.

В условиях становления многополярного мира Россия и Китай, имея в своем арсенале такие мощные геополитические и геоэкономические проекты, как ШОС, БРИКС, глобальный китайский проект «Один пояс – Один путь», ОДКБ, СНГ, СВМДА и другие, играют важнейшую роль, бросая тем самым вызов американскому доминированию. Сопротивление Москвы и Пекина находит пока еще молчаливую поддержку большинства государств, прежде всего незападного мира. В их числе новая потенциальная сверхдержава - Индия, другие члены БРИКС и Иран[1].

Не будет преувеличением сказать, что в нынешних условиях, какую бы актуальную проблему мы ни взяли, отчетливо прослеживается все большая степень участия России и Китая в ее справедливом решении в рамках международного права. Заметно возросли активность и становление ШОС в качестве нового центра силы, включающей в свой состав половину членов всемирного ядерного клуба. Для России и Китая целесообразно сохранение тесных отношений с Индией и Ираном – самыми мощными региональными партнерами в Южной Азии и на Ближнем Востоке.

Россия и Китай воспринимаются Соединенными Штатами как главные противники, соответственно стремление Вашингтона в сотрудничестве со своими сателлитами развязать санкционную и тор-

[1] Райков Ю. Восточная Азия и новый мировой порядок. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1419

говую войну с Россией и Китаем, можно объяснить не иначе, как экономическое ослабление и сдерживание военно-политического и экономического роста Москвы и Пекина.

К сожалению, за последние годы США так же активизировали свою стратегию по использованию международных террористических сетей для достижения своих политических целей. Международный терроризм, ставший удобным оружием для нанесения максимального ущерба противникам, является самой масштабной угрозой мировому сообществу. Официально США говорят о поддержке стабильности и безопасности в регионе, борьбе с терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков, укреплении границ ЦА с Афганистаном. В этом направлении они сотрудничают со странами ЦА в рамках «Антитеррористической коалиции», программы НАТО «Партнерство во имя мира», а также в двусторонних форматах.

Однако в условиях конфронтации с Россией и КНР целью США в этом регионе может стать распространение нестабильности на Центральную Азию и создание прямых угроз России и Китаю. Именно так можно объяснить поддержку ряда террористических групп со стороны США. Например, российские эксперты уверены, что именно США стоят за активизацией ИГИЛ в Афганистане и поддерживают производство наркотиков в этой стране.

Страны Центральной Азии серьезно обеспокоены концентрацией основной мощи международных террористических группировок в граничащих с государствами региона провинциях Афганистана. Для наших стран в настоящее время одним из ключевых вопросов обеспечения национальной безопасности является эффективная информационно-психологическая борьба против террористических и экстремистских групп. Соответственно, Россия и Китай являются важнейшими союзниками и партнерами государств региона в борьбе против распространения террористической идеологии в непосредственной близости зоны ответственности ШОС и ОДКБ. Почти двадцатилетнее пребывание войск США и НАТО, а также размещение десяти военных баз в Афганистане позволило США улучшить свои позиции в регионе и создать угрозы России и Китаю в новом направлении.

В силу своего удобного стратегического расположения, позволяющего США контролировать своих главных геополитических конкурентов, а России и Китаю обеспечить безопасность своих южных и западных рубежей, а также реализовать крупные геоэкономические проекты, значение Центральной Азии в процессе становления многополярного мироустройства возросло. Тем самым, регион превращается в арену информационно-психологического и геополитического противоборства мировых и региональных держав, в котором заметно прослеживается активность России и Китая в противодействии корыстным целям США. Центральная Азия способна дать возможность дипломатии Москвы и Пекина более эффективно воздействовать на многие военно-политические, торгово-экономические и гуманитарные процессы на достаточном географическом расстоянии от Афганистана до Северной Африки. Именно растущее военно-политическое влияние Российской Федерации и КНР, а также реализация интеграционных процессов в Центральной Азии под патронажем Москвы и Пекина вызывают серьезное сопротивление Вашингтона, имеющего свое собственное видение и реализовывающего альтернативную политику по интеграции Центральноазиатского региона. В этом направлении Соединенные Штаты поддерживают проекты, которые связывают Центральную Азию с «югом». Примером является поддержка США проекта «TAPI», «CASA-1000», автомобильных мостов на таджикско-афганской границе, железной дороги Узбекистан-Афганистан и т.д. Такой шаг позволит Вашингтону объединить Центральную и Южную Азию в масштабный геополитический проект «Большой Центральной Азии», что создает непосредственную угрозу интересам России и Китая.

Углубление интеграционных процессов и реализация на постсоветском пространстве, в первую очередь в Центральной Азии, крупных геоэкономических проектов, приобретение ШОС новой роли на мировой политической арене, занятие Россией и Китаем принципиальной позиции по отстаиванию своих национальных интересов в качестве центров силы, встречают достаточно жесткое сопротивление Соединенных Штатов Америки. Вашингтон вмешивается во внутренние дела государств Центральной Азии, опасаясь

решающего влияния России и Китая в этом регионе. На наш взгляд, это во многом связано с тем, что и Москва, и Пекин имеют одинаковую позицию по поводу необходимости построения многополярного мира и партнерских отношений всестороннего стратегического сотрудничества и обеспечения стабильности в Центральной Азии.

Центральная Азия, проводя внешнеполитическую линию на многовекторной основе, ориентирована на сотрудничество с мировыми и региональными державами прежде всего для своего экономического развития. С этой точки зрения для России и Китая особое значение будет иметь укрепление финансово-экономического и инвестиционного потенциала Шанхайской организации сотрудничества, стимулирование в ее рамках практических шагов, способствующих укреплению взаимного доверия и партнёрства в Центральноазиатском регионе.

Политика России и Китая в Центральной Азии должна быть направлена на:

- урегулирование региональных межгосударственных конфликтов в Центральной Азии, имеющих латентный характер. США заинтересованы в дестабилизации военно-политической обстановки в регионе, и для достижения своей цели они могут использовать данный рычаг воздействия, который создает прямые угрозы также интересам России и Китая;
- недопущение резкого усиления военной мощи США и их союзников в регионе;
- скорейшее решение военно-политического кризиса в Афганистане. Происходящие изменения в региональной политике Центральноазиатских стран предопределяют качественно новую роль государств региона в стабилизации ситуации в Афганистане. Для мирного урегулирования афганской проблемы необходимо непосредственное участие государств, граничащих с этой страной;
- расширение торгово-экономических связей. Такая политика особо актуальна в контексте изменения внутриполитического климата в Центральной Азии;
- обеспечение контроля над источниками энергоресурсов и использование транспортно-логистических возможностей Централь-

ной Азии в реализации крупномасштабного проекта «Один пояса – один путь» и расширении Евразийского экономического союза, в которых регион играет важную роль.

Однако любые действия России и Китая, направленные на интеграцию стран Центральной Азии, особенно реализация крупных геополитических и геоэкономических проектов – Евразийского экономического союза и «Один пояс – один путь», сталкиваются с противодействием США. В государствах региона готовы поддержать проект любой стороны, если он выразится в финансовом содействии, инвестициях и не будет подрывать основы государственного строя и безопасность.

Для России особенно важно сохранить свое влияние в постсоветских странах Центральной Азии с учетом опыта происходящих событий на Украине, укрепляя как военное присутствие, так и финансово-экономическое.

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ МИРОТВОРЧЕСКИХ СИЛ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ И АФГАНИСТАНЕ

Разыкова Азиза Бахтиёровна
Аспирант
Институт философии, политологии и права им. А.М. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан

Окончание гражданской войны в Таджикистане после подписания Мирного соглашения в 1997 г. можно рассматривать как одну из самых успешных миротворческих усилий ООН, модель разрешения конфликтов и примирения. Напротив, конфликт в Афганистане, который охватил десятилетия войны и привёл к гибели более миллиона жизней, был одной из самых противоречивых миссий в новейшей истории. Подписанное в Бонне в декабре 2001 г. «Соглашение о временных механизмах в Афганистане до восстановления постоянно действующих правительственных институтов» было омрачено стабилизацией и реконструкцией режима правления, что ставит под сомнение долгосрочный успех самого вмешательства. Сравнение международных миротворческих усилий в Таджикистане в 1990-х и Афганистане с 2001 г., хотя ситуации и отличаются, дает ценные уроки по эволюции модальностей (предполагаемого к объективной реальности) и мотивов международных интервенций.

Миротворческие усилия международного сообщества во время гражданской войны в Таджикистане (1992-1997 гг.) и захват власти и установление режима талибов в Афганистане (2001 г.) следует рассматривать в контексте изменившихся мотивов по отношению к участникам. После ряда особо сложных инициатив – этнических чисток в 1999 г. и сомнительной легитимности вмешательства в Косово; очевидных актов геноцида в апреле 1994 г. и нерешительной реакции международного сообщества в Руанде; многостороннего вооружённого конфликта в 1990 г., приведшего к распаду государства и межклановой войне, и ухода ООН до завершения работы в Сомали; острого межэтнического конфликта в апреле 1992 г. и неспособности защитить уязвимые общины в Боснии, – междуна-

родное сообщество пришло к пересмотру своих действий[1]. В 2004 г. созданная Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном Группа высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам поддержала формирующуюся норму, предусматривающую ответственность по защите, указав, что применение силы международным сообществом является, в случае необходимости, допустимым шагом и должно использоваться в качестве крайнего средства, конечно же, если соответствующие дипломатические, гуманитарные и другие мирные средства не принесут положительных результатов. На основе рекомендаций Канадской международной комиссии по вмешательству и государственному суверенитету (ICISS) нормы программы «Ответственность по защите» были приняты на Встрече ООН на высшем уровне в 2005 г. В них предусматривалось следующее: в то время, когда населению «причиняют ущерб в результате внутренней войны, мятежа, репрессий или неудачной государственной политики и соответствующее государство не желает или не может остановить или предотвратить его, принцип невмешательства уступает международной ответственности по защите». Это означало то, что суверенитет не только предоставляет государствам право «контролировать» свои внутренние дела, но также налагает непосредственную ответственность по защите людей, проживающих в пределах границ этих государств; и в случае, когда государство не способно защитить людей – будь то из-за отсутствия возможностей, либо из-за отсутствия воли, – ответственность переходит к широкому международному сообществу[2].

Международное вмешательство в Таджикистане в период гражданской войны стало явным примером «ответственности по защите» задолго до того, как оно было принято Группой высокого уровня в 2004 г., и стало международной нормой. Менее чем через шесть месяцев, с мая 1992 г., после начала боестолкновений, около 60 000 человек были убиты, а полмиллиона человек переместились внутри страны или бежали через границу в Афганистан и другие соседние страны. Пятилетняя изматывающая гражданская война в

[1] Николс Томас. Гуманитарная интервенция, суверенитет и политика упреждающих мер // Неприкосновенный запас. 2010. №5(73). С.10.

[2] Ответственность по защите – Программа просветительской деятельности «Геноцид в Руанде и ООН», 2005. URL: http://www.un.org/ru/preventgenocide/rwanda/responsibility.shtml

новоявленной республике оставила после себя десятки тысяч убитых, разрушенную экономику и общество, разделённое как в региональном, так и политическом смысле.

В Таджикистане в период с 1992 по 1997 гг. были задействованы три субъекта с различными мандатами и различными средствами действий: 1) Содружество Независимых Государств, отправившее миротворческие силы, и оказавшее давление на оппозицию; 2) Организация Объединенных Наций, проводившая прямые переговоры с воюющими сторонами и организовавшая политический диалог между ними; 3) Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (в настоящее время ОБСЕ), содействовавшее проведению демократических реформ. Все три субъекта были едины в своей цели прекращения гражданской войны и установления демократического мира[1].

Как только независимость Таджикистана была признана на международном уровне после распада Советского Союза в конце 1991 г., страна вместе с десятью другими бывшими советскими республиками в том же году стала действительным членом Содружества Независимых Государств (СНГ). Затем в январе 1992 года она стала членом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), а в марте 1992 года – Организации Объединенных Наций[2].

Нестабильность в Таджикистане изначально была предметом озабоченности для стран СНГ и, в первую очередь, для соседних Кыргызстана и Туркменистана, которые к сентябрю 1992 г. подписали совместную декларацию, призывающую к немедленным переговорам о прекращении огня и мирному диалогу между воюющими группировками[3]. В декларации было объявлено, что три государства будут использовать «все необходимые средства» для урегулирования конфликта на основе переговоров для обеспечения интересов Таджикистана и СНГ. К июлю 1993 г. президент Казахстана Нурсултан Назарбаев заявил, что ответственность за мир в Таджикистане несут не только страны Центральной Азии и России, но

[1] Ниязи А. Таджикистан: региональные аспекты конфликта. URL: http://poli.vub.ac.be/publi/etni-l/niayzi.htm
[2] Шарафиева О.Х. Гражданская война в Таджикистане, 1990-1997 гг.: автореф. дис… канд. ист. наук. Томск, 2010. С.17.
[3] CA&C Press AB. Издательский дом (Швеция). URL: http://ca-c.org/journal/08-1997/st_14_gusein.shtml

мир также зависит от усилий ООН по поиску формулы для стабилизации региона. В августе 1993 г. Россия, осознав, что политическое решение является единственным выходом из всё более расширяющегося таджикского конфликта, начала дипломатическое наступление. Круг заинтересованных стран СНГ расширился, и главы государств Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана встретились спрезидентом РФ Борисом Ельциным и Президентом РТ Эмомали Рахмоном, а также с представителем президента Туркменистана в Москве в начале августа 1993 г. для обсуждения ситуации в Таджикистане. Впервые Россия, за которой последовал Узбекистан, оказала влияние на таджикского лидера, ратуя за проведение политических переговоров с лидерами оппозиции. В то же время решение о коллективной защите таджикско-афганской границы, представляющей южную границу СНГ, было принято во время саммита СНГ в сентябре 1993 г. Предполагалось привлечь 25 тысяч военнослужащих СНГ по поддержанию мира, которые состояли бы из трёх батальонов из Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана, а также российских пограничных войск, в дополнение к 201-й мотострелковой дивизии Российской Федерации, которая после ухода Советской армии осталась на территории Таджикистана[1]. Однако реализовать план оказалось труднее, чем планировалось: Казахстан отправил свой обещанный батальон только в 1994 г.; Кыргызстану пришлось прибегнуть к помощи добровольцев, чтобы сохранить свои подразделения на территории Горного Бадахшана; а войска Узбекистана были в основном размещены в Согдийской области, вдали от боевых действий. Таким образом, основную нагрузка на присутствие СНГ в Таджикистане выпала на долю России.

На заседании Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1993 г. Казахстан и Россия просили мировой орган предоставить вооружённым силам СНГ в Таджикистане мандат на функционирование в качестве миротворческих сил ООН. Опасаясь участия 201-й дивизии в разгар политических потрясений и гражданской войны, Ассамблея не предоставила СНГ официальный мандат в Таджикистане, поручив региональным организациям действовать от своего имени. Именно поэтому самой ООН пришлось непосредственно за-

[1] Шарафиева О.Х. Указ. раб. С.19

ниматься миротворческими усилиями. Ситуация в Таджикистане обсуждалась и на заседаниях в Совете Безопасности ООН в конце августа 1992 г.[1]. Первая делегация была направлена на миссию по сбору данных и оценки ситуации в сентябре 1992 г., а через пару месяцев миссия доброй воли, состоявшая из представителей Департамента по политическим вопросам ООН (DPA), Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев и Мировой продовольственной программы (WFP), призвала ООН более активно участвовать в ответ на призыв оказать политическую помощь в урегулировании конфликта. Эти первые инициативы легли в основу создания политического офиса ООН в Душанбе в январе 1993 г. В соответствии с мирными соглашениями ООН к ноябрю 1993 г. была создана Миссия наблюдателей Организации Объединенных Наций в Таджикистане (МНООНТ) при поддержке Контактной группы государств-гарантов и международных организаций, которая сыграла важную роль в оказании помощи сторонам в подписании Мирного соглашения в 1997 г.[2]

Возможно, одним из самых больших успехов эффективной деятельности ООН было привлечение множества опытных профессиональных дипломатов в качестве специальных представителей Генерального секретаря, которые стремились найти общий язык не только с основными участниками таджикского конфликта, но также со всеми сторонами, участвующими в жизни региона. В первые годы после войны ООН наблюдала за процессом политических переговоров между правительством и оппозицией в изгнании и контролировала внутренний процесс стабилизации в Таджикистане, включая создание институтов и укрепление доверия, в то время как разоружение и национальное примирение стали входить в задачи офиса Совета по безопасности и сотрудничеству в Европе. Эти два процесса были взаимозависимыми: ООН осуществляла надзор за прямыми переговорами и политическим диалогом между сторонами, в то время как СБСЕ продвигала реформы демократии. В дальнейшем СБСЕ, находясь в Таджикистане, выполняла обязанности в области поддержания прав человека и демократических процедур, а

[1] Щеголев В.В. Международное миротворчество: автореф. дис… д-ра полит. наук. М., 2000. С.11.

[2] Романчук С.И. Миротворческие операции на постсоветском пространстве: концептуальные подходы: дис… канд. полит. наук. М., 2015. С.44-48.

также поддерживала коллективную и всеобъемлющую безопасность.

Если в Таджикистане в период пятилетней гражданской войны были задействованы три основных субъекта с различными мандатами, то, напротив, обоснование международной интервенции в Афганистане постоянно и во многом менялось так же, как и характер конфликтов в Афганистане за последнее столетие. Борьба всегда имела место, но цели менялись со временем. Первоначально, возглавляемая США операция «Несокрушимая свобода» (OEF), начавшаяся 7 октября 2001 г., была задумана как ответ на атаки 11 сентября 2001 г. Заявленной целью вторжения был захват Усама бен Ладена, уничтожение террористической группировки «Аль-Каиды» и замена режима талибов на постоянное правительство[1]. Так, возглавляемая США международная коалиция официально начала войну с террором. Затем ООН приняла резолюцию от 20 декабря 2001 г. (Резолюция №1386), в которой предусматривалось развертывание Международных сил содействия безопасности (ISAF) в Афганистане в рамках классического вмешательства для защиты безопасности международного сообщества[2].

Главной целью было устранение угрозы международной безопасности, тогда как обеспечение человеческой безопасности афганского народа ушло на второй план. Всё равно народ Афганистана давно и постоянно страдал от сочетания плохого управления, нищеты и нарушений прав человека на протяжении десятилетий и был буквально оставлен Западом после того, как советские войска выведены из страны в 1989 г. В последующие годы было принято мало попыток положить конец страданиям афганского народа, пока опасность угрожала Западу.

5 декабря 2001 г., спустя месяц после падения режима талибов, переговоры, проведённые ООН на конференции в Бонне, привели к Соглашению о временных механизмах в Афганистане до восстановления постоянных правительственных учреждений. Спустя три месяца, 28 марта 2002 г. в соответствии с резолюцией № 1401 Совета Безопасности ООН была создана Миссия ООН по содействию

[1] Там же. С.77.

[2] Резолюция от 20 декабря 2001 года № 1386 (2001) Совета Безопасности ООН. Принята Советом безопасности Организации Объединенных Наций. URL: http://docs.pravo.ru/document/view/26853962/26875827/

Афганистану (МООНСА) для наблюдения за осуществлением Боннского процесса. Однако миссия ООН в Афганистане не смогла сработать так же успешно, как в Таджикистане, с учётом более высоких ставок и различных задач. МООНСА не только отвечала за координацию деятельности ООН в области помощи и восстановления, но также осуществляла проекты в области разоружения, демобилизации и реинтеграции, реформы сектора безопасности, гуманитарной помощи и примирения. Задач было слишком много: 1) масштабы миссии, обременённые иногда противоречивыми мандатами, как для координации большого числа международных участников, так и для реализации проектов напрямую; 2) размер миссии: первоначально предполагалось меньшее количество присутствующих в Афганистане, задействованных в миссии, но благодаря вниманию СМИ и существенным обязательствам со стороны международного сообщества, фактически куда большее количество участников въехало на территорию страны. Немаловажным аспектом в этом деле были личностные трения и недопонимание по разным вопросам, различные взгляды на ситуацию и её решение между Специальным посланником Генерального Секретаря ООН Лахдаром Брахими и американским послом Залмаем Халилзода, которые тормозили общую работу миссии, и, пожалуй, были главным отличием от опыта разрешения конфликта в Таджикистане[1].

Непростые отношения между последующими Специальными посланниками ООН и представителями сил операции «Несокрушимая свобода», или НАТО, свидетельствовали о более широкой проблеме: основным препятствием на пути успеха ООН в Афганистане по-прежнему оставался тот факт, что вмешательство не являлось классическим миротворчеством, а военной кампанией. И, как показал опыт Косово, Боснии, Ирака и Сирии, ООН не была в выгодном положении во время военных вмешательств, проводимых или инициированных другими странами[2]. В Афганистане, параллельно с усилиями международного сообщества, контролируемыми ООН, проводилась более жестокая военная кампания под руководством

[1] Shahrbanou Tadjbakhsh. International Peacemaking in Tajikistan and Afghanistan Compared: Lessons Learned and Unlearned, article in journal Les Études du CERI. 2008. №143. P.27. April.

[2] Романчук С.И. Миротворческие операции на постсоветском пространстве: концептуальные подходы: дис… канд. полит. наук. – М., 2015. – С.112.

США. Она сосредоточилась на борьбе через операцию «Несокрушимая свобода», в то время как безопасность была обеспечена международными стабилизационными силами ISAF, которые, будучи переданы НАТО для руководства, взяли на себя дополнительную гуманитарную ответственность в области развития в битве «за сердца и умы» в рамках гражданских военных операций. Они были известны как провинциальные группы по восстановлению, 25 из которых активно действовали уже к февралю 2008 г.[1] Но, талибы не успокоились и с 2005 г. возобновили всё более жестокие действия, в результате чего военный фронт, по словам официальных лиц НАТО и США, официально стали кампанией по борьбе с повстанцами[2].

В Афганистане мотивы, цели и стратегия того, что было по существу военной кампанией по удалению режима, подверглись нескольким пересмотрам; после 11 сентября немедленный ответ заключался в быстром действии посредством масштабной воздушной бомбардировки, чтобы «наказать» «Талибан» и нанести удар по центру «Аль-Каиды». Вначале Соединенные Штаты не стремились к государственному строительству, не говоря уже о строительстве нации, но вакуум, который был создан для ликвидации талибов, необходимо было как-то заполнить. Для долгосрочного создания стабильности в Афганистане и в окружающем его регионе необходима более активная стратегия, которую необходимо было разработать до вмешательства. Среди многочисленных неуспешных результатов по отношению к смене режима можно считать вседозволенность Северного альянса, группы таджикских бывших моджахедов с небольшой поддержкой в южных районах, президентские выборы Хамида Карзая 9 октября 2004 г., который так и не смог сплотить пуштунские племена, а самое главное – отчуждение сердец и умов обычных афганцев, подвергающихся бомбардировкам, которые продолжали заявлять о гибели более сотен мирных жизней ещё много лет после того, как международное сообщество установило так называемый мир в Афганистане[3]. Проблема изменения масштабов международного военного участия, несомненно,

[1] Афганская война. Войска и тактика ведения войны. URL: http://lurklurk.com/Афган
[2] Князев А.А. Афганистан и безопасность Центральной Азии. Бишкек: Илим, 2004. С.7-9.
[3] Афганистан в 1990-е гг. Курс лекций. URL: https://studfiles.net/preview/3730275/page:108/

была связана с ростом насилия в отношении простого народа, а это, в свою очередь, подрывало доверие афганской стороны к другим международным организациям и миссиям в Афганистане, а именно усилиям МООНСА с агентствами ООН и Международными финансовыми институтами (МФУ) для установления политической стабильности, демократизации, развития и реконструкции. К зиме 2007 г. военная тактика, используемая операцией «Несокрушимая свобода» и НАТО, привела к росту смертности среди гражданского населения и дальнейшей радикализации «повстанцев» настолько, что с осени 2007 г. новый мандат о защите гражданских лиц во время войны был добавлен к специальному посланнику Генерального секретаря США Тому Кенигсу[1].

Военная кампания под руководством США, далекая от создания условий для развития стабильности, произвела противоположный эффект. Большая часть насилия, которая бушевала по всей стране, теперь была направлена против международного военного присутствия. Поэтому невозможно было интерпретировать афганскую драму только с точки зрения внутренней динамики, военачальников, этнических фракций и религиозного фундаментализма, не считая, что насилие и отсутствие безопасности являлось прямым результатом международной интервенции в Афганистане. Даже после смены режима в Кабуле Афганистан оставался менее стабильным, чем до операции. Если рассмотреть результаты интервенции, то война и её непреднамеренные последствия, затмив намеченные цели на долгосрочную стабильность и перспективные союзы, оставила след во всем регионе. Так, например, Пакистан и его президент остались в нестабильной позиции, борясь с волнообразными последствиями среди племенного региона Южного Вазиристана. Наращивание американских баз в Центральной Азии и Западном Афганистане вдоль границ Ирана так же вызвало тревогу Ирана, России и Китая. И эта операция подпитывала антиамериканские настроения во всем арабском и мусульманском мире[2].

Что касается борьбы с терроризмом, то, возможно, настоящим виновником является неэффективность быстродейственного подхо-

[1] Князев А.А. Указ. раб. С.45-47.

[2] Николс Томас. Гуманитарная интервенция, суверенитет и политика упреждающих мер // Неприкосновенный запас. 2010. №5(73).

да посредством масштабных наступательных действий по уничтожению угрожающих субъектов с применением силы для искоренения терроризма. Такой подход может иметь негативные и непреднамеренные последствия, такие как дестабилизация и обратная реакция. Извлечённый урок должен состоять в том, чтобы уделять внимание «совокупности проблем», частью которых является терроризм, а именно – слабой государственной структуре, разрушенному войной обществу, массовому недоразвитию, межобщинным и межэтническим конфликтам и региональному соперничеству. Поэтому решения в первую очередь должны рассматривать сокращение конфликтов посредством гуманитарной помощи и помощи в целях развития и только в последнюю очередь применения силы. В противном случае борьба с терроризмом путем применения силы лишь усугубит ситуацию и приведет к межгосударственной нестабильности. В конечном счете, цели и мотивы войны против террора (как в случае с Афганистаном) неизбежно затрагивают национальные интересы, которые не следует путать с желанием региональной стабилизации с помощью международных средств (как в случае с Таджикистаном). В случае с Афганистаном затруднительное положение людей, страдающих от нехватки ресурсов, массовая нищета, безработица и малообразованность, отсутствие безопасности и нарушение прав человека, страх и унижение, вызванные режимами террора (будь то советская оккупация, «правление» моджахедов или талибан), фактически сыграли лишь второстепенную роль в мотивации к привлечению международных участников, стремящихся защитить свои собственные стратегические интересы и безопасность своего народа. Для поддержания международной безопасности требуется, чтобы решение транснациональных проблем не зависело от исключительных интересов или позиций одной страны (или альянса)[1].

Мы убедились в том, что то, чем мотивируются стороны, может оказать непосредственное влияние на успех разрешения конфликтов, а скрытые или двойные мотивы неизбежно препятствуют эф-

[1] Conetta C. (2002), “Strange Victory: A Critical Appraisal of Operation Enduring Freedom and the Afghanistan War”, Project on Defense Alternatives Research Monograph. №6, 30 January. URL: http://www.comw.org/pda/0201strangevic.html

фективному сотрудничеству с региональными державами, которые так же могут участвовать в стабилизации конфликта. В Таджикистане, как классическом примере гражданской войны, вмешательство мотивировалось ответственностью за защиту гражданского населения и предотвращением распространения внутренней войны на соседние страны. С другой стороны, международное участие в Афганистане под руководством США было связано с глобальной войной против террора, в которой Америка чаще принимала участие не только как наблюдатель, но и представляла одну из сторон «войны». Что касается региональных субъектов, то нельзя сказать, что они были больше заинтересованы в умиротворении конфликта в Таджикистане, чем в случае разворачивания в Афганистане. Вместо этого в первом случае региональные решения искали совместными усилиями в отличие от второго, в котором «глобальная» война против абстрактного врага пренебрегала региональным контекстом.

И напоследок, для миростроительства необходимым требованием является законное государство, а в условиях устойчивой войны и оккупации государство не может взять на себя надлежащую роль независимо от усилий сторонников демократизации и реконструкции.

РОЛЬ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ В РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Хошимов Фируз Джаббарович,
Ассистент кафедры общественных наук Института Экономики и Торговли Таджикского государственного университета коммерции

В условиях «нового мирового порядка» народная дипломатия становится одним из основных акторов международных отношений. Народная дипломатия представляет собой международную деятельность общественных организаций, учреждений науки, образования, культуры, деловых кругов, контакты на уровне городов-побратимов, а также частных лиц, направленные на развитие и укрепление дружественных отношений между общественностью различных государств.

Народная дипломатия – это общественное действие, совершаемое инициативной группой людей по добровольному выполнению дипломатических функций. Народная дипломатия возникает на основе инициативы снизу, как бы в помощь официальным дипломатическим службам[1]. Целью народной дипломатии является формирование благоприятного морально-политического климата в отношениях между этими государствами.

Термин «народная дипломатия» вошел в словарь политологов и международников недавно, в 80-е годы. Но истоки самого явления присутствуют в международных отношениях уже много столетий. Путешественники, мореплаватели, купцы, такие как Марко Поло и многие другие, посещали далекие страны, приносили туда информацию о своей стране, устанавливали личные связи с политическими деятелями, купцами, учеными зарубежных государств. Полученная ими информация и установленные контакты обычно использовались дипломатией для налаживания официальных отношений между государствами.

В связи с этим хотелось бы отметить роль народной дипломатии в российско-таджикских отношениях. Таджикистан и Россию исто-

[1] Основы духовной культуры. Энциклопедический словарь педагога / В.С.Безрукова. Екатеринбург, 2000.

рически связывает многовековая тесная дружба, взаимодействие народов и глубокое взаимопроникновение культур. Россия остается для Таджикистана ключевым партнером и союзником по широкому спектру направлений, что обусловлено как глубокими историческими связями, так и сугубо прагматическими соображениями – общей заинтересованностью в обеспечении безопасности на пространстве ОДКБ, борьбе с терроризмом, религиозным экстремизмом и наркотрафиком. Россия остается доминирующим торгово-экономическим партнеромтаджикского государства. Российская Федерация занимает ведущее место во внешней торговле Республики Таджикистан. Объем товарооборота между двумя странами, с учетом влияния внешних факторов, в 2016 году составил более 1 млрд. долл.[1]. На высоком уровне находятся также двусторонние культурно-гуманитарные связи.

Неформальные таджикско-российские международные связи начались в конце XIX – начале XX веков, после создания коммунистических и социалистических интернационалов. В Москве в 1925 г. было создано *Всесоюзное общество культурных связей с заграницей* (ВОКС), его задачей провозглашалось содействие общественному (негосударственному) развитию культурных связей с зарубежными странами, информационному обмену и т.д. В союзных республиках, в крупных городах Советского Союза создавались местные отделения ВОКС. В Социалистическом Таджикистане, так же как и в других республиках бывшего СССР, создавались отделения Союза советских обществ дружбы.

После второй мировой войны происходит дальнейшее развитие Обществ дружбы и культурных связей с заграницей. Стали возникать одно за другим общества дружбы. В 1958 г. был провозглашен Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД), который заменил собой ВОКС. В состав ССОД в 80-е годы входило около 80 обществ дружбы, а также Ассоциация советских юристов-демократов, Ассоциация породненных городов и ряд других организаций. ССОД поддерживал постоянные контакты с различными организациями в 140 зарубежных странах, более чем в 60 из них имел свои представительства в виде

[1] Таджикско-российские встречи и переговоры на высшем уровне. URL: http://www.prezident.tj/ru/node/14650

Домов советской науки и культуры (ДСНК), Советских культурных центров (СКЦ), Филиалов института русского языка (ФИРЯ).

Все культурные и дружественные связи Советского Таджикистана с зарубежными странами, проведение Дней культуры Таджикистана в разных странах осуществлялись при поддержке и содействии ССОД. Такие крупные мероприятия проходили под грифом «Дни Советского Союза на примере Таджикистана», то есть, благодаря ССОД, Таджикистан представлял за рубежом огромную страну – шестую часть суши на планете. Многие помнят Дни Франции, Бельгии, Туниса и других стран, проведённые опять же по линии ССОД у нас в республике. Поэтому история ВОКС – ССОД – Россзарубежцентра и Россотрудничества является и нашей историей. Сотрудничество с ним всегда являлось и является примером взаимной сопричастности, взаимного сохранения и приумножения общекультурных ценностей[1]. С распадом Советского Союза и Социалистических государств большинство обществ дружбы сошли с арены международных отношений. ССОД был переименован в России в Российское международное гуманитарное сотрудничество (Россотрудничество). В Таджикистане ССОД в 1991 г. был преобразован в самостоятельное и независимое Таджикское общество дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ТОДКС)[2].

Общество тесно сотрудничает с посольством Российской Федерации в Таджикистане, другими посольствами и международными организациями, аккредитованными в Таджикистане, расширяет связи и сотрудничество с родственными организациями дальнего и ближнего зарубежья, с национально-культурными центрами таджиков и с обществами дружбы таджикистанцев, созданными в других странах.

ТОДКС имеет свои представительства в Согдийской, Хатлонской областях и ГБАО, они работают в контакте с общинами, особенно с русской диаспорой, и их национально-культурными центрами. ТОДКС поддерживает тесные связи с таджикскими диаспорами, находящимися во многих городах России. В этом ему помогает Россотрудничество.

[1] Дусти. Ежеквартальный общественно-культурный журнал (спецвыпуск). Душанбе, 2015. №2. С.16-17.

[2] Таджикское общество дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ТОДКС). URL: http://www.friendship.tj

Одной из форм народной дипломатии являются «Города-побратимы». Породненными городами называются города, расположенные на территориях разных государств и установившие между собой постоянные дружественные связи. Города-побратимы (или породнённые города) – это два города, имеющие постоянное сотрудничество в различных сферах – культуры, спорта и др. Взаимодействие между городами выражается в обмене делегациями, художественными и спортивными коллективами, выставками, литературой, кинофильмами, фотоматериалами и т.п.[1]

Под эгидой ТОДКС действует Таджикская ассоциация породненных городов. Городами-побратимыми России и Таджикистана являются Душанбе – Санкт-Петербург[2], Худжанд – Оренбург[3], а городами партнерами Душанбе являются Москва и Саратов.

Россия одной из первых признала независимость и суверенитет Таджикистана. Основой для установления нового типа взаимоотношений между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан в условиях независимого развития послужил Протокол об установлении дипломатических отношений между двумя государствами, подписанный 8 апреля 1992 года в городе Душанбе. 4 мая 1992 года в Душанбе было открыто Посольство Российской Федерации. 8 июня 1993 г. Постоянное представительство Республики Таджикистан в городе Москве было преобразовано в Постоянное Представительство Республики Таджикистан в Российской Федерации, а 18 декабря на его базе было открыто Посольство Республики Таджикистан в Российской Федерации[4].

С 1992 года по настоящее время между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией подписано более 260 межгосударственных, межправительственных и межведомственных документов, которые создают солидную правовую базу многопланового таджикско-российского взаимодействия[5]. Взаимоотношения России и Таджикистана базируются на принципах доверия, взаимопонимания и делового партнерства. Этому во многом способствует посто-

[1] Пятнадцать друзей Душанбе. URL:http://news.tj/ru/news/pyatnadtsat-druzei-dushanbe
[2] Города-побратимы. URL: http://www.dushanbe.tj/ru/external/sister-cities/
[3] Худжанд. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Khujand
[4] Отношения Таджикистана с Россией. Подробнее: URL: http://mfa.tj/?l=ru&cat=90&art=158
[5] Заявление для прессы по итогам официального визита Президента Российской Федерации В.В.Путина. 27.02.2017 18:48, г.Душанбе. URL: http://www.prezident.tj/ru/node/14644

янный политический диалог на высшем уровне. Таджикистан и Россия успешно взаимодействуют в рамках ООН, ШОС, ОБСЕ, СНГ, ОДКБ и других многосторонних форматов.

В 2015 году Таджикистан и Россия отметили 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. Для народов России и большинства республик бывшего Советского Союза празднование юбилея Победы олицетворяло славу, гордость и наивысшее почитание поколения победителей. 70-летие Победы широко и торжественно праздновалась в Таджикистане. Каждый год 9 мая проводятся церемония возложения венков и военный парад с участием высшего руководства республики, совместно с посольствами Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Узбекистана организуется фотовыставка «Победа, добытая единством» в Национальном музее Таджикистана, проводятся автомотопробег «Утро Победы» по маршруту Душанбе – Турсунзаде, праздничный концерт 9 мая.

Так, из 1 миллиона 250 тысяч таджикистанцев (численность населения республики к началу войны) более 300 тысяч – фактически каждый четвертый – с первых дней войны ушли на фронт (в том числе добровольцами) и мужественно сражались за Родину. Более 92 тысяч из них не вернулось с войны. 55 тысяч были награждены боевыми орденами и медалями, 54 участника были удостоены высшей награды СССР – Золотой звезды Героя Советского Союза. Это – Негмат Карабаев, Туйчи Эрджигитов, Домулло Азизов, Ходи Кенджаев, Исмоил Хамзаалиев и др.[1].

В стране существует «Союз инвалидов Чернобыля Таджикистана». Из 6,500 тысяч граждан Таджикистана, участвовавших в ликвидации катастрофы, ныне на учете ООО «Союз инвалидов Чернобыля Таджикистана» состоят 1840 человек. Многие из них ушли в мир иной, но подвиг их останется на века, а память вечно останется в сердцах родных, близких и друзей. Союзы инвалидов чернобыльцев Таджикистана, России и других бывших стран Советского Союза тесно сотрудничают[2].

Основные принципы партнёрства Таджикистана и России определены в базовых межгосударственных соглашениях, таких как до-

[1] Дусти. С.21-22.

[2] В минувшем году 22 чернобыльца умерли. URL: http://sugdnews.tj/2018/05/24/v-minuvshem-godu-22-chernobylca-umerli/

говор «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан» от 25 мая 1993 года и договор «О союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан» от 16 апреля 1999 года[1].

В Таджикистане открыты представительства «Рострудничества», наряду с Российско-Таджикским (Славянским) университетом функционируют филиалы ведущих российских вузов – МГУ имени М.В.Ломоносова и Московского Института стали и сплавов. Данные вузы, безусловно, вносят существенный вклад в подготовку национальных кадров различных профилей. Стороны активно сотрудничают по обеспечению таджикских школ с русским языком обучения учебной и методической литературой, педагогическими кадрами.

В ходе последнего визита В.В.Путина в феврале 2017 г. в Душанбе был предпринят ряд эффективных мер в культурно-гуманитарной, образовательной сферах, такие как, например, создание благоприятных условий для удовлетворения растущего интереса таджикских граждан к получению образования на русском языке.

За последние пять лет общее количество обучаемых в вузах России граждан России составило более 15 тысяч студентов и имеет тенденцию возрастания. Кроме того, более 7 тысяч студентов учатся в филиалах российских вузов в Таджикистане. Успешно осуществляется проект направления российских учителей в школы Таджикистана. В августе 2017 года в Таджикистан приехали около 30 учителей русского языка, математики, физике, биологии, химии и информатике. Таких школ уже семь. В ближайшее время будет подписано соглашение об открытии еще других школ с обучением на русском языке. Этим опытом уже заинтересовались другие страны Центральной Азии[2].

Прорабатываются вопросы переводов и публикации произведений классиков и современных литераторов обоих государств, проведения ряда мероприятий с привлечением крупнейших музеев,

[1] Отношения Таджикистана с Россией. Подробнее: URL: http://mfa.tj/?l=ru&cat=90&art=158
[2] В Таджикистане будут открыты еще пять русских школ. URL:https://regnum.ru/news/2401872.html

библиотек, архивных учреждений Таджикистана и России, приуроченных к знаменательным историческим и культурным датам двух государств.

Периодически проводятся мероприятия, направленные на пропаганду культуры, языка и других духовных ценностей народов Таджикистана и России. Традиционным стало проведение Дней культуры и литературы в Таджикистане и России (1997, 1999, 2004, 2005, 2008 и 2015).

Наука, как явление общечеловеческой культуры, не может существовать и развиваться в рамках одного государства. Сотрудничество ученых является главным условием развития науки, техники и технологии народов и стран. Благодаря российским учёным, путешественникам и медикам начал формироваться в Средней Азии новый тип мировоззрения и научного подхода к исследованию общественных процессов. Об этом свидетельствуют труды великого таджикского просветителя Ахмада Дониша, Мирзо Сироджа, Фитрата, Мунзима и других просветителей.

Особое место занимает в нашей общей истории советский период, когда в Таджикистане формировались новые социально-экономические отношения, строилась новая жизнь. Именно в этот период в Таджикистане происходит формирование и становление новой науки, новых научных школ, которые служили не только Таджикистану, но и всему советскому государству. Приезд в Таджикистан многих русских и советских учёных способствовал тому, что в республике появились научно-исследовательские институты, кафедры, научные центры и станции, возглавляемые вначале, в основном, русскими учёными, а впоследствии подготовленными научными кадрами, которые успешно продолжили их научные изыскания, внеся достойный вклад в советскую и мировую науку. Такие выдающиеся учёные, как В.В.Бартольд, А.А.Семёнов, М.С.Андреев, А.Крымский, В.Жуковский, Е.Э.Бертельс, И.Петрушевский, А.Болдырев, И.С.Брагинский, Б.А.Литвинский и многие другие, внесли неоценимый вклад в развитие науки Таджикистана. В результате в 1951 году была основана Академия наук Советского Таджикистана[1].

[1] Дусти. С.40-41.

Сегодня таджикско-российские научные связи расширяются, они закреплены правительственными документами, меморандумами и соглашениями между Министерствами образования и науки, Академиями наук, научно-исследовательскими учреждениями Таджикистана и Российской Федерации. Таджикистан активно сотрудничает с Россией по многим направлениям научных исследований.

Многие граждане Таджикистана находятся в России. По численности наиболее крупная таджикская диаспора сосредоточена именно в России. Работа с таджикской диаспорой – не новое явление государственной и общественно-политической деятельности в Таджикистане. В Пензенской и Ростовской областях существуют таджикские культурные автономии. Ряд таджикских организаций работают в Москве. Таджикские диаспоры имеются в Воронеже, Тверской и многих других областях. Все они поддерживают контакты с ТОДКС и проводят различные мероприятия, такие как выставки, национальные праздники, Дни культуры Таджикистана, знакомя россиян с таджикской культуры и историей и укрепляя таким образом, дружеские отношения России и Таджикистана.

Что же касается русских общин, то самая многочисленная Русская община, призванная объединять русских, белорусов, украинцев и русскоязычное национальное меньшинство Таджикистана, на период до 2001 года имела сотни подразделений в Душанбе, Худжанде, Курган-Тюбе, Кулябе, Пенджикенте, Чкаловске, Турсунзаде, Вахдате, Нуреке, Рогуне, Шаартузе и Гарме (ныне Рашт).

В 2004 году, с целью расширения деятельности русских общин, был создан Совет российских соотечественников Таджикистана (СРСТ), а в 2007 году в г. Душанбе, с целью координации и консолидации многочисленных организаций российских соотечественников, был создан Координационный Совет организаций российских соотечественников Республики Таджикистан (КСОРС РТ). В состав КСОРС РТ входит 21 общественная организация республиканского и местного уровней, в том числе: ТБНКЦ «Дуслык», Русские культурные центры (РКЦ), РОО «АСКТ»[1].

[1] Дусти. С.50-51.

Резюмируя, следует отметить, что Таджикистан и Россию соединяют глубокие и исторические корни дружбы и культурных связей. Таджикистан и Россия намерены предпринимать все возможное для укрепления взаимодействия в политико-экономических и культурно-гуманитарных отношениях. Развитие таджикско-российских связей имеет стабильную тенденцию поэтапного расширения с учетом реалий сегодняшнего дня.

КИТАЙ И ПАКИСТАН В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ ЮЖНОЙ АЗИИ В СЕРЕДИНЕ ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА

Яо Цзин Цзин
Магистрант направления подготовки «Зарубежное регионоведение»
Российско-Таджикского (Славянского) университета

Среди прилегающих к Китаю регионов Южная Азия является одним из важных факторов инициативы «Один пояс, один путь». Южная Азия вызывает главную озабоченность Китая в области периферийной дипломатии, экономических коридоров, пограничных вопросов и безопасности в Индийском океане. Именно поэтому Южная Азия имеет очень важное геополитическое значение для Китая. Однако до XX1 века геополитическая и периферийная политика Китая была сосредоточена в Северо-Восточной Азии, Юго-Восточной Азии и в других регионах, кроме Южной Азии из-за географических транспортных барьеров, создаваемых горами, такими как Гималаи, а также со сложностями в отношениях между Китаем и Индией. Дипломатические инвестиции Китая в Южную Азию кажутся относительно недостаточными или менее прорывными.[1] Фактически, по крайней мере до 21-го века, Южная Азия являлась «депрессией» китайской дипломатии. В нынешнюю эпоху у Китая больше стратегических интересов в Южной Азии.

В мае 2017 года в Пекине состоялся первый форум международного сотрудничества «Один пояс, один путь». Согласно «Программе к действию по содействию совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века», «Экономический пояс Шелкового пути» будет ориентирован на запад, в Европу, Персидский залив, Средиземное море, Индийский океан и другие регионы. Центр ключевого направления концепции «Морского шелкового пути XXI века» находится от Китая через Южно-Китайское море до Индийского океана и простирается до Европы. Можно видеть, что Южная Азия расположена в центральной зоне инициативы «Один пояс, один путь». Мальдивы

[1]Лоу Чуньхао, Чжан Минмин. Стратегическое значение Южной Азии и стратегия Китая в Южной Азии // Современные международные отношения. 2010. №2. С.42.

и Шри-Ланка расположены в проходе Индийского океана между Ближним Востоком и Восточной Азией и являются важными узлами в Морском шелковом пути XXI века. Среди шести экономических коридоров инициативы «Один пояс, один путь», Китайско-пакистанский экономический коридор и экономический коридор «Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма» расположены в Южной Азии. Среди семи стран Южной Азии, за исключением Бутана, нет явного упоминания о включении в «Один пояс, один путь», а другие страны входят в сферу действия «Одного пояса, одного пути».

Председатель Си Цзиньпин четко определил роль Южной Азии в реализации инициативы «Один пояс, один путь». В апреле 2015 года в своем выступлении в пакистанском парламенте он заявил, что Южная Азия расположена на пересечении моря и суши инициативы «Один пояс, один путь» и является важным направлением и партнером для продвижения строительства «Один пояс, один путь». Китайско-пакистанский экономический коридор и экономический коридор «Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма» тесно связаны с инициативой «Один пояс, один путь». Председатель Си Цзиньпин четко определил роль Южной Азии в реализации инициативы «Один пояс, один путь». Строительство двух основных коридоров будет эффективно способствовать экономическому росту соответствующих стран и станет новым мощным стимулом для углубления регионального сотрудничества в Южной Азии. В сентябре 2014 года председатель Си Цзиньпин в своем выступлении в Индийском комитете по международным делам заявил, что Китай надеется использовать «Один пояс, один путь» в качестве двойного крыла для достижения цели вместе с южноазиатскими странами.

Страны Южной Азии, как правило, приветствуют инициативу «Один пояс, один путь», за исключением Индии. Когда председатель Си Цзиньпин впервые посетил Южную Азию в сентябре 2014 года, Мальдивы высоко оценили инициативу «Морской шелковый путь XXI века» за ее дальновидность и оказали полную поддержку, а также выразили желание воспользоваться возможностью принять в ней активное участие. Шри-Ланка заявила, что Китай и Шри-Ланка должны совместно построить Морской шелковый путь, ко-

торый открывает перспективы для их развития, и готова активно поддерживать развитие Морского шелкового пути XXI века.

В июне 2014 года премьер-министр Бангладеш Хасина посетила Китай и выразила свою поддержку важной инициативе «Один пояс, один путь», предложенной китайской стороной, однако данная инициатива не была упомянута в «Совместном заявлении» обеих сторон. К октябрю 2016 года председатель Си Цзиньпин посетил Бангладеш и трансформировал китайско-бангладешские отношения в стратегическое партнерство. В «Совместном заявлении», опубликованном обеими сторонами, также отмечалось, что Бангладеш высоко оценивает инициативу «Один пояс, один путь» и считает, что она предоставила Бангладеш важные возможности для достижения цели строительства страны со средним уровнем дохода в 2021 году и превращения ее в развитую страну в 2041 году.

Во время своего визита в Китай в марте 2016 года премьер-министр Непала Олли официально заявил о своей поддержке инициативы «Один пояс, один путь», согласился закрепить их соответствующие стратегии развития, сформулировать планы двустороннего сотрудничества и содействовать реализации крупных проектов в рамках этой инициативы. Пакистан всегда был верным сторонником и участником инициативы «Один пояс, один путь». Бутан еще не установил дипломатических отношений с Китаем, но высоко ценит достижения Китая в области развития.

Только Индия не уверена в концепции «Один пояс, один путь». В мае 2013 года, когда премьер-министр Ли Кэцян посетил Индию, обе стороны договорились создать совместную рабочую группу на основе консультаций с другими сторонами (Мьянма и Бангладеш) для изучения и пропаганды строительства экономического коридора «Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма». После того, как было сформировано правительство Моди в мае 2014 года, оно постепенно стало демонстрировать неясное и даже противоположное отношение к инициативе «Один пояс, один путь» на том основании, что китайско-пакистанский экономический коридор прошел через спорный кашмирский регион в Индии и Пакистане. На «Диалоге Райсина» в начале 2017 года Моди в своем выступлении сказал, что «следует уважать только суверенитет соответствующих стран, и коридоры региональных связей будут иметь надежду на развитие и

избегать споров». В целом, Южная Азия занимает важное место в разработке инициативы «Один пояс, один путь». Однако в последние несколько лет темпы развития «Одного пояса, одного пути» в Южной Азии была разной. Китайско-пакистанский экономический коридор развивается активно. Экономические коридоры «Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма» и «Китай-Непал-Индия» не столь динамичны, как ожидалось, «Морской шелковый путь XXI века» так же испытал некоторые трудности.

В нынешнюю эпоху, когда китайское правительство улучшило стратегическое положение соседней дипломатии в общей дипломатической ситуации, оно придает большое значение социальному развитию западных приграничных регионов и безопасности морских маршрутов в Индийском океане. Здесь существуют серьезные опасения в связи с окружающей дипломатией Китая, экономическими коридорами, пограничными вопросами и безопасностью в Индийском океане. В контексте инициативы «Один пояс, один путь» Южная Азия представляет собой важный регион для стратегического планирования Китая в геополитике и геоэкономике.

Во-первых, имея в виду прилегающие районы Китая, можно сказать, что Южная Азия является регионом, который чрезвычайно сложен в геополитических ситуациях и является ключевым направлением для Китая, реализующим китайскую дипломатию добрососедства, безопасности, совместного экономического процветания в новую эпоху. Это также сложный регион, что оказывает важное влияние на процесс построения гармоничной периферии для Китая. Как известно, новое поколение руководителей во главе с Си Цзиньпином в начале управления страной подняли окружающую деятельность на новый уровень, и чтобы изменить окружающую дипломатическую «депрессию» в Южной Азии, современный Китай должен «что-то сделать».

Во-вторых, в качестве ретрансляционной станции «взаимосвязи и взаимообмена» и перехода моря и суши в инициативе «Один пояс, один путь» Южная Азия является прямым местом расположения Китайско-пакистанского экономического коридора и Экономического коридора «Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма», получив бес-

прецедентную высокую позицию в международном стратегическом видении Китая.

Инвестиции Китая в первоначальное строительство Китайско-пакистанского экономического коридора составляет 46 млрд. долл. Китай также возлагает большие надежды и усилия на экономический коридор «Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма». Фактически с момента объявления об инвестировании 46 млрд. долл. в проект Китайско-пакистанского экономического коридора в 2015 году инвестиции Китая в инфраструктурные и энергетические проекты Пакистана продолжают увеличиваться. В январе 2017 года объем инвестиций по этому проекту увеличился до 55 млрд. долл. В апреле 2017 года Китай вновь одобрил увеличение инвестиций в проект Китайско-пакистанского экономического коридора, при этом объем инвестиций увеличился с 55 млрд. долл. до 62 млрд. долларов. Для Китая, который стремится продвигать строительство «Один пояс, один путь», Китайско-пакистанский экономический коридор, построенный в Южной Азии, является флагманским проектом.

Теперь вслед за китайско-пакистанским экономическим коридором и экономическим коридором «Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма» также был выдвинут экономический коридор «Китай-Непал-Индия». Однако, учитывая предыдущее недовольство и настороженность Индии к Китайско-пакистанскому экономическому коридору и «холодное отношение» к экономическому коридору «Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма», перспективы экономического коридора «Китай-Непал-Индия» неизбежно вызывают беспокойство китайского правительства. Поэтому, даже если рассматривать только фон строительства экономического коридора, углубленное изучение геополитической структуры в Южной Азии и отслеживание развития ситуации в регионе должны стать необходимой базовой гарантией.

Кроме того, южноазиатский регион связан с управлением приграничного района Китая и включает в себя незавершенные пограничные споры. Как всем известно, Китай граничит с Пакистаном, Индией, Бутаном и Непалом в Южной Азии, и протяженность его границы непосредственно составляет более чем 4700 км. Из 14 соседних стран только две еще не определили пограничную линию с Китаем, это Индия и Бутан. Соответствующие регионы Южной

Азии непосредственно примыкают к провинциям Тибет, Синьцзян, Сычуань, Юньнань, Гуанси и т.д. В Западном Китае тесно связывают мир, стабильность и экономическое развитие этих регионов с социальным обеспечением, политической стабильностью западных приграничных регионов Китая. В настоящее время Далай-лама в Индии и остальные силы тибетской независимости в Непале и других местах по-прежнему являются фактором, который негативно влияет на стабильность тибетского общества. Международный терроризм и массовые преступления, связанные с наркотиками, которые все получили широкое распространение в Южной Азии, теперь могут также проникать в Китай через границы таких стран, как Афганистан и Пакистан.

Южноазиатский регион не только связан с управлением границ Китая. Более сложный вопрос заключается в пограничном споре между Китаем и Индией. За исключением Индии и Бутана, Китай и другие соседние страны успешно решили проблему сухопутной границы. В апреле 2016 года Китай и Индия провели в Пекине 19-е специальное совещание по вопросу о границе Китая и Индии, но существенного прогресса по-прежнему не было достигнуто. Граница между Китаем и Бутаном имеет протяженность более 500 километров и никогда не была официально разграничена. В 1998 году во время 12-го раунда пограничных переговоров две страны подписали «Соглашение между правительством Китайской Народной Республики и Королевским правительством Бутана о поддержании мира и спокойствия в пограничных районах Китая и Бунда». Это первое межправительственное соглашение между двумя странами. Поддержание стабильности в пограничных районах двух стран имеет большое значение. Хотя по состоянию на декабрь 2016 года обе стороны провели 24 раунда пограничных переговоров и 8 совещаний групп экспертов по пограничным вопросам, однако пограничный вопрос все еще не решен[1].

Кроме того, Китай сталкивается с большим стратегическим давлением и связанными с ним морскими спорами в стратегическом пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона, особенно в

[1]«Отношения Китая с Бутаном». Министерство иностранных дел КНР, декабрь 2016 года. URL: http://www. fmprc. gov. cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676380/sbgx_676384

Восточно-Китайском море и Южно-Китайском море в западной части Тихого океана, в связи с чем Китай считает необходимым использовать расширение западного стратегического пространства и оптимизацию морской безопасности для облегчения географического давления на востоке. Китайские эксперты считают, что Китай должен обеспечить стабильность и управляемость ситуации на западе, чтобы ему не угрожали одновременно на Востоке и на Западе. КНР полагает, что не должна ограничивать свое видение собственных интересов прибрежными территориями, традиционными конкурентами и партнерами, а у нее должен быть стратегический план «продвижения на запад». Чжао Ганьчэн отметил, что с точки зрения долгосрочной тенденции развития стратегическая направленность Китая в Южной Азии должна измеряться на уровне глобального стратегического перебалансирования[1]. В океанской китайской стратегии Индийский океан должен стать точкой роста океанской стратегии Китая.

Значение Южной Азии для Китая сегодня намного превысило уровень культурных обменов и деловых контактов. Для Китая Южная Азия имеет очень важное стратегическое значение. Нынешний южноазиатский регион уже является регионом, в котором геостратегия современного Китая активно ищет прорывов: будь то Инициатива «Один пояс, один путь», или периферийная дипломатия Китая, или стабильность западной границы Китая, или безопасность морских перевозок в Индийском океане, у него есть своя собственная геополитическая ценность, и в среднесрочной и долгосрочной перспективе стратегическая озабоченность Китая, накопленная в Южной Азии, неизбежно возрастет. Геополитические соображения вышеупомянутых аспектов подтверждают, что Китай сохранит высокий стратегический интерес к Южной Азии в текущем и обозримом будущем.

Более того, сам Китай рассматривается как важная переменная, влияющая на геополитический характер Южной Азии и развитие региональной ситуации. Стратегическое положение Южной Азии возросло и это также связано с распространением влияния Китая,

[1]Чжао Ганьчэн. Проблемы и контрмеры Китая в окрестностях Южной Азии // Исследование международных отношений. 2016. №1. С.39.

что привело к стратегическим играм Индии, США и Японии. В будущем присутствие Китая в Южной Азии будет, в основном, соответствовать геополитической расстановке внешних сил в Южной Азии и развитию региональной ситуации.

Однако этнические группы в Южной Азии разнообразны по вероисповеданию, региональные противоречия различны, государственные отношения сложны, а террористические силы остаются активными в течение длительного времени. В то же время имеются противоречивые долговременные интересы внешних сил в регионе и связанное с этим стратегическое планирование крупнейших мировых держав в Южной Азии, таких как США, Россия, Япония и т.д. Поэтому, как считают эксперты, эффективное присутствие Китая в Южной Азии сталкивается с геополитическими интересами внешних акторов и проблемами безопасности. Для Китая, принимая во внимание его национальные интересы, стратегические требования, Южная Азия стала важным направлением по достижению стратегического расширения и прорыва в геополитическом влиянии в 21-м веке.

Интересы Китая в Южной Азии многоаспектны. Во-первых, это политические интересы. Китай должен обеспечить выживание и развитие стран Южной Азии, особенно небольших. Поскольку Индия слишком сильна в Южной Азии, малые страны Южной Азии – а это не только Пакистан, но и другие небольшие страны – должны развивать отношения с крупными странами за пределами региона для обеспечения своего суверенитета и территориальной целостности, чтобы сбалансировать Индию и избежать аннексии. Поэтому Китай наладил тесные отношения с Пакистаном, Непалом, Бангладеш, Шри-Ланкой. Кроме поддержания территориальной целостности и суверенитета малых стран Южной Азии, у Китая существует индийский вектор геополитики. Китайско-индийские отношения включают в себя контент «4К» (конфликт, конкуренция, координация, кооперационное сотрудничество)[1]. В дополнение к поддержанию дружественных отношений с Индией, Китай на более высоком уровне не хочет, чтобы Индия присоединилась к лагерю США и

[1] Хайлин Е. Сотрудничество, координация, конкуренция и конфликты сосуществуют в китайско-индийских отношениях в XXI веке // Национальная гуманитарная история. Пекин- 2013. №20. С.41.

Японии. Сегодня США стремятся создать «азиатскую версию НАТО» с членами США, Японии, Индии и Австралии. Если Индия присоединится к подобному Альянсу,то угроза Китаю будет ощутимой. Хотя Индия до сих пор придерживалась принципа неприсоединения, но индийско-американские отношениядостаточно тесны. В настоящее время «стратегический треугольник» между Китаем, США и Индией фактически превратился в плоский треугольник. Если это будет отражено в модели отношений стратегического треугольника, то обнаружится, что две конечные точки США и Индии в модели стратегического треугольника становятся ближе и ближе друг к другу. Стратегическая коннотация состоит в том, что даже если две конечные точки США-Индии невозможны, чтобы сойтись в одном месте и совпасть, плоская тенденция геометрии стратегического треугольника означает, что сотрудничество США и Индии укрепляется, а стратегическое давление, с которым сталкивается Китай, в действительности возрастает. Поэтому определенная стабильность в отношениях с Индией важна для Китая. «В дополнение к этому, для Китая становится важным предотвратить любой союз Индии с США, особенно в текущей ситуации, когда Пекин оказался в торговой войне со Штатами»[1].

Во-вторых, у Китая существуют интересы в Южной Азии с точки зрения безопасности. Китай и пять стран Южной Азии имеют общие границы. Самая длинная – китайско-индийская граница, которая составляет более 2000 километров. Южная Азия граничит с регионами Западного Китая, такими как Тибет, Синьцзян. Двумя основными угрозами безопасности в Западном Китае являются вопрос "тибетской независимости" и вопрос" независимости Синьцзяна". Появление вопроса "тибетской независимости" неотделимо от поддержки индийских антикитайских сил. В настоящее время более 100 000 тибетцев живут в Индии, где они создали «тибетское правительство в изгнании». Помимо Индии, в Непале и Бутане так же имеется большое количество изгнанных тибетцев. Поэтому, чтобы защитить свою территориальную целостность и безопасность, Китай должен укрепить сотрудничество со странами Южной Азии, чтобы тибетцы, находящиеся в изгнании, не пред-

[1] Сripарна Патак. Китаю важно предотвратить союз Индии и США // Евразия. Эксперт. 2018. 15.05.

ставляли опасности для китайского Тибета и совместно противодействовали угрозе "тибетской независимости" сторонникам Далай-ламы.

Еще одна угрозой безопасности Китая является сепаратистская организация «Исламское движение Восточного Туркестана». Поскольку китайский Синьцзян граничит с Пакистаном и Афганистаном, многие радикалы бежали в Пакистан и Афганистан, где присоединились к тренировочному лагерю Аль-Каиды и встали в ряды террористов. Затем некоторые сепаратисты снова вернулись в Китай, совершая террористические акты в Синьцзяне, что представляло большую угрозу безопасности и стабильности Китая. «В настоящее время движение активно в Южной и Центральной Азии, и особенно в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая»[1]. Поэтому Китаю необходимо поддерживать тесные отношения со странами Южной Азии, чтобы совместно бороться с тремя силами зла: сепаратизмом, экстремизмом и терроризмом, – чтобы поддерживать безопасность и территориальную целостность западной границы.

В-третьих, экономические интересы и энергетические выгоды. Как известно, страны Южной Азии сейчас находятся на подъеме. Кроме Индии, динамичное экономическое развитие переживают Шри-Ланка, Пакистан и Бангладеш. Для Китая Южная Азия – это рынок с огромным потенциалом, который важен как торговый и экономический партнер Китая. Индийский океан является важным коммуникационным каналом торговли Китая с Европой и Африкой. Экспорт товаров Китая в Европу, нефть, импортируемая из Ближнего Востока, и сырье, импортируемое из Африки, проходят через Шри-Ланку, Пакистан и Индию вдоль Индийского океана. Поэтому этот регион стратегически очень важен для развития экономики Китая. Более того, Китай стал второй страной-потребителем нефти в мире и крупнейшим государством-импортером нефти с высоким спросом на энергоресурсы. Южная Азия извлекла выгоду из своего географического преимущества, будучи близкой к зоне добычи нефти в Персидском заливе, который является важным энергетическим каналом для Китая. Поэтому страны Южной Азии имеют

[1] Дронзина Т. Исламское движение Восточного Туркестана: кто они? // today.kz. 2014. 27.06.

важное стратегическое значение для обеспечения энергетической безопасности Китая. Стоит отметить, что после китайской инициативы «Один пояс, один путь», будь то Морской шелковый путь или Шелковый путь на суше, Южная Азия становится важным партнером Китая. Например, строительство проекта порта Гвадар является примером двустороннего экономического сотрудничества между Китаем и Пакистаном в Южной Азии. Это партнерство принесло огромные экономические выгоды Китаю, открыло европейские и африканские рынки для Китая и стало важным энергетическим каналом для него. С вводом в эксплуатацию порта Гвадар Китай получает ряд преимуществ как на национальном, так и на международном уровнях.

В последние годы южноазиатская дипломатия Китая продемонстрировала сильный новаторский и прогрессивный характер, но также стала более открытой и готовой к сотрудничеству. Сотрудничество между Китаем, Индией и Пакистаном в рамках ШОС постоянно развивается. Сотрудничество с Индией в рамках БРИКС также показало хорошие перспективы. С точки зрения экономических и торговых отношений и практического сотрудничества, общий объем торговли между Китаем и странами Южной Азии продолжает расти. Кроме того, Южная Азия является крупнейшим зарубежным рынком китайских контрактов на инжиниринг. Сумма контрактов на инжиниринг, выполненных Китаем, превысила 200 млрд. долл.

Китай считает, что должен в первую очередь поддерживать стабильность китайско-индийских отношений. Хотя территориальная проблема в китайско-индийских отношениях очень важна, но она не является самой насущной проблемой Китая. Прежде чем решить территориальную проблему, Китай сосредоточивается на развитии страны и поддерживает стабильность в китайско-индийском пограничном регионе. Именно исходя из сложившейся ситуации, Китай и Индия достигли консенсуса в поддержании мира и стабильности в приграничных районах. В условиях стабильности Китай активно развивает сотрудничество между двумя странами, особенно в экономической сфере: инвестиции Китая в Индию быстро растут, и Китай стал крупнейшим торговым партнером Ин-

дии. Растущий объем торговли между Китаем и Индией отражает общие интересы обеих стран.

В последние годы Китай обращает все большое внимание на Индию. После XVIII съезда Коммунистической партии Китая дипломатическая стратегия Китая была скорректирована полагая, что приоритет должен отдаватся соседним странам и развивающиеся страны являются основой сотрудничества. Интересный феномен можно найти в такой дипломатической структуре: Индия является сопредельной страной, великой державой и развивающейся страной для Китая, поэтому Китай придает большое значение Индии. Знаменательно, что премьер-министр КНР Ли Кэцян в первую очередь посетил Индию после вступления на пост премьер-министра Госсовета КНР. Председатель КНР Си Цзиньпин так же совершил успешный визит в Индию в сентябре 2014 года, а премьер-министр Индии Н.Моди предпринял ответный визит в мае 2015 года. Важность китайско-индийских отношений заключается в том, что, помимо двусторонних отношений, Китай и Индия имеют много общего в своих национальных стратегиях: две страны очень много сотрудничают по международным и глобальным вопросам. В частности, с точки зрения международной ситуации, Китай и Индия выступают за многополяризацию будущей международной обстановки. Именно благодаря многополярности Китай и Индия занимают свои ниши в мире. Если бы получила признание однополярная структура Соединенных Штатов Америки, то ни Китай, ни Индия не имели бы права голоса. В глобальных вопросах, например по проблеме глобального потепления, Китай и Индия очень схожи в своих позициях, выступая за «общую, но дифференцированную ответственность», которая весьма отличается от позиций развитых стран, таких как Соединенные Штаты Америки и Европейский союз.

Существует также несколько механизмов сотрудничества между Китаем и Индией, одним из которых является «Стратегический диалог Китая-Индии-России». Другой механизм-саммит БРИКС, который отражает единство развивающихся стран, возглавляемых Китаем и Индией, которые ведут переговоры с традиционными

развитыми странами о международном политическом и экономическом порядке.

Политика неприсоединения отвечает интересам Индии, а противоречия между Китаем и Индией незначительны. Поэтому, поддерживая стабильные отношения с Индией, Китай может избежать союза Индии с Японией и США, чтобы создать ситуацию, которая не благоприятна для Китая. С этой целью Китай продолжает активно реализовывать новый консенсус, достигнутый председателем Си Цзиньпином и премьер-министром Нарендрой Моди в отношении развития двусторонних отношений, с тем, чтобы китайско-индийские отношения в большей степени соответствовали интересам развития Китая и интересам безопасности.

Дружеские и кооперативные отношения между Китаем и Паки становызывает озабоченность Индии в свете существующих индо-пакитанских противоречий. Что касается противоречий между Индией и Пакистаном, то Китай в придерживается нейтралитета и выступает за то, чтобы индо-пакистанские противоречия решались мирным путем, без применения военной силы. Но по конкретным вопросам Китай выступает в защиту законных интересов Пакистана, особенно когда на Пакистан оказывается давление.

Одним из примеров является обвинение Индии в том, что руководитель «Армии Мухаммеда» является террористом. Индия намеревался включить его в «черный список» террористов ООН. Но поскольку Пакистан не признает позиции Индии в этом вопросе, то Китай отклонил предложение Индии в Организации Объединенных Наций, что вызвало недовольство Индии. Кроме того, намерение Индии присоединиться к Группе ядерных поставщиков закончилось неудачей из-за сопротивления Китая, что вызвало негативную реакцию индийской стороны. Важная геополитическая цель Китая в Южной Азии – добиться, чтобы Непал, Шри Ланка, Бангладеш и другие страны придерживались нейтральной позиции в отношениях Китая и Индии, однако данная позиция не устраивает Индию, которая в рамках СААРК выступает как гарант стабильности в Южной Азии. Индийская дипломатия в Южной Азии привела к индийской фобии в Шри-Ланке и Непале. Индия прилагает больше усилий к укреплению взаимоотношений со странами Южной Азии. В Индии учатся студенты из многих стран Южной Азии. По сравнению с

Индией, инвестиций и внимания Китая к небольшим странам Южной Азии недостаточно.

Китай активно развивает экономическое сотрудничество со странами Южной Азии, включая выдвижение Инициативы «Один Пояс, Один Путь» и сотрудничество в сфере промышленного производства. Страны Южной Азии относительно близки к Китаю и обладают избыточной рабочей силой. Китай имеет хороший рынок для переноса отраслей в Южную Азию и большой потенциал для сотрудничества. В Китае много избыточных отраслей промышленности. Например, производство стали Хэбэя может быть перенесено в страны Южной Азии, тем более, что, например, Шри-Ланка даже не имеет металлургической промышленности. Следует отметить также, что активизируется кадровые обмены между Китаем и странами Южной Азии, а количество кадровых обменов между Китаем и Индией превысило один миллион. Кроме того, растет число иностранных студентов, обучающихся в Китае из стран Южной Азии. Более того, Мальдивы и Шри-Ланка стали новыми туристическими маршрутами для китайских граждан.

Китай продвигает южноазиатскую дипломатию, и на этом пути существуют как трудности, так и возможности. В нынешней ситуации глубоких изменений в международной политике, реорганизации геополитической структуры мира, Китай активно корректирует свою внешнеполитическую концепцию в Южной Азии.

Во-первых, Китай установил и развил отношения со странами Южной Азии, всегда отстаивая концепцию добрососедской дружбы под лозунгом "глобального общества с единой судьбой". Окружающие регионы являются основой процветания современного Китая. В настоящее время нестабильность, неопределенность и непредсказуемость в развитии международной обстановки являются весьма заметными. Самая большая проблема, с которой сталкивается Китай в окружающих регионах, особенно в Южной Азии, заключается в том, что политического взаимного доверия с Китаем недостаточно и требует повышения уровня прагматичное сотрудничество. Что касается южноазиатской проблемы, то Китай настойчиво отказывается от традиционной установки холодной войны «национальная власть должна быть гегемонной» и решительно не идет по старому

пути силовой политики, учитывая уроки истории. В то же время Китай также особенно настороженно относится к народному политическому мышлению, суть которого сводится к постулату «ещё не став сильным, первым стать гегемоном» в Южной Азии. Китай стремится предотвратить негативное влияние международного национализма на его усилия в международных отношениях.

Во-вторых, Китай приспосабливается к новой тенденции времени и реорганизации геополитической структуры мира. Он разрабатывает и реализует план дипломатической стратегии и прагматического сотрудничества, который отвечает собственным интересам Китая, а также учитывает интересы всех сторон в Южной Азии. В последние годы участие Китая в делах Южной Азии постоянно улучшалось, и были предприняты большие усилия в этом направлении. Например, помощь некоторым странам Южной Азии в борьбе с бедностью, сельскохозяйственное сотрудничество с рядом стран, активное содействие развитию туризма, выполнение контрактов по проектам, постоянное содействие строительству инфраструктуры и участие в проектах по повышению жизненного уровня местного населения. Китай разработал новые концепции и прилагает усилия к выстраиванию международных отношений нового типа, основанных на взаимном уважении, равенстве и справедливости, сбалансированных, стабильных и добрососедских отношений между великими державами, созданию мировой экономики открытого типа, содействию сотрудничеству в области региональной безопасности, формированию сознания "глобального общества с единой судьбой".

В-третьих, Китай внедряет внешне политическую концепцию «Добрососедства, искренности, взаимовыгодности и взаимопонимания», предложенную председателем КНР Си Цзиньпином, в дипломатическую практику Южной Азии, проводит публичную дипломатию со странами региона.

В-четвертых, Китай полностью осознает специфику и сложность геополитической обстановки в Южной Азии, содействует строительству «Одного пояса , одного пути» с учетом реальных условий стран Южной Азии и продолжает конструировать новое мышление на этом пути. В строительстве инфраструктуры, реали-

зации проектов жизнеобеспечения людей, создании механизмов безопасности, постоянных инновациях Китай принимает во внимание не только экономические интересы, но и политическую безопасность и потребности стран-партнеров.

Технический редактор: Тохиров Н.Р.
Компьютерная верстка: Тохиров А.И.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 01.05.2019. Подписано в печать 02.05.2019.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная.
Формат $60x84_{1/16}$. Услов. печ. л. 23,1.
Тираж 100 экз. Заказ № 530.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсун-заде-30